

СССР В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

СССР
В БОРЬБЕ
ПРОТИВ
ФАШИСТСКОЙ
АГРЕССИИ
•
1933-1945

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

СССР
В БОРЬБЕ
ПРОТИВ
ФАШИСТСКОЙ
АГРЕССИИ
•
1933-1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

В книге, представляющей собой сборник статей, показана упорная борьба КПСС и Советского правительства за создание системы коллективной безопасности в Европе, за предотвращение второй мировой войны, представлены в широком плане титанические усилия партии и народа по созданию материальной базы, по наращиванию военно-экономического потенциала страны для борьбы с фашистской агрессией против Советского государства.

Разделы книги написаны на основе документов КПСС и Советского правительства, официальных материалов зарубежных государств. Авторы используют документы кабинета Чемберлена, ставшие достоянием гласности несколько лет назад, а также документы правительств Франции, Германии, Польши, Румынии и др.

Книга рассчитана на специалистов по истории внешней политики СССР и международных отношений, истории второй мировой войны, а также на широкий круг читателей.

Редакционная коллегия:

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ
(ответственный редактор),

Г. А. КУМАНЕВ, Ю. В. ПЛОТНИКОВ, В. Я. СИПОЛС,
В. Т. ФОМИН, А. А. ШЕВЯКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма, в ней решались судьба первого в мире социалистического государства, будущее мировой цивилизации, прогресса и демократии.

Как и империалистическая война 1914—1918 гг., вторая мировая война была порождена империализмом как социально-экономической системой, стремлением ряда империалистических держав к новому переделу мира.

Наряду с межимпериалистическими противоречиями на развитие событий накануне второй мировой войны огромное влияние оказывало коренное противоречие эпохи, т. е. противоречие между двумя противоположными социальными системами — капитализмом и социализмом. Поэтому борьба между складывавшимися империалистическими блоками переплеталась со стремлением империалистических держав уничтожить первое в мире социалистическое государство.

Развитие СССР в предвоенные годы проходило в сложной международной обстановке, в условиях постоянной угрозы империалистической агрессии. Эта угроза особенно усилилась после захвата фашистами власти в Германии, установления в ней диктатуры наиболее реакционных и агрессивных сил империализма.

Советский Союз был глубоко заинтересован в сохранении мира — необходимого условия успешного строительства социализма. Как отмечается в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великого Октября, «Коммунистическая партия и Советское правительство видели опасность, которую представляла собой политика фашистских государств, учитывали сложившуюся обстановку и принимали меры по укреплению обороноспособности страны»¹. Одновременно с этим партия и правительство направляли энергичные усилия на создание «системы коллективной безопасности в Европе с тем, чтобы преградить путь войне»².

---

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 18.

² Там же.

Однако Англия и Франция не захотели встать на путь сотрудничества с СССР в целях предотвращения войны. Ослепленные классовой ненавистью к Советскому государству, правящие круги этих стран проводили политику империалистического сговора с гитлеровской Германией, попустительства ее агрессии на Восток, надеясь, что это приведет к войне между фашистским рейхом и СССР. Эта близоручкая политика окончилась для них полным провалом. Война началась как вооруженное столкновение между двумя группировками империалистических держав.

Такое развитие событий предопределялось соотношением сил в мире, успехами Советского Союза в строительстве социализма, укреплении экономического и оборонного могущества СССР.

Наряду с последовательной борьбой за предотвращение войны Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное для ускоренного развития экономики, а тем самым и укрепления военно-экономического потенциала страны. Только за годы второй пятилетки в СССР было введено в строй 4500 новых крупных промышленных предприятий, в том числе такие гиганты, как Уральский и Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Луганский паровозостроительный и Уральский вагоностроительный заводы. Тысячи крупнейших предприятий и заводов тяжелой промышленности были построены в первые годы третьей пятилетки.

Производство промышленной продукции за годы второй пятилетки увеличилось в 2,2 раза. Особенно значительных успехов достигла тяжелая промышленность: ее продукция возросла за 1933—1937 гг. в 2,8 раза. По объему промышленной продукции СССР в 1937 г. занял первое место в Европе и второе в мире.

Поставленные XVII съездом ВКП(б) задачи — добиться полной независимости советской экономики, обеспечить потребности Красной Армии в вооружении — были выполнены. Советское машиностроение уверенно выходило на передовые рубежи мировой индустриальной техники.

Сознавая постоянную угрозу вооруженного нападения агрессивных империалистических держав на СССР, партия и правительство ускоренными темпами развивали оборонную промышленность. Производство продукции оборонной промышленности по темпам своего развития во второй пятилетке в 1,5 раза превышало общие темпы развития машиностроения СССР. А в третьей пятилетке темпы производства военной техники, боеприпасов и военного снаряжения были еще выше. Особое внимание обращалось на развитие авиационной, танкостроительной и артиллерийской промышленности, а также социалистическую реконструкцию транспорта.

В укреплении обороноспособности СССР важнейшую роль играло идейно-политическое единство советского народа. Это единство было достигнуто в результате коренных изменений

в социальной структуре населения Советской страны. Рабочий класс с упразднением частной собственности на средства производства стал играть руководящую роль во всех сферах жизни общества. Крестьянство из класса мелких товаропроизводителей превратилось в совершенно новый класс — колхозное крестьянство. Победа колхозного строя, достигнутая под руководством ленинской партии, привела к глубокому изменению духовного облика и психологии крестьянина. Теснейшее сотрудничество, взаимопомощь и нерушимая дружба рабочего класса, крестьянства и интеллигенции стали определяющими факторами идейно-политического единства советского народа.

Важную роль в укреплении советского общества сыграла ликвидация экономической и социально-классовой основы национальной розни и неравенства между народами. На основе социалистических преобразований экономики и общественных отношений, изменения классовой структуры, культурной революции сформировались социалистические нации. Сложился могучий союз наций, спаянный единой марксистско-ленинской идеологией, пролетарским, социалистическим интернационализмом.

Для укрепления военного потенциала государства и строительства Вооруженных Сил исключительно важное значение имела культурная революция. Рост культурно-технического уровня рабочих и колхозников, создание многочисленной интеллигенции существенным образом повлияли на общий уровень подготовки призывников. Вооруженные Силы пополнялись грамотными людьми, способными в короткие сроки овладеть сложной боевой техникой. Расширились возможности подготовки и накопления обученных стратегических резервов для развертывания массовой армии в случае войны.

В борьбе против фашизма Советский Союз опирался не только на свою военную и экономическую мощь, созданную за годы первой и второй пятилеток и первые годы третьей пятилетки, но и на широкую поддержку прогрессивных сил мира. В тесном единении со Страной Советов выступали за мир коммунистические партии капиталистических стран. Антивоенную деятельность компартий направлял Коминтерн. Объединяя пролетарские партии разных стран, он сплачивал социальные силы, противостоявшие фашизму, предупреждал трудящихся о реальной угрозе мировой войны. Летом 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна было принято историческое решение о единстве действий рабочего класса против фашизма и опасности войны. Решения Коминтерна сыграли выдающуюся роль в мобилизации всех прогрессивных сил на борьбу против наступления фашизма и подготовки войны.

Поощрение фашистской агрессии западными государствами привело к тому, что Советскому Союзу, силам мира и социального прогресса, к сожалению, не удалось предотвратить вторую мировую войну. Она началась в сентябре 1939 г. как война между

двумя империалистическими группировками. Но Коммунистическая партия и Советское правительство отдавали отчет в том, что СССР не избежать нападения со стороны фашистских агрессоров. Именно этим руководствовались партия и правительство во всей своей политической и идеологической работе, в развитии экономики и строительстве Вооруженных Сил СССР. Принимались срочные меры по наращиванию военно-экономического потенциала, резкому увеличению численности Вооруженных Сил. В течение двух лет перед гитлеровским нападением на нашу страну Советское государство увеличило численность Красной Армии в три раза и довело ее до 4200 тыс. человек.

Вдохновителем и организатором борьбы советского народа с фашистской Германией была Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила нашего общества. С началом Великой Отечественной войны Коммунистическая партия подняла весь советский народ на самоотверженную борьбу со смертельным врагом, мобилизовала и вооружила новые миллионы людей для великих сражений в защиту завоеваний Октября.

По решению партии и правительства уже в первые дни войны были призваны в армию и на флот 5300 тыс. человек. Организованное проведение мобилизации войск обеспечило быстрое развертывание Советских Вооруженных Сил. Вновь были созданы 286 стрелковых дивизий, 159 стрелковых и 76 танковых бригад. Это значительно повысило боевые возможности нашей армии, что в конечном счете привело к срыву замыслов и планов врага. К концу войны численность Вооруженных Сил СССР достигла 11 365 тыс. человек.

В длительной и тяжелой борьбе с врагом советские воины проявили беспримерную храбрость и величайшее мужество.

Для победы в войне была нужна и надежная материальная база. Мощная советская экономика, созданная в довоенные годы, в целом имела мирную направленность. Когда же фашистские агрессоры напали на Советский Союз, Коммунистическая партия и Советское правительство решили задачу быстрой перестройки экономики страны на военный лад. Она осуществлялась по единому государственному плану, охватила все звенья народного хозяйства.

Плановое, целенаправленное использование людских и материальных ресурсов, героический труд рабочих, ученых, инженеров, техников и служащих позволили добиться выдающихся успехов и обеспечить в крупных масштабах производство боевой техники и вооружения. За годы войны СССР произвел почти вдвое больше военной техники, чем гитлеровская Германия.

Под руководством Коммунистической партии советский народ, его Вооруженные Силы остановили, а затем и обратили вспять врага. Решающее значение в осуществлении этой задачи имел разгром немецко-фашистских войск под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и Курском, на Кавказе. Эти выдающиеся

победы Советских Вооруженных Сил привели к коренному изменению всего дальнейшего хода второй мировой войны, оказали серьезное влияние на другие театры военных действий, способствовали подъему освободительной борьбы в странах Европы, укреплению антигитлеровской коалиции.

Очистив от захватчиков территорию родной страны, Красная Армия начала освободительный поход с целью изгнания фашистских оккупантов с других оккупированных ими территорий. В этом походе принимало участие более 8,5 млн. советских воинов. Они оказали помощь народам Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Болгарии, Венгрии и других стран в избавлении от фашистских оккупантов и в восстановлении национальной независимости. Советский Союз совершил великую освободительную миссию по спасению человечества от коричневой чумы.

В годы Великой Отечественной войны важную роль играла советская внешняя политика. Она была направлена на обеспечение скорейшего разгрома агрессоров, укрепление антигитлеровской коалиции, достижение победы, а также на установление после войны прочного демократического мира.

Книга не претендует на полное освещение всех аспектов дипломатической, идеологической и вооруженной борьбы против фашистской агрессии. На ее страницах нашли отражение: борьба Коммунистической партии и Советского правительства за мир в предвоенные годы; разгром основных сил германского вермахта на территории СССР и освободительная миссия Советского Союза в Центральной и Юго-Восточной Европе; роль советской социалистической идеологии в победе над фашизмом; экономика СССР на службе фронта; победа демократических принципов послевоенного мирного устройства в Европе.

Редакционная коллегия выражает благодарность генерал-майору кандидату военных наук Б. В. Панову, докторам исторических наук Ю. И. Кораблеву, В. И. Оськипу, В. Е. Полетаеву, кандидатам исторических наук И. С. Глаголеву, А. Д. Колеснику, С. В. Покровскому, Ю. С. Борисову за помощь в работе над книгой.

Сборник подготовлен сектором истории внешней политики Советского государства и сектором истории СССР периода Великой Отечественной войны.

Научно-техническая работа проведена Ю. Н. Жиленко, И. Д. Ковалевской и Н. С. Райским.

В. Я. СИПОЛС

СССР И ПРОБЛЕМА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (1933—1938 гг.)

С первого дня существования Советского государства Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно проводили политику мира. Первым законодательным актом Советской власти был ленинский Декрет о мире.

Сохранение мира зависело, однако, не только от Советской страны. Началась иностранная вооруженная интервенция сначала со стороны Германии, а затем англо-франко-американской группировки империалистических держав. Интервенция окончилась провалом, однако империалистические державы не отказались от своих антисоветских планов.

«Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, — говорил В. И. Ленин в конце 1920 г., — но надолго ли, мы ручаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистические хищники снова направятся на нас»¹.

Опасность новой войны резко усилилась в начале 30-х годов. Японские, а затем германские и итальянские империалисты начали борьбу за перекройку карты мира. Их идеологическим оружием был фашизм — «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»².

Агрессивная политика Германии, Японии и Италии, у власти в которых оказались крайне реакционные круги, фашизм и военщина, наглядно свидетельствовала о том, как констатировалось в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии, что «идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния», к новой империалистической войне³.

Опять, как и в 1914 г., отмечалось на съезде, «на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша». Особенно подчеркивалась опасность фашизма. В Отчетном докладе указывалось: «Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 136.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 53.

³ «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». 26 января—10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934, стр. 8, 11.

класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков». Поэтому не удивительно, что фашизм — эта открытая террористическая диктатура наиболее реакционных и агрессивных сил империализма — стал «наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков». Прежде всего это касалось германского фашизма⁴.

Таким образом, на съезде было показано, что империализм как социально-экономическая система порождает новую мировую войну, что особую роль в ее развязывании играет фашизм. «Фашизм — это война» — вот вывод, который сделали коммунисты в создавшейся конкретной обстановке.

Борьба против фашизма и войны стала в центре внимания коммунистов всех стран. Это было основным вопросом, рассматривавшимся как в теоретическом плане, так и в плане конкретной, практической политики коммунистических партий на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в Москве в июле—августе 1935 г.

Коммунистическая партия и Советское правительство считали в создавшихся условиях важнейшей задачей предотвращения войны коллективными усилиями всех стран, заинтересованных в сохранении мира. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии отмечалось, что в обстановке «предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран, СССР продолжал стоять... твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготавливает, провоцирует войну»⁵.

Руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности неизблемым правилом «не ждать мира, а бороться за него», советская внешняя политика сочетала искреннее стремление к сохранению мира с готовностью дать решительный отпор агрессии. Это предопределяло ее высокий авторитет в мире.

В резолюции VII Всемирного конгресса Коминтерна указывалось, что мирная политика СССР направлена не только на защиту Советской страны, «она защищает жизнь рабочих всех стран, жизнь всех угнетенных и эксплуатируемых, она означает защиту национальной независимости малых наций, она служит жизненным интересам человечества...»⁶ Поэтому советская внешняя политика пользовалась поддержкой широких народных масс, прогрессивных сил всех стран. Это открывало перед ней новые, дополнительные возможности в борьбе за сохранение и

⁴ Там же, стр. 10—11.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М., 1975, стр. 385.

упрочение мира. Советское государство находилось в авангарде всех сил, выступавших за сохранение мира, обуздание агрессоров и предотвращение новой войны.

Сохранение мира было необходимой предпосылкой дальнейшего успешного строительства в Советском Союзе нового общества. Только в мирных условиях советский народ мог бы сосредоточить свои усилия на развитии экономики, науки и культуры. Поэтому создание благоприятных внешних условий строительства коммунизма всегда было важной задачей советской внешней политики⁷.

Клевета на коммунистов и попытка оправдать нежелание реакционных правящих кругов западных держав сотрудничать с СССР, буржуазная пропаганда постоянно жонглировала утверждениями, что коммунисты только о том и мечтают, как бы развязать войну между теми или иными капиталистическими странами. Однако это не имело ничего общего с действительностью.

На VII конгрессе Коммунистического Интернационала указывалось, что, «хотя война приведет в конечном счете к революционному кризису в капиталистических странах, она обрушит на головы трудящихся невероятные мучения, смерть, голод, страдания, разрушит производительные силы всех стран, разрушит рабочие организации. Война ставит под угрозу жизнь миллионов пролетариев, остатки демократии, которые в ряде стран дают трудящимся все же некоторые возможности защиты своих интересов при капитализме. Война угрожает независимости малых и слабых народов. Она есть величайшее бедствие для всех народов. Поэтому коммунисты, которые защищают интересы народов, являются защитниками мира и должны предотвратить войну»⁸. Эта позиция коммунистов была зафиксирована в решениях конгресса⁹.

На VII конгрессе Коммунистического Интернационала был глубоко проанализирован также вопрос о том, насколько реальна перспектива предотвращения войны. В свете опыта первой мировой войны в коммунистическом движении были довольно широко распространены фаталистические представления о неизбежности мировых войн, пока существует империализм, и поэтому о бессмысленности и безнадежности борьбы за предотвращение новой мировой войны. Однако к середине 30-х годов в связи с новым соотношением сил на мировой арене у коммунистов начал выработываться новый подход к проблеме борьбы с военной опасностью и был сделан обоснованный вывод, что в новых условиях борьба за мир не безнадежна. Первое в мире социалистическое

⁷ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 63.

⁸ «За единство всех революционных и демократических сил». М., 1966, стр. 19.

⁹ «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», стр. 389.

государство — Советский Союз превратился к этому времени в могучую державу, и его внешняя политика стала оказывать все большее влияние на развитие событий. Силы мира получили в лице СССР, его миролюбивой внешней политики могучую опору. Возросли силы сопротивления войне и в капиталистических странах. Новая обстановка в мире позволяла сделать и новые выводы¹⁰.

Эти новые установки коммунистов по вопросу о возможности предотвращения войны были изложены на VII конгрессе Коминтерна в докладе Д. З. Мануильского. В нем подчеркивалось, что «коммунисты должны преодолевать фаталистические установки, что воспрепятствовать войне невозможно, что борьба против подготовки войны бесцельна...»¹¹

Потенциальные силы государств, заинтересованных в сохранении мира, значительно превосходили силы агрессоров. Центральный Комитет партии и Советское правительство считали необходимым развернуть борьбу за создание единого фронта этих государств, который мог бы воздвигнуть на пути агрессоров непреодолимые преграды.

В деле укрепления безопасности в Европе особое значение могло иметь установление тесного сотрудничества между СССР, Францией и Англией. Но большой вклад в дело сохранения мира и обеспечения безопасности могли внести и другие, менее крупные страны.

Лучшей предпосылкой обеспечения безопасности СССР, мира на его границах был всеобщий мир. Поэтому советской дипломатией был выдвинут лозунг неделимости мира. Советское правительство считало необходимым пресекать агрессию в самом начале, не давая агрессорам раздвигать свои границы, и тем самым умножать свои силы, после чего бороться с ними было бы уже гораздо труднее. Принцип неделимости мира отвечал интересам всех стран, которым угрожало нападение со стороны агрессоров.

СССР был глубоко заинтересован в сохранении мира во всем мире. Особое внимание он, естественно, должен был уделять безопасности своих собственных границ, предотвращению развертывания агрессии в районах, непосредственно прилегающих к его границам.

В начале 30-х годов опасный очаг войны в лице милитаристской Японии возник у советских дальневосточных рубежей.

---

¹⁰ *Б. Пономарев*. Исторические уроки VII конгресса Коминтерна и современность. — «Коммунист», 1965, № 16, стр. 17; *А. М. Румянцев*. Историческое значение VII конгресса Коминтерна и современное коммунистическое движение. — «За единство всех революционных и демократических сил», стр. 19—20.

¹¹ *Д. З. Мануильский*. Итоги социалистического строительства в СССР. — «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», стр. 345.

Обеспечение неприкосновенности этих рубежей потребовало немало усилий Советского государства.

Вскоре же, в начале 1933 г., в результате захвата фашистами власти в Германии и возрождения агрессивных планов германского империализма и милитаризма еще более опасный очаг войны появился в центре Европы. Он представлял собой огромную опасность для всех европейских стран, и Советское государство было готово внести свой весомый вклад в дело обеспечения мира для всех народов Европы.

Важнейшее значение советская дипломатия придавала обеспечению мира и безопасности в Восточной Европе, так как захват фашистским рейхом тех или иных государств этого района или установление над ними германского господства иными путями представляли для Советского Союза самую непосредственную опасность.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство развернули упорную борьбу за мир и безопасность. Задача эта была далеко не легкой. Западными соседями СССР были буржуазные государства, реакционные правящие круги которых крайне враждебно относились к первому в мире социалистическому государству. В большинстве этих стран буржуазия оказалась у власти лишь в результате той помощи, в том числе и вооруженной, которую она получила в годы гражданской войны и иностранной интервенции в России от империалистических держав Запада. В этих странах была установлена кровавая диктатура буржуазии. Польша и Румыния в результате вооруженной интервенции захватили Западную Белоруссию, Западную Украину и Бессарабию. В 1921 г. между Польшей и Румынией был заключен антисоветский военный союз. В некоторых пограничных с СССР странах, особенно в Польше, Финляндии и Румынии, были влиятельные круги, которые и в 30-х годах все еще мечтали о новых захватах советских земель.

Правда, к 1933 г. положение изменилось, так как с возрождением германского милитаризма возникла опасность для всех стран Восточной Европы. И в этих государствах со всей остротой встал вопрос об обеспечении своей безопасности. В правящих кругах стран Восточной Европы начался процесс переосмысливания позиции в отношении Советского Союза. Тем более что Советский Союз последовательно придерживался политики мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества со своими западными соседями. Именно по его инициативе в 1932 г. были подписаны советско-латвийский, советско-эстонский, советско-финляндский и советско-польский договоры о ненападении. И все это создавало новую обстановку, в которой оказалась возможной постановка вопроса о сотрудничестве СССР и его западных соседей в борьбе против общей для них опасности — германского фашизма.

Во всех странах Восточной Европы шла острая внутренняя борьба по вопросам внешней политики. Чем она кончится в той

или иной стране, предсказать было, однако, невозможно. Но определенные объективные возможности для постановки вопроса о сотрудничестве между СССР и его западными соседями в деле обеспечения мира и безопасности существовали. ЦК ВКП(б) и Советское правительство развернули активную деятельность, считая, что вопросы обеспечения мира настолько важны, что в этом деле даже малейшие возможности не могут быть оставлены неиспользованными.

Советским Союзом был выдвинут ряд важнейших конкретных предложений, осуществление которых могло обеспечить сохранение мира в Восточной Европе. Общий их смысл сводился к тому, чтобы объединить, сплотить силы СССР и соседних восточноевропейских стран, находившихся под опасностью агрессии со стороны гитлеровской Германии.

* * *

Еще в феврале 1933 г. Советским Союзом был поставлен на конференции по сокращению и ограничению вооружений в Женеве вопрос о подписании декларации об определении нападающей стороны (агрессора). Однако империалистические державы сочли советское предложение «стеснительным» для себя и помешали принятию предложенного Советским Союзом проекта декларации¹².

Тогда Советское правительство выступило с предложением о подписании протокола об определении агрессии с соседними с СССР странами Восточной Европы, заключившими с ним договоры о ненападении, 19 апреля 1933 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов предложил польскому посланнику в СССР Ю. Лукасевичу созвать в этих целях конференцию соответствующих государств. Нарком подчеркнул, что предложенная акция «была бы новой демонстрацией миролюбия СССР и его соседей и укрепила бы между ними взаимное доверие. Она являлась бы успокаивающим фактором в нынешней взбаламученной международной ситуации. . .»¹³

29 апреля польское правительство дало ответ, который фактически был равносильным отклонению советского предложения. Лукасевич заявил М. М. Литвинову, что польское правительство настаивает на тесной связи подписания протокола с урегулированием бессарабского вопроса, т. е. с признанием Советским Союзом захвата Бессарабии Румынией. Нарком, подчеркнув значение нормализации советско-румынских отношений, в то же время отметил нецелесообразность связывать это с решением вопроса об опреде-

---

¹² В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения (Между первой и второй мировыми войнами). М., 1969, стр. 335—343.

¹³ «Документы внешней политики СССР», т. XVI. М., 1970, стр. 832.

лении агрессии¹⁴. Ввиду обструкционистской позиции Польши осуществление советского предложения оказалось сорванным.

Советское правительство снова вернулось к этому вопросу во время проходившей в Лондоне в июне 1933 г. мировой экономической конференции, на которую наряду с представителями СССР прибыли и делегации всех пограничных с ним стран Восточной Европы. М. М. Литвинов предложил им подписать там же, в Лондоне, конвенцию об определении агрессии.

Однако Польша снова начала чинить препятствия успешному ходу переговоров по этому вопросу. Представители Польши любыми средствами стремились принизить значение предложенной Советским правительством конвенции и в то же время ограничить состав ее участников. Польский посланник в Англии Э. Рачиньский по указанию своего правительства заявил, что Польша согласна подписать только такую конвенцию об определении агрессии, в которой будут участвовать исключительно соседи СССР, причем без права присоединения к ней других стран¹⁵. Тем самым отстранялись от участия в конвенции Литва, Чехословакия и Югославия, изъявившие готовность подписать ее. Польское правительство возражало даже против того, чтобы конвенция осталась открытой для присоединения к ней Китая и Японии, хотя они и являлись соседями СССР. Даже румынский представитель в этих переговорах Н. Титулеску констатировал, что «Польша своим поведением говорит всему миру, что она не хочет мира между СССР и Японией»¹⁶.

Финляндское правительство также затягивало определение своего отношения к советскому предложению, выдвигая различные оговорки, в том числе оговорку о праве в любой момент отказаться от участия в конвенции¹⁷. Противодействие подписанию конвенции оказывали также Германия и Англия¹⁸.

Усилия Советского правительства все же дали результаты. 3 июля конвенцию об определении агрессии подписали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Иран и Афганистан. 4 июля была подписана аналогичная конвенция между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией, а 5 июля — конвенция между СССР и Литвой. 22 июля к первой из указанных конвенций присоединилась также Финляндия¹⁹.

Подписание этих конвенций бесспорно было крупным успехом советской дипломатии, заметным вкладом в борьбу с агрессией, в выработку международных правовых норм, призванных содействовать предотвращению войны. В международном праве с тех пор широко пользуются этим определением агрессии.

¹⁴ «Документы внешней политики СССР», т. XVI, стр. 832—833.

¹⁵ Там же, стр. 373.

¹⁶ Там же, стр. 380.

¹⁷ Там же, стр. 377—378, 432, 847.

¹⁸ Там же, стр. 412.

¹⁹ Там же, стр. 383—392, 403—406, 408—411.

Советский Союз был глубоко заинтересован в том, чтобы обеспечить безопасность Польши и Прибалтийских государств, предотвратить захват их «третьим рейхом». Если бы были сорваны германские агрессивные планы в отношении этих государств, если бы они стали участниками системы коллективной безопасности против германской агрессии, то немецко-фашистские войска не имели бы доступа и к советским границам. Поэтому Советский Союз придавал большое значение укреплению отношений с западными соседями СССР, установлению сотрудничества с ними против агрессии²⁰.

«Организаторы антисоветской интервенции, — писали «Известия», — всегда рассматривали Прибалтику как плацдарм для нападения на Советский Союз. Точно так же смотрят на дело и нынешние глашатаи германского фашизма... Вот почему Советский Союз, конечно, не может оставаться безразличным, когда речь идет об усилении активности фашизма в Прибалтике»²¹.

Польское правительство, учитывая опасность, нависшую над страной в связи с приходом фашистов к власти в Германии, также начало в тот момент проявлять интерес к некоторому улучшению отношений с СССР.

Учитывая наметившиеся сдвиги, 14 декабря 1933 г. Советское правительство выступило с предложением об опубликовании совместной советско-польской декларации о заинтересованности двух стран в сохранении и укреплении мира в Прибалтике. В случае угрозы Прибалтийским государствам СССР и Польша, согласно проекту декларации, обязывались обсудить создавшееся положение²². Установление такого сотрудничества, бесспорно, имело бы огромное значение в деле обеспечения мира и безопасности в Восточной Европе.

Смысл советского предложения заключался в том, чтобы придать Прибалтийским государствам, находящимся под угрозой германской агрессии, чувство уверенности в себе, укрепить их сопротивление германской экспансии; ослабить нажим Германии на Прибалтийские страны; подвести конкретную базу под разговоры между представителями Польши и СССР о сотрудничестве в деле укрепления мира²³.

Но сразу же стало очевидным, что заверения польских дипломатов об их стремлении к сотрудничеству с СССР в деле укрепления мира по-прежнему не были искренними.

---

²⁰ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 38.

²¹ «Известия», 15 октября 1933 г.

²² «Документы внешней политики СССР», т. XVI, стр. 747.

²³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 171.

Польский посланник в Москве Ю. Лукаевич, сообщая в Варшаву о советском предложении, отмечал, что оно ставит польскую дипломатию в затруднительное положение. Он констатировал, что истоки этого предложения следует искать, «во-первых, в действительном желании добиться прогресса в политике сближения с Польшей. . . , во-вторых, в беспокойстве о судьбе Балтийских государств». В то же время, по мнению Лукаевича, осуществление советского предложения могло «скомпрометировать Польшу в отношении Германии и затруднить или сделать невозможным ослабление напряженности в польско-германских отношениях». Поэтому посланник полагал, что польское правительство «не захочет полностью согласиться» с советским предложением. Он считал нежелательным также быстрый и категорический отказ, который означал бы немедленное и резкое ухудшение отношений между Польшей и СССР. Поэтому он предлагал затягивать дело, выжидая подходящий момент, когда можно будет «отвергнуть или попросту раскритиковать» советское предложение²⁴.

Польское правительство пошло по предложенному Лукаевичем пути. 19 декабря 1933 г. оно, правда, сообщило, что в принципе не против обсудить советское предложение²⁵, но претворять его в жизнь оно не собиралось. Правящие круги Польши не желали отказываться от своей авантюристической внешней политики, от великодержавных планов, направленных, в частности, на захват советских земель.

Гитлеровцы решили использовать настроения польских правящих кругов в своих интересах. Прежде всего они стремились помешать намечавшемуся сплочению стран Европы для борьбы против захватнических планов германского империализма. Нацисты заявили полякам о своей готовности дать обязательство о ненападении на Польшу и начали поднимать вопрос о сотрудничестве Германии и Польши в целях захвата советских земель и раздела Прибалтики. Польские правители с восторгом встретили такие предложения. Ю. Пилсудский в беседе с гитлеровским эмиссаром Раушнинггом ставил 11 декабря 1933 г. вопрос о заключении союза между Германией и Польшей, указывая на неизбежность войны между ними и СССР²⁶.

Направленные против СССР планы пилсудчиков не были секретом для Советского правительства. М. М. Литвинов отметил в беседе с американским послом в Москве У. Буллитом 21 декабря, что, как ему известно, польские правящие круги в случае совместного с Германией нападения на Советский Союз надеются

---

²⁴ И. В. Митюжина. СССР и польско-германское сближение на рубеже 1933—1934 годов. — «Советское славяноведение», 1973, № 6, стр. 21.

²⁵ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 171.

²⁶ M. Wojciechowski. Stosunki polsko-niemieckie. 1933—1938. Warszawa, 1965, str. 92.

присоединить Украину и одновременно поделить с ней Прибалтийские государства²⁷.

Переговоры, связанные с советским предложением, раскрыли всю двуличность политики правящих кругов Польши. Заявляя Советскому правительству о готовности к сотрудничеству в борьбе против гитлеровской агрессии в Прибалтике, они в то же время вели тайные переговоры с гитлеровцами о разделе Прибалтики и совместной войне против СССР. Причем если польское правительство не информировало Советский Союз о своих переговорах с Германией, то Берлин получал от него подробнейшие сведения о польско-советских контактах. Более того, по указанию Бека польский посол в Берлине Ю. Липский информировал 9 января 1934 г. германского министра иностранных дел К. фон Нойрата о том, что Польша не пойдет ни на какое соглашение с СССР, предварительно не согласовав это с германским правительством²⁸.

Гитлеровцы, разумеется, также принимали меры к тому, чтобы сорвать возможность какого-либо соглашения между СССР и Польшей. При глубоких симпатиях польских правящих кругов к фашизму и их крайней ненависти к коммунизму особых усилий даже и не требовалось. 26 января 1934 г. была опубликована германо-польская декларация о дружбе и ненападении. Этой декларацией гитлеровцы при помощи пилсудчиков создали серьезные трудности в деле образования фронта защиты мира в Европе, пробили брешь в здании коллективной безопасности²⁹. Подлинный смысл и значение декларации сводились к тому, как указывалось в воззвании ЦК Коммунистической партии Польши, что «польский империализм и германский империализм сделал значительный шаг вперед по пути сговора о совместном выступлении против СССР»³⁰.

Все заверения гитлеровцев, что они не имеют в отношении Польши каких-либо агрессивных планов, разумеется, носили вероломный характер. Польша по-прежнему оставалась в планах гитлеровцев одной из первых стран, намеченных к включению в германское «жизненное пространство». Именно поэтому, как это видно из опубликованных документов министерства иностранных дел Германии, нацисты решили ограничиться подписанием только совместной германо-польской декларации, а не договора о ненападении, как это обычно делалось в подобных случаях. Гитлеровцы исходили из того, что впоследствии легче будет нарушить

²⁷ «Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933—1939». Washington, 1952, p. 60—61.

²⁸ «Советское славяноведение», 1973, № 6, стр. 25.

²⁹ «Сборники документов по международной политике и международному праву», вып. X. М., 1936, стр. 41—42; «История внешней политики СССР», т. 1, изд. 2-е. М., 1976, стр. 314.; «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». М., 1948, стр. 14.

³⁰ «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937 гг.)». М., 1961, стр. 192.

декларацию, чем договор³¹. Вместе с тем в декларации был обойден вопрос о признании Германией существующей германо-польской границы, а содержалось лишь обязательство решать все спорные вопросы не прибегая к применению силы. Вскоре после подписания декларации Гитлер заявил в кругу своих приближенных, что «все соглашения с Польшей имеют только временное значение»³².

Касаясь уроков германо-польских отношений, министр иностранных дел Румынии Гафенку впоследствии справедливо заметил, что «мирные заверения» Гитлера, если он их давал, «связывали того, кто получал их, а не его самого»³³.

Поверив гитлеровским посулам в отношении совместного захвата чужих земель, пилсудчики охотно пошли в расставленные для них сети. Великодержавные устремления привели их к утрате чувства реальности, к измене национальным интересам своей страны.

Недавно открытые для исследователей документы английского министерства иностранных дел раскрывают еще одну диверсию, предпринятую буржуазно-помещичьей Польшей в целях срыва указанного советского предложения.

Дело в том, что Польша предложила проконсультроваться в отношении советского предложения с Прибалтийскими странами. Смысл этого хода польской дипломатии раскрыл советник польского посольства в Лондоне Л. Орловский в беседе с министром иностранных дел Англии Дж. Саймоном. Орловский сообщил, что польское правительство согласилось на совместную советско-польскую декларацию ради того, чтобы ослабить подозрения Советского правительства относительно польско-германских переговоров. «В то же время оно не хотело без надобности раздражать Германию и поэтому предложило проконсультроваться с правительствами Финляндии и Прибалтийских стран, зная, что по крайней мере первое не согласится с этим планом»³⁴.

Из этого документа становятся понятными и те различия в информации о советско-польских переговорах, которые обе стороны передавали Финляндии и Прибалтийским государствам по одному и тому же, причем не очень сложному, вопросу. Польская «информация» преднамеренно преподносилась таким образом, чтобы Финляндия и Прибалтийские государства не приняли, а отклонили советскую инициативу. И действительно, финляндское правительство сразу же заняло отрицательную позицию.

Что касается правительств Эстонии, Латвии и Литвы, то они в начавшихся между ними по этому вопросу переговорах, равно как и в секретной переписке, отмечали как положительный факт

³¹ «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. II. London, 1959, p. 145.

³² *H. Rauschnig*. Gespräche mit Hitler. New York, 1940, S. 113.

³³ *G. Gafencu*. Last Days of Europe. New Haven, 1948, p. 52.

³⁴ Public Record Office, FO 419/28, p. 151—152.

то обстоятельство, что другие государства интересуются их независимостью и готовы охранять ее³⁵.

Так, латвийский посланник в Париже Ф. Циелен отмечал в своем сообщении в Ригу от 8 января 1934 г., что, учитывая опасность агрессии со стороны гитлеровской Германии, Советский Союз «в огромной, даже в чрезвычайной степени заинтересован в независимости Прибалтийских государств, особенно Литвы и Латвии. Они, с точки зрения России, являются настоящими буферными государствами, прикрывающими Россию от возможного нападения Германии». «Из всего сказанного вытекают мотивы, — констатировал Циелен, — почему Россия желает заявить теперь о своей огромной заинтересованности в независимости Прибалтийских государств». Циелен подчеркивал далее, что СССР своим предложением об опубликовании декларации хотел усилить чувство безопасности в Прибалтийских государствах и «сделать известное предупреждение Германии». Кроме того, он хотел продемонстрировать перед всем миром свою солидарность с Польшей в отношении возможных германских планов об изменении статуса-кво в Восточной Европе³⁶.

Однако окончательная официальная позиция латвийского и эстонского правительств в отношении опубликования советско-польской декларации все же была отрицательной³⁷. Положительный ответ дало только правительство Литвы.

Между тем после опубликования польско-германской декларации о ненападении польское правительство уже не считало нужным вести какие-либо переговоры о сотрудничестве с СССР против германской агрессии. 3 февраля 1934 г. оно сообщило Советскому правительству, что считает вопрос о советско-польской декларации отпавшим³⁸.

Представители польского правительства в своих внешнеполитических заявлениях утверждали, что придерживаются политики «равновесия» в отношениях с двумя великими соседями Польши — Германией и СССР. На самом же деле такие заявления были лишь дипломатическим прикрытием действительного курса польской внешней политики, т. е. курса на сближение с гитлеровской Германией на антисоветской основе.

* * *

Опубликование германо-польской декларации о дружбе и ненападении и отказ Польши участвовать в гарантии безопасности Прибалтийских стран не могли не насторожить Советское пра-

³⁵ Историко-дипломатический архив (далее — ИДА), ф. 38д, оп. 22, д. 125, лл. 138, 170—171.

³⁶ ЦГИА Латв. ССР, ф. 1313ж, оп. 2, д. 371, л. 14.

³⁷ ИДА, ф. 38д, оп. 22, д. 125, л. 112.

³⁸ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 161.

вительство. Поэтому оно считало необходимым принять новые меры для прояснения обстановки и упрочения положения в Северо-Восточной Европе.

28 марта 1934 г. германскому послу в Москве Р. Надольному было передано официальное предложение Советского правительства подписать советско-германский протокол, согласно которому СССР и Германия, движимые стремлением к улучшению отношений друг с другом и укреплению международного мира вообще и в Восточной Европе в частности, «обязуются неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости Прибалтийских стран», входивших ранее в состав Российской империи³⁹.

Осуществление советского предложения способствовало бы укреплению мира в Прибалтике. Однако гитлеровская Германия отвергла советское предложение. Разъясняя 9 апреля в своей телеграмме Надольному позицию германского правительства в этом вопросе, министр иностранных дел Германии Нойрат писал, что заключение с Советским Союзом любого политического соглашения, касающегося восточных соседей Германии, «лишит нашу восточную политику... всякой свободы действий», что может иметь в будущем «непредвиденные последствия»⁴⁰. Эта директива наглядно свидетельствовала о том, что гитлеровцы не желали брать на себя каких-либо обязательств, которые могли бы затруднить им впоследствии агрессию в Прибалтике.

14 апреля Надольный передал наркому иностранных дел СССР заявление германского правительства о том, что оно, мол, не видит необходимости в предложенном Советским правительством протоколе. При этом демагогически указывалось, что Прибалтийским государствам никто-де не угрожает⁴¹.

Несмотря на то, что предложенный Советским правительством протокол не был подписан, советская инициатива все же сыграла свою положительную роль, содействуя разоблачению агрессивных планов гитлеровской Германии. Даже Надольный в своем письме в Берлин от 3 мая 1934 г. отмечал, что отклонение германским правительством советского предложения «дает политическое основание для обвинения Германии в экспансионистских намерениях»⁴².

* * *

СССР выступил также с предложением о продлении договоров о ненападении с его западными соседями. 13 февраля 1934 г. такое предложение было сделано правительству Польши⁴³, а

³⁹ «Документы внешней политики СССР», т. XVII. М., 1971, стр. 214—215, 787.

⁴⁰ «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. II, p. 733—734.

⁴¹ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 260—261, 284—286.

⁴² «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. II, p. 793.

⁴³ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 134.

20 марта — правительствам Прибалтийских стран⁴⁴. Эстония, Латвия и Литва дали положительный ответ на советское предложение, и была достигнута договоренность о том, что подписание протокола о продлении договоров о ненападении состоится в Москве в начале апреля.

Правительство Польши, однако, явно стало затягивать переговоры, фактически саботируя продление советско-польского договора. Между тем если советско-польский договор был заключен всего на 3-летний срок, то польско-германская декларация о ненападении была подписана на 10-летний период. В таких условиях Советское правительство, естественно, было заинтересовано в том, чтобы продлить на 10-летний период и советско-польский договор. Но польское правительство, по-видимому, сочло такое обязательство для себя в отношении СССР слишком обременительным. Оно изъявило готовность лишь на то, чтобы после истечения срока действия договора он автоматически продлевался на каждые последующие два года, если не будет денонсирован одной из сторон. Тем самым польское правительство оставляло за собой право денонсировать договор в любой момент начиная с 1935 г. Характеризуя позицию Польши, 26 марта 1934 г. М. М. Литвинов писал, что отношение Польши к советскому предложению о продлении пакта о ненападении на 10 лет «лишний раз подтверждает правильность наших предположений о твердо взятом Польшей курсе политики свободных рук в отношении СССР на случай конфликта на Дальнем Востоке... Совершенно очевидно, что она хочет сохранить за собой возможность денонсировать пакт в 1935 году»⁴⁵.

Польша начала оказывать также давление на Прибалтийские государства с тем, чтобы они задержали продление своих договоров с СССР до завершения польско-советских переговоров. Когда же это не дало результатов, польское правительство попыталось осложнить дело постановкой вопроса об «унификации» текстов договоров Польши и Прибалтийских стран с СССР. Но и эта диверсия успеха не имела. 4 апреля 1934 г. Советское правительство подписало протоколы о продлении договоров о ненападении со странами Прибалтики, а 7 апреля — с Финляндией⁴⁶.

⁴⁴ Там же, стр. 307.

⁴⁵ АВП СССР, ф. 05, оп. 14, д. 117, л. 63.

⁴⁶ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 227—232, 239—241. Хотя Финляндия, правда, не без колебаний, приняла советские предложения о подписании конвенции об определении агрессии и продлении договора о ненападении, в ней то и дело раздавались голоса, призывавшие к присоединению Финляндии к Германии и Японии в случае их нападения на СССР («Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 50, 444, 588, 637, 701, 723 и др.). Вот что писал 9 июля 1935 г. по этому вопросу в Форин оффис английский посланник в Финляндии Грант-Уатсон: «Советское правительство признало независимость Финляндии и затем 14 октября 1920 г. подписало Тартуский договор. Можно отметить, что Советы добровольно признали независимость Финляндии... Советские даже уступили Финляндии Печенгскую область у Белого моря,

Выступая при подписании протоколов с Прибалтийскими странами, М. М. Литвинов подчеркнул, что Советское государство усматривает свою цель «в осуществлении того идеала, ради которого оно возникло и в котором оно видит весь смысл своего существования, а именно: в построении социалистического общества. Этой работе оно намерено, если ему не помешают, посвящать все свои государственные силы, и это является неиссякаемым родником его политики мира»⁴⁷.

Переговоры о продлении советско-польского договора о ненападении в связи с проволочками с польской стороны продолжались еще целый месяц, и подписание соответствующего протокола состоялось только 5 мая 1934 г.⁴⁸

* * *

В конце 1933 г. по инициативе Советского правительства начались переговоры о заключении Восточного пакта. «Советский Союз заинтересован в укреплении мира повсюду,— писали «Известия»,— ибо при теперешнем напряжении международных отношений вооруженное столкновение между великими державами, где бы оно ни началось, имело бы тенденцию перерасти в мировую войну. Тем более СССР заинтересован в сохранении мира в Восточной Европе»⁴⁹.

Советское правительство, выступая с предложением о создании в Восточной Европе системы коллективной безопасности, исходило из того, что объединенными усилиями всех стран, которым угрожала германская экспансия, агрессора можно было остановить. Это был курс на предотвращение войны. Советское предложение о заключении Восточного пакта в равной степени отвечало интересам как СССР, так и других стран Восточной Европы.

Выдвигая это предложение, Советское правительство руководствовалось ленинскими установками. В. И. Ленин подчеркивал, что он не считает правильным отказываться «вообще от военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы»⁵⁰.

которая никогда не принадлежала к великому герцогству Финляндскому. Действуя столь великодушно, они, несомненно, надеялись на установление добрососедских отношений с Финляндией, но их надежды не оправдались». Посланник отмечал, что в Финляндии большим влиянием пользуются круги, «которые ведут пропаганду Великой Финляндии» и выступают, в частности, за присоединение к Финляндии Советской Карелии (Public Record Office, FO 218/80, p. 33).

⁴⁷ «Известия», 5 апреля 1934 г.

⁴⁸ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 315—317.

⁴⁹ «Известия», 29 января 1934 г.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 323.

В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о разрывании борьбы за коллективную безопасность⁵¹, признав целесообразным заключение регионального соглашения о взаимной защите от агрессии с участием широкого круга европейских государств. Предусматривалась также при определенных условиях возможность вступления СССР в Лигу наций.

В соответствии с этим постановлением советский полпред в Париже В. С. Довгалевский передал министру иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкуру 28 декабря 1933 г. предложение Советского правительства заключить региональное соглашение (Восточный пакт) о взаимной защите от агрессии со стороны Германии с участием СССР, Франции, Чехословакии, Польши, Бельгии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Одновременно Советский Союз заявил о своем согласии в связи с заключением Восточного пакта вступить в Лигу наций⁵².

Начинался новый этап активной борьбы за мир и безопасность в Европе. Принципиальная, решительная борьба СССР против агрессии встретила широкое признание и поддержку народных масс всех европейских стран.

Ознакомившись с советскими предложениями от 28 декабря 1933 г., Ж. Поль-Бонкур не мог не признать, что они имеют исключительное значение в деле сохранения мира. «Мы с вами приступаем к великой важности делу, мы с вами начали сегодня делать историю»⁵³, — заявил он советскому полпреду.

В конце апреля 1934 г. генеральный секретарь МИД Франции А. Леже информировал советское полпредство о выработанной им схеме (наброске) договорного оформления Восточного пакта. Согласно этой схеме, предполагалось заключение многостороннего регионального пакта взаимопомощи (Восточного пакта) с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши и Прибалтийских государств (но без участия Франции). Участники пакта должны были взять на себя обязательства о ненападении и взаимной помощи соседям — членам пакта в случае агрессии⁵⁴.

Предусматривалось также заключение между СССР и Францией двустороннего договора о взаимопомощи, связанного с Восточным пактом, а также Локарнским пактом 1925 г. Согласно этому договору, Франция оказала бы помощь Советскому Союзу, если бы он подвергся нападению со стороны кого-либо из участников Восточного пакта; Советский Союз пришел бы на помощь Франции, если бы на нее напала одна из стран — участниц Локарнского пакта⁵⁵.

⁵¹ «История второй мировой войны. 1939—1945», т. I. М., 1973, стр. 283; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2. М., 1971, стр. 28—29.

⁵² «Документы внешней политики СССР», т. XVI, стр. 876.

⁵³ Там же, стр. 773.

⁵⁴ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 309.

⁵⁵ Там же.

Выработанная Леже схема суживала обязательства, которые, согласно советскому предложению, должна была взять на себя Франция: она обязывалась оказывать помощь не всем участникам Восточного пакта, а только СССР. Правда, Франция на основе ранее заключенных ею договоров была связана союзными обязательствами также с Польшей и Чехословакией. Но в случае нападения Германии на Прибалтийские страны Франция могла бы оставаться в стороне. Советник советского полпредства М. И. Розенберг обратил внимание А. Леже на этот недостаток его схемы, но получил ответ, что французское общественное мнение якобы не могло бы согласиться на то, чтобы Франция взяла на себя обязательства об оказании помощи Прибалтийским странам⁵⁶. 18 мая М. М. Литвинов в беседе с Л. Барту (в Женеве) также указал на важность для СССР защиты Прибалтики. В связи с этим Барту обещал вновь рассмотреть вопрос о распространении помощи Франции и на Прибалтийские страны⁵⁷.

1 июня нарком иностранных дел СССР имел беседу по вопросу о Восточном пакте и с латвийским представителем в Женеве Фельдманисом. М. М. Литвинов информировал его о нежелании французского правительства распространять свои гарантии на Прибалтийские страны. Советское же правительство настаивало на том, чтобы французские гарантии были распространены и на Прибалтийские государства⁵⁸.

Выработанный МИД Франции проект договора отличался от советского предложения и тем, что предусматривалось участие в пакте также Германии. Такое изменение должно было сразу же осложнить переговоры о пакте. Но, учитывая то значение, которое французское правительство (отчасти под воздействием Англии и Польши) придавало тому, чтобы и Германии было предложено принять участие в пакте, Советское правительство не возражало против внесения в его предложение такого изменения.

4 июня 1934 г. в беседах с Л. Барту М. М. Литвинов снова вернулся к вопросу о помощи Прибалтийским странам. Французский министр признал убедительность доводов советской стороны, но окончательного ответа не дал⁵⁹. 5 июня 1934 г. проект Восточного пакта рассматривался на заседании французского правительства, но по вопросу о предоставлении гарантий Прибалтийским странам оно заняло отрицательную позицию. На следующий день Барту сообщил наркому это решение французского правительства⁶⁰.

Советское правительство продолжало, однако, настаивать на распространении французских гарантий на Прибалтику и на отказе от деления участников пакта на соседей и несоседей, так

⁵⁶ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 310.

⁵⁷ Там же, стр. 340.

⁵⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 67, л. 235.

⁵⁹ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 371.

⁶⁰ Там же, стр. 375.

как оказание помощи последним не предусматривалось. В конце концов французское правительство отказалось от такого деления, но оно по-прежнему не соглашалось взять на себя обязательства об оказании помощи Прибалтийским государствам.

После согласования между советскими и французскими представителями главных вопросов, связанных с заключением Восточного пакта, было решено начать переговоры с правительствами других стран, которые должны были принять участие в пакте.

«Известия» отмечали, что предлагаемое соглашение является «лучшим в настоящих условиях средством обеспечения мира в Восточной Европе»⁶¹.

Прежде всего Франция информировала о проекте заключения Восточного пакта Чехословакию и Польшу. 6 июня советские полпреды поставили в известность о ходе переговоров правительства Прибалтийских стран. На следующий день предложение о заключении Восточного пакта было передано французским послом германскому правительству.

Активная борьба СССР за мир и безопасность в Европе привела к этому времени к общему улучшению как советско-чехословацких, так и советско-румынских отношений. В прежние годы правительства Чехословакии и Румынии, в том числе такие влиятельные деятели, как Э. Бенеш и Н. Титулеску, неизменно занимали резко антисоветскую позицию⁶². В условиях угрозы независимости обеих стран со стороны фашистского рейха и роста могущества и авторитета СССР они оказались вынуждены пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза, являвшегося главным борцом против гитлеровской агрессии. 9 июня 1934 г. был произведен обмен нотами об установлении дипломатических отношений СССР с Чехословакией и Румынией⁶³. В передовой статье «Известий» отмечалось на следующий день, что это событие «имеет бесспорно крупное международное значение, поскольку оно является вкладом в арсенал средств, которыми будут располагать государства, борющиеся за всемерную отсрочку военной развязки»⁶⁴.

⁶¹ «Известия», 30 июля 1934 г.

⁶² Помимо общего резко антисоветского курса правящих кругов Румынии и Чехословакии, отсутствие дипломатических отношений между СССР и Румынией было связано с захватом королевской Румынией в начале 1918 г. Советской Бессарабии (*А. М. Лазарев. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974*). Советское правительство никогда не признавало этой аннексии. Ранее румынское правительство, в том числе и Титулеску, проявляло готовность на известную нормализацию отношений с СССР только при том условии, если он «уплатит» за это признанием захвата Румынией Бессарабии. Например, 15 июня 1933 г. Н. Титулеску заявил английскому посланнику в Бухаресте, что, «разумеется, не может быть и вопроса об обмене дипломатическими представителями между Бухарестом и Москвой, пока Советское правительство официально не согласится с тем, что Бессарабией владеет Румыния» (Public Record Office, FO 418/78, p. 223).

⁶³ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 379—381.

⁶⁴ «Известия», 10 июня 1934 г.

Получив предложение о заключении регионального соглашения, чехословацкое правительство сразу же сообщило, что принимает его и готово участвовать в пакте и в случае отрицательного отношения к нему со стороны Германии⁶⁵.

Позиция Польши оказалась совершенно иной. Французский посол в Варшаве Ж. Лярош еще 24 мая информировал польское правительство о проекте пакта. На следующий день министр иностранных дел Польши Ю. Бек передал эту пока конфиденциальную информацию своего французского союзника послу фашистского рейха в Варшаве фон Мольтке. Гитлеровцы первыми были информированы и о позиции Польши в отношении Восточного пакта. Мольтке сообщал в Берлин: «Можно твердо рассчитывать, что идея военного союза между Францией и Советской Россией не получит одобрения со стороны Польши». Ссылаясь на высказывания Ю. Пилсудского и Ю. Бека, германский посол писал, что Польшу не удастся сбить с ее курса в отношении Германии и она не примет на себя каких-либо новых обязательств в отношениях с Россией⁶⁶.

4 июня в разговоре с Барту в Женеве Бек заявил, что не может скрыть своего скептицизма в отношении шансов проекта на успех⁶⁷. М. М. Литвинов телеграфировал в тот же день из Женевы, что Бек выступает «против предлагаемых нами пактов». 27 июня нарком констатировал, что «Польша является главным затруднением в осуществлении регионального пакта»⁶⁸.

Отрицательной в отношении Восточного пакта оказалась и позиция Финляндии. Заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков 5 июня подчеркивал в письме советскому полпреду в Хельсинки, касаясь негативной позиции Финляндии и Польши в отношении Восточного пакта и предполагаемого вступления СССР в Лигу наций, что «их руководящие круги строят расчеты на возможности поживиться за счет СССР в случае нападения на него со стороны Японии или в случае интервенции против СССР вообще»⁶⁹.

Германская дипломатия развернула лихорадочную деятельность против пакта, ибо он мог оказаться значительным препятствием на пути осуществления агрессивных планов рейха. В МИД Германии один за другим вызывались дипломатические представители стран, которые предполагалось привлечь к участию в пакте. Активную подрывную работу проводили также германские дипломаты в столицах соответствующих государств.

Существенное значение в переговорах о Восточном пакте имела позиция по этому вопросу такой влиятельной в то время

⁶⁵ «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 156.

⁶⁶ «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. II, p. 846.

⁶⁷ J. Beck. Dernier rapport. Politique polonaise. 1926—1939. Genève, 1951, p. 281—285.

⁶⁸ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 371. 412.

⁶⁹ Там же, стр. 373.

в Европе страны, как Англия. Если бы Англия поддержала идею заключения Восточного пакта, то это могло предпретить успешный исход переговоров.

Планы заключения Восточного пакта, однако, не соответствовали основной внешнеполитической концепции правящих кругов Англии, мечтавших направить германскую экспансию на Восток⁷⁰. Поэтому английское правительство сразу же оказалось среди противников пакта. Германский посол в Лондоне Л. Хеш писал 13 июня 1934 г. о результатах беседы с министром иностранных дел Англии Дж. Саймоном: «Совершенно очевидно, что включение России в систему европейской безопасности его не слишком устраивает»⁷¹.

Советское полпредство в Лондоне, характеризуя позицию Англии, с полным основанием сообщало в Москву, что она относится к Восточному пакту «недоброжелательно». «Восточный пакт должен был бы сильно укрепить наши международные позиции, обезопасить нашу западную границу и облегчить наше положение на Дальнем Востоке. Такой результат едва ли мог приводить в особый восторг английское правительство»⁷².

Отрицательную позицию в связи с планами заключения Восточного пакта заняло и правительство США. Как отмечал в этой связи американский историк Фостер Даллес, в Соединенных Штатах Америки «надеялись, что если начнется война в Европе, то ее, возможно, удастся как-нибудь превратить в крестовый поход против коммунизма и осуществить цели, которые не удалось достигнуть путем союзнической интервенции в 1918 г.»⁷³.

Не давая пока официального ответа на предложение принять участие в Восточном пакте, Германия по-прежнему не скрывала своего стремления добиться срыва планов заключения пакта.

Ссылаясь на невозможность заключения пакта без Германии, негативную позицию продолжало занимать также правительство Польши. Правящие круги Польши думали прежде всего не о защите независимости страны, а о захвате чужих территорий. Польское правительство предприняло дипломатический ход, направленный против Восточного пакта. Оно поставило вопрос о необходимости привлечения к участию в пакте Румынии, а возможно, и некоторых других стран. Однако Советское правительство сорвало эту попытку еще больше осложнить ход переговоров. Оно заявило, что готово заключить дополнительно к Восточному пакту особый советско-польско-румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша этого пожелают⁷⁴.

⁷⁰ *O. Hauser. England und das Dritte Reich. Band 1. 1933 bis 1939. Stuttgart, 1972, S. 110, 247.*

⁷¹ «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. II, p. 901—902; vol. III. London, 1959, p. 146.

⁷² «Документы внешней политики СССР», т. XVIII. М., 1973, стр. 74.

⁷³ *F. R. Dulles. The Road to Teheran. The Story of Russia and America. 1781—1943. Princeton, 1945, p. 212.*

⁷⁴ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 501—502.

Заключение Восточного пакта соответствовало национальным интересам Прибалтийских стран. Но оказалось, что ни Франция, ни Англия не желают приходить им на помощь в случае германской агрессии. Например, постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт заявил генеральному секретарю МИД Латвии В. Мунтерсу, что он не видит ни малейших перспектив того, чтобы английское или французское правительства приняли на себя какие-либо обязательства по гарантированию сохранения статус-кво в Прибалтике⁷⁵. Прибалтийские страны не могли рассчитывать и на поддержку Польши.

Только Советский Союз выражал готовность оказать помощь Прибалтийским странам. Если бы эстонское и латвийское правительства отражали мнение народа, действительно защищали национальные интересы своих стран, они не задумываясь решительно высказались бы за заключение Восточного пакта, присоединили бы свои усилия к усилиям Советского правительства по обеспечению мира в Европе. Но позиция правящих кругов Эстонии и Латвии практически мало чем отличалась от позиции Польши.

Надеясь добиться окончательного отказа Эстонии и Латвии от участия в Восточном пакте, в июле 1934 г. Таллин и Ригу посетил министр иностранных дел Польши Бек. Ему удалось добиться того, что правительства Эстонии и Латвии заняли позицию, фактически аналогичную польской. После возвращения Бека в Варшаву польская печать стала писать о согласованности позиций Польши, Эстонии и Латвии по вопросу о пакте. Это поставило правительства Эстонии и Латвии в неудобное положение. Поэтому эстонское и латвийское правительства решили выступить с официальными заявлениями по этому вопросу. 29 июля 1934 г. министр иностранных дел Эстонии Сельямаа, находившийся в это время в Москве, сделал Советскому правительству следующее заявление: «Эстонское правительство заявляет о своем благожелательном отношении к идее Восточного регионального пакта о взаимной помощи, в котором участвовали бы СССР, Польша, Германия, Чехословакия и Прибалтийские государства. Ввиду отсутствия текста пакта Эстония оставляет за собой право по получении проекта внести необходимые поправки и дополнения»⁷⁶. Одновременно аналогичное заявление сделало латвийское правительство.

Таким образом, формально Эстония и Латвия дали положительный ответ на предложение Советского правительства о заключении Восточного пакта. Однако перечислением в заявлении государств, которые обязательно должны были принять участие в предполагаемом соглашении, эстонское и латвийское правительства сохранили возможность пересмотреть свои позиции в случае,

---

⁷⁵ Public Record Office, FO 419/28, p. 224.

⁷⁶ «Известия», 30 июля 1934 г.

если хотя бы одно из них (например, Германия) отказалось участвовать в пакте. Из Прибалтийских стран безоговорочно поддержала проект Восточного пакта только Литва⁷⁷.

Новая фаза в переговорах о Восточном пакте наступила осенью 1934 г., когда между Германией и Польшей было достигнуто тайное соглашение с целью срыва заключения Восточного пакта. 8 сентября 1934 г. фашистский рейх направил другим предполагавшимся участникам Восточного пакта официальный меморандум о том, что он не намерен принимать участия в коллективном пакте, предусматривающем оказание взаимной помощи. Германское правительство выражало согласие на подписание только такого договора, который содержал бы лишь обязательства о ненападении и консультациях⁷⁸.

Польское правительство пошло по пути, проложенному фашистским рейхом. 27 сентября 1934 г. оно официально заявило, что не может согласиться на участие в Восточном пакте, если в нем не будет участвовать Германия. Польша заявляла также, что не могла бы принять участия в пакте вместе с Чехословакией и Литвой⁷⁹, что явно свидетельствовало о недобрых намерениях польских правителей в отношении этих двух государств. Отрицательная позиция Польши определялась прежде всего антисоветскими планами правящей верхушки страны. Что касается позиции Польши, то даже в Лондоне констатировали, что она желает иметь свободу рук на случай, если русские потерпят поражение от Японии⁸⁰, которая в то время усиленно готовилась к нападению на СССР.

В марте 1935 г. в переговорах о Восточном пакте произошли серьезные изменения. Германское правительство заявило, что оно не намерено больше соблюдать условий Версальского договора, запрещавшего ему создавать военную авиацию. 16 марта в Германии был опубликован декрет о введении всеобщей военной повинности. Эти меры германского правительства были не только серьезным нарушением Версальского мирного договора, но и открытой подготовкой к новой войне. Что касается Восточного пакта, то Гитлер категорически заявил, что Германия не желает участвовать в пакте, который возлагал бы на нее обязательства о взаимопомощи⁸¹.

Усилил свою направленную против Восточного пакта деятельность и министр иностранных дел Польши Ю. Бек. В беседе

⁷⁷ «Правда», 3 августа 1934 г.

⁷⁸ «Correspondence Showing the Course of Certain Diplomatic Discussions Directed Towards Securing an European Settlement». London, 1936, p. 9—14.

⁷⁹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 228—230.

⁸⁰ *И. Д. Овсяный*. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). М., 1975, стр. 91.

⁸¹ «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. III, p. 1052, 1067, 1070, 1073.

с Мольтке, подчеркивая свои «заслуги», Бек указывал, что в переговорах с английским министром А. Иденом, посетившим Варшаву, он нанес Восточному пакту «смертельный удар»⁸². Все более отрицательной в отношении Восточного пакта становилась также позиция Эстонии⁸³.

Учитывая создавшуюся обстановку, 29 марта 1935 г. Советское правительство выступило с предложением о заключении трехстороннего советско-франко-чехословацкого договора о взаимопомощи⁸⁴. Французское правительство высказалось, однако, за заключение двусторонних советско-французского и советско-чехословацкого договоров.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство считали целесообразным наряду с этими договорами заключение в той или иной форме все же и Восточного пакта. 2 апреля 1935 г. НКВД информировал полпреда во Франции, что позиция СССР «состоит в том, чтобы иметь пакт взаимопомощи на Востоке с участием Германии и Польши, а если Германия отказывается, то с участием хотя бы Польши, в случае же несогласия и Польши, то с Францией, Чехословакией и Прибалтийскими странами»⁸⁵.

Советский Союз по-прежнему не мог не придавать важнейшего значения тому, чтобы Восточный пакт гарантировал от германской агрессии также и Прибалтийские государства. Рассматривая этот вопрос, НКВД писал, что «оккупация Германией этих стран была бы началом наступления на СССР». Поэтому Франция должна оказать Советскому Союзу помощь немедленно по переходе германскими военными силами своей восточной границы. Если бы Прибалтийские страны остались без гарантий Франции и других участников Восточного пакта, отмечал НКВД, и Советский Союз хотел бы прийти на помощь этим странам, «то при дальнейшем развитии военных операций и наступлении Германии на наши границы мы уже лишились бы и французской помощи, поскольку мы сами первые начали бы войну с Германией для защиты Прибалтики. В этой области нам предстоит, очевидно, большой спор с Францией и Англией»⁸⁶.

6 апреля советский полпред в Париже В. П. Потемкин сделал тогдашнему министру иностранных дел Франции П. Лавалю соответствующее заявление. В тот же день советское предложение о заключении Восточного пакта хотя бы без Германии и Польши было передано правительствам Эстонии, Латвии и Литвы. Советское правительство указывало, что все попытки уговорить Германию и Польшу присоединиться к Восточному пакту остались

⁸² «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. IV. London, 1962, p. 134.

⁸³ *М. Песчи*. Переход буржуазной Эстонии в сферу влияния гитлеровской Германии в 1934—1936 годы. — «Коммунист Эстонии», 1956, № 1, стр. 55.

⁸⁴ «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, стр. 251.

⁸⁵ Там же, стр. 259.

⁸⁶ АВП СССР, ф. 05, оп. 15, д. 122, лл. 92—93.

безрезультатными, в связи с чем пришло время заключить договор без них, т. е. пакт с участием СССР, Франции, Чехословакии, Эстонии, Латвии, Литвы⁸⁷.

Литовское правительство, учитывая непосредственную опасность, нависшую над Литвой со стороны Германии, считало необходимым принять советское предложение. Однако эстонское правительство признало его неприемлемым, так как это вызвало бы явное недовольство Германии⁸⁸. Латвийское правительство заняло в связи с советским предложением выжидательную позицию, т. е. также не поддержало советского предложения.

Для выработки согласованного ответа трех Прибалтийских государств на предложение Советского правительства в Риге было созвано совещание представителей Прибалтийских государств. В его решениях указывалось, что «Латвия, Эстония и Литва согласились обсудить проблему Восточного пакта и предложение Советского правительства... на следующей конференции в Каунасе 6 мая»⁸⁹. Такое «решение» Прибалтийских государств означало явную оттяжку их ответа на предложение Советского правительства.

Французское правительство не поддержало советского предложения о заключении Восточного пакта без Германии и Польши. Лаваль заявил в беседе с советским полпредом, что Франция никогда не соглашалась гарантировать помощи Прибалтийским государствам. Поэтому остается возможность заключения лишь двусторонних соглашений⁹⁰.

На 11 апреля 1935 г. в Стресе (Италия) была назначена конференция премьер-министров и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии, чтобы обсудить вопрос о нарушении Германией условий Версальского договора о ее демилитаризации.

За несколько дней до открытия конференции (8 апреля) состоялось заседание английского правительства, на котором рассматривалась позиция английской делегации на конференции, а фактически и весь внешнеполитический курс Англии. Члены правительства были единого мнения, что если на конференции будет поднят вопрос о том, чтобы прервать начатые ею переговоры с Германией и занять в отношении нее «твердую позицию», то Англии «не следует соглашаться на это». Английское правительство считало невозможным принимать на себя какие-либо новые обязательства, тем более в Восточной Европе. Позиция английского правительства заключалась в том, что начатые между Англией и Германией в марте 1935 г. переговоры должны быть продолжены⁹¹.

⁸⁷ ИДА, ф. 38д, оп. 22, д. 118, л. 261.

⁸⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 1313з, оп. 4, д. 78, лл. 114—115.

⁸⁹ Там же, ф. 2575, оп. 15, д. 92, л. 262.

⁹⁰ «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, стр. 266.

⁹¹ Public Record Office, Cab. 23/81, p. 297—300.

В меморандуме, составленном в министерстве иностранных дел Англии в связи с предстоявшей конференцией, подчеркивалось, что если будет заключен франко-советский договор о взаимной помощи, который преградит путь германской агрессии на восток, то она будет развиваться в направлении, представляющем опасность для Британской империи. Поэтому необходимо сделать в Стресе все возможное, чтобы «предотвратить заключение прямого франко-русского союза, направленного против Германии»⁹².

В целях срыва переговоров о Восточном пакте, а тем более о заключении советско-французского договора о взаимной помощи английским правительством было выработано следующее «альтернативное предложение»: Германия заключает договоры о ненападении со своими восточными, а СССР — со своими западными соседями; на случай нападения на одно из государств этой буферной зоны со стороны одной из указанных двух держав другая держава должна была бы взять на себя обязательства оказания помощи жертве агрессии⁹³.

На первый взгляд такое предложение может показаться заслуживающим внимания. Но даже элементарный анализ его вскрывает таившееся в нем коварство английской дипломатии. Прежде всего необходимо отметить, что, согласно этой схеме, Англия и Франция на себя никаких обязательств не брали. Поэтому в случае нападения фашистского рейха на его восточных соседей прийти им на помощь был бы обязан только Советский Союз, и разразившийся вооруженный конфликт фактически перерос бы в войну между Германией и СССР. Вместе с тем переговоры о создании этой системы сразу же заменили бы собой столь неприятные для Англии переговоры о Восточном пакте и советско-французском договоре о взаимной помощи.

Указанное выше предложение Советского правительства о заключении Восточного пакта без Германии, а также созыв конференции в Стресе обеспокоили германское правительство. Английская дипломатия решила подсказать ему выход. 8 апреля Дж. Саймон отметил в беседе с германским послом в Лондоне Л. Хёшем, что абсолютно отрицательная позиция Германии в отношении Восточного пакта и обязательств о взаимной помощи может привести «к такому сближению между Францией, Россией и Чехословакией, которое Англия не одобряет»⁹⁴.

Прислушиваясь к «добрым советам» своих лондонских покровителей, гитлеровцы решили сделать очередной «миролюбивый жест». 12 апреля германское правительство передало англичанам заявление (оно было опубликовано 14 апреля) о том, что Германия готова заключить со всеми странами двусторонние дого-

⁹² «Documents on British Foreign Policy», ser. II, vol. XII. London, 1972, p. 794—795.

⁹³ Public Record Office, Cab. 23/81, p. 302; «Documents on British Foreign Policy», ser. II, vol. XII, p. 821—822.

⁹⁴ «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. IV, p. 23.

воры о ненападении. Оно заявило, что согласно на подписанье также и многостороннего договора, но при условии, что в основу его будут положены не условия о взаимопомощи, а обязательства о ненападении, арбитраже и консультациях⁹⁵. Несмотря на его внешне миролюбивый характер, германское заявление имело только одну цель: сорвать заключение между другими государстами Европы договора, который мог бы действительно помешать Германии осуществить ее агрессивные планы в Европе.

Во время конференции в Стресе встал вопрос о применении к Германии санкций, однако английские представители высказались против них⁹⁶. Участвовавшие в конференции державы ограничились выражением сожаления по поводу нарушения Германией условий Версальского договора.

15—17 апреля 1935 г. в Женеве состоялись советско-французские переговоры, во время которых был выработан проект договора о взаимопомощи между СССР и Францией. Во время этих переговоров М. М. Литвинов предложил в дополнение к договору подписать протокол, согласно которому обязательства Франции оставались бы в силе и в том случае, если бы СССР подвергся не прямой атаке со стороны Германии, а оказался бы в состоянии войны с ней в результате того, что он выступил бы на помощь Прибалтийским странам, подвергшимся германскому нападению. Однако Лаваль отклонил это предложение. Переговоры завершились 2 мая 1935 г. подписанием между СССР и Францией договора о взаимной помощи⁹⁷.

Серьезно встревоженное агрессивными намерениями «третьего рейха», чехословацкое правительство заявило о своем желании заключить с СССР аналогичный договор. Подписание договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией состоялось 16 мая 1935 г. По предложению чехословацкого правительства в договор была включена оговорка о том, что обязательства СССР и Чехословакии об оказании помощи друг другу будут действовать лишь в том случае, если помощь Чехословакии и СССР в случае агрессии против них будет оказана также со стороны Франции⁹⁸.

Подписание договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией было существенным успехом миролюбивой советской внешней политики. Их заключение было результатом энергичной и последовательной борьбы Советского Союза за мир, против агрессии. Советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи могли бы стать крупным фак-

⁹⁵ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. 3. Berlin, 1942, S. 66—68.

⁹⁶ «Documents on British Foreign Policy», ser. II, vol. XII, p. 879.

⁹⁷ «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 309—312.

⁹⁸ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939 гг.». М., 1959, стр. 636, см. также: С. И. Прасолов. Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией 1935 г. — «Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939». М., 1968.

тором мира и безопасности в Европе. Для этого требовалось, однако, чтобы все участники договоров добросовестно относились к взятым на себя обязательствам. Эти договоры могли стать также ядром для сплочения вокруг СССР, Франции и Чехословакии других европейских стран, которым угрожала гитлеровская агрессия.

После заключения советско-французского и советско-чехословацкого договоров вопрос о Восточном пакте встал уже в ином плане. Учитывая заявления германского правительства о его готовности подписать многосторонний пакт, в основу которого были бы положены обязательства о ненападении и консультациях, Советское правительство считало, что и такой пакт в качестве дополнения к этим договорам о взаимной помощи мог бы сыграть известную положительную роль в деле предотвращения войны. 16 мая 1935 г. советское и французское правительства выдвинули предложение о заключении Восточноевропейского пакта, который содержал бы обязательства о ненападении, консультации и неоказании помощи агрессору⁹⁹. Советское правительство сообщило правительству Франции, что оно считает желательным, чтобы в договоре приняли участие СССР, Франция, Польша, Германия, Чехословакия и те из Прибалтийских стран, которые этого пожелают¹⁰⁰.

3 июня французское правительство передало правительству Германии меморандум, в котором оно предлагало заключить Восточный пакт на основе условий, выдвинутых Германией в ее заявлении от 14 апреля 1935 г. (во время конференции в Стрезе)¹⁰¹. Однако германское правительство решило отклонить Восточный пакт и в варианте, предложенном им самим. Оно лицемерно заявило, что в результате заключения франко-советского договора о взаимной помощи его заявление от 14 апреля 1935 г. утратило силу.

Главную роль в срыве планов заключения Восточного пакта сыграла, бесспорно, гитлеровская Германия. Она не только сама отказалась принять в нем участие, но оказывала также давление на других возможных участников пакта. И все же, если бы правительства всех других стран, которые предполагалось привлечь к участию в пакте, действительно проявили дальновидность и заботу о безопасности своих стран, то они должны были бы пойти на подписание пакта и без участия Германии. Большая вина за срыв переговоров о Восточном пакте падает в этой связи на правящие круги буржуазно-помещичьей Польши.

Ответственность за срыв заключения Восточного пакта несет и правительство Англии, политика которого подрывала усилия по укреплению безопасности в Восточной Европе. Даже польская

⁹⁹ «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, стр. 337.

¹⁰⁰ Там же, стр. 362.

¹⁰¹ «Documents on German Foreign Policy», ser. C, vol. IV, p. 241.

дипломатия отмечала 5 июля 1935 г. «двурушничество Англии», которая на словах поддерживала идею Восточного пакта, а на деле полностью одобряла отрицательную позицию Польши в отношении пакта¹⁰².

* * *

Обычно договоры о взаимопомощи сопровождаются заключением военной конвенции. Таким образом всегда поступала и Франция. Так, подписывая с Англией 1 апреля 1936 г. ноты, в которых подтверждались обязательства Англии об оказании помощи Франции в случае нападения на нее Германии, Франция добилась включения в них пункта о том, что немедленно будут начаты переговоры между генеральными штабами двух стран¹⁰³.

Сразу же после подписания советско-французского договора о взаимопомощи, во время приезда Лавала в Москву, Советское правительство поставило перед ним вопрос о заключении военной конвенции. Лаваль телеграфировал из Москвы 16 мая 1935 г., что Советское правительство, учитывая возможность агрессии, предлагает «теперь же рассмотреть технические условия и придать пакту полную эффективность»¹⁰⁴.

Генеральный штаб Советских Вооруженных Сил начал подготовку плана действий с целью оказания помощи Франции в случае нападения на нее Германии¹⁰⁵. В июне 1935 г. советский полпред во Франции В. П. Потемкин поставил этот вопрос перед военным министром Франции Ж. Фабри. Однако, как признавал Фабри, Лаваль не желал «связывать Францию слишком негибким текстом военной конвенции»¹⁰⁶.

По приглашению Генерального штаба Красной Армии осенью 1935 г. заместитель начальника французского генерального штаба генерал Луазо присутствовал на военных маневрах на Украине. Луазо пришел к выводу, что советские воины отличаются высоким моральным духом, большой выносливостью, что советские войска способны в случае конфликта, в начале военных действий, сдерживать силы противника, как это сделала русская армия в 1914 г.¹⁰⁷

---

¹⁰² «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 275.

¹⁰³ «Documents diplomatiques français», 1932—1939, sér. 2, t. II. Paris, 1964, p. 15—16.

¹⁰⁴ «Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages...», t. I. Paris, 1947, p. 142.

¹⁰⁵ «История Великой Отчественной войны Советского Союза», т. I. М., 1960, стр. 88.

¹⁰⁶ «Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages...», t. I, p. 90.

¹⁰⁷ *M. Mourin. Les relations franco-soviétiques, 1917—1967.* Paris, 1967, p. 166; *Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.).* М., 1964, стр. 342—344.

Во французском генеральном штабе, несмотря на эти благоприятные выводы Луазо, предрасположены были смотреть на советско-французский договор как на чисто дипломатический документ, не считая необходимым и своевременным дополнять его военной конвенцией. Как отмечает французский историк М. Мурен, генеральный штаб Франции исходил при этом из следующих соображений: «Если французские вооруженные силы, согласно генеральной линии правительства, будут ориентированы в основном на оборонительные действия за линией Мажино, то военное соглашение с Советским Союзом вряд ли будет иметь большую пользу, особенно если учесть, что Россия и Германия не имеют общей границы и что Польша и Румыния подтвердили в сентябре 1935 г. свой отказ предоставить советским войскам право прохода через их территорию»¹⁰⁸.

Вместо того чтобы принять меры к достижению договоренности с польским и румынским правительствами, французские власти решили положить в долгий ящик решение вопроса о военном сотрудничестве с СССР. Начальник французского генерального штаба Гамелен договорился с МИД Франции, что вопрос о методах франко-русского военного сотрудничества «обсуждаться не будет»¹⁰⁹. В таком же неподвижном состоянии этот вопрос продолжал оставаться и в последующие годы.

Объективно Франция должна была бы проявлять еще большую заинтересованность, чем СССР, в том, чтобы придать договору действительную силу, дополнив его военной конвенцией. Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией. Поэтому более вероятным можно было считать такой случай вступления в силу советско-французского договора, когда фашистский рейх нападет на Францию (Германия имела с ней общую границу и неоднократно вторгалась на ее территорию и ранее) или на одну из более слабых европейских стран, с которой Франция была связана союзными обязательствами. Оказавшись в результате этого в состоянии войны с Германией, Франция, естественно, была бы заинтересована в получении помощи со стороны СССР. Но если нападение Германии на СССР было невозможно без прохода германских войск через территорию восточноевропейских стран, то оказание Советским Союзом эффективной помощи Франции также было невозможно без прохода советских войск через территорию некоторых стран Восточной Европы. Поэтому этот вопрос возникал неоднократно.

В начале 1937 г. советский военный атташе во Франции получил запрос французского генштаба о формах и размерах помощи, которую СССР мог бы оказать в случае германского нападения на Францию и Чехословакию. 17 февраля 1937 г. полпред

¹⁰⁸ М. Mourin. Les relations franco-soviétiques, p. 213.

¹⁰⁹ М. Gamelin. Servir. Le prologue du drame (1930— août 1939). Paris, 1946, p. 166.

и военный атташе СССР в Париже сообщили начальнику французского генерального штаба, а затем и премьер-министру Франции ответ Генштаба СССР:

«Военная помощь СССР может иметь два варианта.

1. Если Польша, состоявшая в союзе с Францией, и Румыния, состоявшая в союзе с Францией и Чехословакией, выполнят свой долг и дадут согласие на проход советских войск каждая соответственно через свою территорию на основе решения, принятого ими самостоятельно или в соответствии с решением Лиги наций, — в таком случае СССР имеет возможность предоставить свою помощь и поддержку всеми видами войск. . .

2. Если по непонятным причинам Польша и Румыния воспротивятся тому, чтобы СССР предоставил помощь Франции и Чехословакии, и если они не захотят разрешить проход советских войск через их территорию, — в таком случае помощь СССР неизбежно будет ограничена. . .»¹¹⁰

Данный документ имеет огромное принципиальное значение, так как он показывает, что Советское правительство было преисполнено решимости осуществлять самое тесное сотрудничество с Францией в борьбе против возможной агрессии со стороны гитлеровской Германии. В частности, Советский Союз был готов вести с Францией переговоры о выработке конкретных условий сказания взаимной помощи, т. е. заключения соответствующей военной конвенции. Более того, советским заявлением от 17 февраля 1937 г. был сделан существенный шаг в деле выработки условий этой конвенции. К сожалению, правительство Франции вопреки интересам своей страны не поддержало эту инициативу.

В ходе советско-французских переговоров о Восточном пакте и заключении договора о взаимной помощи, таким образом, правительствами всех заинтересованных стран были подробно проанализированы все те вопросы, от положительного решения которых зависело обуздание агрессоров и которые снова встали в 1939 г., непосредственно накануне войны. Если бы западные державы захотели использовать опыт переговоров середины 30-х годов, то они могли бы принести свою пользу и тогда, когда Европа стояла уже на пороге войны.

Конечно, было бы гораздо лучше для мира в Европе, если бы правящие круги западных держав заблаговременно, еще в середине 30-х годов, осознали всю серьезность опасности, нависшей

---

¹¹⁰ Там же, стр. 285—286. Важность позиции Польши и Румынии бесспорно понимали и в Англии и Франции. Об этом свидетельствует меморандум, составленный 12 ноября 1937 г. для английского правительства начальниками штабов военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил Англии. В нем констатировалось, что «вмешательство России на стороне Франции и Англии может быстро стать реальной опасностью для Германии только в том случае, если Польша будет занимать дружественную позицию и проявит желание к сотрудничеству» (*J. Colvin. The Chamberlain Cabinet. London, 1971, p. 60*).

со стороны агрессоров над всеми странами Европы. В интересах народов, в национальных интересах своих стран им следовало заняться не разработкой коварных планов сговора с Германией с целью натравить ее против СССР, а созданием вместе с Советским Союзом надежного коллективного фронта защиты мира. Советский Союз со своей стороны был преисполнен решимости внести в дело защиты мира максимально возможный вклад.

* * *

Активная борьба Советского правительства за мир и безопасность в Европе, заключение им договоров о взаимной помощи против германской агрессии с Францией и Чехословакией имели своим естественным результатом громадный рост международного авторитета СССР. Советский Союз по праву считался основной силой, противостоявшей агрессивным устремлениям фашистского рейха.

Поэтому неудивительно, что правительства некоторых других стран, находившихся под угрозой агрессии, также начали проявлять интерес к вопросу о заключении с СССР договоров о взаимной помощи. Правда, следует отметить, что в этих странах, как и во Франции и в Чехословакии, по данному вопросу шла острая внутренняя борьба. В них были силы, которые по классовым соображениям и слышать не хотели о заключении подобного соглашения с первым в мире социалистическим государством. Большое влияние оказывало также воздействие внешних факторов.

Впрочем, и те круги, которые выступали за договоры о взаимной помощи с СССР, иногда преследовали цели, далекие от действительной борьбы за сохранение мира. Наглядным примером может служить королевская Румыния. Тогдашнему министру иностранных дел Н. Титулеску удалось в 1935 г. добиться согласия своего правительства начать с Советским Союзом переговоры о заключении договора о взаимной помощи. Но сразу же выяснилось, что это по существу было прежде всего средством к тому, чтобы снова попытаться добиться от СССР признания захвата Румынией Бессарабии¹¹¹.

Касаясь инициативы Титулеску о заключении советско-румынского договора о взаимной помощи, М. М. Литвинов писал 29 июня 1935 г. советскому полпреду в Румынии М. С. Островскому, что, как он опасается, «Титулеску придаст своим предложениям характер шантажа. Вы, мол, заключили с Францией и Чехословакией пакты о взаимной помощи, эту помощь вы можете оказать им только пройдя или пролетая через нашу территорию, а потому позвольте нам за это заплатить»¹¹², т. е. признать за Румынией Бессарабию.

¹¹¹ «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, стр. 406.

¹¹² Там же, стр. 426.

Неудивительно, что в таких условиях советско-румынские переговоры двигались вперед крайне медленно, во всяком случае медленнее, чем в Румынии росло германское влияние.

В частности, как отмечает румынский историк И. Опреа, «Румыния была готова предложить Германии пакт о взаимной помощи на тех же условиях, на которых она предполагала предложить его Советскому Союзу»¹¹³. Он приводит в этой связи директиву Титулеску румынскому посланнику в Берлине от 21 июля 1935 г., в которой говорилось: «В случае заключения нами пакта взаимной безопасности с Советами мы готовы заключить такой же пакт с Германией при условии, что она также гарантирует нашу территориальную неприкосновенность...»¹¹⁴ Таким образом, Румыния была готова стать союзницей фашистского рейха, лишь бы он гарантировал принадлежность к Румынии Бессарабии, которую она захватила в результате военной интервенции в России.

В конце концов дело дошло до того, что Титулеску, продолжая переговоры с СССР, скрывал их содержание даже от многих членов собственного правительства, которые все более явно стали ориентироваться на Германию. Дело кончилось тем, что Титулеску был освобожден от поста министра иностранных дел.

Впрочем, против заключения советско-румынского договора о взаимной помощи выступала не только германская, но также польская и английская дипломатия¹¹⁵.

Следует отметить и еще одну причину, которая затрудняла советско-румынские переговоры. Согласно предложению Титулеску, он считал, что «румыно-советский пакт должен быть аналогичен чехословацко-советскому, включая и протокол», т. е. содержать условие, что договор вступает в силу только в том случае, если помощь Румынии или Советскому Союзу в случае нападения на них фашистского рейха окажет также Франция¹¹⁶. Между тем ратификация и вступление в силу советско-французского договора преднамеренно задерживались Лавалем и его сторонниками, считавшими главной своей целью достижение договоренности с фашистским рейхом. Это не могло не оказывать своего влияния и на советско-румынские переговоры.

С удалением Титулеску из правительства Румыния заметно начала менять внешнеполитический курс, сближаясь с гитлеровской Германией и фашистской Италией, и укреплять союз с Польшей.

Большой интерес к укреплению своих отношений с Советским государством, как главной опорой сил мира в Европе, проявляло в то время турецкое правительство. Министр иностранных дел

¹¹³ *L. M. Oprea. Nicolae Titulescu's Diplomatic Activity. Bucharest, 1968, p. 100.*

¹¹⁴ Там же, стр. 100—101.

¹¹⁵ Public Record Office, FO 371/19461, p. 175, 208—210.

¹¹⁶ «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, стр. 666, 669.

Турции Арас отметил в декабре 1934 г. в беседе с советским полпредом в Турции Л. М. Караханом, что советско-турецкие отношения «в нынешней обстановке требуют соглашений, которые были бы действительным шагом вперед в смысле обеспечения взаимной безопасности». Конкретизируя это пожелание, Арас продолжал: «Турция и СССР заинтересованы в безопасности проливов, поэтому нужно соглашение, которое обеспечивало бы сотрудничество обеих стран в случае угрозы проливам с третьей стороны»¹¹⁷. Арас излагал несколько вариантов такого соглашения: широкий Средиземноморский пакт с участием СССР, Франции и Англии или пакт с участием Италии, Турции и СССР¹¹⁸.

Смысл этих предложений сводился к тому, чтобы СССР оказал помощь Турции в случае угрозы ей со стороны Италии. Советская дипломатия, естественно, должна была обратить внимание турецкого правительства на то, что наряду с заботой СССР о своих западных и восточных рубежах осуществление такого предложения означало создание для него еще одного «внешнеполитического фронта» на юге, что вряд ли могло соответствовать интересам СССР¹¹⁹. Советское правительство указывало на необходимость первоочередного решения вопроса о Восточном пакте, заключение которого создало бы благоприятные условия для реализации и других возможных мер по укреплению мира в Европе¹²⁰.

Советская дипломатия обращала особое внимание турецкого правительства на необходимость принятия мер прежде всего против агрессии со стороны фашистского рейха. Однако оно не пошло на сотрудничество с СССР в этом вопросе.

Эти переговоры свидетельствовали о тех тесных и дружественных отношениях, которые установились к тому времени между СССР и Турцией в результате последовательной миролюбивой политики Советского правительства. Переговоры о заключении пакта о взаимной помощи не дали положительных результатов в значительной степени потому, что опасность СССР и Турции грозила с разных сторон. В то же время в ходе этих переговоров начала проявляться растущая активность германской дипломатии в отношении Турции, где Германия еще со времени германо-турецкого союза в первой мировой войне имела довольно прочные позиции, в частности в военных и экономических кругах.

Вопрос о заключении с СССР договора о взаимной помощи серьезно рассматривало в 1935 г. также латвийское правительство.

Заявляя в своей речи 21 мая 1935 г. о том, что в связи с подписанием советско-французского договора о взаимной помощи по-

¹¹⁷ «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, стр. 644—645.

¹¹⁸ Там же, стр. 150, 410.

¹¹⁹ Там же, стр. 322, 403.

¹²⁰ Там же, стр. 322, 402.

теряло силу германское предложение от 14 апреля о заключении коллективного договора, содержащего условия о ненападении и консультациях, Гитлер трижды подчеркнул готовность Германии заключить со всеми соседними государствами (кроме Литвы) двусторонние договоры о ненападении¹²¹. Однако неоднократные обращения латвийского правительства к гитлеровцам о заключении латвийско-германского договора о ненападении неизменно получали отказ.

Латвийское правительство, принимая во внимание такую позицию фашистского рейха и учитывая все усиливавшееся давление со стороны самых широких кругов латышского народа, озабоченных нарастанием угрозы германской агрессии, склонилось к мнению о необходимости заключения с Советским Союзом договора, аналогичного советско-французскому и советско-чехословацкому договорам о взаимной помощи. 15 июня 1935 г. латвийское правительство информировало своего посланника в Эстонии о том, что, учитывая сомнительную позицию Германии, оно намерено «начать переговоры с СССР о заключении пакта, подобного французскому и чешскому». Посланнику давалось указание выяснить позицию по этому вопросу Эстонии, являвшейся союзницей Латвии¹²².

Специально для обсуждения вопроса о Восточном пакте и заключении советско-латвийского договора о взаимной помощи в Риге с 28 июня по 3 июля 1935 г. проходило совещание латвийских дипломатических представителей за границей. Генеральный секретарь министерства иностранных дел Латвии В. Мунтерс, открывая дискуссию по этому вопросу, подчеркнул, что западные державы в своих переговорах с Германией могут ограничиться урегулированием вопроса о безопасности применительно лишь к Западной Европе. Если мы желаем содействовать созданию системы безопасности в Восточной Европе, в которой в конце концов могли бы принять участие также Германия и Польша, то «нет другого пути, как последовать примеру Чехословакии и заключить договор с СССР, который потом был бы заменен коллективным пактом»¹²³.

Характерно выступление на совещании латвийского представителя при Лиге наций Фельдманиса, который в результате неоднократных бесед с М. М. Литвиновым и дипломатами ряда других стран был в курсе этого вопроса. Он отметил, что Советский Союз заинтересован в заключении Восточного пакта с участием Прибалтийских стран, чтобы быть уверенным, «что Прибалтийские государства тем или иным путем не окажутся под влиянием Германии, что создало бы непосредственную опас-

---

¹²¹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. 3, S. 92, 93, 96.

¹²² ЦГИА Латв. ССР, ф. 2575, оп. 8, д. 6, л. 24.

¹²³ Там же, ф. 1313в, оп. 22, д. 80, лл. 14—15.

ность для самой России... Мое заключение таково, что мы можем заключить договор с русскими»¹²⁴.

За заключение договора о взаимопомощи с СССР высказались на совещании также латвийские посланники в СССР, Англии, Италии, Литве, Чехословакии. Так, латвийский посланник в Москве А. Бильманис подчеркнул, что многие страны выступают за сотрудничество с Советской Россией и что на такой же путь должна становиться и Латвия. «Наша безопасность укрепилась бы, если бы мы заключили договор с Россией»¹²⁵, — заявил он. В то же время латвийские посланники в Польше, Финляндии и Эстонии выступили против заключения двустороннего латвийско-советского договора, ссылаясь на то, что это вызвало бы резкое недовольство в Германии и Польше. Подводя итоги совещания, Мунтерс заявил: «Если мы хотим форсировать разрешение вопроса о безопасности в Восточной Европе, то мы должны делать это при помощи России»¹²⁶.

10 июля латвийское правительство информировало Советское полпредство в Риге о своей готовности заключить с СССР договор о взаимной помощи. Об этом были поставлены в известность также правительства Англии и Германии. Появились сообщения и в печати¹²⁷.

Германия и Польша сразу же начали оказывать на Латвию усиленное давление с тем, чтобы заставить ее изменить свою позицию. Английское правительство также высказалось против заключения Латвией договора о взаимопомощи с СССР¹²⁸. Не могла не оказать своего воздействия и явная затяжка французским правительством ратификации советско-французского договора. В результате этого латвийское правительство перестало поднимать вопрос о договоре с СССР.

В случае установления тесного сотрудничества между СССР, Англией и Францией, усиления роли Лиги наций в борьбе против агрессии, т. е. создания широкой системы коллективной безопасности, мог бы серьезно стоять и вопрос о гарантиях этих трех держав, в том числе и СССР, другим, более слабым странам. Естественно, Советский Союз был глубоко заинтересован в том, чтобы такие гарантии трех держав распространились на всех его западных соседей. Именно поэтому он стремился к участию Прибалтийских государств в Восточном пакте, к распространению на них обязательств об оказании помощи со стороны Франции. Но в то же время, находясь под угрозой агрессии со сто-

¹²⁴ ЦГИА Латв. ССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 80, лл. 144—145.

¹²⁵ Там же, лл. 189, 191, 192, 201, 202.

¹²⁶ Там же, лл. 205—206.

¹²⁷ «Документы внешней политики СССР», т. XVIII, стр. 459; Public Record Office. FO 419/29, p. 160; «The Times», 15. VII 1935.

¹²⁸ Подробнее об этом см.: В. Сипола. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг. Рига, 1968, стр. 238—240.

роны Японии на Дальнем Востоке и Германии на Западе и учитывая политику попустительства германской агрессии на восток со стороны западных держав, Советский Союз, естественно, должен был проявлять осторожность, чтобы неосмотрительно не оказаться втянутым в вооруженный конфликт в условиях, представлявших для него серьезную опасность¹²⁹.

* * *

ЦК ВКП(б) и Советское правительство считали, что определенную положительную роль в деле сохранения и укрепления мира могла сыграть в создавшихся условиях Лига наций.

С момента своего создания Лига наций являлась одним из центров, где планировались и разрабатывались антисоветские акции империалистических держав. Поэтому Советский Союз, естественно, занимал в отношении Лиги до начала 30-х годов отрицательную позицию. Однако к 1933 г. международная обстановка существенно изменилась. Англо-французская империалистическая группировка испытывала все усиливавшийся натиск со стороны Японии и Германии. В Лондоне и Париже пришлось существенно пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза. Это нашло отражение и в деятельности Лиги наций, многие члены которой считали желательным участие СССР в ней, чтобы повысить авторитет Лиги наций и сделать более эффективной ее деятельность по предотвращению агрессии.

Вопрос о вступлении СССР в Лигу наций был впервые поставлен французским правительством, когда оно в конце октября 1933 г. начало проявлять интерес к сотрудничеству с СССР в борьбе против агрессии со стороны Германии. Надеясь, что Лига наций может «хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира»¹³⁰, ЦК ВКП(б) и Советское правительство сочли возможным вступление СССР в Лигу наций¹³¹. Тем более что к этому времени ее покинули агрессивные державы — Япония и Германия. Передавая 28 декабря 1933 г. Ж. Поль-Бонкуру предложение о заключении Восточного пакта, советский полпред во Франции В. С. Довгалевский информировал его и о согласии СССР вступить в Лигу наций.

15 сентября 1934 г. Советское правительство получило обращение 30 государств — членов Лиги наций, приглашавших СССР вступить в Лигу. Советский Союз ответил согласием «стать членом Лиги наций, заняв в ней подобающее ему место»¹³². 18 сентября 1934 г. СССР стал членом Лиги наций и постоянным членом Совета Лиги.

¹²⁹ «Коммунист», 1969, № 5, стр. 34.

¹³⁰ «Известия», 4 января 1934 г.

¹³¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 296.

¹³² «Документы внешней политики СССР», т. XVII, стр. 588—590.

Выступая на ассамблее Лиги наций в связи с вступлением Советского Союза в Лигу, М. М. Литвинов заявил, что, к сожалению, Лига наций не имеет в своем распоряжении средств полного упразднения войны. Однако при твердой воле и дружном сотрудничестве всех ее членов многое может быть сделано для предотвращения войны. «Над этой задачей, — заявил он, — Советское правительство не переставало работать в течение всего времени своего существования. Отныне оно хочет объединить свои усилия с усилиями других государств, представленных в Лиге». Советский представитель заявил, что для сохранения мира недостаточно одних лишь деклараций, а требуются более эффективные средства¹³³.

Советский Союз сразу же развернул в Лиге наций упорную, последовательную борьбу против любых агрессоров, за мир и безопасность. Это особенно наглядно проявилось, когда разразился итало-эфиопский конфликт.

В середине 30-х годов вместе с Японией и Германией на путь агрессии встала и фашистская Италия. Первым объектом своих захватнических планов Италия избрала Эфиопию — самостоятельное, но слабое в военном отношении африканское государство. Прежде чем предпринять нападение на Эфиопию, Муссолини решил добиться нейтрализации Франции посредством заключения с ней империалистической сделки о разделе сфер влияния в Африке. Такая сделка Лавалля с Муссолини состоялась в Риме 7 января 1935 г.

Для определения курса английского правительства была создана межведомственная комиссия, в докладе которой от 18 июня 1935 г. указывалось, что действия Италии не затрагивают такого рода жизненно важных интересов Англии в Эфиопии или в соседних районах, «которые заставляли бы правительство его величества воспрепятствовать захвату Италией Эфиопии»¹³⁴. Руководствуясь таким заключением, английское правительство также встало на путь попустительства итальянской агрессии.

В таких условиях Италия начала сосредоточивать свои войска у эфиопских границ. Эфиопия обратилась за помощью в Лигу наций. Советская делегация последовательно выступала в Лиге наций за строгое соблюдение условий устава Лиги об оказании помощи жертве агрессии. М. М. Литвинов заявил 5 сентября 1935 г. на заседании Совета Лиги наций, что Совет не имеет права проявлять безразличие к конфликту, предоставляя Италии «свободу действий». Он призывал «не оставаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги» и выполнить обязанности, являющиеся «смыслом существования Лиги»¹³⁵. В теле-

¹³³ «Известия», 20 сентября 1934 г.

¹³⁴ Public Record Office. Cab. 24/256, p. 217.

¹³⁵ «Известия», 6 сентября 1935 г.

грамме 12 сентября в НКВД М. М. Литвинов подчеркивал, что «сам факт применения Лигой серьезных санкций против Италии будет грозным предостережением и для Германии»¹³⁶. Призыв Советского правительства принять эффективные меры к тому, чтобы сделать агрессию фашистской Италии против Эфиопии невозможной, не был, однако, поддержан другими членами Лиги наций.

3 октября 1935 г. после окончания ассамблеи Лиги наций Италия совершила нападение на Эфиопию. ЦК ВКП(б) сразу же дал директиву Советскому правительству заявить, что СССР рассматривает действия Италии как акт агрессии¹³⁷. Советский Союз немедленно выступил в поддержку жертвы агрессии, за пресечение итальянской агрессии коллективными усилиями членов Лиги наций. Была созвана чрезвычайная сессия Совета Лиги наций. 7 октября Совет Лиги признал Италию агрессором. Было принято также решение о применении к Италии экономических и финансовых санкций, в частности об эмбарго на экспорт в Италию военных материалов¹³⁸.

Особое значение имел вопрос о применении к Италии так называемых нефтяных санкций, так как прекращение поставок в Италию нефти сделало бы фактически невозможным продолжение итальянской агрессии. СССР и ряд других стран — экспортеров нефти готовы были прекратить вывоз в Италию нефтепродуктов. Но для эффективности нефтяных санкций необходимо было, чтобы в них участвовали все страны, экспортирующие нефть. Особое значение в этой связи имела позиция США. Однако правительство США отказалось прекращать экспорт нефти в Италию. Отрицательную позицию заняла также Франция.

2 декабря этот вопрос подробно рассматривался на заседании английского правительства. Высказывались опасения, что применение к Италии эффективных санкций (нефтяных и др.) может привести к полному краху в ней фашистского режима, в связи с чем Муссолини «исчез бы с итальянской политической арены и в Италии могло бы образоваться коммунистическое правительство и произошло бы коренное изменение расстановки сил в Европе». Поэтому министр иностранных дел Англии С. Хор усиленно доказывал, что необходимо затягивать введение в силу нефтяных санкций, а тем временем как можно скорее добиваться «мирных переговоров». Прежде всего он считал необходимым обратиться по этому вопросу к министру иностранных дел Франции П. Лавалю. Предложения Хора были одобрены кабинетом¹³⁹.

¹³⁶ АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 1408, л. 119.

¹³⁷ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 299.

¹³⁸ Д. Р. Вобликов. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860—1960. М., 1961, стр. 86—87.

¹³⁹ Public Record Office, Cab. 23/82, p. 337, 340, 345, 355.

9 декабря было заключено так называемое соглашение Хор — Лаваль, по которому Франция и Англия выражали свое согласие на присоединение к Италии значительной части территории Эфиопии¹⁴⁰.

При рассмотрении в тот же день этого соглашения на заседании английского правительства отмечалось, что оно чрезвычайно выгодно агрессору — Италии и фактически неприемлемо для жертвы агрессии, т. е. Эфиопии. Тем не менее соглашение было единодушно одобрено английским правительством¹⁴¹. Было решено оказать «сильное давление» на Эфиопию с тем, чтобы она согласилась удовлетворить содержащиеся в соглашении Лаваль — Хор требования¹⁴².

Соглашение Хор—Лаваль было настолько одиозным, что оно держалось в строжайшем секрете. Тем не менее содержание его проникло на страницы печати, вызвав бурю возмущения этой империалистической сделкой. Хор вынужден был подать в отставку с поста министра иностранных дел Англии, но это не означало изменения политики английского правительства.

Император Эфиопии Хайле Селассие I был готов встать на путь предательства интересов своего народа. 19 февраля 1936 г. он отправил через английского военного атташе в Эфиопии совершенно секретное послание английскому правительству, в котором заявлял о своей готовности, во-первых, начать переговоры с итальянским правительством, во-вторых, «связать Эфиопию с Англией или в виде протектората, или в виде мандата»¹⁴³. Последнее предложение оказалось, однако, неприемлемым для Англии, так как включение в тогдашних условиях Эфиопии в состав Британской империи означало автоматическое вступление Англии в войну с Италией.

Итальянские войска, прибегая к самым зверским методам ведения войны, вплоть до применения ядовитых газов, сумели нанести вскоре поражение эфиопам¹⁴⁴.

Захват Италией Эфиопии был прямым следствием политики попустительства агрессии со стороны Англии, Франции и США, результатом их стремления к империалистическому сговору с итальянскими агрессорами. В Лондоне и Париже надеялись, что в случае полюбовного соглашения с Муссолини снова можно будет вернуться к попыткам заключения «пакта четырех».

Из всех великих держав в поддержку справедливой национально-освободительной войны Эфиопии последовательно выступал только Советский Союз.

Не вступившись за Эфиопию, Англия и Франция тем самым уготовили печальную судьбу и самой Лиге наций. Малые страны

¹⁴⁰ Д. Р. Вобликов. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости, стр. 93.

¹⁴¹ Public Record Office, Cab. 23/82, p. 389.

¹⁴² Там же, л. 388.

¹⁴³ Public Record Office, Cab. 24/260, p. 314.

¹⁴⁴ Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973, стр. 16.

Европы, ранее рассчитывавшие на Лигу наций в случае агрессии против них, начинали приходить к выводу, что полагаться на Лигу они не могут. В то же время агрессивные державы пришли к заключению, что они могут не опасаться этой организации. Все это наносило непоправимый ущерб делу мира, в том числе безопасности стран Восточной Европы.

* * *

Вслед за Италией очередной удар миру и безопасности народов нанесла фашистская Германия. Французский посол в Берлине констатировал 4 февраля 1936 г., что голос Германии становится все более резким, а ее притязания все более дерзкими. Отчетливо выступают на первый план фанатизм, дух господства, стремление к реваншу, теории расового превосходства. Всерьез вынашиваются планы установления германской гегемонии в Дунайском бассейне, выдвигаются колониальные требования¹⁴⁵.

Всю сложность положения представляло себе и английское правительство. 17 января 1936 г. новый министр иностранных дел Англии Антони Иден представил правительству обстоятельный меморандум «Германская опасность» объемом в 30 страниц, в котором была приведена масса бесспорных доказательств агрессивных устремлений Германии¹⁴⁶. Однако Иден не ставил вопроса о борьбе против германской опасности, а предлагал «рассмотреть, возможно ли еще прийти к какому-то модус вивенди... с гитлеровской Германией»¹⁴⁷.

Особую актуальность приобрел в то время вопрос о возможной оккупации германскими войсками демилитаризованной Рейнской зоны. Этот вопрос рассматривался английским правительством еще в январе 1935 г. Было принято решение, что «демилитаризация Рейнской зоны не имеет для Англии принципиально важного значения»¹⁴⁸. Узнав о намеченной гитлеровцами на ближайшие же дни оккупации Рейнской зоны, 5 марта 1936 г. английское правительство снова подробно рассмотрело этот вопрос. О каком-либо противодействии не было и речи. Иден высказался за немедленное возобновление переговоров с Германией¹⁴⁹.

7 марта 1936 г. произошла оккупация Германией демилитаризованной Рейнской зоны. Грубое нарушение фашистским рейхом существовавших договоров, укрепление его стратегических позиций представляло собой огромную опасность для дела мира и безопасности в Европе. Советский Союз, последовательно руководствуясь в своей внешней политике интересами мира, сразу же резко осудил агрессивную акцию нацистских главарей. В пере-

¹⁴⁵ «Documents diplomatiques français», sér. 2, t. I. Paris, 1963, p. 187—188.

¹⁴⁶ Public Record Office, Cab. 24/259, p. 56—85.

¹⁴⁷ Там же. л. 56.

¹⁴⁸ Public Record Office, Cab. 23/81, p. 28.

¹⁴⁹ Public Record Office, Cab. 23/83, p. 237, 240.

довой статье «Известий» в этой связи подчеркивалось, что СССР «выступает против нарушения Германией Локарнского договора, против нарушения, могущего только увеличить опасность войны»¹⁵⁰.

Ввод германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону был для Франции серьезным испытанием. Французские правящие круги не захотели оказать противодействие гитлеровской авантюре, хотя имели для этого все возможности. Франция могла также прибегнуть к коллективным санкциям, в том числе опираясь и на поддержку СССР. 7 марта 1936 г. министр иностранных дел Франции сообщил советскому полпреду В. П. Потемкину, что в связи с вводом германских войск в Рейнскую зону французское правительство требует созыва Совета Лиги наций и рассчитывает, что СССР активно поддержит в нем Францию¹⁵¹. 9 марта 1936 г. полпред по указанию Советского правительства заявил в ответ, что Франция может полностью рассчитывать в Лиге наций на поддержку Советского Союза¹⁵².

Союзники Франции среди малых стран Европы (Бельгия, Чехословакия, Югославия, Румыния и Польша) также заявили о своей готовности оказать ей необходимую помощь, так как они учитывали, что фактически решается вопрос и об их судьбе.

10 марта в Париже открылось совещание локарнских держав (Англии, Франции, Италии, Бельгии), но без Германии. Никаких положительных результатов это совещание не дало. Было решено передать вопрос на обсуждение Совета Лиги наций.

Снова рассматривая на следующий день создавшееся положение, английское правительство по предложению Идена подтвердило свое стремление к возобновлению переговоров с Германией в целях достижения взаимопонимания. Протокол этого заседания особенно примечателен тем, что в нем приведен один из важнейших мотивов тогдашней английской внешней политики, объясняющий, почему Англия так упорно отказывалась от сотрудничества с СССР против германской агрессии. Так, премьер-министр С. Болдуин заявил, что в случае вооруженного конфликта Англия «могла бы разгромить Германию с помощью России, но это, по-видимому, будет иметь своим результатом лишь большевизацию Германии»¹⁵³.

На сессии Совета Лиги, открывшейся 14 марта, английское правительство сделало все возможное для того, чтобы предотвратить принятие каких-либо мер против Германии. Английские дипломаты утверждали, что нарушение договоров — это еще, мол, не агрессия. М. М. Литвинов, прибывший в Лондон для участия в заседаниях Совета, телеграфировал в Москву в тот же день относительно настроений в британской столице, что «англичане

¹⁵⁰ «Известия», 14 марта 1936 г.

¹⁵¹ АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 1606, л. 77.

¹⁵² «Международная жизнь», 1933, № 3, стр. 110.

¹⁵³ Public Record Office, Cab. 23/83, p. 288, 292.

стремятся поскорее втянуть французов в переговоры с Гитлером»¹⁵⁴.

Английскому правительству удалось добиться того, что Совет Лиги наций ограничился лишь констатацией факта нарушения Германией своих договорных обязательств. Никаких санкций против нее принято не было. Такое решение, разумеется, вполне устраивало гитлеровцев, так как их действия остались безнаказанными, а это открывало «зеленую улицу» для их последующих агрессивных актов.

Оккупацией Рейнской демилитаризованной зоны фашистский рейх укрепил свои стратегические позиции для новых агрессивных акций. Гитлеровцы в срочном порядке приступили к строительству вдоль германо-французской границы «линии Зигфрида». Фашистский рейх стремился обезопасить свой тыл на случай агрессивных действий в Центральной и Восточной Европе. Вместе с тем «линия Зигфрида» должна была служить исходным рубежом для вторжения в будущем во Францию. Позиции Франции в Европе оказались серьезно ослабленными. Было подорвано и доверие к ней со стороны ее союзников. И действительно, как же могли быть надежды у союзников Франции на то, что она окажет им помощь, если Франция даже не попыталась защитить собственные существенные интересы на Рейне.

Ремилитаризация гитлеровской Германией Рейнской зоны означала, что в случае нападения фашистского рейха на союзников Франции в Центральной и Восточной Европе ей было теперь уже гораздо труднее оказать им помощь активными действиями на западном фронте. Председатель СНК В. М. Молотов отмечал 19 марта 1936 г. в беседе с главным редактором французской газеты «Тан» Шастенэ: «Ремилитаризация Рейнской области, несомненно, усилила угрозу для стран, находящихся к востоку от Германии, и, в частности, для СССР. Не видеть этого было бы неправильно»¹⁵⁵.

Для того чтобы убедить французское правительство примириться с совершенными фашистским рейхом действиями, Англия выразила готовность взять на себя определенные обязательства перед Францией. 1 апреля правительства Англии и Франции обменялись официальными письмами, в которых английское правительство заявляло, что если попытки заключить вместо Локарнского договора новое соглашение с участием Германии окажутся безрезультатными, то в случае германского нападения на Францию Англия придет ей на помощь¹⁵⁶. Как показали начавшиеся вскоре же англо-французские военные переговоры, серьезных намерений оказывать Франции эффективную военную помощь английское правительство все же не имело. Так что эти обязательства Англии создавали лишь видимость того, что Фран-

¹⁵⁴ «Международная жизнь», 1973, № 3, стр. 111.

¹⁵⁵ «Правда», 24 марта 1936 г.

¹⁵⁶ «Documents diplomatiques français», sér. 2, t. II, p. 15—16.

ция может опираться на ее поддержку. Фактически же рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь со стороны Англии Франция не могла.

* * *

В условиях итальянской агрессии против Эфиопии, а также в связи с вводом германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону Советское правительство выдвинуло предложение об укреплении Лиги наций, повышении ее эффективности в предотвращении войны и сохранении мира. Советский Союз исходил в своих предложениях из того, что общая военная и экономическая мощь, а также людские ресурсы неагрессивных государств значительно превосходили в то время силы любой возможной комбинации агрессивных держав. Достаточно было неагрессивным государствам объединиться, продемонстрировать возможность совместных действий в защиту мира, чтобы предотвратить угрозу войны, укрепить безопасность всех стран.

Особое значение Советское правительство придавало сотрудничеству с Францией и Англией, в том числе в Лиге наций. В этой связи заслуживают внимания переговоры, которые состоялись в начале 1936 г. во время пребывания в Лондоне М. М. Литвинова и М. Н. Тухачевского (в связи с похоронами английского короля Георга V), а также некоторые беседы советского полпреда в Лондоне с английскими государственными деятелями. Приведем по этому вопросу некоторые характерные не публиковавшиеся еще документы.

11 января 1936 г. состоялась беседа И. М. Майского с А. Иденом, только что назначенным министром иностранных дел Англии. Сообщая о ней английскому послу в Москве, Иден писал: «Касаясь общей политики, г-н Майский подчеркнул важность сотрудничества правительства его величества, Советского правительства и французского правительства в руководстве Лигой наций. В случае такого сотрудничества и использования ими любой возможности для укрепления Лиги и их твердой позиции он уверен, что германскую опасность можно остановить без войны... Именно поэтому его правительство придает такое большое значение нашему тесному сотрудничеству...»¹⁵⁷

Еще важнее письмо Идена от 30 января о его беседе с М. М. Литвиновым: «Г-н Литвинов подчеркнул свое желание сделать все, что в его силах, для улучшения отношений между нашими двумя странами. Нельзя ли предпринять в этих целях какие-либо дополнительные меры? Он приветствовал бы это. Я ответил, что не представляю себе, что еще можно было бы сделать... Г-н Литвинов спросил... нельзя ли, например, наметить какое-то соглашение между Советской Россией, Францией и Соединенным Королевством? Я ответил, что не представляю,

¹⁵⁷ Public Record Office, FO 418/81, p. 78—79.

как это можно сделать...»¹⁵⁸ 5 февраля И. М. Майский говорил об этом с военным министром Англии А. Дафф-Купером¹⁵⁹.

2 апреля 1936 г. И. М. Майский довел до сведения Форин оффиса, что, по мнению Советского правительства, для спасения Европы «крайне необходимо возможно более тесное сближение в борьбе за мир между СССР, Францией и Великобританией». Он отметил, что «только срочное укрепление коллективной безопасности, готовой ответить на всякую новую агрессию Германии решительными действиями, может привести Гитлера к сознанию, что мир все-таки выгоднее, чем война»¹⁶⁰.

Коммунистическая партия и Советское правительство считали необходимым принять срочные меры по укреплению Лиги наций. Поскольку не все члены Лиги наций были согласны на участие в применении к агрессору военных санкций, Советское правительство высказалось за заключение между членами Лиги региональных или двусторонних пактов о взаимопомощи. В случае необходимости применения военных санкций их осуществляли бы участники соответствующих региональных соглашений, а также по собственному желанию другие члены Лиги наций. Эти предложения Советского правительства по укреплению Лиги наций были направлены 22 августа 1936 г. генеральному секретарю Лиги¹⁶¹. Советское правительство энергично выступало против предложений некоторых стран об отмене статьи 16 устава Лиги, предусматривавшей применение к агрессору санкций.

20 сентября 1936 г., снова рассмотрев вопрос о возможных мерах борьбы с агрессией, Политбюро ЦК ВКП(б) сочло необходимым продолжение борьбы за создание в Европе системы коллективной безопасности.

Выступая 28 сентября на ассамблее Лиги наций, М. М. Литвинов высказался за превращение Лиги наций в блок государств, заинтересованных в сохранении мира и объединившихся в целях взаимозащиты и взаимопомощи. Мы требуем, сказал он, «чтобы этот блок действительно организовал взаимопомощь, чтобы он заблаговременно составил план действий, дабы не быть застигнутым врасплох, чтобы происходящей вне этого блока организации войны соответствовали эффективные действия по организации коллективного отпора»¹⁶².

В результате близорукой политики Англии и Франции Лига наций оказалась, однако, парализованной и неспособной защитить мир.

---

¹⁵⁸ Там же, л. 55.

¹⁵⁹ «Документы внешней политики СССР», т. XIX. М., 1974, стр. 63.

¹⁶⁰ Там же, стр. 210—211.

¹⁶¹ Там же, стр. 399—401.

¹⁶² «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 301; М. Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927—1937. М., 1937, стр. 165.

Активную подрывную работу против Лиги наций вели агрессивные государства. Следуя примеру Японии и Германии, в 1937 г. из Лиги наций вышла также и Италия.

Фашистская Германия оказывала давление на малые страны Европы, добиваясь отказа их от участия в мероприятиях Лиги наций, направленных против агрессоров. Гитлеровцы прекрасно понимали, что укрепление Лиги, заключение региональных пактов взаимопомощи могут затруднить осуществление их захватнических планов. Поэтому германское правительство добивалось того, чтобы возможно больше европейских стран заранее заявили о своем нейтралитете в случае любого военного конфликта в Европе и отказались от участия в санкциях, предусмотренных уставом Лиги наций. Фашистский рейх надеялся получить таким путем возможность поглощать одну за другой малые страны Европы, не встречая организованного и коллективного отпора со стороны других государств.

Активную помощь гитлеровцам в подрыве Лиги наций и разобщении стран Восточной Европы перед лицом агрессии оказывал польский министр иностранных дел Ю. Бек. В 1936 г. он выдвинул идею создания пояса «нейтральных» государств от Балтийского до Черного моря (имелись в виду Прибалтийские страны, Польша и Румыния). Это предложение было на руку Берлину, так как оно тормозило создание системы коллективной безопасности в Европе.

Вспомнило свой старый коварный план и английское правительство. Так, Н. Чемберлен на заседании внешнеполитического комитета английского правительства 10 марта 1937 г. поднял вопрос о том, не согласится ли Германия заключить договоры о ненападении со всеми своими восточными соседями; такие же договоры с ними мог бы заключить и СССР¹⁶³. Главное же в его предложении сводилось к следующему: «Эта схема заменила бы собой франко-советский пакт». Лорд — хранитель печати Галифакс тут же заметил, что он предложил такого рода схему германскому послу в Лондоне Риббентропу еще 11 февраля 1937 г.¹⁶⁴ Подрывая Лигу наций, английское правительство особое внимание по-прежнему уделяло, таким образом, вопросу о том, как бы ликвидировать столь неприятный для него советско-французский договор о взаимной помощи. Разумеется, это не имело ничего общего с укреплением мира и безопасности в Европе.

Министр иностранных дел Швеции Р. Сандлер со своей стороны совершил поездку в ряд стран, пропагандируя идею о том, чтобы придать статье 16 устава Лиги наций факультативный характер. Его предложения сводились к тому, что в случае принятия Лигой наций решения о военных санкциях против агрес-

¹⁶³ СССР уже имел к этому времени договоры о ненападении со всеми своими западными соседями, за исключением Румынии.

¹⁶⁴ Public Record Office, Cab. 27/622, p. 81.

сора каждый член Лиги имел бы право самостоятельно решать вопрос о том, участвовать в применении санкций или нет.

Советская дипломатия энергично выступала против всех подобного рода планов, в защиту положений устава Лиги наций, призванных содействовать предотвращению агрессии, и за принятие любых других мер, которые могли бы способствовать сохранению мира. 9 июля 1937 г. во время пребывания Сандлера в Москве М. М. Литвинов подчеркнул, что, по мнению Советского правительства, «задачей момента является консолидация потенциала мира». «Этот потенциал, — отметил он, — состоит не только из обороноспособности миролюбивых государств, но в значительной мере из таких элементов, как пакт Лиги наций, пакт Бриана—Келлога, региональные пакты о взаимной помощи, идеи коллективной безопасности и неделимости мира, манифестирование солидарности миролюбивых стран и их способность найти между собою общий язык». И эта задача, сказал он, была бы и актуальной и благородной как для больших, так и для небольших стран¹⁶⁵.

Одной из возможных полезных мер в целях создания широкого фронта борьбы против агрессии Советское правительство считало опубликование совместной декларации всех стран Европы, заинтересованных в сохранении мира. Так, в беседе с американским послом в СССР Дж. Дэвисом 26 марта 1937 г. М. М. Литвинов подчеркивал, что агрессоров еще не поздно остановить, но для этого необходимы твердые и решительные меры миролюбивых стран. Важную роль в деле сохранения мира, отметил нарком, могло бы сыграть опубликование твердой декларации неагрессивных стран Европы о том, что они едины в борьбе за мир. Если бы к такой декларации присоединились и Соединенные Штаты Америки, то это содействовало бы сохранению мира не только в Европе, но и на Дальнем Востоке¹⁶⁶. Нарком неоднократно поднимал вопрос об опубликовании такой декларации и в переговорах с представителями других стран.

* * *

В борьбе Советского Союза и других прогрессивных сил против сил реакции и войны особое место занимали события в Испании.

Потерпев в феврале 1936 г. поражение на выборах, испанская реакция сразу же при поддержке итальянских и германских фашистов начала готовиться к захвату власти в стране вооруженным путем. В июле 1936 г. она подняла вооруженный мятеж против правительства Народного фронта. На помощь испанским фашистам сразу же стали прибывать войска и военная техника из Италии и Германии.

¹⁶⁵ «Известия», 10 июля 1937 г.

¹⁶⁶ «Foreign Relations of the United States. 1937», vol. I, p. 265.

Поскольку дипломатическими средствами ни через Лигу наций, ни через Комитет по невмешательству в дела Испании положить конец итало-германской интервенции не удалось, Советский Союз начал поставку военных материалов законному республиканскому правительству Испании. Позиция СССР была изложена 21 декабря 1936 г. в письме И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова главе испанского правительства Л. Кабальеро. «Мы считали и считаем своим долгом, — указывалось в письме, — в пределах имеющихся у нас возможностей, прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил»¹⁶⁷.

С октября 1936 г. по январь 1939 г. Советский Союз поставил республиканской Испании 648 самолетов, 347 танков, 60 бронев-автомобилей, 1186 орудий, 20 486 пулеметов, 497 813 винтовок и другие военные материалы¹⁶⁸. В Испанскую республику прибыло также около 3 тыс. советских добровольцев — военных советников, летчиков, танкистов, моряков и т. п., из которых около 200 погибли в боях¹⁶⁹.

Фашисты надеялись на быструю и легкую победу над испанскими республиканцами. Однако их надежды не оправдались. Героическое сопротивление испанского народа, поддержанного иностранными добровольцами-интернационалистами, сорвало расчеты испанской реакции и итало-германских интервентов. Развернулось первое серьезное вооруженное сражение сил агрессии и фашизма с силами мира и прогресса в Европе, продолжавшееся в течение более двух лет.

Совместная интервенция германских и итальянских фашистов в Испании ускорила сколачивание блока агрессоров. 25 октября 1936 г. состоялось подписание германо-итальянского соглашения, положившего начало существованию «оси Берлин—Рим». Через месяц, 25 ноября, Германия и Япония подписали так называемый антикоминтерновский пакт, к которому затем присоединилась также Италия.

Между тайной полицией Германии, Японии и Италии еще раньше было установлено самое тесное сотрудничество в борьбе против коммунистического движения. Теперь об этом было заявлено открыто. В этом сотрудничестве против коммунистов участвовала также политическая полиция Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и других стран.

Разумеется, заключение антикоминтерновского пакта отнюдь не означало сотрудничество фашистских держав только против международного коммунистического движения. Фактически этот пакт заложил основы военного союза агрессоров в будущей войне.

¹⁶⁷ «Война и революция в Испании. 1936—1939», т. 1. М., 1968, стр. 419.

¹⁶⁸ «История второй мировой войны. 1939—1945», т. 2. М., 1974, стр. 54.

¹⁶⁹ Там же, стр. 55.

Одновременно с антикоминтерновским пактом между Германией и Японией было подписано секретное соглашение о том, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов»¹⁷⁰. Блок трех агрессоров представлял огромную опасность как для СССР, так и для многих других стран.

События в Испании были непосредственно связаны с усилением агрессивных действий фашистского рейха в других местах. Приковывая внимание Англии и Франции к положению в стратегически чрезвычайно важном для них районе западного Средиземноморья, где проходили коммуникации этих держав к их основным колониальным владениям, гитлеровцы создавали себе благоприятные условия для осуществления своих агрессивных планов в Центральной и Восточной Европе.

* * *

В марте 1938 г. жертвой фашистского рейха стала Австрия. Советский Союз выступил с решительным осуждением гитлеровской агрессии¹⁷¹. В советской печати широко публиковались материалы, разоблачавшие агрессивные действия фашистского рейха. Излагая позицию Советского правительства в связи с аншлюсом, газета «Известия» писала: «Мы уже давно формулировали свою оценку политики фашистских агрессоров и пособничества им. Последняя вылазка германского фашизма лишь подтверждает давнишние предупреждения с советской стороны. Открытая угроза миру в Европе может встретить только резкое осуждение со стороны Советского Союза, всегда готового внести свою долю в дело укрепления мира между народами»¹⁷².

17 марта 1938 г. М. М. Литвинов в интервью представителям печати осудил военное вторжение в Австрию и насильственное лишение австрийского народа независимости¹⁷³.

Одновременно Советский Союз разоблачал и тех, кто своей политикой соглашательства с агрессорами сделал возможным захват немецкими фашистами Австрии, мостил Гитлеру дорогу в Вену. Советская печать прямо указывала на вдохновителей и проводников этой политики фактического поощрения агрессоров. Можно с уверенностью сказать, указывала «Правда», что разгул фашистской агрессии является непосредственным следствием политического курса Чемберлена. «Проводимая им политика открытого сговора с агрессорами и отказа от системы коллективной безопасности, — констатировалось в газете, — развязала руки поджигателям войны»¹⁷⁴.

¹⁷⁰ «История войны на Тихом океане», т. II, М., 1957, стр. 345.

¹⁷¹ «СССР в борьбе за независимость Австрии», М., 1965, стр. 41—42.

¹⁷² «Известия», 14 марта 1938 г.

¹⁷³ «Известия», 18 марта 1938 г.

¹⁷⁴ «Правда», 25 марта 1938 г.

Захват гитлеровцами Австрии корепным образом менял всю обстановку в Европе и являлся крупным шагом вперед ко второй мировой войне. Гитлеровцы заняли господствующие позиции в центре европейского континента. Непосредственная угроза нависла над Чехословакией.

* * *

Рука об руку с гитлеровцами действовали реакционные правящие круги Польши, также мечтавшие о захвате чужих земель, прежде всего советских. В резолюции VII конгресса Коминтерна констатировалось, что «германский империализм нашел в Европе союзника в лице польского фашизма, стремящегося также расширить свою территорию за счет Чехословакии, Прибалтийских стран и Советского Союза»¹⁷⁵.

Посол США в Варшаве А. Биддл на основе своих бесед с польским министром иностранных дел Ю. Беком пришел к выводу, что Польша стремится к установлению тесных отношений с Германией и приветствует германо-итальянское сотрудничество против коммунистической России, так как рассматривает ее как своего главного врага¹⁷⁶. 13 января 1938 г. Ю. Бек заявил министру иностранных дел Германии фон Нойрату, что он считает уничтожение большевизма «основной целью своей политики»¹⁷⁷. Подогревая аппетиты польских правящих кругов, гитлеровцы подчеркивали, что Польше «недостаточно» выхода к Балтийскому морю и она должна иметь также «выход к Черному морю»¹⁷⁸.

Агрессивные устремления польских правящих кругов обращались и в сторону Литвы. В ночь на 11 марта польские пограничники спровоцировали инцидент на польско-литовской границе, чтобы создать повод для вторжения польских войск в Литву. Тогдашние польские правители рассматривали захват Литвы как «компенсацию» за поддержку агрессивных планов Германии в отношении Австрии. Польский журнал «Пшеглэнд Повсехни» писал: «В связи с «апшлюсом» мы должны получить какую-то компенсацию. . . Качественно, ввиду своего геополитического положения, Литва является очень ценной»¹⁷⁹.

Польша начала концентрацию своих войск возле литовской границы, и в любой момент можно было ожидать их вторжения в Литву. Польские правящие круги при помощи всей буржуазной печати развернули бурную пропагандистскую кампанию против

---

¹⁷⁵ «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», стр. 383.

¹⁷⁶ «Foreign Relations of the United States. 1937», vol. I, p. 147.

¹⁷⁷ «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. V, S. 33.

¹⁷⁸ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 334.

¹⁷⁹ «Przegląd Powszechny», 1938, N 4.

Литвы. Были организованы демонстрации польских экстремистов под лозунгами «Поход на Каунас»¹⁸⁰.

Одновременно готовилось вторжение в Литву также германских войск. 17 марта Бек дал польскому посланнику в Берлине Липскому указания конфиденциально информировать Геринга, что «обострение отношений с Литвой возникло не только из-за пограничного инцидента». Липский должен был заявить, что в случае вторжения польских войск в Литву «поляки не намерены игнорировать интересы Германии в Клайпеде». Липский немедленно выполнил это поручение и заверил Геринга, что будет держать германское правительство в курсе дальнейших событий¹⁸¹.

Таким образом, Польша намеревалась захватить Литву, за исключением Клайпеды, которую она была готова «уступить» Германии.

Намерения Германии видны из заметки Риббентропа от 17 марта. «В случае конфликта между Польшей и Литвой, — писал он, — необходимо в первые же часы оккупировать территорию Клайпеды. Необходимые меры уже приняты». Начальник верховного командования вермахта Кейтель подготовил специальную карту с германо-польской демаркационной линией на территории Литвы, согласно которой германские войска должны были занять паряду с Клайпедской областью и некоторые другие районы Литвы¹⁸².

Литва оказалась перед смертельной опасностью одновременно со стороны двух агрессоров — Польши и Германии, действовавших в тесном контакте.

От порабощения иностранными захватчиками литовский народ спасла только поддержка Советского Союза. 16 марта 1938 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов вызвал польского посла в Москве В. Гжибовского и сделал ему заявление о том, что серьезность положения заставляет Советское правительство обратить внимание польского правительства на то обстоятельство, что Советский Союз не смог бы остаться безучастным, если бы Литва оказалась под угрозой¹⁸³. Через два дня, 18 марта, Советское правительство, учитывая продолжавшееся обострение положения, сделало польскому послу еще одно серьезное предупреждение¹⁸⁴.

Вмешательство Советского правительства предотвратило захват Литвы Польшей и Германией. Кроме того, эти события явля-

¹⁸⁰ Ф. Г. Зуев. Советско-польские отношения накануне и в период европейского кризиса 1938 г. — «Советско-польские отношения. 1918—1945». М., 1974, стр. 217—220.

¹⁸¹ «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. V, S. 366.

¹⁸² Там же, стр. 362, 365.

¹⁸³ АВП СССР, ф. 0151, оп. 29, д. 2, л. 1.

¹⁸⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 343—344.

лись лучшим доказательством того, что агрессоры не имели бы успеха и в других районах Европы, если бы западные державы действовали вместе с Советским Союзом и не отступали перед агрессорами.

* * *

Польское правительство, однако, не хотело отказываться от своих экспансионистских устремлений. Это получило свое отражение, в частности, в новом усилении его попыток создания возглавляемого Польшей блока стран, расположенных между Балтийским и Черным морями. Одна из целей, которую при этом преследовали польские правящие круги, заключалась в подчинении Польше Прибалтийских государств, в том числе Эстонии и Латвии. Польская печать отмечала, что речь идет об установлении над соответствующими странами «протектората Польши под протекторатом Германии»¹⁸⁵. Варшавские правители имели также в виду превратить весь этот блок в союзника Германии для войны против Советского Союза. Германский посол в Польше Мольтке констатировал, что планы создания этого блока «направлены прежде всего против Советского Союза»¹⁸⁶. Касаясь этих планов, польский посол в Вашингтоне Потоцкий также говорил, что они связаны с намерением Польши и Германии обратиться общими силами против СССР¹⁸⁷.

Добываясь создания такого блока, летом 1938 г. начальник генерального штаба Польши В. Стахевич и польский министр иностранных дел Ю. Бек предприняли вояж в Эстонию и Латвию. Касаясь опасности, которая была связана с этими планами империалистических правящих кругов Польши, финская социал-демократическая газета отмечала, что «политика Польши в отношении Прибалтики продиктована империалистическими устремлениями Великой Польши». «Имеются основания опасаться, — писала далее газета, — что Польша будет действовать совместно с Германией. Сближение с Польшей легко могло бы втянуть Прибалтийские государства в войну на стороне фашистских агрессоров»¹⁸⁸.

Буржуазно-помещичьи правящие круги Польши сотрудничали с правителями фашистского рейха и в подрыве Лиги наций.

6 июля 1938 г. министерство иностранных дел Германии поручило германским дипломатическим представительствам в европейских странах указать соответствующим правительствам, что для малых стран единственная возможность остаться в стороне от будущих конфликтов заключается в том, чтобы стать на путь нейтралитета, т. е. отказаться от выполнения статьи 16 устава Лиги наций¹⁸⁹. В конце августа в Таллин со специальной секрет-

¹⁸⁵ «Przegląd Powszechny», 1938, № 4.

¹⁸⁶ «Akten zur deutschen auswärtigen Politik». Ser. D, Bd. V, S. 74.

¹⁸⁷ «Washington Herald», 11.IV 1938.

¹⁸⁸ «Suomen Sosialdemokraatti», 10.VI 1938.

¹⁸⁹ «Akten zur deutschen auswärtigen Politik». Ser. D, Bd. V, S. 482.

пой миссией прибыл зять Геринга Мегерле, решительно настаивавший на отмежевании Эстонии от статьи 16 устава Лиги наций. Министр иностранных дел Эстонии Сельтер послушно дал обещание опубликовать соответствующее заявление в ближайшее же время¹⁹⁰.

Огромное давление было оказано гитлеровцами и на латвийское правительство. Заведующий отделом Скандинавских и Прибалтийских стран МИД Германии Грундгер сказал 1 сентября поверенному в делах Латвии в Берлине Игенбергу, что «пришло время недвусмысленно и твердо» заявить о необходимости знать, кто будет соблюдать во время войны нейтралитет и кто нет. При этом Грундгер подчеркнул, что «трудно соединить понятие нейтралитета с участием в Лиге наций». Сообщая в Ригу об этом заявлении, Игенберг отмечал, что «Грундгер сказал все это в очень решительной форме»¹⁹¹.

Вместе с гитлеровцами в том же направлении действовала и польская дипломатия. Во второй половине сентября 1938 г. представители Польши, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы, Швеции и некоторых других стран сделали в Лиге наций заявления о том, что они не считают для себя обязательным выполнение в случае агрессии условий статьи 16 устава Лиги наций, предусматривавшей применение к агрессору санкций.

Эти заявления фактически представляли собой отречение указанных стран от Лиги наций в угоду фашистскому рейху. Они еще больше подорвали силу и значение Лиги наций, облегчив тем самым дальнейшее развертывание агрессии.

* * *

После так называемого аншлюса, т. е. присоединения Австрии, германский генеральный штаб по указанию Гитлера приступил к подготовке захвата Чехословакии («план Грюн»). В военном смысле захват Чехословакии был, однако, нелегкой задачей. Германия еще не завершила подготовку к крупной войне. В то же время чехословацкая армия по своему оснащению и боевой подготовке по праву считалась одной из лучших среди капиталистических стран Европы. В пограничных с Германией районах Чехословакии была создана мощная полоса укреплений. Кроме того, Чехословакия имела договоры о взаимной помощи с двумя крупнейшими державами Европы — СССР и Францией. Поэтому гитлеровцы считали своей первой задачей международную изоляцию (нейтрализацию) Чехословакии.

Несмотря на увеличение материальных и людских ресурсов Германии в результате аншлюса, а также на улучшение ее стратегических позиций в центре Европы, силы фашистского рейха

¹⁹⁰ Там же, стр. 386—388.

¹⁹¹ ЦГИА Латв. ССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 197, л. 43.

все же значительно уступали возможностям тех стран, которые оказались под угрозой. Советское правительство с полным основанием считало, что германских агрессоров все еще можно остановить, если им противопоставить единый фронт неагрессивных стран. Оно исходило из того, что можно и должно предотвратить, в частности, захват гитлеровцами Чехословакии.

17 марта М. М. Литвинов по поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства выступил с официальным заявлением в связи с обострением положения в Европе. Он констатировал, что захват Германией Австрии, расположенной в центре Европы, создал несомненную опасность для всех европейских государств. Касаясь обязательств, лежащих на СССР на основе Устава Лиги наций и договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, нарком заявил, что Советское правительство «по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами»¹⁹². Текст этого заявления был направлен правительствам Англии, Франции, США, Чехословакии, Балканских, Прибалтийских, Скандинавских государств, Польши, Бельгии и Турции.

Однако и это предложение Советского Союза о коллективных мерах по защите мира не встретило поддержки у западных держав.

В апреле 1938 г. вопрос о предотвращении захвата Германией Чехословакии был рассмотрен ЦК ВКП(б), было принято соответствующее решение¹⁹³. Чехословацкий посланник в СССР Э. Фирлингер сообщал в Прагу 23 апреля, что он получил от находившегося в тот момент в Москве советского полпреда в Чехословакии С. С. Александровского для передачи чехословацкому правительству следующие сведения о принятом решении: «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать»¹⁹⁴. Фирлингеру было также сообщено, что СССР готов «совместно с Францией и Чехословакией обсудить вопрос об обеспечении внешней безопасности последней против возможной агрессии». Чехословацкий посланник подчеркнул в беседе с В. П. Потемкиным 27 апреля, что такая позиция правительства СССР «весьма ободряет чехословаков»¹⁹⁵.

¹⁹² «Известия», 18 марта 1938 г.

¹⁹³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 66.

¹⁹⁴ «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, стр. 28.

¹⁹⁵ Там же, стр. 29—30.

2 мая 1938 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов в свою очередь заявил британскому военному атташе в Москве Р. Файэрбрейсу, что Советский Союз безусловно выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией¹⁹⁶.

Согласно договору с Чехословакией, Советский Союз обязан был оказывать помощь ей только в том случае, если на помощь Чехословакии выступит также и Франция. Советское правительство готово было пойти даже дальше своих формальных договорных обязательств и оказать помощь Чехословакии, не дожидаясь вступления в войну Франции, если бы Чехословакия оказала сопротивление агрессору и попросила СССР о помощи против германской агрессии. Хотя в результате захвата нацистами Австрии положение в Европе серьезно осложнилось, оно не было безнадежным: в критический момент, если бы Чехословакия дала решительный отпор агрессорам, все же еще мог бы сложиться коллективный фронт борьбы против фашистских захватчиков.

Этот вопрос затронул, например, в своем докладе 26 апреля 1938 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. Изложив условия советско-чехословацкого договора, он добавил: «Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»¹⁹⁷. Этому же вопросу коснулся в середине мая 1938 г. в беседе с генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии К. Готвальдом и И. В. Сталин. Готвальд писал об этой беседе: «Сталин заявил мне ясно, что Советский Союз готов оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если этого не сделает Франция, что было условием советской помощи... Конечно, подчеркнул Сталин, Советский Союз может оказать помощь Чехословакии при одном условии: если сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи»¹⁹⁸.

Если бы Англия, Франция и США заняли столь же решительную позицию в борьбе против гитлеровской агрессии, то можно было бы преградить Гитлеру путь в Прагу. Однако правящие круги этих стран продолжали проводить политику «умиротворения» агрессоров.

Ставя свои классовые интересы выше национальных интересов страны, выше жизненных интересов чехословацкого народа, к капитулянтской позиции все больше склонялись и чехословацкие правящие круги. 17 мая тогдашний президент Чехословакии Э. Бенеш заявил в беседе с английским посланником Б. Ньютоном, что отношения Чехословакии с СССР «всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании... Если Западная Европа потеряет интерес

---

¹⁹⁶ «Международная жизнь», 1973, № 6, стр. 100.

¹⁹⁷ М. И. Калинин. О международном положении. М., 1933, стр. 14.

¹⁹⁸ «Правда», 28 декабря 1949 г.

к России, то и Чехословакия его тоже потеряет»¹⁹⁹. Такая позиция Чехословакии объяснялась тем, что решающую роль в определении внутренней и внешней политики страны играла финансовая, промышленная и помещичья олигархия²⁰⁰.

М. М. Литвинов, находясь в мае 1938 г. в Женеве (в связи с сессией Совета Лиги наций), встретился с министрами иностранных дел Франции и Англии Ж. Боннэ и лордом Галифаксом. Боннэ, в частности, поинтересовался, какова будет позиция СССР в случае германской агрессии против Чехословакии. Отвечая ему, Литвинов предложил, чтобы представители французского, советского и чехословацкого генштабов обсудили конкретные военные меры, которые должны быть приняты тремя странами²⁰¹. Боннэ, однако, не откликнулся на это важное предложение. Лорд Галифакс также не проявил интереса к сотрудничеству с СССР. Когда Литвинов напомнил ему советское заявление от 17 марта 1938 г. о готовности СССР участвовать в коллективных действиях против агрессии и принять участие в совещании заинтересованных государств для согласования необходимых мер, Галифакс пропустил эти слова мимо ушей²⁰².

Поэтому в Советском Союзе не могли не отдавать себе отчета в том, что, несмотря на растущую опасность со стороны агрессоров, политика западных держав сводилась к попустительству захватническим планам фашистского рейха в Центральной Европе. И тем не менее Советское правительство продолжало свою принципиальную, последовательную борьбу за мир, против фашистской агрессии. Характерна беседа, состоявшаяся 9 июня между М. М. Литвиновым, З. Фирлингером и французским послом Р. Кулондром. «По мнению Литвинова, — писал об этой беседе чехословацкий посланник, — очень важна возможность прохода советских войск через Румынию, не говоря уже о немедленной помощи авиацией. Необходимо незамедлительно наладить связь между советской и чехословацкой территориями». Фирлингер осведомился у Литвинова, может ли СССР дать Польше и Румынии в случае прохода советских войск через их территорию гарантию их территориальной неприкосновенности. Нарком иностранных дел СССР ответил, что «это само собой разумеется»²⁰³.

---

¹⁹⁹ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. I. London, 1949, p. 314.

²⁰⁰ З. Фирлингер. Некоторые уроки Мюнхена. — «Проблемы мира и социализма», 1968, № 10-11, стр. 106; V. Kral. Proč je Mnichov neplatný. Praha, 1972, str. 65.

²⁰¹ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 41—42.

²⁰² Там же, стр. 42—43.

²⁰³ Zdr. Fierlinger. Vo službach CSR, dil I. Praha, 1947, str. 108. Фирлингер отмечал, что Литвинов не упускал ни малейшей возможности для улучшения отношений с Румынией и Польшей, так как от сотрудничества с этими странами зависела эффективность оказания советской помощи Чехословакии (там же, стр. 117).

Между тем происходило дальнейшее усиление агрессивности фашистского рейха, что приводило к еще большему обострению положения как в Европе, так и во всем мире.

Несмотря на все более наглые действия фашистского рейха, правящие круги Англии и Франции продолжали потворствовать агрессивным действиям гитлеровцев. Они еще больше усилили давление на правительство Чехословакии, добиваясь, чтобы оно удовлетворило требования нацистов в отношении Судетской области. Лондонские и парижские «умиротворители» стремились к тому, чтобы Чехословакия «совершила самоубийство с целью избежать убийства»²⁰⁴. Правительства Англии и Франции надеялись, что после «мирного урегулирования» судетского вопроса будут созданы, наконец, благоприятные условия для достижения ими соглашения с «третьим рейхом».

По указанию Советского правительства 17 августа 1938 г. полпред в Лондоне И. М. Майский заявил министру иностранных дел Англии, что СССР «все больше разочаровывается в политике Англии и Франции» и считает ее «слабой и близорукой», способной лишь поощрять агрессора к дальнейшим «прыжкам». Тем самым, сказал он, на западные державы «ложится ответственность приближения и развязывания новой мировой войны». Политика Англии и Франции в отношении Чехословакии была охарактеризована полпредом как попытка «обуздать не агрессора, а жертву агрессии»²⁰⁵.

Советский Союз в отличие от западных держав был преисполнен решимости выполнять свои обязательства по договору с Чехословакией. И. М. Майский заявил 16 августа чехословацкому посланнику в Лондоне, что в случае нападения на Чехословакию СССР «выполнит свои обязательства»²⁰⁶. Аналогичное заявление 17 августа полпред сделал также лорду Галифаксу²⁰⁷. В тот же день полпред встретился также с американским поверенным в делах в Англии Джонсоном. Снова подтвердив готовность Советского правительства выполнить свои договорные обязательства, полпред отметил, что Чехословакия является ключом к положению в Центральной Европе. Поэтому «нельзя позволять Гитлеру уничтожить Чехословакию, и меры по предотвращению ее уничтожения необходимо принимать немедленно»²⁰⁸.

Французский поверенный в делах в СССР Ж. Пайяр, сославшись в беседе с заместителем наркома В. П. Потемкиным на опасность вооруженного конфликта, задал ему 1 сентября 1938 г.

---

²⁰⁴ «The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey». London, 1970, p. 149.

²⁰⁵ АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 1930, лл. 131—132.

²⁰⁶ «Foreign Relations of the United States. 1938», vol. I. Washington, 1955, p. 546.

²⁰⁷ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. II. London, 1949, p. 107.

²⁰⁸ «Foreign Relations of the United States. 1938», vol. I, p. 67—68, 548.

вопрос о позиции СССР в случае нападения Германии на Чехословакию. При этом он особенно подчеркнул тот факт, что Польша и Румыния не согласны пропускать советские войска через свою территорию²⁰⁹. На следующий день Ж. Пайяр официально поставил тот же вопрос перед М. М. Литвиновым. Отвечая на вопрос, М. М. Литвинов заявил: «При условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути... Что касается определения конкретной помощи, мы считаем для этого необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий». М. М. Литвинов подчеркнул также необходимость «использовать все средства предупреждения военного столкновения». Он напомнил, что сразу же после аншлюса СССР рекомендовал созвать совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира. «Мы считаем, что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации... имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры»²¹⁰.

3 сентября советский полпред в Англии И. М. Майский подробно информировал о советских предложениях У. Черчилля. Последний в тот же день направил Галифаксу письмо, в котором пункт за пунктом точно и полно изложил их содержание²¹¹. Несколько дней спустя (8 сентября), когда полпред был принят Галифаксом, он также подробно изложил английскому министру все советские предложения.

Положение в Европе становилось с каждым днем все более угрожающим. 3 сентября 1938 г. Гитлер принял решение о приведении войск в боевую готовность к 28 сентября²¹². Через три дня английское правительство получило соответствующую информацию²¹³.

8 и 9 сентября Чемберлен провел совещания «старших министров», а 12 сентября — заседание правительства, чтобы обсудить дальнейшее обострение положения. Однако ни на одном из этих совещаний и заседаний советские предложения даже не упоминались.

11 сентября, прибыв в Женеву на очередную сессию ассамблеи Лиги наций, заместитель министра иностранных дел Англии Баллер передал Бонне, что английское правительство, по-видимому, не согласится на совместный англо-франко-советский

²⁰⁹ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 67—69.

²¹⁰ Там же, стр. 70—72. Содержание своего заявления Ж. Пайяру М. М. Литвинов изложил также чехословацкому посланнику Э. Фирлингеру.

²¹¹ *W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. London, 1948, p. 229—232.*

²¹² «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. II. Baden-Baden, 1950, S. 547.

²¹³ *E. Kordt. Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950, S. 279—281.*

демарш²¹⁴. Когда в тот же день М. М. Литвинов встретился в Женеве с Ж. Бонна, последний ограничился заявлением, что он, мол, передал англичанам советские предложения, но они были ими отклонены²¹⁵. О позиции самого французского правительства Бонна даже не упомянул.

Через несколько дней вопрос о советских предложениях встал во время встречи В. П. Потемкина с Э. Фирлингером. Чехословацкий посланник отметил, что французы в разговорах с чехами пытаются представить дело таким образом, что СССР предлагает лишь дипломатические акции. «Я со всей определенностью, — говорится в записи этой беседы, — напомнил Фирлингеру конструктивные элементы нашего ответа французам... Из того, что Фирлингер мне рассказал о своих разговорах с французами, ясно, что они продолжают валять дурака, притворяясь, что не поняли нашего ответа, и сводя его только к предложению действовать через Лигу наций или выступить с декларацией от имени СССР, Англии и Франции»²¹⁶.

Далеко идущие советские предложения от 2 сентября, таким образом, не были поддержаны правительствами Англии и Франции. А между тем осуществление этих предложений, предусматривавших как политические, так и в случае необходимости военные меры, могло сыграть важную роль в предотвращении агрессии и укреплении мира.

Правящая верхушка Англии все больше склонялась к тому, чтобы отдать Судетскую область гитлеровской Германии, надеясь достигнуть таким путем взаимопонимания между Британской империей и фашистским рейхом. 15 сентября английский премьер Н. Чемберлен прибыл в Берхтесгаден для переговоров с Гитлером. «Фюрер», зная о позиции Чемберлена, решительно потребовал от него передачи Германии Судетской области, угрожая в противном случае мировой войной, а также ликвидацией договоров Чехословакии о взаимопомощи с другими странами.

На совещании глав правительств Англии и Франции в Лондоне 18 сентября было решено удовлетворить требование Гитлера. На следующий день англо-французские пособники фашистских агрессоров вручили чехословацкому правительству ноты с требованиями о передаче рейху Судетской области²¹⁷.

В таких условиях 19 сентября 1938 г. чехословацкое правительство передало Советскому правительству просьбу дать как можно скорее ответ на вопросы о том, а) окажет ли СССР, согласно договору, немедленную действительную помощь, если

---

²¹⁴ I. Colvin. Vansittart in Office. London, 1965, p. 242.

²¹⁵ АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 1907, л. 51.

²¹⁶ «Междупародная жизнь», 1973, № 9, стр. 106.

²¹⁷ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I. М., 1948, стр. 203—204.

Франция останется верной и тоже окажет помощь; б) поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги наций²¹⁸.

Обсудив 20 сентября эти вопросы, Политбюро ЦК ВКП(б) высказывалось за то, чтобы дать указание советскому полпреду в Чехословакии подтвердить готовность СССР оказать немедленную помощь²¹⁹. Полпред в Праге С. С. Александровский в тот же день передал соответствующий ответ чехословацкому правительству. О нем была поставлена в известность и Франция.

Советское правительство, таким образом, в этих трудных и опасных для Чехословакии условиях снова официально подтвердило, что СССР выполнит свои обязательства и окажет ей помощь в случае нападения Германии. Чехословацкий посланник в СССР З. Фирлингер отметил в беседе с американским поверенным в делах в Москве А. Кэрком, что Советское правительство, излагая свою позицию, «было абсолютно принципиальным. Оно заявило, что выполнит свои договорные обязательства». З. Фирлингер выразил уверенность, что помощь Советского Союза будет «немедленной и действенной»²²⁰.

Рассматривая вопрос о позиции советской делегации на открывавшейся в те дни очередной ассамблее Лиги наций, Политбюро ЦК ВКП(б) сочло необходимым, чтобы советский представитель еще раз четко и ясно разъяснил там позицию СССР в отношении помощи Чехословакии²²¹. Это было сделано 21 сентября в речи М. М. Литвинова²²².

Тем временем в ночь на 21 сентября английский и французский посланники в Чехословакии решительно заявили чехословацкому правительству, что в случае, если оно не примет англо-французских предложений, французское правительство «не выполнит договора» с Чехословакией. «Если же чехи объединятся с русскими, — подчеркнули они, — война может принять характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне»²²³. Даже один из самых влиятельных членов английского правительства, Сэмюэль Хор, впоследствии вынужден был признать, что это была одна из наиболее бесстыдных акций в истории британской дипломатии²²⁴.

Подчиняясь англо-французскому давлению, чехословацкое правительство капитулировало, дав согласие удовлетворить берхтесгаденские требования Гитлера.

²¹⁸ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 98—99.

²¹⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 68.

²²⁰ «Foreign Relations of the United States, 1928», vol. I, p. 633—634.

²²¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 66.

²²² «Известия», 22 сентября 1938 г.

²²³ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 113—116; «История дипломатии», т. III. М., 1945, стр. 635.

²²⁴ «Viscount Templewood. Nine Troubled Years». London, 1954, p. 308.

Поскольку Чехословакии были навязаны германо-англо-французские требования, в которых предусматривалась, в частности, ликвидация советско-чехословацкого договора, Советское правительство имело полное право считать, что оно больше не связано какими-либо обязательствами в отношении Чехословакии. Однако СССР по-прежнему не лишил Чехословакии своей поддержки. Об этом свидетельствует состоявшаяся 22 сентября 1938 г. беседа Э. Фирлингера с В. П. Потемкиным. Чехословацкий посланник сказал, что, несмотря на переговоры, связанные с англо-французскими предложениями, Чехословакия продолжает считать, что ее договор с СССР еще сохраняет силу. «На его вопрос, — писал В. П. Потемкин, — разделяем ли мы такое понимание, я ответил утвердительно». Э. Фирлингер задал также вопрос о том, «могло ли бы правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию оказать помощь последней, не дожидаясь решения Совета Лиги наций». В. П. Потемкин ответил положительно и на этот вопрос²²⁵.

23 сентября, выступая на заседании политической комиссии ассамблеи Лиги наций, М. М. Литвинов публично заявил, что, несмотря на принятие Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, Советское правительство все же и впредь готово в случае помощи Чехословакии со стороны Франции ввести в действие советско-чехословацкий пакт²²⁶.

М. М. Литвинов неоднократно подтверждал готовность СССР оказать помощь Чехословакии также в беседах с иностранными дипломатами и политическими деятелями. Так, 22 сентября нарком имел в Женеве встречу с членом английского парламента лордом Бутби. Возвратившись сразу же в Лондон, Бутби изложил содержание этой беседы Галифаксу. Бутби передал ему сообщение Литвинова, что он на протяжении последней недели несколько раз виделся с чехами и каждый раз заверял их в готовности Советского Союза оказать Чехословакии в случае нападения на нее Германии эффективную помощь. «Литвинов считает желательным также созвать совещание заинтересованных держав, — сообщил Бутби, — и полагает, что общий ультиматум (Англии, Франции и России), предъявленный Германии, может все еще оказаться эффективным. По его мнению, твердое заявление, что Россия примет участие в случае войны против Германии, является единственным средством, которое может произвести впечатление на г-на фон Риббентропа»²²⁷.

М. М. Литвинов имел в Женеве беседу также с английскими представителями на ассамблее Лиги наций, лордом — хранителем печати де ла Уарром и заместителем министра иностранных дел

²²⁵ «История внешней политики СССР», т. 1, стр. 346; «Международная жизнь», 1973, № 9, стр. 112.

²²⁶ «Известия», 24 сентября 1938 г.

²²⁷ Public Record Office, Cab. 27/646, p. 79

Англии Р. Батлером. Отметив, что события могут принять опасный оборот, английские представители выразили желание узнать позицию Советского правительства. Нарком напомнил английским представителям, в частности, предложение Советского правительства от 17 марта 1938 г. относительно созыва конференции заинтересованных государств. Независимо от конференции, подчеркнул он, должен быть поставлен вопрос и в Лиге наций²²⁸.

23 сентября Батлер телеграфировал в Форин оффис об этой беседе: Литвинов заявил, что «если Франция вступит в войну, чтобы оказать помощь чехам, то русские также выступят». Он сказал, что «давно стремится начать переговоры между Великобританией, Францией и Россией и во время этой неофициальной встречи хотел бы предложить нам созвать совещание названных трех держав вместе с Румынией и другими небольшими государствами... предпочтительно в Париже, чтобы показать немцам, что мы собираемся действовать»²²⁹.

Ознакомившись с этими высказываниями наркома в беседе с де ла Уарром и Батлером, Чемберлен пришел, однако, чуть ли не в ужас. Он увидел в них «огромную опасность» (!?), так как осуществление их могло, по его мнению, «усилить большевизм во всем мире»²³⁰.

В течение последующих четырех дней английское правительство заседало почти непрерывно, обсуждая все осложнявшееся положение, но Чемберлен и Галифакс даже не упомянули об этом предложении М. М. Литвинова, скрыв его от членов кабинета. Молчал по этому поводу и присутствовавший на всех этих заседаниях де ла Уарр.

Даже многие буржуазные политические деятели и историки были вынуждены признать безукоризненность позиции СССР в отношении оказания помощи Чехословакии. Например, видный деятель английской консервативной партии Л. Эмери отмечал, что «Россия во время всего этого кризиса занимала абсолютно ясную позицию». Советский Союз, писал он, «последовательно отстаивал идею коллективной безопасности»²³¹.

* * *

Твердую и решительную позицию Советское правительство занимало и в связи с тем, что вслед за гитлеровскими агрессорами и вкупе с ними против Чехословакии выступали в то время и польские. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков констатировал 17 апреля 1938 г., что «Польша все более и более открыто выступает как фактический участник блока агрессоров. Торопясь не опоздать, она сейчас же после

²²⁸ «Международная жизнь», 1973, № 10, стр. 108.

²²⁹ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. II, p. 497—498.

²³⁰ «Das Abkommen von München 1938». Praha, 1968, S. 295.

²³¹ Л. Эмери. Мол политическая жизнь. М., 1960, стр. 546.

аншлюса предъявила ультиматум Литве и добилась насильственного установления дипломатических и всяких иных отношений с Литвой, которые она... рассматривает лишь как начало постепенного освоения ею Литвы. В германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль. Она открыто провоцирует обострение Тешинского вопроса... Польша, как это теперь очевидно для всех, прочно связана с Германией и будет и дальше идти по ее пути»²³².

Между германскими и польскими посланниками в Чехословакии 20 апреля 1938 г. обсуждался уже вопрос о том, что Германия, Польша и Венгрия должны заблаговременно договориться о разделе Чехословакии на сферы влияния²³³.

25 мая 1938 г. Даладье со своей стороны информировал советского полпреда в Париже Я. З. Сурица, что его зондаж о позиции Польши в случае германской агрессии против Чехословакии дал самый отрицательный результат. Не только не приходится рассчитывать на поддержку Чехословакии со стороны Польши, сказал Даладье, но «нет уверенности, что Польша не ударит с тыла»²³⁴. М. М. Литвинов также писал в то время, что Польша не скрывает своих намерений использовать наступление Германии на Чехословакию, чтобы «отторгнуть часть чехословацкой территории. Такое вмешательство Польши будет прямой помощью Германии»²³⁵.

5 июня 1938 г. Народный комиссариат иностранных дел дал Я. З. Сурицу указания передать министерству иностранных дел Франции следующий запрос: «Польша не скрывает своих намерений использовать возможное наступление Германии на Чехословакию для отторжения в свою пользу части чехословацкой территории. Также вмешательство Польши будет прямой помощью Германии и совместным с нею наступлением на Чехословакию. Мы хотели бы знать заранее, будет ли Франция в случае нашего решения помешать интервенции Польши считать себя союзницей Польши в смысле франко-польского союзного договора». Полпред должен был указать, что это заявление он делает по поручению Советского правительства, которое будет ждать ясного ответа Франции. Французский министр иностранных дел Бонна, однако, определенного ответа не дал²³⁶.

Этот же вопрос был поставлен В. П. Потемкиным и во время беседы с французским поверенным в делах Ж. Пайяром 5 сентября. Заместитель наркома отметил, что Франция обязана по франко-чехословацкому договору оказать помощь Чехословакии

²³² АВП СССР, ф. 011, оп. 2, д. 203, лл. 84—90.

²³³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 351. Одновременно был поднят вопрос о том, что впоследствии речь может пойти об «общем фронте против России» (там же, стр. 352).

²³⁴ АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 1943, лл. 103—104.

²³⁵ Там же, ф. 05, оп. 18, д. 1, л. 303.

²³⁶ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 52—53; Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения. М., 1964, стр. 411.

против любого агрессора. Что касается СССР, то формально условия советско-чехословацкого договора не обязывают Советский Союз оказывать помощь Чехословакии в случае нападения на нее Польши. «Само собой разумеется, — заявил тем не менее В. П. Потемкин, — что, не принимая на себя формально обязательства такой помощи, СССР вовсе не лишил себя тем самым права принимать по своему усмотрению то или иное решение, если Польша нападет на Чехословакию»²³⁷. Однако и Пайяр обошел молчанием вопрос о том, какую позицию займет в этой связи Франция.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек направил 19 сентября 1938 г. польскому послу в Берлине Ю. Липскому сообщение, что через два дня поляки будут располагать в южной части Силезии значительными военными силами и что он готов вступить по вопросу о согласовании действий Германии и Польши против Чехословакии в личный контакт с Гитлером или Герингом²³⁸. На следующий день Липский сделал Гитлеру соответствующее заявление, подчеркнув, что Польша с целью осуществления своих требований не остановится «перед применением силы». Гитлер заверил Липского, что в таком случае фашистский рейх будет на стороне Польши²³⁹.

21 сентября польские правители предъявили чехословацкому правительству ультимативное требование о передаче Польше некоторых районов Чехословакии, а также денонсировали польско-чехословацкий арбитражный договор 1925 г.²⁴⁰ В то же время продолжалась концентрация польских войск у чехословацких границ. Польский военный атташе в Париже информировал французский генеральный штаб, что в случае вторжения германских войск в Судетскую область поляки оккупируют, в частности, Словакию, которая будет затем поделена между Польшей и Венгрией²⁴¹.

22 сентября чехословацкое правительство, сообщая о непосредственной опасности нападения со стороны Польши, обратилось за поддержкой к СССР. Откликаясь на это обращение, на следующий же день Советское правительство передало польскому правительству заявление о том, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, СССР считал бы это актом агрессии и денонсировал бы договор о ненападении с Поль-

²³⁷ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 75.

²³⁸ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, стр. 361. Одновременно Ю. Бек излагал меры, принятые им для затруднения оказания Советским Союзом помощи Чехословакии, и указывал, что Польша выступает против участия СССР в европейских делах (там же).

²³⁹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 212—213.

²⁴⁰ *B. Celovsky. Das Münchener Abkommen 1938. Stuttgart, 1958, S. 391.*

²⁴¹ «Foreign Relations of the United States. 1938», vol. I, p. 664.

шей²⁴². Чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер сразу же был поставлен в известность об этом заявлении²⁴³. Таким образом, Советский Союз снова решительно выступил в защиту Чехословакии.

Советским Союзом заблаговременно были приняты и необходимые военные подготовительные меры²⁴⁴. В частности, для отправки в Чехословакию было подготовлено 246 бомбардировщиков и 302 истребителя, сосредоточенных в двух особых военных округах — Белорусском и Киевском²⁴⁵.

И это в условиях, когда положение было довольно опасным и для самого Советского Союза, так как польское правительство вынашивало планы совместного похода германских и польских войск и против СССР. Польский посол в Париже Ю. Лукасевич заявил У. Буллитту 25 сентября, что «начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом» и что в случае оказания Советским Союзом помощи Чехословакии Польша плечом к плечу с Германией готова к войне с СССР. Польское правительство уверено в том, заявил Лукасевич, что «в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены и Россия не будет более представлять собой даже подобия государства»²⁴⁶.

Благоприятную для агрессоров позицию заняла также Румыния. Информировав итальянское правительство о позиции Румынии, румынский посланник в Риме Замфиреску 23 сентября заявил министру иностранных дел Италии Чиано, что Румыния возражала, возражает и будет возражать против прохода советских войск через ее территорию с целью оказания помощи Чехословакии. Что касается обострения отношений между Польшей и СССР из-за Чехословакии, то румынский посланник сказал, что «Румыния будет на стороне Варшавы и что в любом случае союз с Польшей будет иметь приоритет перед обязательствами в отношении Праги»²⁴⁷. Это означало, что в случае вооруженного конфликта, который возник бы в результате германской и польской агрессии против Чехословакии и в котором на стороне последней участвовал бы Советский Союз, Румыния, несмотря на ее союзный договор с Чехословакией, могла оказаться на стороне агрессоров.

---

²⁴² «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 131—133.

²⁴³ АВП СССР, ф. 011, оп. 2, д. 207, л. 46.

²⁴⁴ «Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939», стр. 218—225; «История второй мировой войны», т. II. М., 1974, стр. 104—108.

²⁴⁵ «История дипломатии», изд. 2-е, т. III. М., 1965, стр. 737.

²⁴⁶ «Foreign Relations of the United States. 1938», vol. I, p. 650—651.

²⁴⁷ «Ciano's Diplomatic Papers». London, 1947, p. 236—237. Подробнее об этом см.: Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1963, стр. 192—199; А. А. Шевяков. Внешняя политика Румынии в период Мюнхена. — «Вопросы истории», 1970, № 12, стр. 78—83.

Между тем правительства Англии и Франции продолжали свой курс на расчленение Чехословакии. 29—30 сентября в Мюнхене состоялась конференция Англии, Франции, Германии и Италии, завершившаяся сделкой об отторжении от Чехословакии Судетской области. Чемберлен и Даладьё пошли в Мюнхене на сговор с агрессорами, на капитуляцию перед ними, позорно предав Чехословакию и оказав фашистским агрессорам помощь в ее расчленении.

Разумеется, что эти четыре державы не имели никаких законных оснований присваивать себе право принимать решение о разделе Чехословакии. Поскольку эта сделка была грубым нарушением суверенных прав чехословацкого государства и была навязана Чехословакии под угрозой применения силы, она была незаконной.

В Советском Союзе отчетливо видели опасность, связанную с мюнхенской сделкой четырех империалистических держав. В советской прессе отмечалось, что за короткий срок Эфиопия, Испания, Китай, Австрия, Чехословакия стали жертвами «прожорливых фашистских людоедов». Наряду с осуждением действий агрессоров в печати критиковалась и проводившаяся в Лондоне и Париже политика попустительства агрессии, которая привела к мюнхенской сделке о расчленении Чехословакии. «Капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, — писали «Известия», — по видимости отдалив войну, в действительности ее приближает»²⁴⁸.

На фоне политики империалистических держав, которая приближала новую мировую войну, особенно отчетливо было видно значение той принципиальной и решительной борьбы за сохранение мира, которую вело Советское правительство. «Взоры всего прогрессивного человечества, всех народов обращены к Советской стране, международный авторитет которой еще больше возрос, — писала «Правда», — только политика Советского правительства есть политика последовательной борьбы за всеобщий мир, за независимость и свободу народов против фашистских агрессоров и захватчиков»²⁴⁹.

Мюнхенское соглашение коренным образом меняло положение в Центральной Европе. Захват Австрии, а затем части Чехословакии был для гитлеровцев первым этапом на пути к установлению своего господства над всей Европой, да и не только Европой. Мюнхенский сговор приблизил начало второй мировой войны.

²⁴⁸ «Известия», 4 октября 1938 г.

²⁴⁹ «Правда», 4 октября 1938 г.

**СОВЕТСКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ
ПЕРЕГОВОРЫ 1939 г.
И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Борьба за мир всегда имеет огромное значение для КПСС и Советского правительства. Для того чтобы укрепить мир и безопасность в Европе, рассеять надвигавшиеся в рассматриваемый период грозные тучи мирового конфликта, Советское правительство стремилось к сотрудничеству с Англией и Францией и другими европейскими странами, чтобы совместными усилиями положить конец агрессивным действиям фашистской Германии.

В борьбе за сохранение мира Советский Союз придавал важное значение также сотрудничеству со странами Восточной Европы, находившимися под угрозой германской агрессии. К ним относились Польша, Прибалтийские страны и Румыния. Советское государство предпринимало гигантские усилия в деле создания широкого фронта защиты от фашистской агрессии.

Нарком иностранных дел М. М. Литвинов, выступая на сессии Совета Лиги наций в 1938 г., подчеркивал, что Советский Союз «не меньше, а больше других государств может полагаться на собственные силы, на собственную обороноспособность, на собственное оружие, на мощь собственной индустрии... на огромный энтузиазм, патриотизм и единство составляющих его народов»¹. Тем не менее СССР всегда проявлял готовность сотрудничать с другими странами в борьбе за мир, против агрессии.

Однако на пути реализации советских предложений стояли антисоветизм и антикоммунизм реакционных правящих кругов западных держав, их надежды избежать конфликта с Германией, предоставив ей свободу действий на Востоке. Именно это было основой мюнхенской сделки Чемберлена и Даладье с Гитлером и Муссолини. «Смысл мюнхенского соглашения, — констатировал видный английский буржуазный историк Уиллер-Бенетт, — заключается в том, чтобы уничтожить Чехословакию как самостоятельный военный, политический и экономический фактор и подготовить условия для дальнейшей экспансии Германии в сторону Польши и России»².

---

¹ «Внешняя политика СССР». Сборник документов. т. IV. М., 1946, стр. 333.

² «Foreign Affairs», October 1946, p. 38.

Антисоветская суть была заложена также в двусторонней англо-германской декларации о ненападении и консультациях от 30 сентября 1938 г.

Аналогичную цель преследовала и франко-германская декларация о ненападении от 6 декабря 1938 г., опубликованная в результате парижских переговоров министра иностранных дел Франции Боннэ с Риббентропом. После подписания декларации правящие круги Франции, в первую очередь Даладье и Боннэ, были уверены, что отныне Гитлер все свои взоры устремит на Восток и что не пройдет много времени, как фашистская Германия нападет на Советский Союз. В меморандуме, разосланном всем французским посольствам и миссиям, Боннэ констатировал, что в результате переговоров с Риббентропом у него создалось впечатление, что «германская политика будет впредь направлена на борьбу против большевизма»³.

В западной печати была поднята шумиха о «слабости» внутреннего положения СССР и неизбежности присоединения Советской Украины к «Прикарпатской Украине» — протекторату фашистской Германии, созданному Гитлером 2 ноября 1938 г. Касаясь замысла этой кампании, полпред в Англии И. М. Майский 10 января 1939 г. писал наркому: «Чемберленовские круги сознательно раздувают «украинское направление» германской агрессии»⁴.

Но отдельные дипломаты Англии и Франции иногда высказывали руководителям своих стран опасения: как бы не случилось так, что фашистский хищник свой очередной прыжок сделает не на восток, а на запад. И действительно, имеющиеся теперь в нашем распоряжении документы, в том числе документы фашистской Германии, говорят о том, что Гитлер, не будучи достаточно подготовленным, не хотел в рассматриваемое время идти на риск большой войны против СССР. Новые рекомендации правительств стран Запада — двигаться только на Восток — Гитлер не спешил выполнять. Вексель только на «свободу рук» не давал гитлеровцам полного удовлетворения. Они ожидали от Англии и Франции большего.

Советское правительство проявило глубокую проницательность и полностью разгадало суть этого опасного для Советского Союза объяснения между «фюрером» и англо-французскими политиками. В письме полпреду в Англии М. М. Литвинов писал: «Гитлер пока делает вид, что не понимает англо-французских намеков насчет свободы действий на Востоке, но он, может быть, поймет, если в придачу к намекам кое-что другое будет предложено ему Англией и Францией». Гитлер надеется, указывал далее нарком, что со стороны Англии и Франции «будет обещан в случае конфликта на Востоке не только нейтралитет и не только

³ *Paul Reynaud. La France a sauvé l'Europe, vol. I. Paris, 1947, p. 575.*

⁴ «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.)». Документы и материалы. М., 1974, стр. 157.

даже доброжелательный нейтралитет, но и кое-какая активная помощь, что я отнюдь не считаю исключенным»⁵.

В целях достижения империалистического сговора с фашистским рейхом за счет других стран английские руководящие круги решили прыгнуть Берлин. Для этого они стремились создать впечатление, что между Англией и Советским Союзом установлены контакты и ведутся переговоры. На впечатление «благожелательного» отношения Лондона к СССР были рассчитаны присутствие Галифакса 20 января на неофициальном обеде у полпреда И. М. Майского, официальный визит Чемберлена в советское полпредство (исключительный случай в практике английского премьера) и турне министра внешней торговли Р. Хадсона в Москву. Последний имел встречи с наркомом внешней торговли А. И. Микояном и М. М. Литвиновым, а в заключение визита был принят Председателем Совнаркома В. М. Молотовым. В этих беседах были подвергнуты обсуждению торговые взаимоотношения между СССР и Великобританией и возможности их дальнейшего развития. Состоялся равным образом обмен мнений по вопросу о международной политике⁶.

Фактически же английская сторона не хотела ни о чем договариваться с СССР. Мелкой корректностью Чемберлен и чемберленовцы стремились скрыть истинное отношение к социалистическому государству. Об этом убедительно говорит направленная в Лондон 28 марта телеграмма английского посла в Москве У. Сидса, в которой подчеркивается, что с Советским правительством надо иметь «дружественные отношения и контакты, но никаких обязательств»⁷. Польский посол в Лондоне Рачинский 16 декабря 1938 г. писал своему министру иностранных дел, что «отношение Чемберлена к Советам продолжает оставаться холодным» и премьер «избегает выступать против устремлений Германии на Восток»⁸.

Подобно Лондону, «стремление» к сотрудничеству с СССР начало демонстрировать и французское правительство. В своем обзорном докладе о внешнеполитическом положении страны, сделанном 26 января в Национальном собрании, Боннэ, например, заявил о верности Франции советско-французскому договору о взаимопомощи⁹, хотя 50 дней назад в конфиденциальной беседе с Риббентропом он предал анафеме этот договор.

Действия правящих кругов Англии и Франции и стоявших за их спиной США, направленные на развязывание войны между фашистским рейхом и Советским Союзом, были разоблачены

⁵ Там же, стр. 202.

⁶ «Известия», 28 марта 1939 г.

⁷ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV. London, 1951, p. 524.

⁸ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I. М., 1948, стр. 352.

⁹ «СССР в борьбе за мир...», стр. 670.

с трибуны XVIII съезда ВКП(б). В Отчетном докладе Центрального Комитета партии и в выступлениях делегатов была дана надлежащая оценка политики правящих кругов западных стран, направленной на пособничество фашистской агрессии, сделано серьезное предостережение на счет того, что проводимая ими политическая игра чревата для них самих большой опасностью. На съезде был вскрыт подлинный смысл мюнхенского соглашения и четко указано, что «немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»¹⁰.

В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) было дано ясное изложение основ советской внешней политики:

«1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу...

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины...»¹¹

* * *

В борьбе против германской агрессии Советское правительство считало желательным установление сотрудничества с Польшей и Румынией, но правящие круги этих стран занимали враждебную Советскому Союзу позицию.

Буржуазно-помещичья Польша, например, продолжала идти в фарватере политики фашистской Германии. Она считала, что Советский Союз должен быть отстранен от участия в европейской политике¹². В центре внимания этих двух агрессивных государств была Советская Украина. Правителям буржуазной Польши не давала покоя идея создания польского государства «от може до може», что дало бы, по их мнению, возможность поставить Польшу в разряд великих европейских держав, и польское правительство надеялось удовлетворить свои империалистические замыслы в тесном союзе с гитлеровской Германией. «Ослабление Советской России, — доказывал польский посол в Москве В. Гжибовский вице-министру иностранных дел Польши Я. Шембеку 9 декабря 1938 г., — возрастает, и русская проблема назревает. Польша должна иметь влияние на судьбу этой проблемы»¹³.

¹⁰ «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г.». Стенографический отчет. М., 1939, стр. 14.

¹¹ Там же, стр. 15.

¹² «СССР в борьбе за мир...», стр. 97, 274.

¹³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 373

Клика Гитлера, неплохо осведомленная о планах буржуазно-помещичьей Польши, весьма искусно играла на великодержавных страстях зарвавшихся польских политиков и генералов. Подогревая эти страсти, главари фашистского рейха то и дело поднимали в беседах с правителями Польши вопрос о совместном выступлении против СССР. Проблема решения «русского вопроса» была предметом особого внимания во время встреч Ю. Бека с Гитлером и Риббентропом в январе 1939 г. в Берхтесгадене, Мюнхене и Варшаве. О варшавской беседе с Беком Риббентроп, например, записал: «Я еще раз говорил с г. Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области. Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю»¹⁴. Польша и Германия вели переговоры и о разделе Прибалтики, что дало бы им, в частности, возможность расширить фронт наступления на СССР и обеспечить близкие подступы к Ленинграду.

Совместные с Германией действия по захвату Советской Украины Польша хотела синхронизировать с выступлением Японии против СССР на Дальнем Востоке¹⁵. Правительство СССР не могло не сделать соответствующие выводы. Еще 25 ноября 1938 г. нарком заявил польскому послу в Москве, что у Советского правительства «вызывает особое недоверие известная интимность польско-японских отношений»¹⁶.

Предположения руководителей советской внешней политики полностью подтверждаются известными теперь польскими документами. Между Польшей и Японией велись уже переговоры о конкретной координации действий, направленных против СССР¹⁷. Примечательно, что польские правящие круги даже в период нависшей над Польшей опасности со стороны фашистской Германии продолжали серьезно работать над тем, чтобы подготовить свою страну в моральном и военном плане к активному участию в германо-японской войне против СССР, если она возникнет.

В общем русле мюнхенской политики западных держав, рассчитанной на подталкивание гитлеровской агрессии против СССР, шла и союзница Польши — королевская Румыния, мечтавшая о новых территориальных приобретениях (за Днестром).

В условиях, когда гитлеровская Германия уже вынашивала конкретные планы захвата и Польши, и Прибалтики, Берлином придавалось особое значение вопросу об установлении «друже-

¹⁴ «Akten zur deutschen answärtigen Politik», Ser. D, Bd. V. Baden-Baden, 1953, S. 139—140.

¹⁵ «СССР в борьбе за мир...», стр. 202.

¹⁶ Там же, стр. 92.

¹⁷ Телеграмма польского посла в Японию министру иностранных дел Польши от 10 марта 1939 г. — «СССР в борьбе за мир...», стр. 230.

ственных» отношений с королевской Румынией, обладавшей по стандартам того времени богатейшими сырьевыми и стратегическими ресурсами, в которых фашистская Германия из-за лихорадочной подготовки к войне испытывала острейшую нужду. Бухарестские политики тоже проявляли большое стремление к установлению тесных отношений с Гитлером. Это стало особенно заметно после мюнхенской сделки.

Явным проявлением стремления укрепить румыно-германские отношения были поездка «частного характера» в Берлин 2—12 ноября Г. Братиану, одного из ведущих политических деятелей Румынии, и «неофициальный» визит Кароля II в конце ноября 1938 г. Братиану беседовал с ведущими политическими и государственными деятелями третьего рейха. 6 ноября 1938 г. в сопровождении одного из крупных румынских промышленников, А. Копстантинеску, он посетил Геринга. Последний похвалил румынское правительство за то, что оно твердо стояло на антисоветских позициях во время чехословацкого кризиса и не дало согласия на проход советских войск через румынскую территорию. Перейдя к румыно-германским экономическим отношениям, Геринг подчеркнул, что Румыния должна вести свою экономическую политику в соответствии с интересами Германии, ибо судьба Румынии в экономическом отношении уже определена. «Англия и Франция признали приоритет германских интересов в области экономики придунайских стран. В Мюнхене я лично обсуждал данный вопрос с Даладье, который подтвердил мне эту точку зрения»¹⁸. Информировав Братиану и Копстантинеску об этой договоренности, Геринг дал понять, что отныне Германия имеет свободу рук в этом районе, включая Румынию.

Еще более важную роль в этом отношении сыграл визит Кароля II в Германию. Пребывание румынского короля в Германии не афишировалось. Кароль II был конфиденциально принят Гитлером в Берхтесгадене. На приеме присутствовали кронпринц Михай и министр двора Урдаряну. Встреча в значительной степени определила развитие румыно-германских отношений. Гитлер убеждал своего румынского гостя, что у Германии и Балканских стран издавна существуют естественные взаимные экономические интересы. Румынский король, вторя собеседнику, подчеркнул, что Румыния желает иметь хорошие отношения со всеми странами, прежде всего с третьим рейхом, она хотела бы активизировать торговлю с Германией, получить гарантии своей безопасности и выяснить позиции Германии относительно ревизионистских требований хортистов к Румынии и карпато-украинской проблемы¹⁹. «Румыния, — подчеркнул он, — настроена против России,

¹⁸ Историко-дипломатический архив (далее — ИДА), ф. 336, оп. 1, д. 250, л. 17.

¹⁹ «Survey of International Affairs. 1938», vol. III. London, 1953, p. 430; A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 27.

но не может открыто показывать этого из-за соседства с ней. Однако Румыния никогда не допустит прохода русских войск, хотя часто утверждалось, что она якобы обещала России пропустить ее войска. Это не соответствует действительности»²⁰.

Гитлер не делал пока конкретных предложений, но дал понять, что в недалеком будущем Румыния должна будет включиться в общий фронт борьбы против СССР. «Все европейские страны должны объединиться, — говорил Гитлер, — чтобы оказать сопротивление большевизму и искоренить его угрозу». «Кто может ликвидировать эту угрозу?» — вопрошал фашистский главарь и сам же отвечал: «Я — единственный возможный защитник Европы и мира от большевизма»²¹. Чтобы придать весомость своим рассуждениям, Гитлер долго распространялся о военной мощи Германии, созданной, как он уверял, с единственной целью — быть барьером против коммунизма²². Гитлер также обещал Карлолю II косвенную поддержку Румынии в «бессарабском вопросе». Румынский король выразил Гитлеру признательность.

Не меньшее значение для дальнейшего развития румыно-германских отношений в антисоветском плане имела секретная встреча короля с Герингом 25 ноября в Лейпциге. Особое внимание здесь было уделено рассмотрению германских экономических интересов в Румынии. Кароль II заявил Герингу, что он еще перед отъездом из Бухареста дал группе министров задание разработать программу переговоров с немецкими представителями об эксплуатации румынских нефтепромыслов и разведке новых нефтяных площадей. За выданный вексель король в свою очередь попросил немецкую сторону помочь перевооружить румынскую армию немецким оружием²³. Он и при этом не упустил случая подчеркнуть свою антисоветскую позицию и отметить, что «румынский альянс с Польшей направлен исключительно против России»²⁴. Нельзя не согласиться в данной связи с выводом румынского историка В. Варги, что в этот период «королевская диктатура усилила политику вооружения и подготовки антисоветской войны»²⁵. Воздействие германской дипломатии и гитлеровской агентуры в самой Румынии оказало известное влияние на Кароля II во время его переговоров с Гитлером и Герингом. Однако отношение правящих кругов Румынии к фашистской Германии определялось в первую очередь их собственными антисоветскими, антикоммунистическими концепциями, а также мюнхенской политикой Англии и Франции. Румынский король занял в Берлине капитулянтскую позицию, пойдя на крупные

²⁰ *A. Hillgruber*. Указ. соч., стр. 27.

²¹ *A. Easterman*. *King Carol, Hitler and Lupescu*. London, 1942, p. 135.

²² Там же.

²³ «*Survey of International Affairs. 1938*», vol. III, p. 431.

²⁴ Там же.

²⁵ *V. A. Varga*. *Antitudinea guvernului român burgezozomșieresc față de tratativele anglo-franco-sovietice din 1939*. — «*Studii*», 1960, № 4, p. 53.

уступки Гитлеру и дав согласие на установление тесных экономических связей с Германией. Он заверил германских правителей в пезыблемости антисоветского курса румынских правящих кругов. В ходе бесед с гитлеровцами Кароль II не забыл поинтересоваться нацистскими планами решения «украинской проблемы»²⁶. Он также подчеркнул свое отрицательное отношение к мерам по созданию коллективной безопасности в Европе.

С возвращением короля домой обещания, данные им лидерам фашистской Германии, вскоре стали осуществляться. По его указанию правительством 10 декабря 1938 г. было заключено выгодное для Германии крупное торговое соглашение на 1939 г., по которому увеличивались поставки рейху нефти и другого стратегического сырья.

С усилением подготовки к войне гитлеровцы потребовали от Румынии дальнейших уступок. 13 февраля 1939 г. в Бухаресте начались новые румыно-германские экономические переговоры. Вел их со стороны Германии ответственный чиновник гитлеровского ведомства по «четырёхлетнему плану» Г. Вольтат. В донесении правительству он подчеркивал, что «ориентирование на длительный период румынской экономики на Германию обеспечит ей доминирующее положение в Юго-Восточной Европе... Если данный договор с румынским королевством будет заключен, то можно будет ожидать заключения подобных (долгосрочных) договоров с Югославией, Болгарией, Венгрией и Турцией, приспособленных к особым условиям в каждом отдельном случае»²⁷. 27 февраля Вольтат докладывал своему правительству, что в результате двухнедельных переговоров с королем и членами его правительства достигнуто полное взаимопонимание и что Румыния готова пойти на соглашение, «создающее основу для широкого и тщательно спланированного сотрудничества на длительный период»²⁸. Свою подпись, однако, румынское правительство пока воздерживалось поставить, поскольку не полностью еще было ясно отношение Лондона и Парижа к происходившим событиям.

Проникновением во все сферы экономической, политической и военной жизни румынского государства гитлеровцы рассчитывали создать реальные предпосылки для решения и локальных проблем и вопросов мировой политики. В заключении своего странного доклада от 27 февраля Вольтат пишет, что с утверждением в Румынии немецкого господства «позиции Германии в конфликте с экономическими интересами Британской империи и Соединенных Штатов усилятся. Политическое развитие национальных государств в Юго-Восточной Европе последует германскому образцу..., в то время как влияние западноевропейских демократий и Советского Союза будет уничтожено»²⁹.

²⁶ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. V, p. 340.

²⁷ Там же, стр. 406.

²⁸ Там же, стр. 405.

²⁹ Там же, стр. 407.

Сведения о замыслах королевского двора и правительства не сопротивляться нажиму германских империалистов просочились в круги румынской буржуазии проанглийского и профранцузского толка. Эта часть правящих кругов Румынии была встревожена экономическими и политическими уступками в пользу Германии. Она начала взывать к Англии и Франции о поддержке, которая, по их мысли, должна была выразиться в укреплении англо-румынских и франко-румынских экономических связей с тем, чтобы парализовать домогательства Берлина.

Советская дипломатия также исходила из того, что Франция и Англия могли при желании оказать определенное противодействие германской экспансии в Румынии. Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин в беседе с французским послом в Москве П. Наджиаром 9 февраля 1939 г. отметил, что, по его мнению, французское правительство могло бы и не ограничиваться ролью простого наблюдателя событий, развивающихся в восточной части Европы. Еще недавно между Францией, с одной стороны, Польшей и Румынией — с другой, существовали отношения теснейшего политического сотрудничества. Между тем в настоящее время, продолжал советский дипломат, французское правительство не только не ведет активной политики в обеих указанных странах, но предоставляет их собственной судьбе, уделяя все свое внимание взаимоотношениям с Англией, Германией и Италией. «Судя по французской прессе, — подчеркнул Потемкин, — а также по выступлениям некоторых политических деятелей Франции, безразличное отношение французского правительства к прежним союзникам и друзьям в Центральной и Восточной Европе отнюдь не случайно. Союзный договор с Польшей, сотрудничество с Малой Антантой, франко-советский пакт признаются уже как будто пройденными этапами внешней политики Франции, едва ли не достойными истории»³⁰.

Изложенная В. П. Потемкиным позиция была фактически призывом Советского правительства к Франции и Англии пересмотреть свою пагубную для дела мира позицию. Но правительства Франции и Англии оставались глухими, хотя, по данным разведки, западным странам было уже известно, что в соответствии с планами Гитлера 15 марта намечалась оккупация всей Чехословакии, после чего планировались действия против Польши и Румынии³¹.

* * *

С точки зрения безопасности советских западных границ и мира в Восточной Европе исключительно важное значение приобретала позиция Прибалтийских государств — Латвии, Эстонии, Литвы и Финляндии. Берлин и Варшава стремились вовлечь их

³⁰ «СССР в борьбе за мир...», стр. 194.

³¹ «Foreign Relations of United States. Diplomatic Papers. 1939», vol. I. Washington, 1956, p. 672—673; «СССР в борьбе за мир...», стр. 225, 286.

в орбиту своей политики, направленной против СССР. Делалось это под «благовидным» предлогом создания «нейтрального» блока. В этих целях по столицам Прибалтийских стран совершали вояжи и генералы-пилсудчики и польский министр иностранных дел Бек. Разоблачая предпринимавшиеся польским министром дипломатические шаги, «Правда» писала, что «выполняя задание польского и германского фашизма, Бек хлопочет о создании блока «нейтральных государств от Черного моря до Северного Ледовитого океана», блока, который можно было бы поставить на службу агрессивным планам Берлина и Варшавы»³². Не вызывало сомнения, что Варшава стремилась привлечь Прибалтийские страны к участию вместе с Германией и Польшей в нападении на СССР. В том же плане в Прибалтике действовали и германские дипломаты. В общий фронт империалистической борьбы против СССР охотно включалась Финляндия. Поощряемое германо-польским империализмом, равно как Лондоном и Парижем, финское правительство с помощью Швеции начало тайно ремилизацию находящихся у входа в Финский залив Аландских островов³³, нарушив тем самым международную конвенцию 1921 г., запрещающую Финляндии возводить укрепления на островах.

Не встречая англо-французского сопротивления на востоке Европы, гитлеровцы совместно с Польшей усилили нажим на Литву. Через три недели после Мюнхена, 21 октября, Гитлер дал указание о подготовке оккупации Клайпеды. Захват Клайпедской области нацисты рассматривали как начало операции по захвату всей Прибалтики и превращению последней в плацдарм для развертывания широкого наступления на СССР.

Фашистские правительства Прибалтийских государств все более открыто становились на путь капитуляции перед фашистским рейхом. Еще в 1938 г. гитлеровцами была достигнута договоренность с эстонским военным руководством о принятии совместных мер по обеспечению германского господства в Балтийском море. Начальник генштаба эстонской армии генерал Рээк, доносил германский посланник в Таллине Фровайн, заявил, что Эстония готова оказать активное содействие в минировании Финского залива, чтобы запереть советский военно-морской флот. Рээк считал, что имеются возможности для проведения и других акций против СССР³⁴. По тем же стопам шла Латвия. Ее министр иностранных дел Мунтерс, выступая в печати, писал, например: «События 1938 г. не ставят перед внешней политикой Латвии никаких новых проблем. . . Мы шли в ногу с эпохой и в области культуры, и в области хозяйства . . . в понимании социальной системы. Мы должны включиться в новую Европу также в области внеш-

³² «Правда», 19 июля 1938 г.

³³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1. М., 1960, стр. 260

³⁴ «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. V, S. 384.

ней политики»³⁵. Министр общественных работ той же страны А. Берзинь пошел еще дальше. На закрытом совещании военизированной фашистской организации он заявил, что, как показывают последние события в Европе, малые страны не имеют никаких перспектив на сохранение своей независимости и должны покориться гитлеровской Германии³⁶. Американский посланник в Риге Уайли на основании полученной им информации от своего германского коллеги доносил в Вашингтон, что многие члены латвийского правительства «желают полностью отдать Латвию в руки немцев»³⁷. Следовательно, правящая клика Латвии, как и руководители Эстонии и Литвы, шла быстрыми шагами к решению о добровольной капитуляции перед фашистской Германией.

В одном ряду стран, открыто проявлявших враждебное отношение к СССР, оказалась и хорватская Венгрия. 12 января 1939 г. она объявила о своем присоединении к Антикоминтерновскому пакту, официальное оформление которого состоялось в Будапеште 24 февраля.

Советское правительство не могло пройти мимо такого события. Получив сведения о намерениях Будапешта связать себя с участниками Антикоминтерновского пакта, М. М. Литвинов сначала решил предупредить венгерских политиков о последствиях такого шага. «Советскому правительству, — сказал М. М. Литвинов венгерскому поверенному в делах в Москве Я. Михалковичу 9 января 1939 г., — было бы совершенно непонятно присоединение к такому враждебному СССР соглашению Венгрии, с которой у СССР не имеется никаких политических спорных вопросов и против интересов которой СССР никогда нигде не выступал. Совершенно естественно, что присоединение Венгрии к названному пакту не может не оказать весьма серьезного и немедленного влияния на отношения СССР с Венгрией»³⁸. Предупреждение, однако, не возымело воздействия. Венгерское правительство шло твердым курсом антисоветского сговора с фашистской Германией. При встрече с Гитлером 16 января Чаки заявил: «Венгры выполнят на все сто процентов основные требования Германии. Венгрия хорошо понимает, что без Германии ничего не добьешься»³⁹.

Учитывая продолжавшееся сближение Будапешта с Берлином, Советское правительство решило закрыть свою миссию в Будапеште и выразило надежду, что венгерское правительство отзовет свою миссию из Москвы. Венгерское правительство, заявил М. М. Литвинов, подпало под иностранное влияние, вслед-

³⁵ Цит. по кн.: В. Я. Сиполс. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг. Рига, 1968, стр. 268 (курсив наш).

³⁶ Там же, стр. 276.

³⁷ «Foreign Relations of the United States. The Soviet Union 1933—1939». Washington, 1952, p. 945.

³⁸ «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны». М., 1962, стр. 150.

³⁹ Там же, стр. 152.

ствие чего нет смысла в специальном и непосредственном представительстве⁴⁰.

Этот шаг советской дипломатии получил широкий резонанс в мировой печати. Подчеркивая внешнеполитическую значимость акции СССР, румынская демократическая газета «Факла» писала: «Упразднение советской миссии в Будапеште является энергичным и ярким жестом действий Советского правительства, свидетельством твердой и ясной политики Советского Союза... Разрыв отношений с Венгрией не является простым сенсационным, эффектным жестом. Он имеет предупредительное значение. Присоединение к Антикоминтерновскому пакту не может быть расценено как чисто идеологическое действие. Это — недружественный в отношении СССР акт. Что касается нас — Румынии, то разрыв непосредственных отношений между Советским Союзом и Венгрией имеет большое значение для нашей внешней политики»⁴¹.

* * *

Пользуясь политикой попустительства агрессии со стороны западных держав, Гитлер продолжал осуществление своих захватнических планов. По его приказу 15 марта 1939 г. германские войска вторглись в Чехословакию, а 22 марта оккупировали Клайпедскую область Литвы.

Советский Союз сразу же решительно осудил очередной агрессивный акт Гитлера. В своей ноте германскому правительству 18 марта 1939 г. Советское правительство заявило, что «при отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Действия Германии, говорилось далее в ноте, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»⁴².

Захват фашистским рейхом Чехословакии недвусмысленно продемонстрировал западным державам, что Гитлер не считаетея ни с Англией, ни с Францией, ни с теми обязательствами, которые он принял на себя в Мюнхене. Не прошло и шести месяцев, как «фюрер» растоптал мюнхенское соглашение. Правящие круги Англии и Франции, принеся серьезные жертвы фашистским агрессорам, все же не достигли с Гитлером прочного и на длительное время сговора, заключения «широкого соглашения», по которому он обязался бы уважать их господствующее положение на Западе и в колониальном мире в обмен на предоставление фашистской Германии свободы рук на Востоке. Германия снова вы-

⁴⁰ Там же, стр. 155.

⁴¹ «Факла», 4.II 1939.

⁴² «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 410—411.

ступила с претензиями к Англии и Франции. Предпринимая все новые и новые агрессивные акции, клика Гитлера уже не считала нужным испрашивать соболезнования Лондона и Парижа. Более того, «фюрер» на весь мир заявил, что считаться с ними в своих действиях больше не собирается. Английское и французское правительства, однако, не теряли надежды добиться «широкого соглашения» с нацистской Германией, отвести опасность гитлеровской агрессии от себя и направить ее в сторону СССР. Именно эта цель побудила правящие круги Великобритании и Франции предпринять дипломатические акции, призванные создать впечатление, будто эти государства отныне изменили свою позицию и встали на путь защиты малых стран от германской агрессии. «Обвинив» Гитлера в нарушении мюнхенского соглашения, Чемберлен в публичном выступлении 17 марта 1939 г. обещал дать «отпор» Германии. На другой день правительства Англии и Франции заявили Германии формальный протест против оккупации Чехословакии. Но на такого рода словесные протесты нацистские заправилы давно уже перестали обращать внимание.

Что касается Румынии, то она не выразила Берлину и формального протеста. Более того, зная из уст Бека — активного пособника гитлеровской агрессии — о дальнейших планах раздела Чехословакии, румынские правящие круги еще задолго до 15 марта известили польского министра о том, что Румыния не намерена оказывать сопротивление Венгрии, если последняя решит оккупировать часть Закарпатской Украины⁴³. А Польша даже приняла непосредственное участие в ликвидации чехословацкого государства, оккупировав Тешинскую область.

Расправившись с Чехословакией, германские империалисты решили форсировать и начатую в феврале акцию в румынском королевстве. 16 марта 1939 г. Вольфат потребовал от Румынии безотлагательного подписания долгосрочного германо-румынского экономического соглашения. Правящая элита Румынии проявляла, однако, некоторые колебания, особенно круги, ориентированные на Францию и Англию. Тревога усиливалась еще и потому, что при вступлении германских войск в Чехословакию немецкие власти по ошибке расклеили в Праге и других местах на румынском языке афиши с призывом к румынскому населению⁴⁴, что свидетельствовало об агрессивных намерениях гитлеровцев и в отношении Румынии, если последняя не сдастся на милость фашистской Германии. Это событие вывело из равновесия часть румынских политических деятелей.

Румынский посланник в Лондоне В. Тилиа, являвшийся выразителем взглядов проанглийских кругов Румынии, 16 марта посетил ответственного чиновника Форин оффиса О. Сарджента, чтобы обсудить «новую ситуацию, создавшуюся в Центральной

⁴³ «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. V, S. 127—132.

⁴⁴ A. Niri. Istoricul unui tratat înrobitor. București, 1965, p. 188.

Европе вследствие исчезновения Чехословакии». Тилиа заявил, что германское правительство практически предъявило Бухаресту ультимативные требования предоставить Германии особые экономические и политические права в Румынии, а поэтому он хотел бы знать, насколько румынское правительство «может рассчитывать на Великобританию в случае, если над Румынией нависнет реальная угроза со стороны Германии... Будет ли правительство Англии готово сделать для Румынии то же самое, что и для Турции?»⁴⁵ Днем позже в том же плане проходила беседа Тилиа с Галифаксом⁴⁶.

Посланник в осторожной форме поднял также вопрос о возможности создания антигитлеровского фронта из Польши, Румынии, Югославии, Турции и Греции под эгидой Англии и Франции⁴⁷. Обращает на себя внимание, что румынский дипломат «не догадался» включить в этот фронт СССР — последовательного борца против фашистской агрессии. На вопрос Галифакса, надеется ли Румыния получить помощь от СССР, Тилиа уклонился от ответа⁴⁸. Умолчание румынского дипломата о Советском Союзе говорило о многом.

17 марта Форин оффис направил своим дипломатическим миссиям в Париже, Бухаресте, Варшаве, Белграде, Анкаре и Афинах телеграммы, в которых излагалось содержание бесед английских дипломатов с румынским посланником и ставилась задача выяснить у правительств, при которых они аккредитованы, их отношение к развивавшимся событиям⁴⁹. Но в них не было и намека на то, какую же позицию намерено было занять само английское правительство в связи с гитлеровской экспансией в Румынии.

Пока шла дипломатическая возня вокруг демаршей Тилиа в Лондоне, гитлеровские эмиссары в Бухаресте с каждым днем становились все наглее. 23 марта 1939 г. был подписан договор «Об укреплении экономических связей между Румынией и Германией». После заключительного акта румынский министр иностранных дел Гафенку в своей речи, как докладывал Г. Вольтат Герингу, «выразил надежду, что Германия в результате этого до-

⁴⁵ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV, p. 284. Со стороны Англии турецкому правительству были предоставлены кредиты и обещаны поставки военных материалов и вооружения.

⁴⁶ Там же, стр. 366—367. В исторической литературе, в том числе и румынской, до сих пор идет спор: демарши Тилиа в Лондоне носили официальный или частный характер. Сам Тилиа в беседах с английскими дипломатами употреблял то и другое выражение («Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV, doc. 298, 395). Румынское агентство «Радор» в своем опровержении, сделанном по требованию германского посланника, заявило, что румынское правительство не уполномочивало своего посланника в Лондоне делать какие-либо представления английскому правительству по поводу германо-румынских переговоров.

⁴⁷ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV, p. 361, 367.

⁴⁸ «СССР в борьбе за мир...», стр. 245.

⁴⁹ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV, doc. 388, 390, 395.

говора займет такое положение, какое она имела в Румынии до 1914 г.»⁵⁰ В тот же день гитлеровский эмиссар получил аудиенцию у короля. «Король был весьма удовлетворен условиями договора и его подписанием»⁵¹, — констатировал Вольгат. Это было актом национального предательства со стороны румынских правящих кругов.

Подписывая договор экономической кабалы и ущемления государственного суверенитета своей страны, румынские правители не находились в безвыходном положении. При желании они имели возможность опереться в сопротивлении гитлеровскому нажиму на Советский Союз. Именно в этом плане шли беседы наркома М. М. Литвинова с румынским посланником Н. Диану в середине февраля и 19 марта 1939 г.⁵² В тот же период и по этим же вопросам имели место встречи советского полпреда в Лондоне И. М. Майского с румынским посланником В. Тиля, а также представителя ТАСС в Англии с сотрудником дипломатической миссии Румынии Диминческу⁵³. Однако румынские политики отказались от помощи и поддержки Советского Союза. Это говорило о том, что правящие круги Румынии отказывались от сотрудничества с СССР в борьбе против агрессивных планов Германии, направленных против СССР и стран Балканского полуострова.

Естественно, процесс сближения королевской Румынии с гитлеровской Германией настораживал Советское правительство и вызывал у него определенную реакцию. В конце марта 1939 г. М. М. Литвинов снова вызвал к себе румынского посланника Диану и заявил ему, что полученная от него информация относительно сути и цели румыно-германского договора не удовлетворяет Советское правительство и оно берет ее под сомнение. Далее нарком подчеркнул, что Советский Союз не может «не интересоваться взаимоотношениями Румынии с агрессивной Германией» и не проявлять отрицательного отношения к действиям Румынии, предоставляющей германскому агрессору опорные пункты на границах СССР и в черноморских портах⁵⁴. Заявление советского наркома звучало серьезным предупреждением румынским правителям по поводу курса на сговор с фашистской Германией и было моральной помощью румынскому народу.

* * *

В начале весны 1939 г. в связи с захватом Германией Чехословакии, Клайпедской области, установлением германского экономического и политического господства в Румынии опасность

⁵⁰ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. VI, p. 165.

⁵¹ Там же.

⁵² А. Нирт. Указ. соч., стр. 197, 199.

⁵³ Там же.

⁵⁴ «СССР в борьбе за мир...», стр. 283—284.

войны в Европе резко возросла. Правителям Англии и Франции к этому времени было уже известно, что очередными объектами агрессии Гитлер избрал Польшу, Румынию, после чего он был намерен обрушиться на Францию и Англию и, наконец, начать «победный» марш на СССР.

Предотвратить очередные агрессивные акции фашистской Германии можно было только общими усилиями СССР и ряда других государств Европы. Но реакционные правящие круги Англии и Франции не желали сотрудничать с Советским Союзом, поскольку все их помыслы, как и раньше, были направлены на то, чтобы силы фашистских агрессоров направить против СССР. Но политическая и дипломатическая «игра» правящих кругов Англии и Франции, равно как и стран Восточной Европы, на международном арене поставила их в опасное положение. Правители Англии и Франции в какой-то степени начинали отдавать себе отчет в том, что одними уступками и подачками добиться заключения с Германией «широкого соглашения» им не удастся. Полпред СССР в Париже Я. З. Суриц констатировал, что инициаторы мюнхенской политики вынуждены признать, что Англия и Франция в Мюнхене были «разыграны», что Германия вместо развязывания войны против СССР может повернуть свою армию на Запад⁵⁵.

Правительства Англии и Франции, не отказываясь от прежних целей своей политики, решили принять некоторые меры в целях укрепления своих международных позиций. Чтобы заставить Гитлера изменить свои планы и согласиться на империалистический сговор с Англией и Францией, Лондон и Париж решили также припугнуть Гитлера возможностью англо-франко-советского сближения (в действительности ни Англия, ни Франция о таком сближении в тот момент и не помышляли).

Так под тяжестью неблагоприятно сложившихся для Англии и Франции международных обстоятельств родились первые политические контакты Англии с Советским Союзом, позднее переросшие в политические и военные переговоры между СССР и Англией и Францией, которые Лондоном и Парижем продолжали рассматриваться в первую очередь как средство давления на Германию с тем, чтобы побудить ее пойти на соглашение с ними.

Эти контакты были установлены в обстановке реально нависшей над Румынией опасности германской агрессии. 17 марта 1939 г. министр иностранных дел Англии лорд Галифакс через своего посла в Москве У. Сидса обратился к Советскому правительству с запросом, какова будет позиция Советского правительства в случае германского нападения на Румынию⁵⁶. При этом английское правительство не предлагало каких-либо мер по

⁵⁵ «СССР в борьбе за мир...», стр. 275—277.

⁵⁶ Там же, стр. 246.

борьбе с агрессией и не уточняло своей собственной позиции. И к тому же, что весьма примечательно, английский министр в телеграфном поручении обошел молчанием весьма важный вопрос, поднятый румынским дипломатом, вопрос о возможности создания под руководством Англии и Франции фронта против германской экспансии в составе Польши и стран Балканской Антанты⁵⁷. И это было сделано неспроста. Во-первых, Лондон надеялся, что Советский Союз даже в одностороннем порядке заявит о готовности оказать помощь Румынии против германской агрессии (на это довольно прозрачно намекал Галифакс в беседе с И. М. Майским 18 марта)⁵⁸, что могло бы привести к вооруженному столкновению Германии с Советским Союзом, о чем давно мечтали английские и французские руководящие круги. Во-вторых, что было не менее важно, кабинет Чемберлена опасался, что Советское правительство может поддержать выдвинутую румынским посланником идею и, таким образом, она превратится в центральную проблему международной политики по обузданию гитлеровской агрессии в Восточной и Юго-Восточной Европе. Но такой поворот событий не устраивал правящие круги Англии. Единственно, чего они не хотели, это открытой, военной германской агрессии, поскольку она, как понимали мюнхенцы с Даунинг-стрит, может, независимо от желания английского правительства, способствовать втягиванию в войну и Англии. Поэтому Гитлеру постоянно давали понять из Лондона, что его экспансия до границ Советского Союза должна протекать в «мирных» формах.

Запрос английского правительства Сидс передал наркому М. М. Литвинову 18 марта. Нарком выразил удивление, что советской помощью интересуется Англия, а не Румыния, которая к СССР не обращалась и, может быть, даже не желает ее, по обещанию доложить правительству⁵⁹. Во время второй беседы, состоявшейся поздно вечером того же дня по инициативе М. М. Литвинова, Сидс заявил, что Тиля, по-видимому, что-то напутал, и дал понять, что на английский запрос можно и не отвечать⁶⁰. Но Советское правительство решило воспользоваться случаем, чтобы снова со всей серьезностью поставить вопрос о коллективных мерах борьбы против германской агрессии. М. М. Литвинов передал Сидсу предложение Советского правительства о немед-

⁵⁷ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV, p. 360—361.

⁵⁸ «СССР в борьбе за мир...», стр. 245.

⁵⁹ Там же, стр. 246.

⁶⁰ Там же. В целях уточнения «недоразумений» с демаршами Тиля в Лондоне МИД Англии поручил своему посланнику в Бухаресте обратиться «лично к румынскому королю за разъяснениями». Последний не решился определить германский нажим как ультиматум, но подтвердил, что «Германия выдвинула совершенно недопустимые требования». Король далее заявил, что «Румыния оказывает сопротивление германскому нажиму, но она не будет в состоянии это делать бесконечно, если не получит обещания посторонней помощи» (там же, стр. 263).

лённом созыве международного совещания с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции⁶¹. Это предложение имело большое международное значение. Созыв такого совещания и принятие на нем решения о коллективных мерах по защите мира и безопасности в Европе могли бы остановить фашистских агрессоров.

Чемберлен и Галифакс решили, однако, отклонить советское предложение как не соответствующее общему курсу их внешней политики и даже не сочли нужным поставить его на рассмотрение правительства. При встрече с советским полпредом 19 марта Галифакс ограничился заявлением, что созыв предложенной СССР конференции был бы преждевременным актом⁶².

Советское предложение было передано и французскому правительству. Но последнее не сочло нужным ответить.

История с запросом английского правительства свидетельства вала только о том, что Лондон и Париж в политической «игре» с Германией хотели пользоваться «советским козырем», но не желали иметь в лице Советского Союза своего действительного партнера. Советское правительство могло сделать лишь один вывод: Англия и Франция по существу продолжают прежнюю политику. «Чехословацкие события, — писал нарком советскому полпреду в Англии 19 марта 1939 г., — по-видимому, встряхнули общественное мнение как Англии, так и Франции и других стран. Тем не менее, если в ближайшее время Гитлер не предпримет какой-либо новой экспансионистской акции и, может быть, даже делает новый миролюбивый жест, Чемберлен и Даладьё начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии. Они отнюдь еще не сдались». Если чехословацкие события и ультиматум Румынии несколько и обеспокоили Чемберлена и Даладьё, то все же они «полностью укладывались в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток». И в заключение нарком подчеркнул, что СССР в течение пяти лет делал Англии, Франции и странам Восточной Европы «предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им»⁶³.

Нежелание правительства Англии (той же линии придерживалось и правительство Франции) становиться на путь борьбы с германской агрессией проявлялось и в последующее время. В неоднократных публичных выступлениях Чемберлен протестовал против действий Гитлера, но не заявлял об отказе от политики «умиротворения» и совершенно умалчивал о попытках консультации с нами⁶⁴, писал полпред И. М. Майский. «Излишне, я полагаю, напоминать, — говорилось в письме полпреда в Париже Сурница 26 марта, — что лучшим исходом для мюнхенцев было бы

⁶¹ «СССР в борьбе за мир...», стр. 246—247.

⁶² Там же стр. 247.

⁶³ Там же, стр. 249.

⁶⁴ Там же, стр. 259.

вредить нас в войну с Германией. Это единственная форма войны, которую они сейчас приветствовали бы... Но если вопреки всем стараниям война все же разгорится в другом месте и агрессор вместо намеченного для него мюнхенцами направления все же бросится против самих мюнхенцев, тогда, конечно, можно будет принять помощь и от СССР»⁶⁵. Именно на это была похожа очередная дипломатическая акция Лондона.

21 марта 1939 г. английское правительство выступило с предложением, чтобы СССР, Англия, Франция и Польша опубликовали декларацию о том, что они «обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям, которые составляли бы угрозу политической независимости любого европейского государства⁶⁶.

Советскому правительству было ясно, что декларация сама по себе не могла явиться серьезным средством противодействия агрессии. Однако оно считало, что если такая дипломатическая акция явится хоть некоторым шагом вперед в деле сохранения мира, то от нее не следует отказываться. Поэтому уже на следующий день оно дало свое согласие на ее подписание и опубликование. В целях придания декларации большей обязательности для ее участников М. М. Литвинов одновременно выдвинул предложение о том, чтобы она была подписана главами правительств и министрами иностранных дел четырех государств. Чтобы сделать декларацию четырех держав более широкой, советская сторона внесла предложение пригласить присоединиться к ней как Балканские страны, о которых говорил Галифакс И. М. Майскому, так и Прибалтийские и Скандинавские страны⁶⁷.

Проект декларации и приглашение принять в ней участие английским правительством были переданы также Польше и Румынии. Но при встрече советского полпреда с заместителем министра иностранных дел Англии А. Кадоганом 23 марта выяснилось, что Париж согласен, а из Варшавы ответа еще нет, но в предварительных разговорах поляки указывали на моменты, «заставляющие их задуматься». При следующей беседе (29 марта) Кадоган сообщил, что «поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР»⁶⁸.

Отказ Польши и Румынии от участия в декларации в условиях, когда над ними нависла реальная опасность германской агрессии, вызывал у Советского правительства серьезную озабоченность. Касаясь позиции польского и румынского правительств, американский посол в Лондоне Джозеф Кеннеди (отец убитого президента Джона Кеннеди) 24 марта отмечал, что «возникают

⁶⁵ Там же, стр. 279.

⁶⁶ Там же, стр. 265.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 268, 284.

серьезные сомнения относительно решимости Польши и Румынии защищаться против вторжения или нападения со стороны Германии»⁶⁹. Да и Н. Чемберлен, доносил И. М. Майский в тот же день, «все еще не потерял надежды толкнуть Гитлера на Восток, против СССР»⁷⁰. В день заключения кабального германорумынского экономико-политического договора, навязанного нацистами Румынии, Чемберлен не постеснялся заявить, что у Англии «нет желания... противостоять понятным усилиям Германии расширить свою экспортную торговлю»⁷¹. В части канализации гитлеровской агрессии не изменились и планы французских мюнхенцев⁷², писал Я. З. Суриц из Парижа.

В связи с переговорами об опубликовании декларации четырех держав особенно наглядно проявилась коварная политика польского правительства. Польша не только не хотела защищать своего союзника Румынию от германской агрессии, а, наоборот, вела дело к тому, чтобы направить германскую агрессию именно в сторону Румынии, которая стала бы удобным плацдармом для нападения Германии на СССР. В беседе с английским послом Э. Фиппсом генеральный секретарь МИД Франции А. Леже 18 марта 1939 г. заявил, что министр иностранных дел Польши Бек «предал Румынию или собирается это сделать с целью направления Германии на юго-восток». Руководствуясь этими намерениями, Бек предлагал английским дипломатам заключить только тройственный союз в составе Англии, Франции и Польши, исключив Румынию⁷³. Безразличное отношение варшавского правительства к судьбе Румынии перед лицом гитлеровской агрессии отмечал и американский посланник в Польше Биддл. В своем донесении в госдепартамент 23 марта он писал, что на вопрос британского, французского и румынского послов, выступит ли Польша в помощь Румынии в случае, если Румыния подвергнется вторжению с запада, Бек ответил отрицательно⁷⁴. Надо отметить, что такую же позицию польское правительство занимало и впоследствии, когда Лондоном и Парижем решался вопрос о предоставлении Румынии англо-французских гарантий. В беседе с И. М. Майским 11 апреля лорд Галифакс сказал, что он «предлагал Беку дать Румынии совместную гарантию Англии, Франции, Польши». Однако ответа на предложение Галифакса Бек не дал. М. М. Литвинов 13 апреля 1939 г. в этой связи заметил: «Бек старается сознательно сорвать всякие гарантии Румынии, чтобы в эту сторону направить германскую агрессию. Бек еще в 1934 г. в Москве говорил мне, что Германия изберет Румынию плацдармом для наступления на Украину, причем Бек не выражал никакого беспо-

⁶⁹ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV, p. 499.

⁷⁰ «СССР в борьбе за мир...», стр. 273.

⁷¹ *D. E. Lee. Ten Years (1930—1940)*. Boston 1942, p. 380.

⁷² «СССР в борьбе за мир...», стр. 279.

⁷³ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. IV, p. 373.

⁷⁴ «СССР в борьбе за мир...», стр. 270.

койства по этому поводу. Можно было даже понять, что на этот счет у него имеется соглашение с Гитлером»⁷⁵.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что польское правительство не только не мешало, а помогало Гитлеру прокладывать путь к границам СССР через Румынию. Оно наивно считало, что поход Гитлера на восток через румынскую территорию ослабит угрозу нападения на Польшу.

1 апреля английский посол Сидс сообщил М. М. Литвинову, что следует считать английское предложение об опубликовании декларации четырех стран «окончательно отпавшим»⁷⁶. Тем самым английское правительство отсеклось от собственной идеи.

Между тем германский агрессор продолжал действовать нагло и бесцеремонно. Берлин еще 21 марта 1939 г. параллельно с давлением на Румынию начал дипломатическую подготовку войны против Польши⁷⁷. В целях создания «конфликтной ситуации» германское правительство предъявило Польше в ультимативной форме заведомо невыполнимые условия — дать согласие на присоединение к Германии Гданьска (Данцига) и на строительство через польскую территорию германской автостреды (на правах экстерриториальности) в Восточную Пруссию. Это «предложение Польше, — отмечал советник Риббентропа Э. Клейст в разговоре с одним германским журналистом, — было сделано в твердом убеждении Гитлера, что оно будет ею отвергнуто»⁷⁸.

В то время, когда Англия, Франция и ряд других государств Европы ради собственного спасения стремились повернуть германскую агрессию в сторону других, пусть даже союзных стран, Советский Союз продолжал активную борьбу за сохранение всеобщего мира. Исключительное значение в этой связи имело заявление, сделанное 23 марта 1939 г. М. М. Литвиновым по поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства прибывшему в Москву министру внешней торговли Англии Р. Хадсону. «Мы еще пять лет тому назад, — сказал нарком, — осознали опасность для дела мира со стороны фашистской агрессии. . . считали фашистскую агрессию общей опасностью, для борьбы с которой необходимы общие усилия и сотрудничество всех неагрессивных стран». В течение пяти лет, подчеркивал М. М. Литвинов, Советский Союз предлагал систему региональных пактов, региональные совещания, применение к агрессорам предусмотренных уставом Лиги наций санкций и готов был участвовать и участвовал в таких санкциях независимо от того, задевались ли его интересы отдельными случаями агрессии. Однако все предложения Советского Союза игнорировались Англией и Францией. Несмотря на ясно намечившийся блок Германии, Италии и Японии, правительства Англии и Франции от-

---

⁷⁵ Там же, стр. 324, 683.

⁷⁶ Там же, стр. 292.

⁷⁷ *И. Д. Овсяный*. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975, стр. 285.

⁷⁸ «СССР в борьбе за мир. . .», стр. 362.

клоняли какие бы то ни было совещания миролюбивых стран. Такая политика Англии и Франции завершилась мюнхенской капитуляцией, которая создала нынешнее положение в Европе. «Советский Союз больше, чем какая-либо другая страна, — заключал нарком, — может сам позаботиться о защите своих границ, но он и теперь не отказывается от сотрудничества с другими странами. . . Базой такого сотрудничества должно быть признание агрессии в качестве единой проблемы, требующей общих действий независимо от того, задевает ли она в том или ином случае интересы того или иного из участников сотрудничества. . . Мы готовы рассмотреть и обсудить всякие конкретные предложения, базирующиеся на указанных выше принципах»⁷⁹. Это было важнейшее предложение Советского Союза о выработке фундаментальных мер борьбы с агрессией.

Чтобы преградить путь германской экспансии в Европе и сохранить мир, Советское правительство стремилось продолжить контакты также со своими западными соседями. Как заявил М. М. Литвинов латвийскому и эстонскому посланникам 28 марта, Советский Союз не может оставаться безучастным зрителем установления господства Германии в Прибалтийских государствах и в случае необходимости готово доказать это на деле⁸⁰.

Советский Союз проявлял глубокую заинтересованность в сохранении независимости Польши, Румынии и других стран и был готов к тесному сотрудничеству с Англией и Францией. Эта заинтересованность вытекала из стремления к сохранению мира и из того, что захват их фашистской Германией дал бы германской армии возможность выйти к западным границам СССР, приблизиться к важнейшим военно-промышленным и политическим центрам Советского государства. Вместе с тем в борьбе против германских агрессоров СССР не прекращал попытки установить непосредственные контакты и сотрудничество с этими странами. М. М. Литвинов и другие представители Советского Союза провели немало встреч с польскими ответственными представителями, во время которых обсуждались вопросы мира и безопасности в Восточной Европе⁸¹. На это же была нацелена, как было упомянуто выше, беседа М. М. Литвинова с румынским посланником в Москве Н. Диану 29 марта 1939 г.⁸²

* * *

Зная о нежелании Англии и Франции пойти на организацию коллективного фронта защиты от фашистской агрессии, в конце марта 1939 г. гитлеровцы, готовясь к нападению на Польшу, резко

⁷⁹ «СССР в борьбе за мир. . .», стр. 271—272.

⁸⁰ Там же, стр. 283.

⁸¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII. М., 1973, стр. 54, 63, 67, 69, 72, 74, 80.

⁸² «СССР в борьбе за мир. . .», стр. 283—284.

усилили различные провокационные акции против нее. В германской прессе развернулась резкая кампания по вопросу о положении немецкого меньшинства в Польше. К польской границе открыто подтягивались германские войска. В газетах замелькали сообщения о возможности захвата Германией Гданьска. Англия и Франция забеспокоились, понимая, что германская оккупация Польши приведет к дальнейшему резкому ухудшению их собственного положения, ослаблению их позиций в международном плане.

30 марта 1939 г. правительство Англии приняло решение о предоставлении Польше английских гарантий. Но вопрос о сотрудничестве с СССР на заседании английского кабинета был обойден, хотя парламентская оппозиция требовала от правительства согласованных действий с Советским Союзом. 31 марта английское правительство сделало заявление о своей готовности оказать Польше помощь.

В тот же день французское правительство обратилось к Советскому правительству с запросом о том, какова будет позиция СССР в случае нападения Германии на Польшу. При этом французское правительство, как в свое время и английское по поводу германской угрозы Румынии, не считало нужным излагать свою собственную позицию. Трудно сказать, было ли это обращение французского правительства согласовано с Варшавой. Запрос, нет сомнения, носил формальный характер. Советское правительство и само неоднократно предлагало Польше сотрудничество по организации коллективной защиты от агрессии. Однако Польша выражала резко отрицательное отношение к советским предложениям⁸³, хотя Ю. Бек в беседе с заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным 10 мая должен был признать, что «без поддержки СССР полякам себя не отстоять» перед германским агрессором⁸⁴.

Реальная угроза германской агрессии существовала и в отношении ряда других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, где Англия и Франция продолжали пока что занимать сильные экономические и военно-стратегические позиции.

13 апреля Англия и Франция предоставили гарантии Румынии⁸⁵ и Греции, а несколько позднее — Турции. Надо отметить, что гарантии не содержали указаний, против кого они направлены. Этим жестом правительства Англии и Франции надеялись принудить Гитлера к новой сделке с ними и указать ему свободный

⁸³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, стр. 63, 67, 69, 72, 74, 80.

⁸⁴ «СССР в борьбе за мир...», стр. 389.

⁸⁵ Англия и Франция проявили большую «мудрость» в составлении формулировки о гарантиях. Так, они «гарантировали» независимость Польше и Румынии, но не их границы. Англия согласилась на гарантии Румынии лишь под давлением французского правительства и при условии, что и Франция со своей стороны согласится присоединиться к английским гарантиям Греции и Турции.

путь на Восток через негарантированную Прибалтику и Финляндию⁸⁶.

Предоставленные Польше и Румынии гарантии без участия в них СССР теряли свою реальную силу с точки зрения перспективы снабжения этих стран вооружением и военными материалами. Такого рода военная помощь могла быть оказана Англией и Францией только через территорию СССР, что признавалось даже английским правительством⁸⁷. Все это, естественно, отлично понимали и агрессоры.

В вопросе о гарантиях Англия и Франция заботились о своих чисто империалистических интересах — защите, удержании собственных позиций в Восточной и Юго-Восточной Европе. Англо-французские гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции носили также и пропагандистский характер, ибо были рассчитаны на успокоение народов Англии и Франции, требовавших от своих правительств принятия мер против гитлеровской агрессии.

Принятие англо-французских гарантий не мешало польским и румынским политикам, как и прежде, поддерживать самые дружественные отношения с фашистским рейхом. Так, румынский министр иностранных дел Гафенку, напросившись во второй половине апреля 1939 г. на визит в Берлин, при встрече с Гитлером и Риббентропом доказывал, что англо-французские гарантии не имеют реальной силы. Более того, румынский министр утверждал, что они имеют отношение не столько к Германии, сколько к Советской России⁸⁸. Когда «фюрер» задал вопрос, почему Румыния приняла английские гарантии, Гафенку заявил, что румынское правительство не видело каких-либо оснований отказываться от принятия ни к чему не обязывающих в отношении рейха гарантий и что, «кроме Германии, с которой у Румынии нет общей

⁸⁶ Существовала даже опасность того, что в случае нападения Германии и Японии на СССР к ним могли присоединиться также «гарантированные» Западом Польша и Румыния. При окончательном дележе Чехословакии 16 марта 1939 г. Бек не без влияния Берлина и Бухареста просил венгерское правительство уступить Румынии «восточные районы Закарпатской Украины, включая идущую из Польши в Румынию железную дорогу», которые должны связывать эти две страны в случае «польско-румынского выступления против Советского Союза» («Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. VI, doc. 7).

⁸⁷ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V, p. 642.

⁸⁸ На антисоветский характер англо-французских гарантий Польше и Румынии указывал также нарком иностранных дел М. М. Литвинов в своих письмах полпредам в Лондоне и Париже («СССР в борьбе за мир...», док. 223, 224). Антисоветский характер гарантий Польше и Румынии в неофициальном порядке английские дипломаты признавали в беседе с поверенным в делах в Лондоне Кордтом. Последний 26 апреля доносил в Берлин: «Из надежного источника я получил информацию о том, что ... предоставленные ... Польше и Румынии гарантии направлены против любого нападения... Таким образом, отвергается попытка Советской России лишить существующие между Польшей и Румынией договоры их антисоветской направленности и обратить их исключительно против Запада», т. е. Германии («Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. VI. Baden-Baden, 1956, S. 279—280).

границы, имеются граничащие с ней государства, например, Венгрия, Болгария и Россия»⁸⁹.

Весьма характерно также заявление министра иностранных дел Румынии Гафенку, сделанное во время беседы с Галифаксом 25 апреля 1939 г.: «Румынская дружба с Францией и Великобританией не беспокоит Германию, так как эта дружба предоставляет Румынии возможность занимать твердые антирусские позиции»⁹⁰. Комментарии, как говорится, излишни.

Многие нюансы политической игры западных держав в тот период становятся особенно понятными, если обратиться к недавно открытым для общего пользования документам английского правительства, которые полностью разоблачают официальную пропаганду английской дипломатии, постоянно твердившей, что гарантии представляли якобы бескорыстную заботу о судьбе Польши, Румынии и других стран. «Премьер-министр напомнил, — говорится в протоколе внешнеполитического комитета английского правительства, — что генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам. Господство Германии над Данией не увеличило бы военной мощи Германии, и поэтому в данном случае нам не следует брать обязательств о военном вмешательстве с целью восстановления статус-кво»⁹¹.

Следовательно, Англия, как и Франция, при даче гарантий другим странам заботилась только о своих империалистических интересах, а не о защите жертв германской агрессии. Чемберлену на сомнительное значение англо-французских гарантий для Польши и Румынии еще 30 марта указывал бывший премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж, заявивший, что действительный отпор Германии на Востоке может быть организован только при твердом соглашении с СССР и что односторонние английские гарантии Польше являются «безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться»⁹².

На это указывало и советское полпредство в Англии. «Что реально может сделать на самом деле Англия (или даже Англия и Франция вместе взятые) для Польши и Румынии в случае нападения на них Германии? Очень мало. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьезной угрозой,

⁸⁹ V. A. Varga. Указ. соч., стр. 57.

⁹⁰ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V, p. 329.

⁹¹ Цит. по кн.: В. Я. Сутолц. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, стр. 301.

⁹² «СССР в борьбе за мир...», стр. 291.

Польша и Румыния перестанут существовать»⁹³. А это означало, что гарантии не являлись сколько-нибудь существенным фактором укрепления позиций Англии и Франции, изменения соотношения сил в Европе в их пользу. Наиболее наглядно об этом свидетельствовал тот факт, что 3 апреля 1939 г. Гитлером была подписана директива о подготовке германских войск к нападению на Польшу 1 сентября, а 11 апреля он подписал план разгрома Польши (план «Вайс»). Гитлер не сомневался, что войну «с Польшей можно локализовать», так как «Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу». Он был уверен, что Англия ограничится военно-морской демонстрацией, Франция же «побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится»⁹⁴. Вскоре нацистами было решено через венгерскую территорию выдвинуть войска к границам Румынии, добиться ее капитуляции⁹⁵.

Цели англо-французских правителей использовать свои гарантии другим странам в целях оказания давления на Гитлера, чтобы принудить его пойти на «широкое соглашение» с Англией и Францией, тоже не дали результатов.

Кликкой Гитлера было намечено произвести определенную работу и в Прибалтийских странах, но с использованием более сложных и «мягких» форм. Ставилась задача путем заключения с ними договоров о ненападении добиться их нейтралитета, что лишило бы их возможности получить помощь со стороны Советского Союза. А в нужный момент, когда это будет необходимо, рассуждали гитлеровцы, Германия нарушит этот нейтралитет и установит в этом регионе свое господство⁹⁶.

Гитлеровцы считали, что, несмотря на англо-французскую политическую демонстрацию «сопротивления» фашистской экспансии, созрели все условия для того, чтобы начать движение на Восток.

По словам Гитлера, сказанным Риббентропу во время разработки плана войны против Польши, «за беспощадным очищением востока последует «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществлен разгром Советов»⁹⁷.

Планы очередности акций германской агрессии через английских резидентов в Берлине стали известны правительствам Англии и Франции буквально через несколько дней. В какой-то степени они проникли и на страницы английской и французской прессы. Реально нависшая угроза войны резко усилила выступ-

⁹³ «Международная жизнь», 1967, № 7, стр. 92.

⁹⁴ «СССР в борьбе за мир...», стр. 364.

⁹⁵ Там же, стр. 365.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, стр. 362.

ления прогрессивных сил против мюнхенцев и их политики, за коренное изменение внешнеполитического курса Англии и Франции. Опрос общественного мнения в Англии в апреле—мае показал, что 87% населения выступало за заключение военно-политического союза между Англией, Францией и СССР. Во Франции процесс отрезвления шел еще быстрее, чем в Англии. Да это и понятно, поскольку Франция оказалась под непосредственной угрозой⁹⁸. Советский полпред в Париже Я. З. Суриц сообщал, что во Франции многие уверены, что «войны не избежать», поэтому «нельзя уже больше и пренебрегать помощью, откуда бы она ни пришла. Нельзя уже больше и игнорировать Советский Союз». В силу этого во французских газетах почти исчезли все нападки на СССР. «Я должен прежде всего констатировать, — докладывал полпред, — резкую перемену в тоне, с которым сейчас ведутся с нами здесь разговоры. Ни следа от прежнего высокомерия»⁹⁹.

Правительство Чемберлена, а за ним и французское правительство считали, однако, принятие каких-либо совместных с Советским Союзом обязательств нежелательным, все еще надеясь в случае возникновения германо-советского конфликта иметь полную свободу действий. Правители Англии рассчитывали, что нападение Германии на Польшу и Румынию может привести к германо-советской войне. Английское правительство снова попыталось поставить вопрос о принятии Советским правительством односторонних обязательств об оказании помощи странам Восточной Европы в случае нападения Германии на них. Это зафиксировано в беседах полпреда И. М. Майского с Галифаксом. 11 апреля английский министр при встрече с И. М. Майским обратился с вопросом о том, «в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии?»¹⁰⁰. На этот вопрос Советское правительство 14 апреля через своего полпреда заявило, что СССР не относится безучастно к судьбе Румынии и готов принять участие в оказании помощи Румынии, но он хотел бы знать, как английское правительство мыслит себе формы помощи Румынии со стороны Англии и других заинтересованных держав¹⁰¹. Галифакс приветствовал советское заявление о готовности оказать помощь Румынии, но оставил без ответа контрвопрос. Более того, Галифакс в беседе с И. М. Майским (14 апреля), а У. Сидс при встрече с М. М. Литвиновым 15 апреля упорно добивались, чтобы СССР взял на себя односторонние обязательства не только перед Румынией (как об этом ставился вопрос Галифаксом 11 апреля), но и перед Польшей и Прибалтийскими странами. «Галифакс выразил надежду полу-

⁹⁸ В. И. Попов. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). М., 1965, стр. 411; Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964, стр. 428—429.

⁹⁹ «СССР в борьбе за мир...», стр. 318—320.

¹⁰⁰ Там же, стр. 324.

¹⁰¹ Там же, стр. 331.

чить ответ из Москвы не позднее 17-го, так как момент очень опасный»¹⁰². По предложению англичан СССР должен был прийти на помощь своим западным соседям при условии, что она «окажется желательной»¹⁰³. Иначе говоря, Советский Союз в случае нападения фашистского рейха на его соседей был бы обязан оказывать им помощь. Но эти соседи сохраняли полную свободу действий: они могли бы и не принимать помощь СССР, а, например, без сопротивления капитулировать перед Гитлером или стать его союзниками, как несколько позже поступили Румыния и Финляндия, допустив германские войска на свою территорию для развертывания войны против Советского Союза¹⁰⁴.

Предоставление Польше, Румынии и Прибалтийским странам односторонних гарантий со стороны Советского Союза укрепило бы их безопасность, но этот шаг Советского правительства при отсутствии пакта взаимопомощи с Англией и Францией таил бы в себе огромные опасности для Страны Советов. Да и сами западные соседи СССР не проявляли никакого желания иметь советские гарантии.

Английское предложение ставило Советский Союз явно в невыгодное положение. Если Польша и Румыния имели англо-французские гарантии (пусть даже формальные), то Прибалтийские страны не имели и таких гарантий со стороны «западных демократий». Поэтому принятие английского предложения могло бы поставить СССР в такое положение, что в случае гитлеровской агрессии против Прибалтийских стран он вынужден был бы воевать с Германией один на один.

Аналогичная ситуация возникала и в случае нападения Германии на Польшу или Румынию. Английские и французские «гарантии», не желая или не имея возможности из-за географической разобщенности эффективно помочь жертвам агрессии, могли остаться вне войны (как это и случилось в сентябре 1939 г.). Советский Союз же, выступив на помощь Польше или Румынии, оказался бы в таких условиях в состоянии войны с Германией без союзников. К тому же никто не мог гарантировать, что румыны или поляки не повернут оружие и не выступят вместе с Гитлером против СССР.

Нельзя не упомянуть об оценках, которые давали английским предложениям в конфиденциальных беседах сами западные дипломаты. Так, американский посол в Париже У. Буллит отмечал, что политика Чемберлена и Галифакса в отношении Москвы была «чуть ли не оскорбительной»¹⁰⁵.

Политические события марта—апреля 1939 г. показали всему миру искреннее стремление Советского Союза к созданию фронта

¹⁰² «СССР в борьбе за мир...», стр. 331, 333.

¹⁰³ Там же, стр. 333.

¹⁰⁴ «История внешней политики СССР. 1917—1945 гг.», ч. 1. М., 1966, стр. 330.

¹⁰⁵ «Foreign Relations of the United States, 1939», vol. I, p. 248.

коллективной борьбы против фашистской агрессии и нежелание правящих кругов Англии и Франции к сотрудничеству с Советским Союзом в интересах мира и безопасности.

* * *

В условиях явного приближения второй мировой войны Коммунистическая партия и Советское правительство считали необходимым сделать все возможное, чтобы объединить усилия стран, которым угрожала агрессия. Создание единого фронта коллективной борьбы с фашистской агрессией стало срочной и неотложной задачей.

В ответ на английский запрос, сделанный Сидсом от имени своего правительства 15 апреля 1939 г., Советское правительство 17 апреля выдвинуло перед Англией и Францией конкретные, основанные на принципе взаимности деловые предложения, в которых предусматривалось:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2».

Своими предложениями Советский Союз положил начало советско-англо-французским политическим и военным переговорам, продолжавшимся до 21 августа 1939 г. Политический договор о взаимной помощи и военную конвенцию предусматривалось, согласно советскому предложению, подписать одновременно. Кроме того, в случае войны участникам договора запрещалось заключение с агрессором сепаратного мира. В предложениях указывалось также на необходимость упразднения румыно-польского договора 1921 г., направленного против СССР¹⁰⁶.

При вручении предложений английскому послу Сидсу М. М. Литвинов особенно подчеркнул значение одновременного заключения и подписания обоих соглашений, политического и военного¹⁰⁷. Эти же предложения 18 апреля советским полпредом в Париже были переданы министру иностранных дел Франции.

Советский документ представлял четкую программу создания в Европе эффективной и надежной системы безопасности перед

¹⁰⁶ «СССР в борьбе за мир...», стр. 336—337.

¹⁰⁷ Там же, стр. 336.

лицом нараставшей фашистской агрессии, и Советское правительство активно и последовательно добивалось их претворения в жизнь. Но инициатива Советского Союза и на этот раз не встретила поддержки правительств Англии и Франции.

20 апреля советские предложения были поставлены на рассмотрение внешнеполитического комитета английского правительства. Но вместо того, чтобы данные предложения обсудить по существу, английские министры убеждали друг друга в том, что вряд ли Советский Союз может представлять особую ценность как военная сила. СССР, по их мнению, должен быть использован лишь как поставщик военных материалов «доблестным» армиям Польши и Румынии, а для этого заключать англо-франко-советский военный союз нет необходимости. Формально не отклоняя советского предложения, Чемберлен заявил, что «следует попытаться создать впечатление, что еще не наступило время для военного союза». В протоколе заседания указывалось, что члены комитета «не расположены принимать советских предложений»¹⁰⁸. На следующий день при встрече с польским послом Э. Рачинским Галифакс заявил, что «советское предложение, хотя оно и серьезно, идет далее того, на что готово пойти британское правительство»¹⁰⁹.

Несколько дней спустя (24 апреля) на заседании внешнеполитического комитета кабинета был заслушан и обсужден доклад начальников штабов трех видов английских вооруженных сил о боеспособности СССР. И на этот раз было проявлено полное нежелание правителей Англии иметь военный союз с СССР. Галифакс заявил: «Мы должны затягивать дело»¹¹⁰.

Советские предложения были более широко рассмотрены и обсуждены на заседании правительства 26 апреля 1939 г. Галифакс, выступая с докладом по этому вопросу и повторяя мысли Чемберлена, заявил, что время для широкого соглашения с СССР не наступило. Он внес предложение настаивать на принятии Советским Союзом английских предложений от 15 апреля, которые сводились к тому, чтобы СССР взял односторонние обязательства об оказании помощи всем своим западным соседям. Министр иностранных дел акцентировал внимание членов правительства на том, что принятие Англией предложения СССР может иметь отрицательное влияние на англо-германские отношения. Это было явным намеком на то, что переориентация Лондона на сотрудничество с СССР закрыла бы путь к заключению «широкого англо-германского соглашения». И на этом заседании английского правительства советские предложения были признаны неприемле-

---

¹⁰⁸ Цит. по кн.: *Л. В. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939*, стр. 307.

¹⁰⁹ «СССР в борьбе за мир...», стр. 341.

¹¹⁰ *I. Colvin. The Chamberlain Cabinet. London, 1971, p. 205.*

мым¹¹¹. О такой позиции Англии было информировано и французское правительство.

Английские правящие круги, продолжая строить свою политику в расчете на советско-германскую войну, стремились изолировать СССР в международном плане. А если бы Англия заключила соглашение с Советским Союзом, то это могло бы удержать Гитлера от нападения на СССР, но данная реалистическая позиция противоречила генеральной линии английского империализма. Франция хотя и испытывала большое беспокойство относительно развития германской агрессии, но и она не проявляла искреннего стремления к сотрудничеству с Советским Союзом. В течение восьми дней Э. Даладье и Ж. Бонне не считали нужным ознакомить членов правительства с советским предложением, несмотря на острую сложившуюся политическую ситуацию в Европе¹¹². 25 апреля французское правительство выступило со своими предложениями относительно англо-франко-советского сотрудничества. В проекте соглашения, переданном Бонне советскому полпреду, говорилось: в случае, если Франция и Англия оказались бы в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения в Центральной и Восточной Европе, то СССР должен был оказать им немедленную помощь и поддержку¹¹³. Если бы Советский Союз оказался в состоянии войны с Германией в результате принятых им таких же мер, то СССР помощи не предусматривалось. Поэтому 28 апреля М. М. Литвинов писал полпреду в Париже, что предложение Бонне звучит издевательски.

Учтя замечания советской стороны, сделанные на следующий день, Бонне был вынужден признать свое предложение «неудачным», внося в него некоторые поправки¹¹⁴. Однако и в новых предложениях Бонне от 29 апреля были обойдены важнейшие предложения, внесенные СССР 17 апреля, как то: о заключении между СССР, Англией и Францией пакта взаимопомощи на случай непосредственного нападения на одну из трех держав, о предоставлении гарантии трех держав всем граничившим с СССР восточноевропейским странам, об отказе от заключения сепаратного мира.

Необходимо отметить, что французское правительство ставило военное сотрудничество с Советским Союзом полностью в зависимость от позиции Варшавы, хотя оно знало, что польские правители, как и румынские, были вообще против такого сотрудничества. «Вы сами, — подчеркивал французский посол в Варшаве Л. Нозль в беседе с заместителем министра иностранных дел

¹¹¹ В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939, стр. 310.

¹¹² «СССР в борьбе за мир...», стр. 347.

¹¹³ Там же, стр. 348—349.

¹¹⁴ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V, p. 406.

Польши Я. Шембеком, — определяли бы характер, степень, условия и формы советской помощи»¹¹⁵.

Сейчас, сообщал Суриц из Парижа 26 апреля, дело похоже на то, что «весь шум и вся канитель, поднятые вокруг «сотрудничества» с нами, кончатся обычным блефом», так как Боннэ и Чемберлен никогда этого сотрудничества не желали¹¹⁶. Что касается Лондона, то он не согласился поддержать даже куцые французские предложения.

Американский посол в Париже У. Буллит сообщал в Вашингтон, что английское правительство продолжает добиваться предоставления Советским Союзом односторонних гарантий Польше и Румынии, но «не согласно предоставлять Советскому Союзу какую-либо гарантию со стороны Англии»¹¹⁷.

* * *

Существенную роль в срыве советских усилий по организации коллективной защиты мира играли Польша и Румыния. Румынские и польские политики тогда вполне понимали весомость своих действий (зато после разгрома фашистской Германии, разбежавшись по западным странам, они стали искажать прошлое и выдавать себя за «пешек» англо-французской политики). Советник польского посольства в Лондоне А. Яжджевский, выражая общую польско-румынскую точку зрения, в разговоре со своим германским коллегой Т. Кордтом подчеркнул, что он «не в состоянии представить себе, как вообще могло бы осуществиться включение Советской России» в систему коллективной безопасности «без содействия Румынии и Польши»¹¹⁸.

Румыния и Польша придавали большое значение также сохранению своего антисоветского союзного договора 1921 г. Когда в ходе переговоров о заключении англо-франко-советского договора о взаимной помощи и гарантировании тремя державами стран Восточной Европы, в том числе Польши и Румынии, народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов предложил аннулировать польско-румынский союз или в крайнем случае распространить его действие и на Германию, польский посол в Москве ответил категорическим отказом¹¹⁹. Против изменения существа или денонсации румыно-польского антисоветского военного союза выступил и Кароль II¹²⁰. Да это и понятно. Этот договор не только укреплял антисоветские позиции Польши и Румынии, но и служил целям, как заявил Гитлер Гафенку 19 апреля, фашистской Германии¹²¹.

¹¹⁵ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, стр. 63.

¹¹⁶ «СССР в борьбе за мир...», стр. 351.

¹¹⁷ «Foreign Relations of the United States. 1939», vol. I, p. 244.

¹¹⁸ «СССР в борьбе за мир...», стр. 338—339.

¹¹⁹ Там же, стр. 380.

¹²⁰ V. A. Varga. Указ. соч., стр. 68.

¹²¹ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V, p. 310.

На фоне антисоветской политики Польши и Румынии, а также Прибалтийских стран, их нежелания (не без инспирации и со стороны Лондона и Парижа) принимать советскую помощь и иметь СССР своим союзником в борьбе с агрессором становилось все подозрительнее: настоящее английское правительство толкнуть Советское правительство на заявление об односторонних гарантиях странам Восточной Европы.

Неучастие в организации единого фронта борьбы с фашистской агрессией Польша объясняла нежеланием входить в какие-либо комбинации против Германии, «независимо от состава участников таких комбинаций»¹²². Такую же позицию в отношении гитлеровской Германии занимало и румынское правительство. «Король и правительство, — доносил германский посланник в Румынии В. Фабрициус в Берлин 14 апреля 1939 г., — тверды в своем решении не вступать ни в какие соглашения, которые могут быть каким-либо образом направлены против Германии даже в малейшей степени... Премьер-министр Калинеску... в разговоре со мной энергично подтвердил это»¹²³. О стремлении Румынии остаться вне фронта борьбы с фашистской агрессией было сообщено Тилем и Галифаксу¹²⁴.

Стремясь как-то прикрыть свою прогитлеровскую политику, польский министр иностранных дел выдвинул фальшивую «доктрину»: «Польское правительство стоит на твердой позиции — не входить ни в какие соглашения с одним из своих сильных соседей против другого, т. е. ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии»¹²⁵. К такого рода «аргументам», согласованным с Варшавой, прибегали и бухарестские политики, когда западные союзники пытались выяснить их позицию относительно возможности международного соглашения с участием СССР, направленного против германской агрессии. Румынский министр иностранных дел Гафенку в своем заявлении Лондону и Парижу, доносил Фабрициус из Бухареста, показал, что «Румыния ни при каких условиях не присоединится к какой-либо группе держав, которая была бы направлена против другой. Он (Гафенку) отклонил все планы коллективной безопасности»¹²⁶.

Однако послы руководителей Польши не выдерживали никакой критики. «Может быть, — отмечал М. М. Литвинов в беседе с польским послом в СССР Гжибовским, — если говорить абстрактно, вне времени и пространства, положение о неудобствах соглашения с одним сильным соседом против другого верно; если, однако, рассуждать политически и конкретно, то положение верно лишь в том случае, если оба соседа одинаково миролюбивы или

¹²² Запись беседы М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 2 апреля 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», стр. 296).

¹²³ «Documents of German Foreign Policy», ser. D, vol. VI, p. 236—237.

¹²⁴ «СССР в борьбе за мир...», стр. 324.

¹²⁵ Там же, стр. 293.

¹²⁶ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. VI, p. 112.

одинаково агрессивны. Когда же не приходится сомневаться в агрессивности одного соседа и в миролюбии другого, напрашиваются другие положения»¹²⁷.

Своей политикой польские правители «рыли ров» между Польшей и СССР, который был выгоден только целям германского империализма¹²⁸.

В срыве усилий Советского правительства в деле организации коллективной защиты от агрессии Бухарест стоял на тех же позициях. «Во всех состоявшихся (в Лондоне) беседах, — сообщал польский посол в Англии, — министр Гафенку в отношении Советской России занимал позицию, идентичную позиции Польши»¹²⁹, т. е. «никаких дел с Советским Союзом». И действительно, румынский министр 19 апреля 1939 г. перед появлением в Лондоне заверил Гитлера в том, что Румыния будет твердо стоять на позициях неучастия в любой системе коллективной безопасности с участием Советской России¹³⁰.

Позиция Гафенку, занятая в беседах с Гитлером и другими главарями фашистской Германии, отражала истинное направление румынской внешней политики, которое объективно способствовало только развитию фашистской агрессии. В день приезда румынского министра в Берлин (18 апреля) МИД Германии разослал меморандум в канцелярию Гитлера, генштаб вермахта, в дипломатические представительства в Москве, Лондоне, Париже и странах Балканской Антанты, в котором с полным основанием указывалось, что Гафенку «рассматривает свой визит в Берлин как дальнейший шаг по направлению сближения между двумя странами, как курс, который он постоянно проводит с момента занятия поста министра иностранных дел. Одним из выражений этого курса было заключение германо-румынского экономического договора»¹³¹.

Польские и румынские деятели, равно как и лидеры Прибалтийских стран, продолжали проявлять нежелание идти на соглашение с СССР в борьбе с фашистскими агрессорами, хотя в создавшихся условиях требовались объединенные усилия и действия всех, кому угрожала германская агрессия. Негативная позиция правящих кругов Польши и Румынии, открытый отказ Прибалтийских стран и Финляндии от советской помощи были использованы империалистическими кругами Англии и Франции в качестве козыря, чтобы парализовать акции Советского Союза, направленные на создание антиагрессивного фронта. Отклоняя советские предложения об укреплении мира, правительства Англии и Франции, помимо собственных «аргументов», широко ссылались на запятую Польшей и Румынией позицию, что четко зафиксир-

¹²⁷ «СССР в борьбе за мир...», стр. 294.

¹²⁸ *И. Д. Овсяный*. Указ. соч., стр. 287.

¹²⁹ «СССР в борьбе за мир...», стр. 371.

¹³⁰ *G. Gafenco*. Préliminaires de la guerre à l'Est. Genève, 1944, p. 980.

¹³¹ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. VI, p. 278.

ровано в официальных английских и французских документах, а также в мемуарной литературе бывших политических буржуазных деятелей¹³². Отработка польской и румынской негативной позиции (синонимом которой был антисоветизм) шла не только в президентских и королевских дворцах Варшавы и Бухареста, но и в Лондоне и Париже во время официальных встреч на уровне ведущих государственных деятелей. Особенно четко это проявилось при переговорах румынского министра иностранных дел Гафенку с Чемберленом и Галифаксом 23—25 апреля. В этих беседах полномочный румынского короля, приехавший в столицу Англии после встреч с Гитлером, в деталях обсудил перспективу взаимоотношений Румынии с великими державами Запада и изложил позицию, занятую Бухарестом в отношении СССР. Он не скрывал, что румынское правительство не желает устанавливать какое-либо сотрудничество с участием СССР, хотя тут же признавал, что Советский Союз был хорошим соседом и не причинял Румынии беспокойства¹³³.

Тезис Гафенку избегать сотрудничества с СССР и по возможности отстранить его от европейской политики нашел полную поддержку у английского правительства¹³⁴. Более того, Чемберлен и Галифакс просили румынского министра при случае публично заявить, что Румыния не желает сотрудничать с СССР в организации мира¹³⁵. Из Лондона румынский министр направился в Париж, где он встретился с Даладье и Бонне. Выполняя наказ как Гитлера, так и английских руководителей, он убеждал своих французских собеседников в ненужности организации коллективной борьбы против фашистской агрессии. Румынский министр еще раз открыто высказал неодобрение по поводу переговоров Англии и Франции с Советским Союзом¹³⁶.

Румынские правители, хорошо улавливая общее направление англо-французской политики, уже не считали нужным скрывать усилвшиеся связи с фашистской Германией не только в экономической области, но и в военно-политической. Проявлением такого внешнеполитического курса явились сделки Бухареста с Берлином по оснащению румынской армии германским оружием. «Король, — докладывал Берлину Фабрициус 17 мая 1939 г., — намерен выполнить в содружестве с Германией большую программу вооружения... По-моему, поставки Германией вооружения для румынской армии будут иметь решающее значение в формировании румыно-германских отношений и в реализации договора

¹³² G. Gafencu. Derniers jours de l'Europe, un voyage diplomatique en 1939. Paris, 1946.

¹³³ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V. London, 1952, p. 332.

¹³⁴ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V, p. 310; «Documents on German Foreign Policy, ser. D, vol. VI, p. 452.

¹³⁵ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V, p. 313.

¹³⁶ Там же, стр. 331—332.

Вольтата»¹³⁷. Конкретным выражением румыно-германского военного сотрудничества явились крупные контракты, заключенные в начале июля 1939 г.¹³⁸ В обмен на военные материалы Румыния обязалась поставить Германии большое количество бензина, смазочных масел и нефти¹³⁹. Новый курс военной политики Бухареста был направлен в первую очередь против Советского Союза.

* * *

В проведении западными странами их коварной, опасной для дела мира политики большую помощь продолжали оказывать правящие круги стран Северо-Восточной Европы. Финляндия, например, в соответствии с восточной политикой Гитлера и «западных демократий» развернула на советских границах интенсивную подготовку плацдарма для наступления на важнейшие военно-экономические центры СССР — Ленинград, Мурманск и Петрозаводск. Военное строительство велось на средства и под руководством крупных военных специалистов Германии, Англии, Франции, Швеции и США. С целью инспектирования финской армии и «линии Маннергейма» Финляндию в 1938—1939 гг. посещали военные министры и начальники генеральных штабов стран Запада. Особое значение имел состоявшийся летом 1939 г. визит начальника генштаба гитлеровской сухопутной армии генерала Ф. Гальдера. При переговорах с правителями Финляндии, как пишет бывший германский посланник в Хельсинки В. Блюхер, Гальдер потребовал ускорить перевооружение финской армии и усилить общий антисоветский курс¹⁴⁰. Такие же наставления при посещении финского плацдарма делал финнам английский генерал Кэрк¹⁴¹. Замыслы империалистических кругов Запада полностью совпадали с целями финской реакции, вынашивавшей планы участия в антисоветской войне в союзе с фашистским рейхом.

Советское правительство, озабоченное военной активностью финских и западноевропейских империалистов на подступах к Ленинграду, предложило Финляндии начать переговоры о нормализации отношений и сотрудничестве в обеспечении мира на северо-востоке Европы. Оно выдвинуло следующие предложения: СССР гарантирует неприкосновенность Финляндии и ее морских границ, а также берет на себя обязательство об оказании ей помощи против агрессии вплоть до военной помощи; заключит с Финляндией выгодный для нее торговый договор; поддержит ходатайство финского правительства о пересмотре статуса Аландских островов.

¹³⁷ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. VI, p. 521.

¹³⁸ Там же, стр. 880.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ W. Blücher. *Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie*. Wiesbaden. 1951, S. 145; «СССР в борьбе за мир...», стр. 371.

¹⁴¹ D. N. Pritt. *Must the War spread?* London, 1940, p. 212.

Финляндия со своей стороны должна дать Советскому Союзу обязательство сопротивляться любой агрессии, отстаивать свой суверенитет и независимость, оказать СССР содействие в укреплении безопасности Ленинграда как с суши, так и с моря. В этих целях финское правительство предоставляет Советскому Союзу аренду на острова в Финском заливе (Сурсари, Лавансари, Сейскари, Тнуринсари) сроком на 30 лет¹⁴². Финское правительство по согласованию с правительствами Германии, Англии и США отвергло советские предложения.

В период советско-англо-французских политических переговоров политику непротivления гитлеровской агрессии вели и фашистские правительства Латвии, Эстонии и Литвы. Об этом говорило не только их стремление усилить бдительность народных масс перед нарастающей опасностью германской агрессии, но и их военная политика. Когда германский посланник в Риге фон Коце в беседах с руководящими деятелями Латвии упрекал последних в том, что они до сих пор не привили народу положительного отношения к фашистской Германии, правящая клика Латвии в качестве важного доказательства ее преданности фашистскому рейху приводила тот факт, что латвийская армия сосредоточена не на западной границе, а на восточной. Этим она доказывала нацистскому дипломату, что Латвия готовится к войне не с Германией, а с Советским Союзом. «Замечание, — фиксировал МИД Латвии суть переговоров с германским посланником, — что мы вообще в военном отношении не ориентировались иначе, как только в восточном направлении, о чем свидетельствует дислокация нашей армии, фон Коце встретил с полным пониманием»¹⁴³. Таким же образом поступила и Эстония. «Большинство войск эстонской регулярной армии, — докладывал советский полпред из Таллина 21 июня, — на днях переведено на эстонско-советскую границу»¹⁴⁴. Концентрация эстонских войск на советской границе особенно усилилась во второй половине 1939 г.¹⁴⁵

Начиная с марта 1939 г. Прибалтийские страны, как и Финляндия, стали предметом особого внимания со стороны гитлеровского генералитета. Генерал Гальдер и начальник контрразведки рейхсвера адмирал Канарис в июне посетили Эстонию. Во время этого визита они совместно с эстонским правительством условились, что переброска германских войск в Эстонию должна проходить не только морем, но и через территорию Литвы и Латвии¹⁴⁶. Кредо прогерманской политики Латвии было изложено ее министром иностранных дел В. Мунтерсом. «Мы, — заявил он в одном из своих публичных выступлений, — признаем и ува-

¹⁴² «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1. М., 1960, стр. 260.

¹⁴³ В. Сиполс. Тайная дипломатия. . ., стр. 288.

¹⁴⁴ «СССР в борьбе за мир. . .», стр. 459.

¹⁴⁵ Там же, стр. 488.

¹⁴⁶ «Documenti Diplomatici Italiani», ser. 8, vol. XII. Roma, 1952, p. 585—589.

жаем громадную политическую роль Германии в нашей части Европы»¹⁴⁷. Явный поворот Латвии и Эстонии к гитлеровской Германии отмечали польские газеты. «Латвия и Эстония, — без удовольствия констатировала газета «Полония», — сближаются с Германией и входят в ее политическую систему»¹⁴⁸. Нацисты ожидали лишь удобного момента для ввода своих войск в Прибалтику. Из опубликованных германских документов видно, что решение «прибалтийской проблемы» намечалось Гитлером одновременно с нападением на Польшу.

Учитывая сложившуюся обстановку на советских дальневосточных границах, Прибалтийские страны поддерживали контакты также с представителями японского генерального штаба¹⁴⁹.

Параллельно с военными приготовлениями прибалтийские правители значительно усилили антисоветскую пропаганду. С их разрешения в Прибалтику хлынул поток немецких «туристов», в русских семьях этих стран расселялась немецкая молодежь для изучения русского языка, а в городах и других стратегических центрах была создана сеть германской политической и военной агентуры.

Планы латвийской, эстонской и литовской реакции сдать на милость фашистской Германии не были все же реализованы. Германского вторжения Прибалтийские страны избежали главным образом благодаря усилиям Советского Союза, решительно заявившего на весь мир о своей заинтересованности в их неприкосновенности. При заключении пакта о ненападении с СССР Германия была вынуждена учесть эту позицию Советского правительства. Определенную роль в срыве планов превращения Прибалтики в германский плацдарм сыграло антифашистское движение трудящихся Эстонии, Латвии и Литвы. Советник германской миссии в Риге в беседе с американским посланником признавал, например, что 80% латышей симпатизируют СССР, а не Германии¹⁵⁰. Это полностью подтверждается и данными латвийской охранки. В одном из ее документов того времени указывается, что «рабочие настроены крайне враждебно к гитлеровской Германии, и своим единственным спасителем они считают СССР». Несколько позднее рабочие заявляли и о том, как доносила та же охранка, что «при необходимости они будут с оружием в руках выступать против агрессивных замыслов Германии»¹⁵¹. Недовольство прогерманской политикой своего правительства выражали также народные массы Эстонии. Незаконная оккупация Польшей Вильнюса и открыто выпавившийся гитлеровцами и присудчиками план

¹⁴⁷ «Latvian Kareivis», 4, IV 1939.

¹⁴⁸ «Polonia», 11. VI 1939.

¹⁴⁹ «СССР в борьбе за мир...», стр. 262, 481.

¹⁵⁰ «Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933—1939». Washington, 1952, p. 939.

¹⁵¹ Цит. по кн.: В. Мишке. Кто такие латышские буржуазные националисты? Рига, 1956, стр. 121, 124.

раздела Литвы¹⁵² создали среди литовского народа антигерманское и антипольское настроения. Правители Прибалтийских стран были вынуждены проявлять определенную осторожность.

Чтобы призвать Прибалтийские страны к сопротивлению германской агрессии, М. М. Литвинов 28 марта 1939 г. в беседе с латвийским посланником в Москве Ф. Коциньшем заявил, что Советское правительство придает огромное значение сохранению независимости Латвии, как и других Прибалтийских республик, отвечающей «не только интересам народов этих республик, но и жизненным интересам Советского государства. Отсюда должно стать также ясно, что какие бы то ни было соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства... , признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми» с советско-латвийскими договорами и соглашениями «и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда последствиями». Далее М. М. Литвинов дал понять, что в случае надобности СССР готов оказать помощь Латвии в защите ее суверенитета, политической и экономической независимости¹⁵³. Аналогичное заявление было сделано наркомом эстонскому посланнику.

Рекламировавшаяся Латвией и Эстонией политика «нейтралитета» сыграла немалую роль в укреплении позиции гитлеровской Германии в Прибалтике и в деле срыва советско-англо-французских переговоров. В этом плане необходимо отметить принятие Латвией и Эстонией предложения Гитлера о заключении двусторонних пактов о ненападении, сделанного 28 апреля 1939 г. Поражает то, что в одной и той же речи Гитлера говорилось о двух противоположных дипломатических акциях: в одной части речи Прибалтийским странам предлагалось заключить пакты о ненападении, а в другой — вклячья разрывался договор о ненападении с Польшей. Но эти действия Гитлера не смутили и не заставили призадуматься государственных деятелей из Прибалтики над ценой гитлеровских предложений. Вскоре Риббентроп заявил представителям Латвии и Эстонии, что заключение договоров должно наложить на эти страны обязательства воздерживаться от принятия советско-англо-французских гарантий, а также предпринять решительные меры по ликвидации враждебных настроений среди латышского и эстонского народов к Германии¹⁵⁴. В этих целях в Германии и Латвии 22 мая 1939 г. было устроено «торжество» по поводу XX годовщины запятого германскими войсками Риги и свержения Советской власти в Латвии. С целью прослав-

¹⁵² «СССР в борьбе за мир...», стр. 269.

¹⁵³ Там же, стр. 283.

¹⁵⁴ В. Сиполс. Тайная дипломатия... , стр. 282.

ления гитлеровской политики в Прибалтике и прогерманского курса латышских правителей в Риге происходило «братание» латышских фашистов с гитлеровской делегацией. Все выступления характеризовались антисоветской направленностью. Представитель латышского правительства генерал Тепферс в своей речи, например, заявил: «Если вновь придет час борьбы, я убежден, что мы слова будем стоять в ней плечом к плечу»¹⁵⁵. Выражением симпатии к фашистской Германии было также участие авторитетных военных делегаций латвийского, эстонского и литовского правительств на официальных торжествах, посвященных 50-летию Гитлера.

7 июня 1939 г. состоялось подписание латвийско-германского и эстонско-германского договоров о ненападении. Идентичные обязательства фашистского рейха о ненападении на Литву были зафиксированы и в германо-литовском договоре от 22 марта, заключенном в день аннексии Клайпедской области фашистской Германией¹⁵⁶.

Договоры с Германией для Прибалтийских стран реальной силы не имели. Германские обязательства не нападать на эти государства были лишь политическим маневром со стороны Гитлера. Никто не сомневался, что гитлеровцы могут в любой момент их нарушить. Данные соглашения были выгодны лишь Германии, поскольку Латвия и Эстония, заключая договоры, обязались не принимать советско-англо-французских гарантий, если они будут им предложены. «Латвийское правительство и эстонское правительство, — говорилось в официальном коммюнике, опубликованном по случаю подписания договоров с гитлеровской Германией, — обязались самостоятельно заботиться о сохранении политической независимости своих государств и придерживаться строгой политики нейтралитета»¹⁵⁷.

В соответствии с этим обязательством 12 июня 1939 г. латвийский посланник в Англии К. Заринь вручил лорду Галифаксу заявление о том, что Латвия не находит возможным принимать гарантии, подобные гарантиям, данным Польше и Румынии. Такой же демарш в Лондоне предпринял и эстонский посланник. Подписав пакты с Германией, Прибалтийские страны отказались от советско-англо-французских гарантий. Английское правительство в свою очередь заявило, что оно, учитывая позицию Прибалтийских стран, не может согласиться с советскими предложениями о распространении гарантий на данный регион. Явно обструкционистская позиция Лондона резко затруднила ход переговоров. Весь июнь 1939 г. был потрачен в советско-англо-французских переговорах на дискуссии прежде всего по этому вопросу.

В конце апреля 1939 г. Гитлер разорвал германо-польский договор о ненападении 1934 г. и заявил о недействительности англо-

¹⁵⁵ «Königsberger Allgemeine Zeitung», 25.V 1939.

¹⁵⁶ «Akten zur Deutschen auswärtigen Politik», Ser. D. Bd. V, S. 440—441.

¹⁵⁷ «Rīts» (Pura), 8.VI 1939.

германского морского соглашения 1935 г. 7 мая Германия и Италия объявили о своем намерении заключить между собой военный союз, подписание которого состоялось 22 мая. Фашистская Германия лихорадочными темпами готовилась к нападению на Польшу. Все это вместе взятое вызывало законную тревогу и озабоченность у тех, кто не хотел войны, кто боролся за мир.

И тем не менее Чемберлен, Галифакс, Даладье и Бонне не меняли своих позиций. В первой декаде мая Лондон обратился к Советскому правительству с предложением взять на себя обязательства об оказании помощи Англии и Франции, если они при выполнении своих взятых перед Польшей и Румынией обязательств окажутся вовлеченными в войну¹⁵⁸. Таким образом, вновь повторялся известный тезис английского правительства о том, что СССР должен взять чисто односторонние обязательства об оказании помощи своим западным соседям в случае германской агрессии¹⁵⁹.

Правительство СССР, как и раньше, было вынуждено заявить о невозможности принятия английских предложений. Оценка этих предложений была дана в передовой статье «Известий» 11 мая 1939 г. При этом подчеркивалось, что Англия в своих предложениях обходит молчанием вопрос о пакте взаимопомощи между Францией, Англией и СССР, и считает, что Советское правительство должно оказать немедленную помощь Англии и Франции в случае вовлечения их в войну. При этом Англия умалчивает о помощи, которую, естественно, должен был бы получить СССР, исходя из принципа взаимности, от Англии и Франции, если бы он оказался вовлеченным в военные действия при исполнении взятых на себя обязательств по гарантированию тех или иных государств Восточной Европы. «Выходит, таким образом, — писала газета, — что при этой комбинации СССР должен попасть в неравное положение, хотя обязательства будут у него такие же, как у Франции и Англии. Мы уже не говорим о том, что интереснейший вопрос о фактическом отпоре агрессии и о сроке начала такого отпора при этой комбинации предоставляется на разрешение одной лишь Англии или Франции, хотя тяжесть отпора должна лечь главным образом на плечи СССР в силу его географического положения». В неравном положении СССР оказывался и в другом отношении. Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей, СССР в соответствии с английскими предложениями обязывался оказать помощь всем этим трем государствам, не получая от них никакой помощи. В случае агрессии, направленной против СССР, последнему предстояло обходиться только лишь своими собственными силами. Газета заключала, что для обуздания агрессоров необходимо создать единый фронт СССР, Англии и Франции, связанных пактом взаимопомощи.

¹⁵⁸ «СССР в борьбе за мир...», стр. 385.

¹⁵⁹ Там же.

Вопрос об отношениях с СССР 16 мая 1939 г. снова был поставлен на обсуждение внешнеполитического комитета английского правительства. На этот раз начальники штабов в своем меморандуме указывали, что пакт взаимопомощи Англии и Франции с СССР будет иметь «определенное положительное значение». Наоборот, если такого пакта не будет заключено, то это станет «дипломатическим поражением, которое повлечет за собой серьезные военные последствия», а также будет толкать СССР к компромиссу с Германией. Следовательно, заключали военные спецы, соглашение с СССР имеет для Англии больше плюсов, чем минусов. Мнение начальников штабов поддерживали министр координации обороны лорд Четфилд и министр торговли О. Стэнли. В случае заключения договора о взаимопомощи, заявил последний, «Россия должна будет делать для нас гораздо больше, чем нам пришлось бы делать для России»¹⁶⁰.

Однако Чемберлен и Галифакс по-прежнему решительно выступали против принятия каких-либо обязательств перед Советским Союзом, заявив, что политические аргументы против пакта с СССР более существенны, чем военные соображения за пакт.

Чемберлен и Галифакс давали понять, что заключение соглашения с СССР сделает невозможным для английских руководителей «продолжение политики умиротворения». «Премьер-министр заявил, — записал в своем дневнике А. Кадоган 20 мая, — что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»¹⁶¹.

Политика Чемберлена подверглась 19 мая резкой критике в английской палате общин. С осуждением ее выступили маститые английские политические деятели: Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, К. Эттли и др. Высказываясь за скорейшее заключение англо-франко-советского соглашения, Черчилль особо подчеркнул, что без СССР не создать восточного фронта, а без действительного восточного фронта нельзя защищать интересы Англии на Западе. Если правительство, продолжал Черчилль, отклонит предлагаемое СССР сотрудничество, то оно вовлечет Англию «наихудшим путем в наихудшую из всех войн»¹⁶².

А пока английские политики дискутировали, Гитлер 23 мая 1939 г. созвал совещание руководящих кругов вермахта и поставил перед ними задачу форсированной подготовки к большой войне. Из протокола совещания видно, что он готовил войну против Англии и Франции, но в целях обеспечения тыла было решено «при первой подходящей возможности напасть на Польшу»¹⁶³. Не дремал и союзник Гитлера — Муссолини. Он разрабатывал планы захватнической войны в бассейне Средиземного моря.

¹⁶⁰ В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, 1933—1939, стр. 317.

¹⁶¹ «The Diaries of sir A. Cadogan. 1938—1945». London, 1971, p. 182.

¹⁶² W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. Boston, 1949, p. 376.

¹⁶³ «СССР в борьбе за мир...», стр. 413.

Элемент беспокойства вносили в среду правящих кругов Англии и Франции неоднократные германские предложения Советскому Союзу начать переговоры о заключении торгового соглашения и о предоставлении Советскому правительству крупных кредитов. Это говорило о том, что Германия, руководствуясь своими глобальными планами внешней политики, хотела как-то, хотя бы временно, путем нормализации отношений с СССР не допустить создания советско-англо-французского фронта борьбы с фашистской агрессией. «На сегодняшней стадии англо-советских переговоров, — констатировал директор экономического департамента МИД Германии Ю. Шнурре 7 июня 1939 г., — мы особенно стремимся использовать такой шанс, как наше вмешательство в Москве. Сам факт прямых германо-советских переговоров будет способствовать дальнейшему вбиванию клина в англо-советские переговоры»¹⁶⁴. Этим же можно было объяснить и предпринятый Италией шаг по заключению итало-советского торгового договора¹⁶⁵. Советское правительство не приняло германских предложений, так как оно серьезно относилось к переговорам с Англией и Францией.

При многочисленных встречах с английскими и французскими дипломатами в Москве, Лондоне и Париже представители Советского Союза активно отстаивали тезис о необходимости сотрудничества трех великих держав, в целях предотвращения войны. Советская дипломатия убедительно доказывала иллюзорность надежд некоторых западных политиков относительно того, что агрессия Германии будет обращена только на восток, а Англию и Францию опасность может миновать. Определенное значение в этом плане имела встреча полпреда И. М. Майского с лордом Галифаксом в Женеве 21 мая, в период работы сессии Совета Лиги наций. Целью СССР, подчеркивал полпред, является предупреждение агрессии и войны, и «это возможно лишь при концентрации на стороне мира столь могущественных сил, которые исключали бы всякую надежду для агрессора на возможность победы». Майский подробно разъяснил также причины неприемлемости для СССР английских предложений¹⁶⁶.

22 мая 1939 г. Форин оффисом был составлен меморандум, в котором он был вынужден высказаться за договор с СССР. Правда, авторы не забыли отметить, что Германия может подумать, что Лондон «отказался от всякой надежды добиться договоренности с Германией». И все же Форин оффис считал желательным заключение «какого-то соглашения с СССР», по которому в случае войны на Западе СССР должен был бы прийти Англии на помощь: а) чтобы создать для Германии ситуацию войны на

¹⁶⁴ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. VI, p. 662.

¹⁶⁵ «Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939 г.» Стенографический отчет. М., 1939, стр. 473.

¹⁶⁶ «СССР в борьбе за мир...», стр. 409.

два фронта и б) чтобы не оставить СССР не задетым войной, в то время как Англия и Германия будут превращены в руппы¹⁶⁷.

Галифакс на заседании правительства 24 мая признал, что срыв переговоров Англии и Франции с СССР может побудить Гитлера начать войну, а поэтому он высказался за принятие советского предложения о заключении англо-франко-советского договора, но с рядом оговорок, фактически сводящих на нет значенные соглашения. Чемберлен предложил этот договор связать со статьей 16 Устава Лиги наций, а Галифакс настаивал на том, что, прежде чем принимать военные меры, должны быть проведены взаимные консультации участников договора¹⁶⁸. Все это преследовало только одну цель — иметь возможность под тем или иным «благовидным» предлогом уклониться от выполнения обязательств по пакту. Связывание англичанами и французами договора с Лигой наций (со статьей 16 ее устава), писал нарком Я. З. Сурицу, означает, что «в случае агрессии взаимная помощь будет оказана не немедленно, как мы это предлагаем, а лишь после обсуждения в Лиге наций, причем никому не будут известны результаты такого обсуждения»¹⁶⁹.

Было обойдено требование СССР о предоставлении гарантий Прибалтийским странам. В англо-французском предложении не упоминалось и о заключении военной конвенции.

Ознакомившись с переданным ему 27 мая новым англо-французским предложением, председатель СНК СССР и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил Сидсу и Пайяру, что Советское правительство заинтересовано в организации «действительной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе», а англо-французское предложение «не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР». Это предложение наводит на мысль, что правительства Англии и Франции «не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем», очевидно, преследуя какие-то неизвестные Советскому правительству цели¹⁷⁰.

В. М. Молотов в докладе «О международном положении и внешней политике СССР» на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г., имея в виду поступившее 27 мая англо-французское предложение, отметил, что в политике западных держав наметились некоторые изменения в сторону противодействия агрессии. Однако «насколько серьезны эти изменения, мы еще посмотрим. Пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики

¹⁶⁷ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V. London, 1952, p. 640—646.

¹⁶⁸ В. Я. Сиполс. Советский Союз за мпр и безопасность, 1933—1939, стр. 323.

¹⁶⁹ «СССР в борьбе за мпр...», стр. 416.

¹⁷⁰ Там же, стр. 418.

непротивления дальнейшему развертыванию агрессии»¹⁷¹. Он подчеркнул, что в англо-французских предложениях принцип взаимности и равных обязанностей не нашел положительного отношения. Гарантировав свои страны от прямого нападения агрессоров пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и пытаясь обеспечить себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на Польшу и Румынию, англичане и французы ушли от решения вопроса, может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как не дали ответа на вопрос, готовы ли они принять участие в гарантировании граничащих с СССР Прибалтийских государств, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров¹⁷².

В Англии и Франции вопросы внешней политики продолжали оставаться в центре внимания широких кругов общественности. Все чаще раздавались голоса в пользу тесного сотрудничества с СССР, за принятие Западом советских предложений. «Должно быть одобрено не только полное сотрудничество с Россией, — писал Черчилль, — но к этому сотрудничеству должны быть привлечены также три Прибалтийских государства — Латвия, Эстония и Литва»¹⁷³.

В целях форсирования англо-франко-советских переговоров 2 июня 1939 г. Советское правительство представило правительствам Англии и Франции четко выработанный проект договора о взаимопомощи¹⁷⁴. В основу проекта были положены советские предложения от 17 апреля с некоторым расширением числа государств, которым предоставлялись гарантии. Проектом предусматривалась немедленная и всесторонняя взаимопомощь трех держав в случае прямого нападения на одну из них, а также оказание ими помощи Польше, Румынии, Прибалтийским странам, Бельгии, Греции и Турции (допускалась возможность оказания помощи от агрессии и другим нейтральным европейским государствам, если они ее попросят). Одновременно с договором должна была быть заключена военная конвенция.

Советским правительством были созданы все предпосылки для быстрого завершения переговоров.

Французское правительство нашло советский проект весьма логичным, но отметило, что он слишком конкретен. Поэтому его формулировки, по мысли французских дипломатов, должны носить более общий характер. Наиболее острую дискуссию советский проект договора вызвал в правительственных кругах Англии. Он обсуждался 5 и 9 июня на заседаниях внешнеполитического комитета. Смысл дебатов сводился к тому, чтобы не брать конкрет-

¹⁷¹ «Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939 г.», стр. 468—469.

¹⁷² Там же, стр. 470—471.

¹⁷³ W. S. Churchill. Step by Step. 1936—1939. New York, 1939, p. 318—319.

¹⁷⁴ «СССР в борьбе за мир...», стр. 432—433.

ных обязательств, в том числе по оказанию помощи Прибалтийским странам, не подписывать одновременно договор и военную конвенцию, отказаться от включения в договор пункта о незаключении сепаратного мира или перемирия. Чемберлен предложил ограничиться коротким соглашением без указания конкретных мер борьбы с агрессией¹⁷⁵. Таким образом, и Англия, и Франция пытались придать договору ограниченный характер.

Галифакс, сообщая И. М. Майскому об отношении английского правительства к советскому проекту договора, по существу перечислил все отрицательные соображения, выдвинутые на заседаниях внешнеполитического комитета. Правда, английский министр был вынужден признать требования СССР о гарантиях Прибалтийских государств по существу справедливыми¹⁷⁶. Но это не означало, что английское правительство было готово пойти по данному вопросу навстречу СССР. В этой же беседе, состоявшейся 8 июня, Галифакс, делая вид, что английское правительство спешит с завершением переговоров и хочет их положительного конца, предложил несколько иной метод переговоров: вместо обмена нотами начать разговор за «круглым столом» в Москве¹⁷⁷.

10 июня 1939 г. Советское правительство дало указание И. М. Майскому заявить Галифаксу, что без удовлетворительного решения вопроса о гарантиях Прибалтийским государствам довести переговоры до конца невозможно¹⁷⁸.

Несколько позднее, 13 июня, в передовой «Правды», озаглавленной «Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии», были вскрыты пружины закулисной политики как правящих кругов Балтийских стран, так и фашистского рейха и «западных демократий». «Правда» подчеркивала, что некоторые органы англо-французской прессы пишут о том, что официальные представители трех Балтийских стран отказываются получить помощь со стороны Англии, Франции и СССР и что ввиду этого нельзя навязывать им такую помощь. К этому возражению прибегают, например, министр иностранных дел Эстонии Сельтер и министр иностранных дел Финляндии Эркко. Нам кажется, отмечалось в газете, что мы имеем здесь дело с плохо скрытым желанием некоторых политических деятелей сорвать дело образования оборонительного фронта против агрессии. В статье отмечалось, что вдохновителями отказа Прибалтийских государств от гарантий являются и агрессивные государства, заинтересованные в срыве антиагрессивного фронта, и некоторые реакционные круги западных держав, стремящихся ограничить агрессию в одних регионах, не препятствуя развязыванию ее в других.

¹⁷⁵ В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939, стр. 327.

¹⁷⁶ «СССР в борьбе за мир...», стр. 442; «Международная жизнь», 1969, № 8, стр. 98.

¹⁷⁷ «СССР в борьбе за мир...», стр. 441.

¹⁷⁸ Там же, стр. 443.

В заключение в передовой подчеркивалось, что народы Эстонии, Латвии и Финляндии кровно заинтересованы в том, чтобы миролюбивые государства пришли к ним на помощь в случае прямого или косвенного нападения агрессора, что «позиция Советского Союза в вопросе о защите трех Балтийских стран от агрессии является единственно правильной позицией, вполне соответствующей интересам всех миролюбивых стран, в том числе интересам Эстонии, Латвии и Финляндии».

Справедливость советской точки зрения не вызвала сомнений даже у западной прессы. Так, правый французский буржуазный журналист Анри де Кериллис писал в газете «Эпока»: «В отношении гарантии Балтийским странам требования Советского Союза абсолютно законны и вполне логичны... Хотим ли мы или не хотим заключить союз с СССР? Если мы хотим союза, мы должны сделать все, чтобы Германия не обосновалась в Риге, Таллине и Хельсинки, а также на Аландских островах. Указывают, что ни Финляндия, ни Эстония, ни Латвия не желают франко-англо-советских гарантий. Что за чертовщина? Если они не желают этих гарантий, то это значит, что имеются лишние основания для беспокойства..., что они вступили в германскую орбиту. Советский Союз желает этому противостоять. Мы должны поступить точно так же»¹⁷⁹.

Позиция правящих кругов стран Восточной Европы в условиях готовящейся гитлеровской агрессии на восток таила в себе прямую военную опасность для СССР. Этого не мог не признать даже Галифакс в беседе с И. М. Майским 22 мая 1939 г.¹⁸⁰ Аналогичный анализ сложившейся ситуации содержался также в инструкциях английского правительства своему послу в Москве Сидсу. В них указывалось, что «правительство его величества *полностью понимает*, например, что военная оккупация одного из северо-западных соседей СССР, сопротивление которого было бы быстро преодолено или *который даже молча согласился бы на оккупацию*, могла бы рассматриваться Советским Союзом как угроза его безопасности»¹⁸¹. Более того, как констатировал в одном из своих документов Сидс, существовала гипотеза, близкая к реальности, что Латвия, Эстония, Финляндия, Польша и Румыния могут объединиться с фашистской Германией в войне против СССР¹⁸². Тем не менее Лондон продолжал упорствовать в том, чтобы пойти навстречу справедливым требованиям Советского правительства о распространении гарантии трех держав на Прибалтийские страны.

В связи с английским предложением о ведении переговоров за «круглым столом» в Москве Советское правительство выразило надежду, что для участия в них в советскую столицу прибудет

¹⁷⁹ Цит. по газ. «Правда», 13 июня 1939 г.

¹⁸⁰ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V. p. 631.

¹⁸¹ Там же, т. VI, стр. 36—37 (курсив наш).

¹⁸² Там же, стр. 493—494.

министр иностранных дел Галифакс. Сославшись на сложность международной обстановки, последний ответил, что ему трудно отлучиться из Лондона¹⁸³. Дело кончилось тем, что для оказания Сидсу помощи в ведении переговоров в Москву был делегирован У. Стрэнг — заведующий центральноевропейским департаментом Форин оффиса. С советской стороны их вел председатель СНК СССР и народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов. Посылка в Москву «столь второстепенного лица, — отмечает Черчилль в своих воспоминаниях, — была фактически оскорбительной»¹⁸⁴ для Советского правительства. Д. Ллойд Джордж также заявил в одном из своих выступлений, что лорд Галифакс посетил Гитлера и Геринга, а Чемберлен отправлялся «в объятия фюрера» три раза подряд. «Почему, — спрашивал он, — послали лишь чиновника Форин оффиса представлять нас в гораздо более мощную страну, которая предлагает нам свою помощь? На это можно дать лишь один ответ: мистер Н. Чемберлен, лорд Галифакс и сэр Д. Саймон не желают союза с Россией»¹⁸⁵.

Переговоры, начавшиеся в Москве 15 июня 1939 г., проходили медленно. Правительство СССР делало все возможное, чтобы придать им деловой характер и успешно завершить их. Не жалея времени, В. М. Молотов просиживал многие часы с представителями Англии и Франции, что говорило о глубокой заинтересованности Советского правительства добиться эффективного соглашения против агрессоров. Однако английское и французское правительства продолжали саботировать переговоры.

Даже Сидс в телеграмме в Лондон отмечал, что английские предложения не предусматривают безусловной гарантии Прибалтийским странам и в них имеется «лазейка, которая даст Великобритании и Франции возможность уклониться от выполнения обязательств по оказанию помощи Советскому Союзу»¹⁸⁶. Неудовлетворительными оказались и английские контрпредложения по вопросу о заключении военной конвенции.

«Англо-франко-советские переговоры, — писал секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов в статье, опубликованной в «Правде» 29 июня, — ... зашли в тупик... Англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами».

1 июля 1939 г. Англия и Франция выпущены были, наконец, дать согласие распространить гарантии трех держав и на При-

¹⁸³ «Международная жизнь», 1969, № 8, стр. 99.

¹⁸⁴ *W. S. Churchill. The Second World War, vol. I, p. 389.*

¹⁸⁵ *W. P. and Zelda K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1945, p. 614.*

¹⁸⁶ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. VI. London, 1953, p. 162.

балтийские страны¹⁸⁷. Здесь необходимо отметить, что они высказывались за помощь Прибалтийским странам только в случае прямого нападения на них. В случае же косвенной агрессии, которая для СССР могла иметь не менее опасные последствия, Англия и Франция были согласны только на консультации, т. е. оставляли за собой лазейку, которую они могли бы использовать для того, чтобы уклониться от оказания помощи. Такие предложения Англии и Франции были неприемлемы для Советского правительства, тем более что Германия широко использовала в Прибалтике именно методы косвенной агрессии.

Учитывая складывавшиеся обстоятельства, Советский Союз был заинтересован в том, чтобы сделать невозможной не только прямую, но и косвенную агрессию фашистского рейха в Прибалтике.

В срыве усилий Советского Союза достигнуть позитивных результатов в переговорах с Англией и Францией немалую роль продолжали играть Польша и Румыния. Польские и румынские дипломаты в конфиденциальных беседах с представителями Англии, Франции, Германии и других государств подчеркивали, что они не желают советского участия в гарантиях безопасности стран Восточной Европы. В июле 1939 г. министерство иностранных дел королевской Румынии следующим образом определило свою позицию в инструкции румынской миссии в Анкаре: «В настоящее время мы не намерены вступать ни в прямые, ни в косвенные связи с русскими»¹⁸⁸. Эта позиция румынского правительства, равно как и польского, использовалась Чемберленом и Даладье, нагромождавших трудности в переговорах о заключении пакта трех держав и предоставлении гарантий другим странам, которым угрожала гитлеровская агрессия в Европе.

В стремлении создать новые трудности в переговорах правящие круги Англии затеяли с Советским правительством бесконечную дискуссию вокруг определения косвенной агрессии, которое было внесено Советским правительством в проект статьи 1-й договора, переданный английскому и французскому послам 3 июля¹⁸⁹.

Советскому правительству становилось все более ясно, что у Англии и Франции отсутствует стремление к успешному завершению переговоров. В. М. Молотов в телеграмме полпредам в Лондоне и Париже констатировал, что англо-французские участники переговоров «прибегают к всевозможным жульническим и недостойным уверткам» по вопросу об определении косвенной агрессии. Советская сторона, продолжал В. М. Молотов, отклоняет англо-французское предложение о том, чтобы сначала договориться о «политической» части договора и только

¹⁸⁷ «СССР в борьбе за мир...», стр. 476.

¹⁸⁸ *V. A. Varga*. Указ. соч., стр. 64.

¹⁸⁹ «СССР в борьбе за мир...», стр. 479.

после этого перейти к военному соглашению. «Это мошенническое англо-французское предложение разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой политической частью договора», в противном случае «договор превратился бы в пустую декларацию»¹⁹⁰.

Чтобы не ослаблять позиций в торге с Германией, правительство Чемберлена — Галифакса решило принять предложение Советского правительства об одновременном вступлении в силу политического и военного соглашения. 25 июля оно сообщило в Москву о своем согласии начать переговоры по выработке военного соглашения¹⁹¹. Но вместе с тем оно дало 28 июля указание Сидсу занять более жесткую позицию по вопросу об определении косвенной агрессии.

* * *

Одновременно с решением продолжить переговоры в Москве правящие круги Англии запрограммировали другую политическую акцию. Они усилили попытки прийти к соглашению с гитлеровцами, в частности за счет Польши и других стран Восточной Европы. 3 августа 1939 г. в секретном порядке состоялась встреча Г. Вильсона, доверенного лица Чемберлена, с германским послом в Лондоне Дирксеном. «Сокровенный план» английского правительства, говорил Вильсон своему собеседнику, заключается в том, чтобы достичь англо-германского соглашения, которое «начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.»¹⁹²

О сделке с Гитлером думали не только консерваторы, но и некоторые лейбористские деятели. Особую активность проявлял Ч. Р. Бакстон. 29 июля он имел конфиденциальную встречу с советником германского посольства в Лондоне Т. Кордтом и изложил ему план англо-германского сотрудничества, в основе которого лежало бы «соглашение о разграничении сфер интересов». За согласие Германии не вмешиваться в дела Британской империи английское правительство, согласно плану Бакстона, взяло бы следующие обязательства: «Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе... Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действо-

---

¹⁹⁰ «СССР в борьбе за мир...», стр. 496.

¹⁹¹ Там же, стр. 515.

¹⁹² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II. [М.], 1948, стр. 133.

вать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе... Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом». Из высказываний Бакстона вытекало, что «подобные мысли свойственны» Г. Вильсону, «а следовательно, и премьер-министру Чемберлену»¹⁹³. Полмесяца спустя Бакстон, посетив Берлин, передал свои предложения в письменном виде сотруднику аппарата Риббентропа Хетцлеру.

Правительство фашистской Германии не реагировало на зондажи и предложения английских политиков. Гитлер, приняв еще в начале 1939 г. решение о разгроме Польши, а затем Франции и Англии, не собирался менять свои планы.

Чемберлен 23 августа обратился к Гитлеру с личным письмом, носившим особо секретный характер. В своем послании премьер указывал, что английское правительство готово на переговоры с Германией, в которых были бы рассмотрены «проблемы, затрагивающие будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие интерес для нас и для вас»¹⁹⁴. Письмо было рассчитано на то, чтобы уговорить Гитлера пойти на «широкое соглашение» с Англией. Первой акцией его реализации был бы второй Мюнхен, объектом которого должна была стать Польша¹⁹⁵.

Лондон был готов пойти на то, чтобы пожертвовать Гитлеру Польшу, Прибалтийские страны, Румынию и другие Балканские государства, лишь бы Гитлер оставил в покое западные державы и их колониальные империи, лишь бы Германия и ее союзники взяли на себя роль ударной силы для уничтожения новой общественной системы, рожденной Великим Октябрем.

* * *

Правительства Англии и Франции, давая согласие (25 июля) пачать военные переговоры, знали, что стремительно надвигается война. Лондону и Парижу было известно, что в Германии проводится мобилизация, что уже издан приказ развернуть против Польши военные действия в конце августа. О военных планах и приготовлениях гитлеровцев было в курсе и Советское правительство.

Спустя три дня после переговоров Гитлера и Риббентропа с Чиано, состоявшихся в Зальцбурге 11—13 августа, итальянский поверенный в делах в Берлине, который был участником переговоров, признал в разговоре с советским поверенным в делах Г. А. Астаховым, что там обсуждался не только вопрос

¹⁹³ Там же, стр. 125—127.

¹⁹⁴ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. VII. London, 1954, p. 127—128.

¹⁹⁵ И. Д. Овсянкий, Указ. соч., стр. 353.

о Польше, но и «проблема передела мира» в целом, а поэтому «положение столь напряжено, что возможность мировой войны отнюдь не исключена. Все это должно решиться в течение максимум трех недель»¹⁹⁶. Суть гермапо-итальянских переговоров не была секретом и для правительств Англии и Франции.

И тем не менее английская и французская военные делегации выехали в Москву только через 17 дней после достижения договоренности о начале военных переговоров. Это еще раз говорило о том, что принятие советского предложения начать переговоры военных представителей отнюдь не означало стремления Англии и Франции договориться о сотрудничестве с СССР. По-прежнему ими преследовалась лишь цель ввести в заблуждение и Советский Союз, и англо-французское общественное мнение, а тем временем сделать новые попытки договориться с Гитлером.

Военные переговоры в Москве начались только 12 августа. Для ведения военных переговоров ЦК партии назначил авторитетную делегацию во главе с наркомом обороны Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Совершенно по-иному к решению этого вопроса подошли Лондон и Париж. Английское и французское правительства составили свои делегации из второстепенных представителей. Английская военная делегация возглавлялась адмиралом П. Драксом — адъютантом короля по морским делам. Не была авторитетнее и французская военная миссия, возглавлявшаяся членом Верховного военного совета Франции генералом Ж. Думенком.

Одним из наиболее важных вопросов, вставших в Москве во время переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции, был вопрос о советско-польском и советско-румынском сотрудничестве, т. е. о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии в случае гитлеровской агрессии. Глава делегации СССР маршал К. Е. Ворошилов, излагая точку зрения Советского правительства на этот кардинальный вопрос, заявил: «Военная миссия Советского Союза настаивает на том, чтобы предварительно, т. е. еще до того, как мы договоримся окончательно о соответствующих документах, которые явятся результатом нашего совещания, был бы решен вопрос о пропуске советских войск на польскую территорию (на севере и юге) и на румынскую территорию»¹⁹⁷.

Английская делегация во главе с адмиралом П. Драксом и французская — во главе с генералом Ж. Думенком, выполняя полученные ими инструкции, попытались избежать конкретного обсуждения этого вопроса и высказали мнение, что наиболее простым методом является обращение СССР к правительствам Польши и Румынии¹⁹⁸. Советская миссия заявила в этой связи,

¹⁹⁶ «СССР в борьбе за мир...», стр. 606.

¹⁹⁷ «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 157.

¹⁹⁸ Там же.

что «поскольку СССР не имеет военных договоров с Польшей и Румынией, а также поскольку угрожаемыми со стороны агрессии в Европе являются прежде всего Польша, Румыния, Франция и Англия, постольку вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии, а также о действиях советских войск на территории этих государств против агрессора должен быть разрешен английским и французским правительствами совместно с правительствами Польши и Румынии». В заявлении советской делегации подчеркивалось, что «без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие... заранее обречено на неуспех»¹⁹⁹.

Справедливость советской точки зрения не могли не признать представители английской и французской миссий. Они согласились, что необходимо обращение их правительств к Польше и Румынии о возможном пропуске советских войск. Франция и Англия располагали сильными средствами воздействия и на Польшу, и на Румынию. К этому времени еще не было заключено двустороннее англо-польское соглашение (подписание его состоялось только 25 августа). Не спешила с оформлением своих конкретных военных обязательств перед Варшавой и Францией. Вместо того чтобы убедить польских правителей в необходимости сотрудничества с СССР, французская дипломатия стала на скользкий путь. Вопреки истинному положению дел она считала возможным заявить советской делегации: позиция Польши такова, что переговоры могут продолжаться. В действительности Польша отрицательно относилась к возможности пропуска советских войск. Излагая тогдашнюю позицию французского правительства, член французской делегации в Москве А. Бофр впоследствии писал: «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на проход советских войск через их территорию, а в том, чтобы *найти уловку, которая позволила бы продолжать переговоры*»²⁰⁰. Нет необходимости разъяснять, сколь важное значение имеет это признание.

За ходом московских военных переговоров внимательно следили и румынские правящие круги. Они отлично знали позицию Лондона и Парижа в отношении целей фашистской Германии на Востоке, и она полностью соответствовала их политике в «восточном вопросе». На позиции национального предательства, отмечал румынский историк В. Варга, правящие круги буржуазной Румынии упорно продолжали находиться до последних дней московских переговоров, когда ситуация в международном плане начала принимать драматические формы²⁰¹.

¹⁹⁹ Там же, стр. 158.

²⁰⁰ И. Д. Остоя-Овсяный. На пороге войны. — «Новая и новейшая история», 1971, № 2, стр. 46; Général Beaufre. La Drame de 1940. Paris, 1968, p. 156 (Курсив наш).

²⁰¹ «Studii». 1960, N 4, p. 69.

Выяснив позицию Варшавы, правительства Англии и Франции сочли излишним официально запрашивать румынское правительство. Эти соображения вытекали, в частности, из того, что если Польша, над которой нависла непосредственная угроза германского нападения, отказалась от помощи Советского Союза, то ее союзница Румыния, экономические и военно-политические связи которой с рейхом все больше углублялись и развивались, тем более займет по вопросу о пропуске советских войск непримиримую позицию²⁰². Правда, мнение румынской правящей верхушки было высказано в эти дни независимо от официального запроса с чьей-либо стороны. Король Кароль II в беседе с президентом Турции Исметом Иненю 11 августа заявил, что он не допустит прохода русской армии через территорию Румынии даже и в том случае, если она придет «на помощь румынской армии»²⁰³.

Советское правительство ставило в ходе военных переговоров перед англо-французской стороной и вопрос о совместном советско-англо-французском вооруженном выступлении против агрессора в зоне Прибалтики и в водах Балтийского моря. Советская делегация высказала мнение о том, что в случае развязывания Гитлером войны мощные английские и французские эскадры должны прорваться в Балтийское море для операций против германского морского флота и военно-морских баз на балтийских берегах фашистской Германии. Вместе с тем правительствам Англии и Франции рекомендовалось еще до возникновения войны договориться с Прибалтийскими странами о временном размещении английского и французского флотов на Аландских островах, Моонзундском архипелаге и в ряде портов Прибалтийских государств «в целях охраны нейтралитета этих стран от нападения со стороны Германии». При благоприятном исходе переговоров Англии и Франции с Прибалтийскими государствами в Финляндией вместе с английским и французским флотами и в тех же целях там в случае необходимости должен был базироваться и Советский Балтийский флот²⁰⁴.

В связи с предложениями распространить гарантии от прямой и косвенной агрессии на Прибалтийские страны и Финляндию, выдвинутыми Советским правительством в ходе политических переговоров, английское правительство было вынуждено вернуться к проблеме определения косвенной агрессии. Сидсу было выслано четыре варианта формулировок по этому вопросу. Были сняты, наконец, оговорки о том, что помощь гарантируемым государствам будет оказываться только в тех случаях, когда эти государства будут оказывать сопротивление агрессору и попросят о помощи²⁰⁵. Это означало, что Лондон фактически

²⁰² «Studii», 1960, N 4, p. 69.

²⁰³ Там же, стр. 68.

²⁰⁴ «Международная жизнь», 1969, № 3, стр. 140.

²⁰⁵ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. VI, p. 42.

признавал обоснованность и конструктивность тех предложений, которые были ранее внесены Советским правительством, с которыми соглашались условно французы, но которые в течение длительного времени начали отвергались правительством Чемберлена. Но эти новые предложения Англии так и не были вручены Советскому правительству.

Позиция правящих кругов Англии и Франции, а также Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии и Латвии свидетельствовала, что они не проявляют заинтересованности в успешном завершении московских переговоров. Но скрыв от военной миссии СССР отрицательный ответ Варшавы, Думенк и Драк стремились продолжать «переговоры ради переговоров». Глава французской военной миссии Думенк предпринял даже попытку грубо обмануть советскую военную делегацию. 22 августа он направил К. Е. Ворошилову письмо, в котором указывал, что от французского правительства получено разрешение дать утвердительный ответ на вопрос, поставленный советской делегацией²⁰⁶.

В действительности никакого положительного ответа французского правительства, согласованного с Польшей и Румынией, у Думенка не было. Свою ложь генерал полагал при случае прикрыть телеграммой, полученной от Даладье поздно вечером 21 августа, которая гласила: «Вы уполномочены, по согласованию с послом, подписать, на возможно лучших условиях для общих интересов, военную конвенцию с оговоркой о последующем одобрении французским правительством»²⁰⁷. Но в этой телеграмме совершенно не говорилось о том, что на основной вопрос, поставленный советской миссией, дан положительный ответ, полностью согласованный с польским и румынским правительствами.

Вечером 22 августа 1939 г. К. Е. Ворошилов, приняв Думенка, поинтересовался позицией английского правительства. Ответа не последовало. Он также спросил, «какую позицию во всем этом деле занимают польское и румынское правительства, в курсе ли они дел» или же ответ французского правительства дан «без ведома Польши и Румынии». Глава французской делегации вынужден был признать, что не знает. После этого руководитель советской военной делегации подчеркнул, что с начала переговоров прошло 11 дней, тем не менее переговоры не сдвинулись с места. «Поэтому я лишен возможности, — сказал К. Е. Ворошилов, — согласиться на участие в дальнейшей работе совещания до тех пор, пока не будут получены все официальные ответы... Позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна. Поэтому наша дальнейшая работа может свестись к одним разговорам, которые в политике могут принести только вред».

²⁰⁶ И. Д. Остоя-Овсяный. Указ. соч., стр. 50.

²⁰⁷ Général Beaufre. Указ. соч., стр. 164—165.

К. Е. Ворошилов предложил подождать и собраться, когда будет получен ответ от английского правительства и станет ясна позиция Польши и Румынии. «Нужно, чтобы эти ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает, чтобы это был ответ английского и французского правительства, согласованный с польским и румынским правительствами». «Нам ничего не дает то, что мы просим выяснить, для себя, — подчеркнул К. Е. Ворошилов, — кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом! До того, как все эти вопросы будут выяснены, никаких переговоров вести нельзя... Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда будем работать»²⁰⁸.

Поскольку военные делегации Англии и Франции не получили от своих правительств согласованного с Польшей и Румынией ответа на вопрос о возможности прохода советских войск через польскую и румынскую территории с тем, чтобы Советский Союз мог в случае необходимости принять участие в военных действиях против Германии, переговоры военных миссий в Москве так и не возобновились.

Вся линия поведения английского и французского правительств свидетельствовала, что они не имели ничего против того, чтобы правящие круги Польши и Румынии дали согласие пропустить германские войска через территории своих стран, не оказывая им сопротивления, или чтобы они договорились с гитлеровцами о совместных действиях против СССР. В этом случае Советский Союз должен был бы воевать с агрессорами один на один²⁰⁹. В своем секретном меморандуме о советско-англо-французских переговорах от 22 мая 1939 г. Форин оффис прямо указывал, что вступление в силу английских гарантий Румынии и Польше зависит от их решимости оказать сопротивление гитлеровской агрессии²¹⁰. В противном случае они не имели силы. И действительно, впоследствии оказалось, что одна из них — Румыния сама пригласила германские войска, откуда они совершали разбойничьи походы в страны Балканского полуострова, а затем совместно с румынскими войсками напали на Советский Союз.

В своем прогнозировании относительно поведения Румынии и Польши Советское правительство исходило из возможности и такого развития событий. После Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, в ходе интервенции против Советской России Польша захватила Западную Украину и Западную Белоруссию, а Румыния — Бессарабию. В целях удержания

²⁰⁸ «СССР в борьбе за мир...», стр. 634—636.

²⁰⁹ Там же, стр. 687.

²¹⁰ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. V, p. 641.

жания захваченных ими территорий, а также осуществления новых завоеваний советских земель строилась политика Варшавой и Бухарестом в отношении Советского Союза.

* * *

Военные переговоры в Москве окончательно показали нежелание Англии и Франции заключить действенное и надежное соглашение о взаимопомощи, которое создало бы прочный барьер против агрессии, обеспечило бы мир в Европе и безопасность СССР, Польши, Румынии и других стран Восточной Европы. Английский дипломат У. Стрэнг — участник переговоров — констатировал, что, учитывая позицию Англии и Франции, недовере и подозрительность Советского правительства к ним «не уменьшилось в ходе переговоров». «Тот факт, — признавал он, — что мы создаем одну трудность за другой... оставляет впечатление, что мы к соглашению... не стремимся»²¹¹. Советский Союз оставался изолированным перед опасностью одновременной войны на Западе и Востоке. В это время уже шли ожесточенные сражения между советско-монгольскими и японскими войсками в районе Халхин-Гола. В этих условиях у Советского правительства не было иного выхода, как рассмотреть уже в течение нескольких месяцев выдвигавшееся Берлином предложение приступить к переговорам по нормализации советско-германских отношений. И только после того, как стало окончательно ясно, что западные державы и их польские и румынские союзники не хотят соглашения с СССР, Советское правительство дало согласие на обсуждение предложения германского правительства. ЦК ВКП(б) и Советское правительство, глубоко проанализировав все аспекты международного положения, пришли к выводу, что в целях предотвращения создания общего империалистического антисоветского фронта и в интересах сохранения и упрочения первого в мире социалистического государства — отечества международного пролетариата — СССР вынужден пойти на заключение договора о ненападении с Германией²¹².

Во время встречи К. Е. Ворошилова с Думенком 22 августа 1939 г. западным державам была предоставлена еще возможность прекратить недостойную двойную игру и показать свою готовность пойти на честное сотрудничество, предлагавшееся Советским правительством. Этого решительного шага Лондоном и Парижем не было сделано.

23 августа 1939 г. в Москву прибыл Риббентроп. Результатом встреч германского министра с руководителями Советского правительства было заключение советско-германского договора о ненападении, что на некоторое время избавило СССР от угрозы войны без союзников сразу на два фронта в крайне невыгодных

²¹¹ «Documents on British Foreign Policy», ser. III, vol. VI, p. 423.

²¹² «История второй мировой войны. 1939—1945 гг.», т. II. М., 1974, стр. 282.

международных условиях и дало нашей стране выигрыш времени для лучшей подготовки к возможному нападению агрессора. Вот почему с полным основанием можно сказать, что подписание советско-германского договора о ненападении явилось «дальновидным и мудрым шагом Советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке»²¹³.

Академик И. М. Майский, непосредственный участник рассматриваемых событий, пишет: «Взвесив все плюсы и минусы, Советское правительство пришло к выводу, что плюсы, безусловно, перевешивают минусы. В результате соглашение с Германией было заключено. То был единственный выход, навязанный нам глупо преступной политикой Чемберлена и Даладье... Именно эти группировки ставили Советской стране капкан, в который, однако, они сами попались, ибо первый удар гитлеровской агрессии во второй мировой войне обрушился не на Москву, а на Лондон и Париж»²¹⁴.

Глубокую заинтересованность Советского правительства в заключении соглашения трех держав не мог не признать даже французский военный атташе в Москве генерал Палас. «Я продолжаю считать, — писал он во французский генеральный штаб 23 августа, — что для СССР решение вопроса в смысле соглашения с Германией является лишь выходом на худой конец, а может быть, и средством нажима в целях более быстрого создания прочной, хорошо спаянной во всех своих частях коалиции, которая, как мне всегда казалось, является предметом желаний советских руководителей»²¹⁵.

Значительный интерес в этой же связи представляют мемуары генерала А. Боффа — участника переговоров. Он пишет: «Когда сегодня перечитываешь проект англо-франко-советского договора, задаешь себе вопрос, как могло случиться, что дипломатия (западных стран) была столь слепой и мелочной, что упустила возможность подписания такого важного соглашения из-за столь незначительных расхождений»²¹⁶.

Впоследствии вина английского правительства, сорвавшего заключение военно-политического соглашения с СССР, была признана и одним из ведущих политических деятелей Англии. В феврале 1945 г. тогдашний министр иностранных дел А. Иден, представляя парламенту Ялтинские решения, сказал: «Может ли кто-нибудь усомниться сейчас в том, что если бы единство между Россией, Британией и Соединенными Штатами, установленное в Ялте, имело место в 1939 г., то эта война никогда бы не разразилась?»²¹⁷

²¹³ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». М., 1948, стр. 53.

²¹⁴ И. М. Майский. Кто помогал Гитлеру? М., 1962, стр. 186—187.

²¹⁵ «История СССР», 1962, № 3, стр. 22—23.

²¹⁶ Général Beaufre. Указ. соч., стр. 119.

²¹⁷ Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 408, col. 1516—1517 (28. II 1945).

Советские руководители и после заключения советско-германского соглашения давали понять английскому и французскому правительствам, что еще не все потеряно, если они решат иметь искренние отношения с Советским Союзом. 25 августа 1939 г. главы английской и французской военных миссий адмирал Дракс и генерал Думенк нанесли К. Е. Ворошилову прощальный визит. Во время этого свидания нарком сказал: «К сожалению, нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер»²¹⁸. В этом плане исключительный интерес представляет состоявшаяся 26 августа беседа заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского с китайским послом в Москве Ян Цзе. Отвечая на вопрос посла, будут ли продолжаться англо-франко-советские переговоры, Лозовский заявил: «Переговоры с Англией и Францией велись в течение пяти месяцев, отъезд делегаций — это эпизод в этих переговорах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остается. Отъезд не есть результат заключения договора о ненападении между СССР и Германией, а результат педоговоренности по ряду вопросов. Если Англия и Франция пойдут на предложения Советского правительства, не исключена возможность заключения договора с ними... В настоящее время переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции»²¹⁹. Несмотря на заключение советско-германского договора, советские руководители продолжали называть фашистскую Германию агрессором. Об этом открыто на весь мир было подчеркнуто 27 августа в интервью наркома обороны К. Е. Ворошилова сотруднику газеты «Известия»²²⁰.

Советский Союз на всем протяжении англо-франко-советских переговоров 1939 г. искренне стремился заключить с западными союзниками эффективный договор о взаимной помощи против агрессивных сил, договор, который мог бы создать коллективный фронт защиты мира в Европе, а если бы все же возникла война — обеспечить победу над агрессорами. Однако английские и французские мюнхенцы, а также реакционные правящие круги Польши и Румынии, ослепленные классовой ненавистью к Советской стране, оказались не в состоянии трезво оценить развитие событий. Двойная игра реакционных сил Англии и Франции, Польши и Румынии завела англо-франко-советские переговоры в Москве в тупик, сорвав создание коллективного фронта защиты мира против фашистской агрессии в Европе.

---

²¹⁸ Цит. по кн.: *М. Панкрашова, В. Сиполс. Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года. М., 1970, стр. 120.*

²¹⁹ Там же, стр. 121.

²²⁰ «Известия», 27 августа 1939 г.

Заключение советско-германского договора сорвало планы правящих кругов западных держав разрешить за счет СССР внутренние противоречия империалистической системы. Оно задело за живое мюнхенцев, понявших крушение самых сокровенных надежд на взаимное ослабление опаснейшего для них империалистического конкурента — Германии и ненавистной им страны социализма. Один из руководителей английской компартии, Р. П. Датт, писал, что советско-германский пакт о ненападении «взорвал мюнхенский фронт» и сторонники этого фронта пришли в ярость²²¹. Американская «Балтимор сан» открыто сокрушалась по поводу того, что советско-германский договор расходится с целями «антикоминтерновского пакта» и ставит под угрозу фашистский «дранг нах Остен»²²².

Заключение Германией договора с СССР вызвало сильное недовольство в Риме и Токио.

Итальянские правители обвинили Берлин в измене «общности судеб Германии и Италии»²²³. Муссолини полагал, что германская агрессия должна развиваться в восточном направлении, и ни в коем случае не в сторону Южных Балкан, которые «дуче» считал сферой интересов Италии²²⁴. В ответ на предложение Гитлера совместно выступить против «западных плутократий» «дуче» 25 августа дал уклончивый ответ. И, как известно, Италия не вступила в войну одновременно с Германией.

Заключение германо-советского договора вызвало сильное замешательство в правящих кругах Японии. «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией, — доносил советский поверенный в делах в Токио 24 августа, — произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь»²²⁵. Японское правительство, взбешенное вероломством своего союзника, 25 августа приняло решение заявить Германии протест по поводу заключения договора с СССР, оценивая его как аннулирование переговоров о новом военном пакте трех держав. В протесте подчеркивалось, что правительство Японии «рассматривает недавно заключенный пакт о ненападении между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик как противоречащий секретному договору, приложенному к антикоминтерновскому пакту»²²⁶. Одновременно с протестом ушли в отставку ярые сторонники прогерманского курса Осима и Сиратори — японские послы в Германии и Италии.

²²¹ «История второй мировой войны. 1939—1945 гг.», т. II, стр. 284.

²²² Там же.

²²³ «Documents on German Foreign Policy», ser. D. vol. VIII. London, 1950, p. 23.

²²⁴ «Documenti diplomatici italiani», ser. VIII, vol. XII. Roma, 1952, p. 51.

²²⁵ «СССР в борьбе за мир...», стр. 637.

²²⁶ «История второй мировой войны. 1939—1945 гг.», т. II, стр. 288.

Советско-германский договор о ненападении не только окончательно разрушил мюнхенский фронт в Европе, но и предотвратил возможность совместного японо-германского нападения на СССР, серьезно повлиял на стратегические планы Японии²²⁷.

О полном отрыве от реальной почвы свидетельствовали официальные комментарии польских газет и радио. Варшавское радио заявило: «... заключение договора не окажет никакого влияния на решение Польшей вопросов европейской политики. Польша никогда не имела желания к какому-либо сотрудничеству с Россией и повторяет свое неизменное «нет»! Она считает, что Советы не могут быть подходящим партнером в европейской политике»²²⁸.

Ко всеобщему хору недовольства мировой реакции присоединились и правящие круги Румынии. Подписание Берлином советско-германского соглашения у них вызвало возмущение и растерянность. Причиной такой озабоченности явилось резкое падение шансов продолжать играть на германо-советских противоречиях в деле удержания за Румынией захваченной Советской Бессарабии. Обеспокоенный заключением германо-советского договора и возможным отказом Гитлера от полной поддержки антисоветских позиций Бухареста, румынский министр иностранных дел Гафенку при встрече с германским посланником Фабрициусом 27 августа заклинал не прекращать борьбу против Советского Союза. Укрепление связей с Германией, подчеркивал далее румынский министр, руководящие круги Румынии рассматривают в качестве «самого важного вопроса своей будущей политики»²²⁹.

Примечательной с точки зрения отношения к СССР была и беседа самого премьера А. Калинеску с гитлеровским посланником 31 августа, за несколько часов до начала второй мировой войны. А. Калинеску, так же как и его министр Гафенку, стараясь подчеркнуть заслуги Румынии перед фашистской Германией и враждебное к Стране Советов отношение, счел необходимым напомнить Фабрициусу, что в свое время Румыния в угоду Германии отказалась от намерений пойти на сближение с Советским Союзом и заключить с ним договор о ненападении. В устах главы румынского правительства это звучало явным упреком в адрес германского правительства за его решение пойти на урегулирование отношений с Москвой и заключение с ней пакта о ненападении²³⁰.

* * *

Политические и военные переговоры трех великих держав — СССР, Англии и Франции — показали два резко противоположных подхода к делу мира и безопасности в Европе. Англия и

²²⁷ Там же.

²²⁸ Цит. по кн.: «История второй мировой войны, 1939—1945 гг.», т. II, стр. 284.

²²⁹ «Documents on German Foreign Policy». ser. D, vol. VII, p. 364.

²³⁰ Archivă centrală a CC al PCR, f. 3, dosar 11-12, f. 22.

Франция в течение всего периода переговоров вели чисто империалистическую политику, стремясь оградить себя от агрессии путем принесения в жертву других стран и народов Европы. Иной позиции придерживался Советский Союз. Он хотел мира для себя и других народов, которым угрожала фашистская агрессия. Особую заботу, естественно, Советское правительство проявляло в укреплении мира и безопасности вблизи своих западных границ. Оно сделало все возможное для того, чтобы противопоставить блоку агрессоров единый фронт защиты мира в составе государств Европы, заинтересованных в предотвращении германской агрессии.

Однако усилия Советского правительства по организации борьбы с фашистской агрессией в Европе не получили поддержки в правящих кругах Англии и Франции. Правительства этих стран, идя на переговоры в Москве, не преследовали цели сближения с СССР и сотрудничества с ним в борьбе против агрессии. Переговоры с СССР, как и предоставление гарантий ряду стран, они рассматривали в качестве очередного дипломатического маневра, при помощи которого намеревались добиться соглашения с Германией, отвести опасность от себя и направить гитлеровскую агрессию на восток — против СССР.

За срыв переговоров о создании заслона на пути германской агрессии на восток доля ответственности ложится и на реакционные правящие круги стран Восточной Европы — Польши, Румынии, Финляндии, Латвии и Эстонии, которые встали на путь предательства национальных интересов своих стран.

Коммунистической партией и Советским правительством были разоблачены и сорваны планы империалистических кругов Англии и Франции. Им не удалось вовлечь Советский Союз в военный конфликт с фашистской Германией в условиях международной изоляции, а самим остаться в стороне от войны.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(сентябрь 1939 г.—июнь 1941 г.)**

1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. Через два дня Англия и Франция объявили войну Германии. Началась вторая мировая война. Ее возникновение явилось следствием экономического и политического развития капитализма на его монополистической стадии. Виновником войны был империализм как социально-экономическая система. Развязали войну фашистская Германия в Европе и милитаристская Япония на Дальнем Востоке, но она была империалистической с обеих сторон. Исполком Коммунистического Интернационала в своем воззвании в ноябре 1939 г. отмечал, что «правлящие классы Англии, Франции и Германии ведут войну за мировое господство» и что «эта война есть продолжение многолетней империалистической тяжбы в лагере капитализма»¹.

Объявление войны Германии со стороны Англии и Франции свидетельствовало о полном банкротстве их мюнхенского курса на сговор с фашистскими агрессорами и канализацию немецко-фашистской агрессии против Советского Союза. Конечно, войны можно было избежать, если бы Англия, Франция и США объединились с Советской страной в борьбе за мир и создание системы коллективной безопасности. Но западные державы не захотели встать на путь сотрудничества с СССР для отпора агрессии.

Правительства Англии и Франции имели точную информацию о том, что Гитлер 11 апреля 1939 г. утвердил директиву о нападении на Польшу не позднее конца августа 1939 г. (план «Вайс») ². Но все же они уклонились от заключения с СССР эффективного договора о взаимной помощи и тем самым сознательно бросили союзную им Польшу на произвол судьбы. И все рассуждения фальсификаторов истории о том, что война не началась бы, если бы Советский Союз не заключил с Германией договора о ненападении, не выдерживают никакой критики. Кашиново клеймо предательства своего союзника никогда не смыть правительствам Чемберлена и Даладье, которые выдали Польшу Гитлеру. По-

¹ «Коммунистический Интернационал», 1939, № 8-9, стр. 3—4.

² W. Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Göttingen, 1956, S. 203.

следний был твердо уверен, что Англия и Франция не будут воевать из-за Польши и во всяком случае дальше блокады не пойдут.

Формальное объявление войны Германии — вот и все, чем ограничились Англия и Франция. Поэтому без каких-либо помех немецко-фашистский вермахт в течение трех недель разгромил польскую армию, в то время когда правительства Чемберлена и Даладе пытались прикрыть свою предательскую позицию рассуждениями о том, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою очередь будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале»³.

При желании Англия и Франция могли бы предпринять успешное наступление против Германии на Западном фронте и добиться серьезных успехов, поскольку в то время основные силы гитлеровского вермахта были брошены против Польши. Французская армия насчитывала в сентябре 1939 г. не менее 85 дивизий, т. е. имела подавляющее превосходство над 23 немецкими дивизиями, которые находились на западе. В 1939 г., говорил на заседании Нюрнбергского международного трибунала гитлеровский генерал Йодль, Германия избежала военной катастрофы только потому, что 110 французских и английских дивизий стояли на западе в бездействии против 23 немецких дивизий⁴. Аналогичное заявление сделал и гитлеровский генерал Кейтель. Франция и Англия имели достаточно сил, чтобы предпринять успешное наступление против Германии, нанеся удар по ее индустриальному центру — Руру.

Таким образом, нежелание Англии и Франции оказать Польше немедленную военную помощь было обусловлено не их военной слабостью, а исключительно политическими соображениями.

Это состояние полного отсутствия военных операций против Германии было названо «странной войной», поскольку в действительности на Западном фронте никакой войны не было. По существу Лондон и Париж продолжали в это время вести прежний мюнхенский курс своей политики, приспособленный к специфической обстановке официально объявленного состояния войны с фашистской Германией. Английское и французское правительства пытались использовать объявление состояния войны для оказания давления на фашистскую Германию, чтобы заставить ее пойти на полюбовное соглашение с Лондоном и Парижем, имея в виду предоставить ей возможность удовлетворить свои территориальные притязания за счет Советского Союза и других стран Восточной Европы. С этой целью ими и были начаты секретные переговоры как с представителями гитлеровского правительства,

³ Дж. Баглер. Большая стратегия (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.). М., 1959, стр. 12.

⁴ «Trial of the major War Criminals before the International military Tribunal», vol. XV. Washington, 1953, p. 350.

так и с оппозиционной Гитлеру группой во главе с Герделером, Беком и Остером. Переговоры эти велись по различным каналам и в различных местах, в том числе и в Ватикане⁵.

Наряду с секретными переговорами с представителями фашистского рейха англо-французская дипломатия развивала большую активность в целях расширения зоны войны с тем, чтобы отвести от Англии и Франции угрозу удара со стороны гитлеровского вермахта.

В этой сложной, чреватой большой опасностью для Советского государства международной обстановке Коммунистическая партия и Советское правительство должны были соблюдать величайшую выдержку и осторожность, чтобы не допустить втягивания СССР в военный конфликт.

Внешняя политика СССР и его дипломатия руководствовались ленинским указанием о соединении осторожной дипломатии с твердой и решительной политикой в защите интересов Советского государства.

Поэтому 17 сентября 1939 г. Советский Союз объявил, что будет проводить политику нейтралитета. Это давало возможность обеспечить советскому народу такие международные условия, которые позволили бы продолжать социалистическое строительство и активно готовиться к обороне против надвигавшейся опасности нападения со стороны германского фашизма.

Приближение гитлеровского вермахта к границам СССР создавало угрозу жизненно важным центрам Советской страны, и правительство СССР срочно приняло меры, чтобы Западная Украина и Западная Белоруссия не были захвачены гитлеровским рейхом. С этой целью советским войскам был отдан приказ взять под защиту население этих областей. Вскоре в Западной Украине и Западной Белоруссии состоялись выборы в народные собрания. 1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон об удовлетворении просьбы Народного собрания Западной Украины о ее включении в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением с Украинской Советской Социалистической Республикой. Аналогичный закон принял Верховный Совет СССР 2 ноября 1939 г. о включении Западной Белоруссии в состав Советского Союза с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой.

Таким образом Советский Союз преградил путь беспрепятственному продвижению немецко-фашистской агрессии на восток. 28 сентября 1939 г. был заключен советско-германский договор, по которому западная граница СССР устанавливалась по рекам Западный Буг и Нарев, т. е. примерно по «линии Керзона», предлагавшейся еще в 1919 г. на основе этнографического принципа Англией, Францией и США.

---

⁵ Подробнее об этом см.: «История дипломатии», т. IV. М., 1975. стр. 9—13

Быстрый разгром Польши фашистской Германией свидетельствовал о том, что страны Прибалтики также не смогут собственными силами оказать серьезного сопротивления гитлеровской Германии. Поэтому Советское правительство обратилось к правительствам трех Прибалтийских стран с предложением о заключении пактов о взаимной помощи. Это было в интересах укрепления безопасности как СССР, так и Прибалтийских государств. В течение сентября — октября 1939 г. правительства Эстонии, Латвии и Литвы заключили с СССР пакты о взаимопомощи.

По этим договорам каждая из сторон брала на себя обязательство оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или возникновения угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы. СССР обязывался на льготных условиях оказывать армиям Прибалтийских стран помощь вооружением и снаряжением. Для укрепления безопасности СССР и Прибалтийских стран последние разрешили Советскому Союзу иметь на своей территории базы военно-морского флота, аэродромы и определенное количество сухопутных войск. Кроме того, договоры содержали обязательство не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против другой договаривающейся стороны. В целях закрепления дружбы с Литвой Советский Союз передавал Литве Вильнюс и Вильнюсскую область. Предусматривалась совместная с СССР защита западной границы Литвы.

Заключение Советским Союзом договоров о взаимной помощи с Прибалтийскими странами способствовало упрочению мира и безопасности в этой части Европы и в зоне Балтийского моря. Одновременно оно опрокидывало расчеты мюнхенцев на то, что Эстония, Литва и Латвия предоставят Гитлеру свою территорию для нападения на СССР и даже примут в нем участие.

В это же время СССР вел настойчивую борьбу за безопасность своей северо-западной границы, где его соседом была Финляндия. Советско-финляндская граница проходила всего в 32 км от Ленинграда — второго по величине и значению города Советского Союза, колыбели Великой Октябрьской социалистической революции. Правящие круги Финляндии не скрывали своего враждебного отношения к СССР и раздували шовинистическую пропаганду о создании «Великой Финляндии», которая включала бы и Советскую Карелию. Советское правительство не раз предпринимало меры к тому, чтобы добиться решительного улучшения отношений с Финляндией, но безрезультатно.

Когда началась вторая мировая война, то укрепление безопасности границы СССР с Финляндией стало не терпящим отлагательств делом. Это признавали и некоторые здравомыслящие буржуазные деятели и публицисты. Так, английский журналист Л. Верт писал: «Для меня, а я пахотился тогда во Франции, было совершенно ясно, что исправление границы к северу и северо-западу от Ленинграда было жизненной необходимостью для

Советского Союза ввиду возможности (и даже вероятности) нападения на него с этой стороны»⁶.

Советское правительство 5 октября 1939 г. предложило возобновить прерванные ранее советско-финские переговоры и рассмотреть советское предложение о заключении пакта о взаимопомощи. Для ведения переговоров 11 октября в Москву прибыл государственный советник Ю. К. Паасикиви, занимавший пост финского посланника в Швеции.

Возвращаясь к тем дням, президент Финляндии У. Кекконен в сентябре 1963 г. говорил: «Когда сейчас, спустя более чем 20 лет, мы поставим себя в положение Советского Союза, то в свете гитлеровского нападения на Советский Союз в 1941 г. становится понятней и та озабоченность, которую СССР испытывал и должен был испытывать в отношении своей безопасности в конце 30-х годов». Но тогдашнее правительство Финляндии продолжало идти прежним антисоветским курсом.

Подстрекаемое извне, финское правительство Каяндера не вняло голосу разума; оно отклонило все советские предложения, прервало переговоры и стало готовиться к войне. В конце ноября 1939 г. начался финляндско-советский военный конфликт, который всячески раздували западные державы⁷.

Советское правительство прилагало усилия к скорейшему прекращению конфликта путем урегулирования спорных вопросов за столом мирных переговоров. СССР неоднократно проявлял инициативу (через посредство Швеции) с целью начать переговоры. В конце концов финляндское правительство дало согласие. В Москву прибыла финляндская делегация, которая 12 марта 1940 г. подписала советско-финляндский мирный договор. Согласно договору, СССР и Финляндия обязались взаимно воздерживаться от нападения друг на друга, не заключать союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон.

Тем временем в Лондоне и Париже разрабатывались планы переключения войны с Германией на войну против Советского Союза, особенно после того, когда не без их активного участия был спровоцирован вооруженный конфликт между Финляндией и СССР. Под предлогом помощи Финляндии правительства Англии и Франции готовились начать против СССР военные действия. С декабря 1939 г. англо-французское военное командование срочно начало готовить 150-тысячный экспедиционный корпус для отправки в Финляндию.

На всем протяжении советско-финляндского конфликта англо-французская дипломатия проявляла исключительно большую активность, чтобы превратить этот конфликт в общую войну обеих

⁶ А. Верт. Россия в войне 1941—1945 гг. Пер. с англ. М., 1967, стр. 62.

⁷ Подробнее об этом см.: «Новая и новейшая история», 1975, № 4, стр. 44—51.

империалистических группировок против СССР. Английский историк А. Тейлор, характеризуя англо-французскую политику того периода, писал: «Мотивы намечавшейся экспедиции в Финляндию противоречат здравому смыслу. Для Великобритании и Франции спровоцировать войну с Россией, когда они уже находились в войне с Германией, представляется сумасшествием, и это наводит на мысль о более зловещем плане: направить войну по антибольшевистскому курсу с тем, чтобы война против Германии могла быть забыта или даже закончена»⁸.

Правительства Англии и Франции направляли в Финляндию оружие. Англия послала в Финляндию 101 самолет, 214 орудий, 185 тыс. снарядов, 50 тыс. ручных гранат, 15 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин и другие военные материалы⁹. Правительство Даладье, несмотря на то, что гитлеровские войска в это время сосредоточивались на границах Франции, направило в Финляндию 175 самолетов, 496 орудий, более 5 тыс. пулеметов, 400 морских мин, 200 тыс. гранат, 2 млн. патронов¹⁰. Финансово-экономическую и политическую помощь Финляндии оказывали также правящие круги США. Помимо посылки оружия и боеприпасов, США предоставили Финляндии заем для закупки американского вооружения.

Параллельно с подготовкой англо-французского экспедиционного корпуса для ведения войны против СССР с севера в Лондоне и Париже велась разработка плана нападения на Советский Союз с юга. Существование этого плана заключалось в организации воздушного удара по предприятиям нефтяной промышленности на Кавказе и ее центру — Баку¹¹. Осуществление плана этих бомбардировок было поручено командующему французскими войсками на Ближнем Востоке генералу Вейгану. Его помощник по авиации генерал Жоно говорил: «Мне не хватает авиации. Дайте мне ее, ибо война решится на Кавказе, а не на Западном фронте... Мы не будем драться на Западе, будем драться на Кавказе»¹². В нападении на СССР должны были, кроме того, участвовать французские сухопутные части, турецкие войска и французская авиация. Подводные флоты Англии и Франции должны были нарушить советское судоходство на Черном море.

Заключение советско-финляндского мирного договора сорвало планы англо-французских империалистов организации войны против СССР на севере.

⁸ A. J. Taylor. English History. 1914—1945. Oxford, 1965, p. 469.

⁹ «История внешней политики СССР», под редакцией А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева, изд. 2-е, т. 1. М., 1976, стр. 409.

¹⁰ «Annales de la Chambre des députés; Débats parlementaires». Paris, 1940, p. 508.

¹¹ «Die Geheimakten des französischen Generalstabes». Berlin, 1940, S. 229.

¹² «Les événements survenus en France de 1933 à 1945», vol. V. Paris, 1950, p. 1442.

Однако даже в апреле 1940 г. в Лондоне обсуждался план, разработанный командованием английских военно-воздушных сил, непосредственная цель которого заключалась в «полном уничтожении кавказских нефтепромыслов»¹³.

На всем протяжении «странной войны» Англия и Франция пытались сговориться с гитлеровской Германией за счет Советского Союза. Относительно их политики И. В. Сталин говорил в то время, что они «не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 г. от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за недалекновидную политику»¹⁴. Близорукая антинациональная политика английского и французского правительств дорого обошлась народам этих стран, да и другим европейским народам.

9 апреля 1940 г. фашистская Германия положила конец «странной войне» и начала настоящую войну. Сначала были захвачены Норвегия и Дания, а в мае — Бельгия. Затем последовал блицкриг против Франции, правительство которой вместо бескомпромиссной войны предпочло позорную капитуляцию. Так обернулась «странная война» для западных держав.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство располагали достоверной информацией, свидетельствовавшей о том, что гитлеровская Германия и после заключения с СССР 23 августа 1939 г. договора о ненападении не отказалась от своих планов агрессии в отношении СССР. Поэтому, руководствуясь ленинским указанием о том, что для советской внешней политики главной должна быть «задача удержать существование одинокой социалистической республики, окруженной капиталистическими врагами»¹⁵, Советское правительство соблюдало величайшую осторожность и выдержку в отношениях с гитлеровской Германией, чтобы не дать ей повод для провоцирования военного конфликта.

В то же время партия и правительство делали все возможное для быстрейшего развития военно-промышленного потенциала Советского Союза. «Наша партия и советский народ, — отмечал Л. И. Брежнев, — хорошо помнили предупреждение Владимира Ильича Ленина о том, что империализм в любое время может развязать вторую полосу войн против Советского Союза, и принимали меры для того, чтобы поднять экономическую и оборонную

¹³ L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 31.

¹⁴ Цит. по кн.: Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, изд. 2-е, т. 1. М., 1974, стр. 184.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 117.

мощь страпы»¹⁶. Эта политика получила полное одобрение шестой сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся 29 марта—3 апреля 1940 г. В докладе правительства на сессии отмечалось, что «задачи нашей внешней политики заключаются в том, чтобы обеспечить мир между народами и безопасность нашей страны. Выводом из этого является позиция нейтралитета и неучастия в войне между крупнейшими державами Европы. Эта позиция основана на заключенных нами договорах и она полностью соответствует интересам Советского Союза. Эта позиция оказывает вместе с тем сдерживающее влияние на расширение и разжигание войны в Европе и потому она в интересах всех народов, стремящихся к миру и стонущих уже от новых громадных лишений, вызванных войной»¹⁷.

Между тем пламя военного пожара продолжало усиливаться. Поражение Франции и ее капитуляция в середине 1940 г. еще больше осложнили международную обстановку. Заметно стала возрастать и напряженность в отношениях между Германией и СССР. Фашистский рейх вел в глубокой тайне подготовку к нападению на Советский Союз.

В создавшейся обстановке руководство партии и Советское правительство решили создать новую сессию Верховного Совета, чтобы с его высокой трибуны призвать весь советский народ отдать все силы укреплению обороны Страны Советов. В докладе правительства на сессии, которая открылась в августе 1940 г., говорилось, что в условиях усиления военной угрозы СССР «должен проявить бдительность к делу своей внешней безопасности, к укреплению всех своих внутренних и внешних позиций» и «обеспечить дальнейший и еще более мощный подъем оборонной и хозяйственной мощи страны»¹⁸.

В деле обеспечения безопасности СССР немаловажная роль принадлежала и советской внешней политике. Прежде всего надо было обеспечить безопасность Прибалтики, не допустить ее превращения в ворота, через которые агрессор вторгся бы в Советский Союз. Эта озабоченность Советского правительства возрастала вследствие того, что фашистские правительства Прибалтийских стран в связи с англо-французскими планами организации «крестового похода» против СССР начали с конца 1939 г. проводить все более враждебную СССР политику, саботируя осуществление договоров о взаимопомощи с Советским Союзом. Правительства Прибалтийских стран всячески раздували антисоветскую пропаганду. Так, латвийское правительство «обрушилось террором против всех тех, кто искренне выражает сочувствие нашей Красной Армии и видит в этом подлинную поддержку независимости Лат-

¹⁶ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 121.

¹⁷ «Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта—3 апреля 1940 г.» Стенографический отчет. М., 1940, стр. 42.

¹⁸ «Седьмая сессия Верховного Совета СССР. 1—7 августа 1940 г.» Стенографический отчет. М., 1940, стр. 32.

вии. Высшее офицерство и правительственные круги трусливо и подло ведут антисоветскую пропаганду»¹⁹. Так же вели себя правительства Литвы и Эстонии.

Еще больше усугубилось положение летом 1940 г. после разгрома гитлеровцами Франции. Резко усилилась активность фашистского рейха в Прибалтике, стремившегося превратить ее в плацдарм для нападения на СССР. В правительствах Прибалтийских стран укреплялись позиции тех кругов, которые были готовы встать на путь капитуляции перед нацистской Германией. О политике фашистских правителей этих стран журнал «Большевик» писал тогда, что, несмотря на существование пактов о взаимной помощи между Советским Союзом и каждой из них, они делали все возможное, чтобы взорвать мирное сотрудничество с СССР и «превратить Прибалтику в плацдарм против Советского Союза. Правящие клики, находившиеся у власти, не только нарушали взятые на себя обязательства, они попирали волю и жизненные интересы народов Литвы, Латвии и Эстонии»²⁰.

В середине июня Советское правительство поставило перед правительствами Литвы, Латвии и Эстонии вопрос об удалении из их состава лиц, превратившихся в германских агентов, и о сформировании правительств, которые были бы способны и готовы обеспечить честное проведение в жизнь договоров о взаимопомощи²¹. Трудящиеся Прибалтийских стран горячо поддержали эти требования и взяли власть в свои руки. Вскоре в Латвии, Литве и Эстонии состоялись выборы. Новые парламенты трех стран высказались за их вступление в состав Советского Союза.

В результате вступления Эстонии, Литвы и Латвии в Советский Союз упрочились западные границы СССР, что в условиях возраставшей опасности со стороны фашистской Германии имело огромное значение.

В напряженной обстановке усиливавшейся угрозы гитлеровской агрессии против СССР Советское правительство не могло больше мириться с тем, что вопрос о возвращении Бессарабии, насильственно отторгнутой от Советской России в 1918 г., оставался нерешенным.

Продолжая свою антикоммунистическую и антисоветскую политику, правительство Татареску резко наращивало вооружения. Важнейшей составной частью этой антинациональной политики было продолжавшееся сближение с гитлеровской Германией, несмотря на то, что это означало превращение Румынии в экономический и военно-политический придаток фашистского рейха. Правящие круги Румынии всячески подогревали антисоветскую кампанию в румынской печати.

¹⁹ АВП СССР. Сообщение полпреда СССР в Латвии в НКВД от 9 декабря 1939 г.

²⁰ «Большевик», 1940, № 13, стр. 10.

²¹ «История внешней политики СССР», т. 1, стр. 406.

26 июня 1940 г. Советское правительство вручило румынскому посланнику в Москве заявление по этому вопросу. «Советский Союз, — говорилось в нем, — никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу». В заявлении также отмечалось, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче СССР «той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава»²².

Ответ правительства Татареску свидетельствовал о его стремлении затеять длительные дипломатические переговоры с целью надолго затянуть разрешение бессарабского вопроса. Одновременно румынское правительство обратилось к Германии, Италии, Югославии, Греции и Турции с просьбой высказать свою позицию, т. е. заявить, готовы ли они поддержать Румынию, если последняя будет воевать с Советским Союзом. Все страны, к правительствам которых обращался Бухарест, посоветовали Румынии урегулировать вопрос мирным путем. Гитлеровцы через своего эмиссара в Бухаресте Киллингера заверили правительство Румынии, что ее «уступка» Советскому государству будет временной и что вскоре Румыния сможет получить обратно Бессарабию, так как «русский гигант будет в конце концов уничтожен»²³.

После такого рода заверений Берлина правительство Татареску дало СССР положительный ответ. В конце июня 1940 г. Бессарабия была воссоединена с СССР.

Бессарабия воссоединилась с Советской Молдавией, которая 2 августа 1940 г. была провозглашена союзной Молдавской Советской Социалистической Республикой. Это означало практическое осуществление ленинского принципа самоопределения наций. Подчеркивая важность этого события, Л. И. Брежнев говорил: «Актом исторической справедливости явилось восстановление в 1940 г. советской власти в Бессарабии и воссоединение ее с Молдавской АССР»²⁴. Возвращение Бессарабии в состав СССР имело также важное политическое и стратегическое значение:

---

²² «Известия», 27 июня 1940 г.

²³ Б. М. Колкер, И. Э. Левит. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 г.—июль 1941 г.). М., 1971, стр. 95

²⁴ «Правда», 12 октября 1974 г.

Советская страна снова стала придунайским государством и преградила путь гитлеровской агрессии в этом направлении.

Между тем курс на сближение с гитлеровской Германией привел к усилению нацистского влияния в Румынии, к государственному перевороту и установлению военно-фашистского режима во главе с генералом Ионом Антонеску, сторонником тесного сотрудничества с Гитлером. Свою деятельность он начал с заявления о том, что Румыния встала на сторону агрессивного блока Германии, Италии и Японии. Фашистские правители Румынии приняли решение продавать румынскую нефть только Германии и Италии и дали согласие на ввод в Румынию немецких сухопутных и военно-воздушных частей. На эти войска возлагалась задача «сделать вооруженные силы Румынии способными выполнить определенные задачи в соответствии с планом, разработанным в интересах Германии», что практически означало их подготовку к войне против СССР²⁵. 12 октября в Румынию начали прибывать немецкие войска²⁶. В результате поездки Антонеску в Берлин 22—23 ноября был подписан протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту, заключенному между Германией, Италией и Японией. Румынский диктатор дал свое согласие на увеличение поставок нефти в Германию. В беседе с Кейтелем Антонеску «доложил о мерах, которые он принял против России»²⁷. Так оформлялся сговор с Гитлером, имевший своей целью подготовку войны против СССР, сговор, который окончательно превратил Румынию в союзника Германии²⁸.

11 июня 1941 г. в Мюнхене состоялась новая встреча Антонеску с Гитлером, Кейтелем и Йодлем. На ней окончательно договорились об участии Румынии в войне против СССР. Антонеску обязался мобилизовать для нужд войны все экономические и людские ресурсы Румынии, а Гитлер обещал передать Румынии некоторые советские территории²⁹.

СССР оказывал большую политико-дипломатическую поддержку народам Балканских стран, противодействуя планам Гитлера по захвату этого региона в целях использования его как источника сырья и плацдарма для нападения на Страну Советов.

В тех условиях для упрочения независимости Балканских стран большое значение могло иметь тесное политическое и экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Соответствующие предложения СССР сделал, в частности, правительству Болгарии в сентябре 1939 г.³⁰

Это советское предложение было повторено в ноябре 1940 г., когда в Софию приезжал генеральный секретарь НКВД СССР

²⁵ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. XI, p. 144—146.

²⁶ Б. М. Колкер, И. Э. Левит. Указ. соч., стр. 146.

²⁷ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. XI, p. 686.

²⁸ Б. М. Колкер, И. Э. Левит. Указ. соч., стр. 160.

²⁹ «Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. II. М., 1966, стр. 689.

³⁰ «История дипломатии», т. IV, стр. 153.

А. А. Соболев, который имел встречи и беседы с царем Борисом III. Он заявлял о готовности СССР заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, оказать «всяческую помощь, в том числе и вооруженную, в случае угрозы нападения на Болгарию любой третьей страны или комбинации стран». Советский представитель еще раз подтвердил, что Советское правительство считает целесообразным заключение «пакта о взаимопомощи, в котором, в отличие от односторонних гарантий, подчеркивается полное равенство обеих заинтересованных сторон»³¹. Однако и на этот раз фашистская правящая клика во главе с царем Борисом III и премьером Филовым не приняла советского предложения.

Продолжая курс на противодействие проникновению гитлеровского «третьего рейха» на Балканы, Советское правительство 17 января 1941 г. заявило германскому послу в Москве Шуленбургу, что Советский Союз считает восточную часть Балканского полуострова зоной своей безопасности и не может быть безучастным к событиям в этом районе³². Но монархо-фашистская клика Филова продолжала курс на сотрудничество с Гитлером. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту, и части фашистского вермахта вступили в страну.

СССР проявлял заботу о сохранении независимости Югославии. Так, 17 октября 1940 г. Советское правительство поручило своему полпреду в Белграде информировать югославское правительство о том, что Советский Союз «сочувствует Югославии и борьбе югославского народа за свою политическую и экономическую независимость»³³. До сведения югославского правительства было доведено также и то, что в ходе берлинских переговоров 12—13 ноября 1940 г. СССР потребовал от гитлеровской Германии не распространять зону войны на Балканы. Такие же заявления делались Советским правительством и в начале 1941 г. В беседе с заместителем министра иностранных дел Югославии полпред СССР в Белграде отмечал, что Советский Союз «стоит за мир на Балканах»³⁴.

Однако правительство Цветковича — Мачека продолжало прежний курс, игнорируя угрозу Югославии со стороны гитлеровской Германии. В конце марта к власти в Югославии пришло правительство генерала Симовича, которое 5 апреля 1941 г. подписало с СССР договор о дружбе и ненападении. Статья 2-я договора гласила, что если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, то другая договаривающаяся сторона «обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней»³⁵.

³¹ «История дипломатии», т. IV, стр. 154.

³² «История внешней политики СССР», т. 1, стр. 419.

³³ АВП СССР. Указания НКВД полпреду СССР в Югославии от 17 октября 1940 г.

³⁴ АВП СССР. Информация полпреда СССР в Югославии в НКВД от 7 февраля 1941 г.

³⁵ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV. М., 1946, стр. 548.

Тогда же Советское правительство выступило в защиту независимости Турции, угроза которой возросла в результате появления на Балканах гитлеровского вермахта. 9 марта 1941 г. заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский по поручению Советского правительства заявил турецкому послу в Москве Актаю, что «если Турция действительно подвергнется нападению и будет вынуждена вступить в войну для защиты своей территории, то Турция, исходя из существующего между нею и СССР пакта о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР»³⁶.

Игнорируя стремление СССР развивать добрососедские отношения с Финляндией, правительство Рюти — Маннергейма после подписания Московского договора 1940 г. взяло курс на подготовку к новой войне против СССР. Финляндия стала союзником Гитлера в подготовлявшейся войне против Советской страны и предоставила свою территорию для размещения немецко-фашистских войск.

В нарушение статьи 5-й договора финляндское правительство начало возводить военные укрепления в районе Петсамо, строить аэродромы, расширять причалы в Лиинахамари и т. д. Оно нарушило также и свои обязательства по статье 6-й протокола к мирному договору, которая обязывала его при отводе войск за новую границу обеспечить полную сохранность городов и поселков, переходивших к СССР, а также находившихся в них оборонных и хозяйственных сооружений. Реакционные силы Финляндии рассматривали договор с СССР как средство выиграть время для подготовки к новой войне против Советского государства. Президент Финляндии Рюти признал в июле 1941 г., что «через три недели после заключения мирного договора нам было ясно, что мы будем снова воевать с СССР»³⁷.

Весной 1940 г., когда над Швецией нависла угроза вторжения гитлеровского вермахта, правительство СССР предприняло серьезный демарш перед Берлином в защиту ее независимости. 13 апреля 1940 г. германскому послу в Москве Шуленбургу было заявлено, что «Советское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы нейтралитет Швеции был сохранен, что нарушение его было бы нежелательным для Советского правительства и что последнее надеется на то, что включение Швеции в германскую акцию не будет иметь места»³⁸.

Гитлеровская Германия была вынуждена отказаться от оккупации Швеции. Германский посол в Москве Шуленбург инфор-

³⁶ «Известия», 25 марта 1941 г.

³⁷ В. Г. Федоров. Финляндия и империалистические державы накануне второй мировой войны. — «Новая и новейшая история», 1964, № 6, стр. 53.

³⁸ М. Андреева, К. Дмитриева. Советский Союз и нейтралитет Швеции в годы второй мировой войны. — «Международная жизнь», 1959, № 9, стр. 91.

мировал Советское правительство, что Германия «не намеревается распространить свою северную военную операцию на шведскую территорию»³⁹. Тогдашний премьер-министр Швеции Хансон благодарил Советское правительство за выступление в защиту независимости Швеции⁴⁰. В июле и октябре 1940 г. СССР снова предпринимал решительные демарши в поддержку Швеции, в результате чего последней удалось сохранить свою независимость.

Отношениям с Англией, Францией и США советская дипломатия уделяла много внимания и в начальный период второй мировой войны. Советский Союз строил свои отношения с ними, исходя из того, что они должны быть подчинены главной задаче — укреплению безопасности СССР и ограничению сферы фашистской агрессии при сохранении нейтралитета нашей страны в начавшейся войне между двумя империалистическими группировками.

Между тем правительство Чемберлена, а затем и сменившее его правительство Черчилля пытались строить отношения между Англией и СССР таким образом, чтобы вызвать обострение отношений между Советским Союзом и Германией и в конечном счете втянуть СССР в войну с Германией⁴¹. В ином плане английское правительство отношения с СССР не интересовали. Именно поэтому начавшиеся между обеими сторонами торговые переговоры закончились безрезультатно. Английское правительство игнорировало конструктивные советские предложения. Оно требовало предоставления Англии информации о содержании советско-германских торговых соглашений, а также ограничения советских поставок в Германию. Разумеется, что Советский Союз не мог принять такие условия, которые были явно несовместимы с его достоинством как великой суверенной и нейтральной державы.

Поднятая в Англии в мае 1940 г. пропагандистская шумиха вокруг назначения С. Криппса в Москву в качестве посла «с особой миссией» преследовала цель создать впечатление о том, что СССР отходит от проводимой им до этого политики нейтралитета, что могло вызвать соответствующую реакцию в Берлине. Правительство СССР разгадало эти замыслы и заявило, что готово принять Криппса или любого другого английского посла с обычным статусом. 5 июня 1940 г. Криппс был назначен послом в Москву и 12 июня прибыл в Советский Союз. Он привез с собой послание У. Черчилля И. В. Сталину, в котором глава английского правительства предлагал «всесторонне обсудить с Советским правительством любую из огромных проблем, возникших в связи с нынешним курсом Германии проводить в Европе последовательными этапами методическую политику завоевания и поглощения»⁴².

³⁹ Там же, стр. 92.

⁴⁰ «История внешней политики СССР», т. 1, стр. 414.

⁴¹ В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, стр. 172.

⁴² W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. Boston, 1949, p. 136.

Вскоре после прибытия в Москву Криппс имел встречи и беседы с председателем СНК СССР и наркомом внешней торговли. 1 июля он был принят И. В. Сталиным и беседовал с ним почти три часа. После этих бесед Криппс смог убедиться, что имеются благоприятные возможности для развития торговли между СССР и Англией и что СССР был готов обсудить вопросы нормализации политических отношений с Англией и развития с ней торгового обмена. Но правительство Черчилля оказалось неспособным на коренной пересмотр прежнего, враждебного СССР курса политики Англии, что и сказалось как на политических, так и на экономических отношениях.

Особо следует сказать о меморандуме правительства Черчилля от 22 октября 1940 г. о мерах по улучшению отношений и заключении договора о ненападении между Англией и СССР.

Что касается существа английских предложений, изложенных в меморандуме, то они были расценены Советским правительством как неудовлетворительные. Характеризуя эти предложения, нарком иностранных дел СССР А. Я. Вышинский заявил С. Криппсу, что они не могут служить базой для урегулирования советско-английских отношений. Этот меморандум, отметил он далее, не свидетельствует о желании Англии улучшать отношения с СССР, и надежды Советского правительства «на улучшение отношений с Англией отнюдь не оправдались. Наоборот, в то время как со стороны СССР не было сделано никаких недружественных шагов по отношению к Англии, последняя предприняла ряд новых недружественных актов по отношению к СССР в 1940 г.»⁴³

Своими практическими действиями, последовавшими после вручения Советскому правительству меморандума от 22 октября, правительство Черчилля подтверждало, что оно не думало серьезно об улучшении англо-советских отношений.

Посол США в Москве Штейнгарт в беседе с Криппсом 2 октября 1940 г. правильно охарактеризовал существо английской политики в отношении СССР: «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии в отношении СССР заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к вооруженному конфликту с Германией, то повлекли бы за собой настоящий риск возникновения такого конфликта». Штейнгарт сделал вывод, что эта политика Великобритания в отношении Советского Союза обречена на неудачу. Маловероятно, говорил он, чтобы СССР спровоцировал путем переговоров или соглашения с Великобританией «те самые события, помешать которым является целью всей его политики, а именно свое вовлечение в войну против держав оси»⁴⁴.

⁴³ «История дипломатии», т. IV, стр. 165.

⁴⁴ «Foreign Relations of the United States, 1940», vol. I. Washington, 1956, p. 616.

Но Черчилль так и не пересмотрел свою политику в отношении СССР и пытался добиться, чтобы улучшение англо-советских отношений сопровождалось ухудшением отношений между СССР и Германией. В частности, эту цель преследовало и послание Черчилля И. В. Сталину, переданное Криппсом Советскому правительству 18 апреля 1941 г. В нем Черчилль сообщал о перемещении трех германских бронетанковых дивизий.

Преследуя те же цели, правительство Черчилля выдвинуло план создания на Балканах фронта против Германии. Подоплека его была раскрыта в письме Черчилля Идену от 28 марта 1941 г.: «Не считаете ли вы возможным, что в случае создания единого фронта на Балканском полуострове Германия могла бы счесть более целесообразным взять свое в России».

О двойной игре английского правительства в отношении Советского Союза свидетельствует и его позиция в связи с «миссией Гесса». Полет Гесса в Англию 10 мая 1941 г. и его переговоры там с лордом-канцлером Саймоном, представителем Форин-оффиса Киркпатриком, а также лордом Бивербруком вызвали серьезное беспокойство английской и мировой общественности, которая справедливо опасалась рецидива мюнхенской политики. Между тем правительство Черчилля хранило молчание о том, с чем прилетел в Англию Гесс, заместитель Гитлера по нацистской партии, и каково отношение Лондона к его предложениям. Своим молчанием Черчилль дал Гитлеру определенную надежду на то, что Англия оставит Германию в покое, когда последняя нападет на СССР, т. е. фашистский рейх не окажется в состоянии войны на два фронта.

Итак, политика Англии вплоть до вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз была направлена не на улучшение англо-советских отношений, а на то, чтобы столкнуть Советский Союз с позиции нейтралитета и в конечном счете спровоцировать войну между СССР и Германией.

Советское правительство прилагало много стараний для развития политических и экономических отношений с США. Однако с началом второй мировой войны в правящих кругах США заметно усилились недружественные настроения в отношении СССР. Вашингтон предпринял дипломатические маневры, направленные на то, чтобы добиться примирения Англии и Франции с гитлеровской Германией на антисоветской основе. В декабре 1939 г. вел секретные переговоры по этому вопросу личный представитель президента США при Ватикане Тейлор, а в феврале — марте 1940 г. — заместитель государственного секретаря С. Уэллес, посетивший Лондон, Берлин и Рим. Германские дипломаты в связи с миссией С. Уэллеса сообщили в столицу рейха, что США предлагают «заключить четырехлетнее перемирие между воюющими сторонами и одновременно вступить в экономические переговоры,

в которые будут вовлечены Япония (но не Россия) и Италия»⁴⁵. В сущности это было продолжением тех же идей, которые лежали в основе различных планов «умиротворения» агрессоров с целью подготовки «крестового похода» против СССР.

Изменение курса американского правительства в отношении Советского Союза в какой-то мере началось только с момента падения Франции. Правящие круги США начинали осознавать, что их прежний курс в отношении СССР может быть роковым для Англии и США.

В ноте государственного секретаря К. Хэлла от 1 июля 1940 г. заявлялось, что американское правительство готово сотрудничать с СССР и поддерживать нормальные торговые отношения, которые возможны при нынешнем международном положении⁴⁶. Немного позднее (27 июля) та же мысль была высказана заместителем государственного секретаря С. Уэллесом в беседе с советским полпредом. Уэллес заявил: «Пора обеим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреватые новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создавшуюся в отношениях между нашими странами»⁴⁷.

В плане улучшения американско-советских отношений определенную роль сыграл рост требований прогрессивной общественности и деловых кругов, все решительнее настаивавших на расширении торговых и экономических связей с Советским Союзом. Уступая их давлению, 6 августа 1940 г. правительство США согласилось продлить на год действие временного советско-американского торгового соглашения 1937 г. Правда, рецидивы во внешнеэкономических связях США с СССР продолжали иметь место. Установленные 15 января 1941 г. так называемые генеральные лицензии на вывоз американских товаров свободно выдавались, например, Англии и Канаде, но далеко не всегда предоставлялись СССР. Советский Союз должен был получать лицензии на покупку американских товаров по каждой сделке.

Возросшая опасность гитлеровской агрессии против СССР обязывала Советское правительство проявлять максимум осторожности в отношении фашистской Германии с тем, чтобы, устраняя трения, сохранить с ней мирные отношения и таким образом получить необходимое время для поднятия обороноспособности Советского Союза. Важными средствами сохранения мирных отношений служили торговые и экономические связи, которые раз-

---

⁴⁵ «Documents on German Foreign Policy», ser. D, vol. VIII. Washington, 1961, p. 770—772.

⁴⁶ «Foreign Relation of the United States, 1940», vol. III. Washington, 1958, p. 323—324.

⁴⁷ АВП СССР. Запись беседы советского полпреда в США с заместителем государственного секретаря 27 июля 1940 г.

вивались на основе торговых соглашений от 11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г.⁴⁸

В обмен на поставляемые в Германию продовольствие, в том числе зерно, лес и некоторые виды сырья, СССР получал промышленное оборудование, машины, различные станки и некоторые виды военной техники, т. е. то, в чем он больше всего нуждался и в чем ему отказывали США и Англия. Кроме того, развитие торговли с Германией облегчалось и тем, что СССР получил от нее долгосрочный кредит.

Проявляя заботу об устранении пограничных конфликтов и вызываемых ими осложнений, Советское правительство заключило с Германией конвенцию о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов (10 июня 1940 г.), договор о пограничных правовых отношениях (31 августа 1940 г.), договор о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря и соглашение об урегулировании взаимных имущественных претензий в Прибалтике (10 января 1941 г.)⁴⁹.

Однако все новые акты агрессии со стороны фашистского рейха, с одной стороны, и борьба правительства СССР против расширения сферы агрессии в защиту свободы и независимости народов европейских стран и прежде всего народов Юго-Восточной Европы — с другой, приводили к усилению напряженности в советско-германских отношениях. Гитлер решил попытаться «успокоить» Советское правительство, чтобы создать благоприятные условия для начатой им подготовки агрессии против СССР. Эту цель и преследовало приглашение В. М. Молотову посетить Германию. Этот визит состоялся 12—13 ноября 1940 г.

Перед началом переговоров, 12 ноября 1940 г., Гитлер подписал приказ о том, что независимо от их результатов необходимо со всей энергией продолжать подготовку к нападению на СССР⁵⁰.

В самом начале переговоров в Берлине для советской стороны стало совершенно ясно, что Гитлер всячески уклоняется от обсуждения европейских проблем, ставших предметом серьезных разногласий между СССР и Германией. Гитлер предложил Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту, принять вместе с другими его членами участие в разделе мира на «сферы влияния», заняться «расчленением Британской империи». Таким образом, он хотел втянуть Советский Союз в войну с Англией с тем, чтобы, когда фашистский рейх нападет на него, он оказался в положении полной международной изоляции, без союзников.

Однако у Гитлера получилась осечка: советский представитель отказался обсуждать вопрос о «расчленении Британской империи» и настоял на том, чтобы было рассмотрено положение

⁴⁸ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV. М., 1946, стр. 491, 537.

⁴⁹ Там же, стр. 536—538.

⁵⁰ «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. XI. Bonn, 1964, S. 446—447.

в Европе, создавшееся в результате агрессивных акций фашистского рейха. Гитлер пытался оправдать свои агрессивные акции ссылками на обстановку военного времени, в частности на необходимость ведения войны против Англии. Он уверял, будто бы «Германия не имеет никаких политических интересов на Балканах и действует там... исключительно под влиянием необходимости обеспечения себя некоторыми видами сырья. Это вопрос чисто военных интересов, защита которых не является приятной задачей, поскольку, например, германские войска приходится держать в Румынии в сотнях километров от центра снабжения». Гитлер заверял, что «как только будет восстановлен мир, германские войска немедленно покинут Румынию».

Добиться осуществления своих замыслов Гитлеру не удалось. Характеризуя позицию СССР в ходе берлинских переговоров, западногерманский историк Холдак справедливо отмечал: «Москва не намеревалась ангажироваться против западных держав и уступить Германии в ее притязаниях в Восточной Европе»⁵¹.

Советское правительство разгадало коварные планы гитлеровской дипломатии. «Как выяснилось из бесед, — писал нарком иностранных дел 17 ноября 1940 г. советскому полпреду в Лондоне, — немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещаниями пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь и в этом деле. Мы не дали на это согласие, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными»⁵².

Берлинские переговоры позволили Советскому правительству выяснить намерения и планы Гитлера. Оно не оставило у Гитлера никаких сомнений в том, что СССР решительно осуждает его агрессивные акции и будет противодействовать расширению сферы фашистской агрессии. Вскоре СССР поставил перед Берлином вопрос о выводе немецко-фашистских войск из Финляндии, заявил свои возражения против германского проникновения в Болгарию, осудил присоединение Венгрии к Тройственному пакту и т. д.

Неослабое внимание уделяло Советское правительство обеспечению безопасности Страны Советов на Дальнем Востоке. После поражения в районе реки Халхин-Гол и заключения советско-германского договора о ненападении (август 1939 г.) Япония прояв-

⁵¹ *H. Holdack. Was wirklich geschah. Die diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik. München, 1949, S. 241.*

⁵² «История внешней политики СССР», т. 1, стр. 418.

ляла определенную сдержанность. Поэтому оно и дало в середине 1940 г. свое согласие начать переговоры о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении. Однако переговоры затянулись, так как японское правительство добивалось того, чтобы в основу его был положен советско-японский договор 1925 г., содержавший ряд невыгодных Союзу ССР условий. Советское правительство считало, что новый договор должен содержать условие о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Вследствие неуступчивости японской стороны переговоры были прерваны и возобновились лишь в конце марта 1941 г., когда японский министр иностранных дел Мацуока прибыл в Москву. Первый раунд советско-японских переговоров не принес соглашения, поскольку японская сторона не только продолжала настаивать на сохранении концессий на Северном Сахалине, но и хотела, чтобы СССР согласился продать его Японии. В ответ на это с советской стороны последовала реплика: «Не шутка ли это?»

26 марта Мацуока прибыл в Берлин, где информировал Риббентропа о ходе переговоров в Москве. При этом Мацуока отмечал, что в случае германо-советской войны «Япония всегда будет лояльным союзником» Германии. В то же время правящие круги Японии считали, что в их интересах заключить пакт о нейтралитете с СССР. 8 апреля Мацуока снова прибыл в Москву, чтобы продолжить переговоры. На протяжении пяти дней, вплоть до дня отъезда из Москвы (13 апреля), он повторял свои совершенно неприемлемые условия. Однако в день отъезда Мацуока все же, убедившись в твердой позиции Советского Союза, дал согласие принять советские условия, что и сделало возможным подписание советско-японского договора о нейтралитете. В результате подписания этого договора была укреплена безопасность дальневосточной границы Советского Союза, что было особенно важно ввиду возросшей угрозы гитлеровского нападения. Советско-японский договор от 13 апреля 1941 г. способствовал сохранению мира на советском Дальнем Востоке.

Угроза фашистской агрессии против СССР становилась все более реальной. Гитлеровская Германия захватила в 1940 г. девять государств, в том числе нанесла поражение Франции. Территория этих государств составляла свыше 850 тыс. кв. км, а население — 107 млн. человек. Германия заполучила в свое распоряжение огромный экономический потенциал и захватила громадное количество военной техники. После этого гитлеровская клика решила, что можно приступить к непосредственной подготовке нападения на Советский Союз. «Гитлер понимал, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — что Советский Союз — оплот всех революционных сил, самый непримиримый и последовательный враг фашизма, основная преграда на пути к осуществлению его преступных замыслов»⁵³.

⁵³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 1, стр. 122.

Коммунистическая партия и Советское правительство видели грозную опасность, которая нависла над страной. В приказе народного комиссара обороны СССР от 7 ноября 1940 г. в связи с 23-й годовщиной Октябрьской революции говорилось: «... Капиталистическая война расширяется, она доходит до наших границ, она угрожает нашей территории, она может подвергнуть опасности Советскую Родину...» Руководство партии и Советское правительство делали надлежащие выводы. СССР предпринимал самые энергичные усилия для укрепления своей оборонной мощи.

После берлинских переговоров в ноябре 1940 г. отношения между Германией и СССР стали еще более напряженными. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал план нападения на СССР (план «Барбаросса»).

К весне 1941 г. международная обстановка еще более накалилась. Советское правительство располагало различными данными о подготовке гитлеровской Германией нападения на СССР. Такого же характера информацию оно получило тогда и от правительств Англии и США. Как отмечает в своих мемуарах У. Черчилль, И. В. Сталин сказал ему в августе 1942 г.: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»⁵⁴.

Известное заявление ТАСС, опубликованное в советской печати 14 июня 1941 г., характеризует позицию Советского правительства, использовавшего все политико-дипломатические средства, чтобы сохранить мирные отношения с Германией или по меньшей мере отсрочить ее нападение на Советскую страну. Оно свидетельствовало о готовности СССР вступить с Берлином в переговоры, чтобы обсудить состояние отношений между обеими странами. Если таким путем удалось бы оттянуть германское нападение на несколько недель, то фашистская Германия уже не могла бы в связи с приближением осени начать войну против СССР в 1941 г. и Гитлер был бы вынужден отложить нападение до весны 1942 г. К этому времени Советский Союз завершил бы многие оборонные мероприятия, был бы лучше подготовлен к отпору агрессору.

Однако гитлеровское правительство не захотело вступить в переговоры с Советским правительством и уклонилось от публичного ответа на заявление ТАСС от 14 июня.

Была предпринята и другая попытка вступить в переговоры, когда советское посольство в Берлине 21 июня 1941 г. передало МИД Германии ноту о нарушении советской границы германскими самолетами⁵⁵. Однако и на этот раз германское правительство уклонилось от серьезного обсуждения советско-германских отношений. В течение всего дня министр иностранных дел Гер-

⁵⁴ W. Churchill. The Second World War, vol. III. Boston, 1950, p. 493.

⁵⁵ «Международная жизнь», 1970, № 3, стр. 105.

мании избегал встречи с советским послом. Только в 21 час 30 мин. статс-секретарь МИД Германии Вейцекер принял его, но не стал обсуждать советскую ноту, заявив, будто Германия, а не СССР имеет основания для таких жалоб⁵⁶.

Вечером 21 июня Советское правительство предприняло еще одну попытку вступить в переговоры с германским правительством. С этой целью В. М. Молотов в 21 час 30 мин. пригласил к себе германского посла Шуленбурга и ознакомил его с содержанием указанной советской ноты. Нарком спросил, в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется; чем объясняется усиленное распространение слухов о близкой войне между Германией и СССР и где причины массового отъезда из Москвы сотрудников германского посольства и их жен; чем объясняется отсутствие какой-либо реакции германского правительства на успокоительное и миролюбивое заявление ТАСС от 14 июня?⁵⁷

В ночь на 22 июня (в 00 час. 40 мин. по московскому времени) советский посол в Берлине получил из Москвы по телефону шифрограмму, в которой сообщались заданные Шуленбургу вопросы и содержалось указание незамедлительно встретиться с Риббентропом и поставить последнему те же вопросы. Но все попытки посла добиться встречи с министром или Вейцекером оказались безрезультатными. В Берлине уже не хотели разговаривать. В это время в Германии проводились последние приготовления к вероломному нападению на СССР. Всего несколько часов отделяло мир от войны: 22 июня на рассвете началось вторжение гитлеровских войск в нашу страну.

* * *

В сложной и напряженной до предела обстановке 1930—1941 гг. Советский Союз умело использовал все политико-дипломатические средства для создания заслона против расширения агрессии.

Главный итог внешней политики СССР этого периода состоит в том, что Коммунистической партии и Советскому правительству удалось взорвать мюнхенский антисоветский фронт, избежать вовлечения в войну в крайне опасных условиях, продлить мирную передышку почти на два года для дальнейшего укрепления экономической и военной мощи, для подготовки к отражению агрессии.

---

⁵⁶ «Международная жизнь», 1970, № 3, стр. 106.

⁵⁷ «История внешней политики СССР», т. 1, стр. 429.

**УКРЕПЛЕНИЕ
ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СССР
В КАНУН
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Особое, решающее значение для обороны страны имеет военно-экономическая мощь. В решении этого вопроса Коммунистическая партия и Советское правительство руководствовались указаниями В. И. Ленина. «... Капиталисты, — говорил он, — в любое время могут возобновить войну после того, как они немного отдохнут... Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй; но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте»¹. К войне в защиту социалистического Отечества, учил Владимир Ильич, «... надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны...»²

Проблемы повышения обороноспособности СССР постоянно находились в центре внимания партии и правительства. Так, в резолюции XV съезда ВКП(б) по вопросу о составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства указывалось: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»³.

Для обеспечения хозяйственной устойчивости страны необходимо было форсировать развитие тяжелой индустрии и создание ряда новых ее отраслей. Требовалось построить металлургические, машиностроительные, станкостроительные, автомобильные, химические заводы, значительно увеличить добычу угля, нефти, выплавку металла и производство электроэнергии. Жизненные интересы обороны государства диктовали задачу быстрейшего создания мощной военной промышленности. В короткие сроки надо было построить авиационные, танковые, артиллерийские и другие заводы.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 143—144.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 395.

³ «XV съезд ВКП(б)». Стенографический отчет, кн. II. М., 1962, стр. 1442.

Такие же требования ставились и при разработке второго пятилетнего плана. Советские люди работали с невиданным энтузиазмом, героизмом и самоотверженностью. Беспредельно преданные делу партии, они стремились как можно лучше выполнить свой патриотический долг и обеспечить высокие темпы строительных работ. Первый пятилетний план был выполнен за четыре года и три месяца. СССР из аграрной страны превратился в индустриальную. Второй пятилетний план был также выполнен досрочно. Промышленность Советского Союза к концу второй пятилетки выросла почти в 4 раза по сравнению с 1929 г. По общему объему промышленной продукции СССР вышел на первое место в Европе и на второе — в мире.

Советский Союз имел промышленное сырье и оборудование для заводов и фабрик. Все отрасли народного хозяйства были реконструированы. Это свидетельствовало о том, что в экономическом отношении СССР стал независимым государством, способным обеспечить свое народное хозяйство и нужды обороны всем необходимым техническим вооружением. Индустриализация страны позволила создать необходимую базу для перевода сельского хозяйства на новую техническую основу.

Коллективизация сельского хозяйства и его техническая реконструкция были завершены к концу второй пятилетки. Это создало неограниченные возможности роста его производительных сил. В 1940 г. продукция зерновых культур по СССР в целом составила около 7,3 млрд. пудов⁴. Увеличилась посевная площадь. Улучшились важнейшие качественные показатели работы колхозов, совхозов и МТС. Выросло поголовье общественного скота в колхозах. «Коллективизация, — указывается в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великого Октября, — упрочила завоевания Октябрьской революции, вывела деревню на новый, социалистический путь, еще больше укрепила союз рабочего класса и крестьянства, явилась одним из важнейших факторов победы над гитлеровскими захватчиками»⁵. На колхозных и совхозных полях к началу 1941 г. работало 684 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), 182 тыс. зерновых комбайнов и 228 тыс. грузовых автомобилей. Тысячи трактористов, комбайнеров и шоферов обслуживали этот огромный парк машин. В случае войны они могли стать водителями танков, тягачей, автомашин. Социалистическое сельское хозяйство обеспечивало потребности страны в продовольствии, фураже и сырье.

В результате успешного выполнения первой и второй пятилеток Советский Союз значительно укрепил свою обороноспособность, получив возможность оснастить армию передовой по тому времени боевой техникой и вооружением. Значительно возросло производство стрелкового оружия, артиллерийского, танкового,

⁴ «Индустриализация СССР». М., 1968, стр. 34.

⁵ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции Тезисы Центрального Комитета КПСС». М., 1967, стр. 15.

авиационного и других видов вооружения и боевой техники. Если в 1930—1931 гг. военная промышленность выпускала в среднем за год 860 самолетов, то в 1938 г. их производство составило около 5,5 тыс. самолетов, танков — соответственно 740 и 2271, артиллерийских орудий — 2 тыс. и 12,5 тыс. Техническое перевооружение армии привело к изменению ее организационной структуры. Были созданы бронетанковые войска, различные виды авиации и специальные войска. К концу второй пятилетки в связи с ростом агрессивных устремлений германского фашизма и японского милитаризма Советский Союз был вынужден увеличить численность своих Вооруженных Сил до 1433 тыс. человек⁶.

К началу второй мировой войны Советский Союз располагал мощной промышленностью, развитым социалистическим сельским хозяйством и многочисленными трудовыми резервами. Возраставшие опасности империалистической агрессии против СССР требовало новых усилий для еще большего увеличения военно-экономического потенциала страны.

Крупным шагом в укреплении экономического и оборонного могущества Советского Союза стала третья пятилетка (1938—1942 гг.). Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР был рассмотрен и утвержден на XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в марте 1939 г. Основным звеном экономического развития страны, как и в предыдущие пятилетки, съезд определил преимущественный рост тяжелой промышленности. При этом особое внимание должно было быть уделено машиностроению. Съезд решил «обеспечить внедрение передовой техники во все отрасли народного хозяйства и для всех видов обороны СССР, в соответствии с современными требованиями государства»⁷. По плану в 1942 г. намечалось увеличить выпуск промышленной продукции почти в 2 раза по сравнению с 1937 г. Большое значение в решении съезда придавалось созданию крупных государственных резервов по топливу, электроэнергии и некоторым оборонным производствам. Это вызывалось необходимостью обеспечения дальнейшего бесперебойного подъема всего народного хозяйства «в условиях нарастания агрессивных сил империализма во внешнем окружении СССР»⁸.

Огромное внимание Коммунистическая партия уделяла в эти годы правильному размещению производительных сил страны. Исключительно важное значение имело расширение угольно-металлургической и создание нефтяной баз в восточных районах страны, строительство предприятий-дублеров на Урале, в Поволжье, Сибири и Средней Азии. К 1941 г. в Сибири была создана вторая угольно-металлургическая база; на Крайнем Севере, между

⁶ М. Х. Калашник. Полвека на страже завоеваний Октября. М., 1968, стр. 39.

⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 5. М., 1971, стр. 343.

⁸ «Индустриализация СССР», стр. 16.

Волгой и Уралом, а также на Дальнем Востоке осваивались новые месторождения угля и нефти. Все это имело огромное значение не только для развития народного хозяйства мирного времени, но и для удовлетворения нужд войны. Ускоренными темпами шло строительство военных заводов во многих районах Урала и Сибири. К июню 1941 г. военные предприятия, расположенные за Волгой, производили около 12% продукции всей оборонной промышленности, а по некоторым видам вооружения и боеприпасов — более 25%⁹.

Особое народнохозяйственное и оборонное значение в предвоенные годы приобрела задача обеспечения промышленности квалифицированными кадрами. Дальнейший рост промышленности, задачи усиления мобилизационной готовности промышленности потребовали всемерного усиления подготовки квалифицированных кадров рабочих (особенно рабочих-женщин) путем форсированного развития заводского ученичества. 2 октября 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР». Всего по Союзу было создано 1550 ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения с общим контингентом учащихся в них 602 014 человек¹⁰. Многими ведущими профессиями — сталеваров, кузнецов, трактористов и других — овладевали женщины. Это имело огромное оборонное значение.

Советский народ, не жалея сил, трудился над выполнением производственных заданий. Массовый характер приобрело социалистическое соревнование на предприятиях, которое возглавлялось коммунистами. Однако возрастающая опасность нападения агрессоров требовала принятия дополнительных мер по укреплению оборонной мощи страны. С середины 1940 г. в целях увеличения выпуска промышленной продукции в условиях развязанной фашистской Германией второй мировой войны вновь пришлось перейти на семидневную рабочую неделю и 8-часовой рабочий день. Со специальным обращением ко всем рабочим и служащим 26 июня 1940 г. выступил ВЦСПС. «Наша задача, — указывалось в нем, — еще больше крепить оборону страны, крепить Красную Армию, Военно-Морской и Военно-Воздушный флоты, совершенствовать и увеличивать их вооружение, крепить социалистическую промышленность, снабжающую Красную Армию всем необходимым»¹¹.

Благодаря организующей и мобилизующей деятельности Коммунистической партии и усилиям всего советского народа промышленность достигла в предвоенном году значительных показателей. В 1940 г. было выплавлено 18,3 млн. т стали и 14,9 млн. т чугуна, добыто 31,1 млн. т нефти и 165,9 млн. т каменного угля.

⁹ «Военно-исторический журнал», 1971, № 2, стр. 10.

¹⁰ «Индустриализация СССР», стр. 259.

¹¹ «Правда», 26 июня 1940 г.

Производство электроэнергии составило 48,3 млрд. квт-ч.¹² Валовая продукция промышленности в 1940 г. увеличилась по сравнению с 1937 г. на 45%¹³.

Важная роль в развитии народного хозяйства и в укреплении обороноспособности страны отводилась железнодорожному транспорту. Благодаря самоотверженному труду работников железнодорожного транспорта за три года третьей пятилетки грузооборот железнодорожной сети увеличился на 17% и к июню 1941 г. составил уже 90% уровня, намеченного на конец пятилетки. По заданию ЦК ВКП(б) Наркомат путей сообщения в 1940 г. разработал семилетний план технической реконструкции западных железных дорог¹⁴.

* * *

Значительное развитие в последние предвоенные годы получила оборонная промышленность. Среднегодовой темп роста оборонной промышленности за 1938—1940 гг. составил 141,5% вместо 127,3%, предусмотренных планом. Общий объем ее продукции за три года увеличился в 2,8 раза (при задании в 3,3 раза за пять лет)¹⁵. Тем самым обеспечивалось досрочное выполнение третьего пятилетнего плана по промышленности оборонных наркоматов.

Известно, что в военное время обеспечение Вооруженных Сил боевой техникой может быть гарантировано только в том случае, если производство ее опирается на свою, отечественную промышленность. Партия всегда помнила завет В. И. Ленина, что «самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут медленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены»¹⁶. В начале 1940 г. была поставлена задача: за полтора-два года увеличить производственные мощности оборонной промышленности в 2—2,5 раза. Необходимо было в короткие сроки вооружить армию современными средствами ведения войны. Эта чрезвычайно сложная задача требовала больших материальных и денежных затрат. На повышение обороноспособности страны в 1940 г. была выделена почти треть государственного бюджета, а в 1941 г. ассигнования на нужды обороны достигли 43,4% бюджета¹⁷.

В оборонной промышленности в предвоенные годы шел интенсивный процесс совершенствования производства. Был переведен на выпуск военной продукции ряд гражданских заводов.

¹² «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1965, стр. 55.

¹³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 41.

¹⁴ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1. М., 1960, стр. 418.

¹⁵ «Индустриализация СССР», стр. 128.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 408.

¹⁷ «Коммунист», 1968, № 12, стр. 65.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство наметили широкие планы развития отечественной авиации. С этой целью в 1939 г. был создан Наркомат авиационной промышленности, открыты новые конструкторские и проектные организации. В том же году Комитет Оборона при СНК СССР принял постановление о реконструкции существующих и строительстве новых самолетостроительных заводов, число которых должно было увеличиться к концу 1941 г. по сравнению с 1939 г. вдвое.

К концу 30-х годов на смену устаревшим видам боевой техники были разработаны и запущены в серийное производство новые перспективные образцы. Но чтобы наладить их массовый выпуск, требовалось время. В связи с большими потребностями развивавшейся промышленности порой не хватало металла и других видов сырья.

В результате этих трудностей выпуск самолетов в 1940 г. увеличился по сравнению с 1939 г. только на 19%, причем новых боевых машин выпускалось еще недостаточно. Так, бронированный штурмовик конструкции С. В. Ильюшина (Ил-2) (создан в 1939 г.), подобного которому не имела ни одна армия в мире, в войска стал поступать только в 1941 г. Истребитель конструкции А. С. Яковлева (Як-1) (принят к серийному производству весной 1940 г.) в войска поступил также в 1941 г.

Советские конструкторы в предвоенные годы создали замечательные танки Т-34 (конструкции М. И. Кошкина, А. А. Морозова и Н. А. Кучеренко) и КВ (главный конструктор Ж. Я. Котин), обладавшие высокими боевыми качествами. В 1940 г. удалось произвести всего 115 танков Т-34¹⁸.

Такие темпы выпуска новейших видов боевой техники не могли, конечно, удовлетворить значительно возросшие потребности Вооруженных Сил. В обстановке угрозы нападения фашистской Германии на СССР Коммунистическая партия и Советское правительство принимали срочные меры к значительному увеличению темпов роста оборонной промышленности. Об этом свидетельствуют решения XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), состоявшейся в феврале 1941 г. На ней обсуждались насущные вопросы организаторской деятельности партии в области промышленности и транспорта. На конференции отмечалось, что «промышленность и транспорт Советского Союза в 1940 году значительно продвинулись вперед в деле выполнения третьего пятилетнего плана, увеличили объем производства, обеспечили в значительной степени дальнейший рост народного хозяйства и укрепление оборонной мощи СССР»¹⁹. В связи с надвигавшейся военной угрозой план развития народного хозяйства СССР на 1941 г. предусматривал дальнейший значительный рост оборонной промышленности. Современная война, отмечалось на конференции, является, если

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 38—39, оп. 40983, д. 1, лл. 3—5.

¹⁹ «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 5, стр. 460.

рассматривать ее с технико-экономической стороны, войной моторов и вместе с тем войной резервов. «Советский Союз, — отметил в своем докладе заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Н. А. Вознесенский, — не может не учитывать этих технико-экономических, как и других особенностей современной войны и принимает меры к тому, чтобы вооружать свое народное хозяйство передовой техникой и вообще держать страну в состоянии должной готовности»²⁰. Важнейшей политической задачей, подчеркивалось в решениях конференции, должно стать ускорение темпов роста советской индустрии, улучшение работы партийных организаций в области промышленности и транспорта.

Для руководства всей производственной деятельностью на нужды обороны страны был создан Хозяйственный совет оборонной промышленности. Таким образом, XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б) разработала политические и организационно-хозяйственные меры, «являвшиеся по сути подготовительными для перевода промышленности и транспорта на военные рельсы»²¹.

После конференции многие партийные работники были направлены на оборонные предприятия. Партийные организации усилили внимание к вопросам выпуска новой военной техники, снабжения оборонных заводов металлом и другим необходимым сырьем. Состоявшиеся весной 1941 г. на предприятиях железнодорожного транспорта собрания партийно-хозяйственных активов явились по существу смотром состояния военно-мобилизационной готовности советских железных дорог. По указанию правительства в апреле были начаты работы по технической реконструкции железнодорожных магистралей в Прибалтике и в западных районах Белоруссии и Украины.

Первая половина 1941 г. характеризовалась напряженной борьбой за высокие темпы развития оборонной промышленности. В результате «страна к лету 1941 года располагала мощной военно-промышленной базой»²². Особенно заметно увеличился выпуск танков. Всего в течение полугодия было изготовлено 1684 танка, из них около 1500 Т-34 и КВ²³.

Наряду с развитием авиационной и танковой промышленности накануне войны принимались срочные меры к значительному расширению производственной базы средств стрелкового и артиллерийского вооружения. Большое внимание уделялось созданию автоматического оружия для пехоты. В 1940 г. была выпущена самозарядная винтовка Ф. В. Токарева, годом раньше создан станковый пулемет системы В. А. Дегтярева. Он же разработал пистолет-пулемет, известный под названием ППД. Непосредственно перед войной в войска начал поступать простой

²⁰ «Партийное строительство», 1941, № 4-5, стр. 81.

²¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 42.

²² Там же, стр. 121.

²³ Архив МО СССР, ф. 38—40, оп. 80030, д. 15, л. 51.

по устройству, по безотказный в ведении огня пистолет-пулемет Г. С. Шпагина (ППШ). С 1939 г. и до начала войны было выпущено более 105 тыс. ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов и около 100 тыс. автоматов.

На основе последних достижений науки и техники совершенствовались старые и создавались новые образцы артиллерийского вооружения. 76-мм дивизионная пушка образца 1939 г. конструкции В. Г. Грабина по боевым и эксплуатационным качествам являлась первоклассной современной пушкой. В этом же году на вооружение были приняты: 210-мм пушка, 280-мм мортира, 305-мм гаубица, 37-мм и 85-мм зенитные пушки. Отличными качествами по тому времени обладали 122-мм гаубица образца 1938 г. и 152-мм гаубица-пушка образца 1937 г. К началу войны в войска поступило 14 200 82-мм батальонных минометов и 3800 120-мм полковых минометов²⁴. Немецко-фашистская армия имела в то время только 81-мм минометы. Лишь в 1943 г. промышленность фашистской Германии сумела создать 120-мм миномет.

Перед войной в Красной Армии появилось реактивное оружие. Впервые в мире оно было применено советской авиацией в боях с японскими захватчиками на Халхин-Голе в 1939 г. К началу Великой Отечественной войны были изготовлены опытные образцы реактивных минометных установок «БМ-13», будующих «катюш». Советское правительство приняло решение о развертывании их серийного производства.

Непрерывно увеличивался накануне войны выпуск боеприпасов. За последнее мирное полугодие производство важнейших видов боеприпасов возросло на 66%. Наряду со строительством новых предприятий на выпуск орудий, минометов и боеприпасов к ним переводились многие заводы, удовлетворявшие ранее гражданские нужды. В советской артиллерии к началу войны было лишь одно слабое место — недостаточное обеспечение средствами механической тяги.

Одновременно с перевооружением сухопутных войск и авиации большое внимание уделялось созданию боевых кораблей для Военно-Морского Флота. Только в 1940 г. флот получил 100 единиц различных боевых кораблей, главным образом миноносцев, подводных лодок, тральщиков, торпедных катеров и др. Строилось еще 269 кораблей, часть которых была закончена к началу войны²⁵.

В этой области в предвоенные годы упорно и плодотворно трудились многие конструкторы и инженеры: Н. Е. Кочин, А. Н. Крылов, П. Ф. Папкович, В. Л. Поздюнин, Ю. А. Шиманский и др.

²⁴ «Военно-исторический журнал», 1962, № 2, стр. 84.

²⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1, стр. 455.

Коммунистическая партия и Советское правительство провели накануне войны огромнейшую организаторскую работу с целью увеличения объема военного производства, оснащения армии и флота современной военной техникой и создания резервов и мобилизационных запасов. Благодаря самоотверженному труду советского народа в исключительно короткие сроки был создан мощный военно-экономический потенциал, организовано серийное производство основных видов боевой техники и вооружения. Открывались возможности обеспечить Вооруженные Силы всем необходимым для ведения боевых действий. Но полностью решить поставленную задачу не удалось, главным образом из-за недостатка времени.

Коммунистическая партия и Советское правительство сделали очень многое, чтобы ускорить развитие материально-технической базы страны и техническое перевооружение Красной Армии и Военно-Морского Флота в целях подготовки к отражению фашистской агрессии. Все это позволило сравнительно быстро перестроить промышленность на военный лад в ходе войны и обеспечить Вооруженные Силы всем необходимым для ведения боевых действий.

* * *

Создавая материально-техническую базу социализма и непрерывно повышая на ее основе обороноспособность страны, ЦК ВКП(б) проводил большую идеологическую работу с целью укрепления морально-политического единства и дружбы народов СССР, развития советского патриотизма и пролетарского интернационализма, воспитания советских людей в духе политической бдительности и мобилизационной готовности перед происками империалистов.

Особое значение в условиях надвигающейся войны придавалось поддержанию высокого морального духа советского народа и его Вооруженных Сил. «Во всякой войне, — учит В. И. Ленин, — победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести»²⁶.

Идеологическая работа в предвоенные годы органически сливалась с другими крупными мероприятиями партии, направленными на дальнейшее строительство социализма в СССР. Советские люди, охваченные пафосом созидания, с энтузиазмом поддерживали все мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства. Чувство любви к партии и Родине, прославление ее своим героическим трудом, гордость за достигнутые успехи в строительстве социализма — все это свидетельствовало о

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 121.

высоком морально-политическом состоянии, единстве и сплоченности многонациональных народов, населяющих нашу страну. В грандиозных свершениях предвоенных лет складывалась новая историческая общность людей — советский народ.

Учитывая нарастание угрозы нападения агрессоров на СССР, Коммунистическая партия проявляла неустанную заботу о морально-политической подготовке советского народа к защите социалистического Отечества. В обстановке всенародного подъема, направленного на успешное выполнение заданий третьего пятилетнего плана, партийные организации широко разъясняли необходимость укрепления государства, и особенно тех его органов, которые предназначены для защиты завоеваний социализма от внешних врагов. XVIII съезд партии нацелил весь советский народ на повышение бдительности и готовности в любой момент подняться с оружием в руках против агрессора.

С этой целью была широко развернута оборонно-массовая работа среди населения, которую организовывали военные отделы, созданные, согласно решению XVIII съезда ВКП(б), в крайкомах, обкомах, горкомах и райкомах партии. Военные отделы руководили деятельностью Осоавиахима, в рядах которого на 1 января 1941 г. насчитывалось 13 млн. человек; организовывали местную противовоздушную оборону и помогали военным органам проводить воспитательную и организационную работу с допризывниками. В системе осоавиахимовских организаций действовало 156 тыс. групп, 26 680 команд и 3500 отрядов, в которых приобретали различные военные специальности 2600 тыс. человек²⁷.

Работа массовых добровольных организаций значительно активизировалась. Проводились различные сборы, походы и стрелковые соревнования. Советские люди, особенно молодежь, активно овладевали в оборонно-массовых организациях военным делом, готовились с оружием в руках защищать свою Родину. Воспитывались тысячи смелых, сильных и мужественных патриотов.

Идеологическая работа, неустанно проводившаяся Коммунистической партией в предвоенные годы, сыграла важнейшую роль в формировании духовного облика советских людей, в воспитании политической сознательности и повышении их морального духа. Они были тесно сплочены вокруг Коммунистической партии. Во имя защиты своего Отечества советские люди готовы были отдать жизнь. Это создавало благоприятные возможности для пополнения армии и флота подготовленными в морально-политическом отношении кадрами.

Воспитательная работа Коммунистической партии дала замечательные результаты. Были созданы условия для полного единства тыла и фронта. Моральный дух советского народа и его Во-

²⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1, стр. 460.

оруженных Сил накануне войны был весьма высоким. Коммунистическая партия сумела воспитать в них такие духовные качества, которые в грозные дни войны обеспечили невиданную стойкость и упорство, привели в смятение «непобедимую» гитлеровскую армию и вызвали восхищение всех свободолюбивых людей мира. Советский патриотизм явился убедительным подтверждением предвидения Ф. Энгельса о том, что член социалистического общества в случае войны «должен защищать *действительное* отечество, *действительный* очаг, что он, следовательно, будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, перед которыми должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии»²⁸.

Высокая идейность, глубокая убежденность советских людей в правоте своего великого дела стали одним из решающих факторов, обусловивших разгром фашистских агрессоров.

* * *

В решении проблемы повышения обороноспособности страны Коммунистическая партия уделяла особое внимание созданию мощных Вооруженных Сил. В. И. Ленин учил, что «господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией»²⁹.

Существовавшая до 1939 г. смешанная территориально-кадровая система комплектования не отвечала возросшим требованиям постоянной боевой готовности войск. Поэтому Законом о всеобщей воинской обязанности 1 сентября 1939 г. был осуществлен отказ от милиционно-территориальных формирований. Красная Армия полностью стала кадровой.

Организационная структура Советских Вооруженных Сил совершенствовалась в предвоенные годы на основе роста технической оснащенности с учетом взглядов на характер будущей войны и выводов из опыта начавшейся второй мировой войны. Советские политические и военные деятели, определяя пути дальнейшего развития военной организации страны, исходили из того, что победа в современной войне достигается совместными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск. Но, учитывая, что военные действия с целью защиты границ социалистической державы от нападения вероятных противников будут вестись в основном на суше, решающую роль они по праву отводили сухопутным войскам. Поэтому главной задачей являлось создание могучей Красной Армии, способной защитить завоевания Великого Октября.

Наряду с совершенствованием старых родов войск (пехоты, артиллерии, кавалерии) активно развивались бронетанковые

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 539.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 139.

войска и Военно-Воздушные Силы. Танковым войскам и авиации отводилась большая роль в будущей войне. В 1938 г. шел процесс перестройки бронетанковых и механизированных войск. Механизированные корпуса и бригады переформировывались в танковые с преобладанием в них бронетанковых частей и подразделений. В дальнейшем вместо танковых корпусов было признано целесообразным иметь в сухопутных войсках моторизованные дивизии и однотипные танковые бригады с постепенным оснащением их новыми танками Т-34 и КВ³⁰.

Укомплектовать все механизированные корпуса личным составом и боевой техникой в короткие сроки не представилось возможным. Но, несмотря на незавершенность формирования танковых и моторизованных соединений к началу войны, огромная работа Коммунистической партии и Советского правительства по развитию танковой промышленности, подготовке кадров танкистов, проведенная в предвоенный период, позволила в годы войны резко повысить боеспособность их и превратить в основную ударную силу сухопутных войск.

Главной огневой силой сухопутных войск являлась артиллерия, которая по своему предназначению делилась на войсковую и Резерва Главного Командования (РГК). К началу войны в Красной Армии имелось 67 335 орудий и минометов (без 50-мм минометов). С учетом опыта советско-финляндского военного конфликта и первого периода второй мировой войны в артиллерии РГК были проведены большие организационные мероприятия. В артиллерии РГК насчитывалось 74 артиллерийских полка, из них 60 гаубичных и 14 пушечных.

В связи с массированным применением гитлеровским командованием танков в войне в Западной Европе весной 1941 г. было принято решение о создании артиллерийских противотанковых бригад численностью по 120 орудий в каждой. Противотанковые бригады вооружались самыми сильными по тому времени противотанковыми артиллерийскими средствами — 85-мм пушками. Хотя к началу войны бригады не удалось полностью укомплектовать, они тем не менее впоследствии сыграли большую роль в срыве танковых атак противника и нанесении ему огромных потерь в боевой технике.

Большое внимание в общей системе строительства Советских Вооруженных Сил уделялось развитию авиации. Военно-Воздушные Силы предназначались для поддержки наземных войск в достижении ими целей операции, завоевания господства в воздухе и нанесении ударов по глубоким тылам противника. Они делились на авиацию Главного Командования, фронтową и армейскую. Авиация Главного Командования организационно состояла из отдельных бомбардировочных корпусов, фронтová — из ближнебомбардировочных, истребительных и смешанных авиационных

³⁰ «История второй мировой войны», т. 2, М., 1974, стр. 201.

дивизий. В общевойсковой армии имелась смешанная авиационная дивизия. Организационные мероприятия в авиации были вызваны стремлением обеспечить наиболее тесное взаимодействие с наземными войсками. К июню 1941 г. число авиационных полков увеличилось по сравнению с 1939 г. более чем на 80%.

Видное место в Советских Вооруженных Силах отводилось Военно-Морскому Флоту. В составе ВМФ имелось четыре флота: Северный, Краснознаменный Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский, а также несколько озерных и речных военных флотилий. В их составе к 1941 г. насчитывалось до 600 боевых кораблей, в том числе 3 линкора, 7 крейсеров, 59 лидеров и эсминцев, 218 подводных лодок³¹. В составе авиации флота был 2581 самолет (свыше 80% устаревших конструкций). В целом Советский Военно-Морской Флот мог надежно защищать морские границы нашей Родины и в случае войны оказывать содействие сухопутным войскам.

В связи с бурным развитием авиации у вероятных противников и ростом угрозы воздушных налетов врага на политические, экономические и административные центры в предвоенные годы начали создаваться войска противовоздушной обороны (ПВО) страны. Вся территория СССР была разделена на зоны ПВО в соответствии с границами военных округов. Зоны в свою очередь делились на районы, в которых противовоздушная оборона создавалась у наиболее важных пунктов. Активными средствами ПВО являлись истребительная авиация и зенитная артиллерия. В состав войск ПВО входили также служба воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), прожекторные части и аэростаты заграждения. Создание системы ПВО страны, укомплектование входивших в состав войск ПВО частей и соединений материальной частью имели важное значение в деле повышения боевой готовности Советских Вооруженных Сил и прикрытия от воздушного противника важных объектов тыла.

Организационная структура Советских Вооруженных Сил к началу 1941 г. вполне соответствовала характеру современной войны и уровню развития техники и средств вооружения. Численность Красной Армии и Военно-Морского Флота в течение полутора лет возросла более чем в 2,8 раза и достигла к этому времени 4207 тыс. человек. Из этого количества сухопутные войска составляли 80,6%, Военно-Воздушные Силы — 8,6, Военно-Морской Флот — 7,3, войска противовоздушной обороны — 3,3%³². Эти данные показывают, что основу Советских Вооруженных Сил составляли сухопутные войска. Вместе с тем цифры свидетельствуют о гармоничном сочетании всех видов сил (следует учитывать, что показателем боеспособности авиации и флота является не столько численность личного состава, сколько число самолетов и кораблей).

³¹ Н. Г. Кузнецов. Накануне. М., 1966, стр. 300.

³² «50 лет Вооруженных Сил СССР», М., 1968, стр. 234.

Непосредственное руководство Советскими Вооруженными Силами, за исключением флота, осуществлял народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, сменивший в мае 1940 г. на этом посту Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, назначенного председателем Комитета Обороны при СНК СССР. Органами управления Вооруженными Силами являлись Генеральный штаб и управления родов войск. Начальником Генерального штаба до 18 августа 1940 г. был Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, которого сменил генерал армии К. А. Мерецков. 1 февраля 1941 г. вступил в должность начальника Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков. Руководство Военно-Морским Флотом осуществлял народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов, начальником главного морского штаба был адмирал И. С. Исаков.

Боевая мощь Советских Вооруженных Сил в связи с усилением темпов перестройки их, начатой с весны 1940 г., резко возросла, хотя, конечно, всего, что намечалось, сделать не удалось. Однако, несмотря на незавершенность мероприятий по строительству и перевооружению армии и флота, обусловленную главным образом недостатком времени, огромная работа, проделанная Коммунистической партией по совершенствованию и укреплению их боевой мощи, дала свои плоды.

Резкое увеличение численного состава Вооруженных Сил и непрерывный рост их технической оснащенности потребовали большого числа всесторонне подготовленных командиров, политработников, военных инженеров и техников. В связи с этим была значительно расширена сеть средних и высших военно-учебных заведений. Если в 1937 г. имелось 13 академий и 75 училищ и школ, то в начале 1940 г. насчитывалось уже 19 академий и 255 училищ и школ. Не только каждый вид Вооруженных Сил, но и рода сухопутных войск имели свою военную академию.

Несмотря на то, что военно-учебные заведения ежегодно выпускали большое число командиров, их все же не хватало для полного укомплектования частей и соединений. Коммунистическая партия принимала меры, чтобы ликвидировать этот пробел. С этой целью был примерно вдвое увеличен прием слушателей и курсантов в военно-учебные заведения, организована подготовка командного состава в гражданских институтах, созданы в войсках многочисленные курсы младших лейтенантов. Возможности для этого представлялись большие, так как среди призванных 1939—1940 гг. треть составляли лица, имеющие высшее и среднее образование. В результате огромной работы по подготовке военных кадров некомплект в Вооруженных Силах удалось значительно сократить. Правда, значительная часть их не имела боевого опыта, а некоторые командиры — и достаточных навыков в управлении войсками.

Командный, политический и инженерно-технический состав армии и флота обладал высокими морально-политическими и бое-

выми качествами и был готов встать на защиту свободы и независимости своей Родины. Почти все командиры и политработники являлись выходцами из рабочих, колхозников и служащих. Подавляющее большинство их (около 80%) были коммунистами и комсомольцами³³.

Большое внимание накануне войны уделялось боевой и политической подготовке войск и оперативной подготовке высшего командного состава. ЦК ВКП(б) на основе опыта финляндско-советского военного конфликта в апреле 1940 г. потребовал коренной перестройки обучения Красной Армии, отмены устаревших форм и методов боевой подготовки и политического воспитания войск. Требования партии нашли отражение в приказе наркома обороны № 120, в котором были подведены итоги деятельности войск за предшествующий период и поставлены задачи по боевой подготовке на лето 1940 г. Нарком обороны указывал на необходимость приближения повседневной учебы войск к условиям боевой действительности: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне».

С весны 1940 г. в войсках развернулась напряженная боевая учеба. Войска были обязаны в короткие сроки овладеть новыми образцами вооружения и боевой техники. В обучении войск учитывался приобретенный Красной Армией опыт боевых действий у озера Хасан, на Халхин-Голе, в финляндско-советском военном конфликте, а также опыт войны в Западной Европе. Его изучение наглядно показывало, что успех в бою зависел не только от численности и выучки войск, от мощности и обилия технических средств, но во многом и от состояния морального духа воинов. Поэтому одна из главных задач боевой и политической подготовки войск состояла в том, чтобы воспитать и развить у каждого военнослужащего сознательную дисциплину, инициативность и активность, готовность к самопожертвованию. Боевая подготовка проводилась в неразрывной связи с политической, основной целью которой являлось воспитание воинов в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Осенью в ряде военных округов были проведены дивизионные учения, на которых применялись боевая стрельба артиллерии и бомбометание авиации. «Красная Армия в течение летнего периода 1940 г., — констатировалось на декабрьском совещании высшего командного состава Вооруженных Сил, — благодаря усилиям всего личного состава провела большую работу по перестройке боевой подготовки и общей готовности войск к войне»³⁴.

Это совещание, проходившее с 23 по 31 декабря 1940 г., сыграло большую роль в повышении качества боевой и оперативной подготовки Советских Вооруженных Сил. С докладом об итогах и задачах боевой и оперативной подготовки на 1941 г. выступил

³³ «50 лет Вооруженных Сил СССР», стр. 241.

³⁴ ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 2742, л. 44.

начальник Генерального штаба К. А. Мерецков. «В настоящее время, — сказал он, — правительство и партия, обеспечивая нашу армию всем необходимым, требуют, чтобы мы были всегда в боевой готовности к отражению агрессии. Мы ни на одну минуту не должны забывать с вами, что живем и работаем, когда идет война, и не можем терять ни одного часа, используя каждую минуту, должны совершенствовать нашу боеспособность»³⁵.

Доклад на тему «Характер современной наступательной операции» сделал командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Г. К. Жуков. Указав, что развитие Советских Вооруженных Сил идет в соответствии со взглядами на характер будущей войны, он рекомендовал подготовиться к военным действиям независимо от того, в какие условия — малешренного, позиционного или иного характера борьбы — Красная Армия будет поставлена. В заключение он подчеркнул, что нам нужно готовиться к военным действиям с сильным и технически оснащенным противником.

О характере современной оборонительной операции говорил командующий Московским военным округом генерал армии И. В. Тюленев. Из его доклада явствовало, что после тщательного анализа опыта и уроков финляндско-советского конфликта и войны в Западной Европе ЦК ВКП(б) указал Наркомату обороны на необходимость изучения войсками обоих основных видов ведения военных действий: наступления и обороны.

Советские военные руководители и теоретики, как свидетельствуют материалы совещания, в отличие от командования гитлеровской армии, делавшего ставку на «молниеносную войну», при определении форм и способов вооруженной борьбы исходили из того, что война будет носить напряженный характер. В современную эпоху, сказал в заключительной речи нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, при вооруженной борьбе большого масштаба редко удается путем одной решительной операции сразу достичь конечной военной цели. К достижению ее предстоит идти путем осуществления ряда промежуточных целей, из которых каждая может оказаться настолько значительной, что явится содержанием целого стратегического этапа.

На декабрьском совещании и последовавших вслед за ним оперативно-стратегических играх были выработаны основные принципы руководства войсками при проведении наступательных и оборонительных операций. Большинство участников совещания стали впоследствии прославленными полководцами и военачальниками.

Огромная работа, проведенная Коммунистической партией и Советским правительством по строительству и подготовке Вооруженных Сил СССР в предвоенные годы, имела большое значение для повышения обороноспособности страны. Она в значительной

³⁵ ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 2742, л. 45.

мере предопределила еще большее усиление мощи наших Вооруженных Сил в ходе Великой Отечественной войны.

Наряду с перестройкой Вооруженных Сил ЦК ВКП(б) и Советское правительство в связи с нарастанием угрозы нападения со стороны фашистской Германии большое значение придавали укреплению государственных границ.

На оборонительное строительство правительство выделило крупные суммы денежных средств, большое количество рабочей силы, металла, строительных материалов, оборудования. На 1941 г. на эти нужды было отпущено денег в 1,5 раза больше, чем в предшествующем году. Из этой суммы примерно половина предназначалась для Прибалтийского особого военного округа, около четверти — Западного и до $\frac{1}{10}$ части — Киевского особого военного округа. Несколько позже, 18 марта 1941 г., правительство дополнительно выделило Киевскому округу крупную сумму денежных средств на оборонительное строительство, так как главный удар немецко-фашистской армии ожидался на киевском направлении. В связи с этим С. К. Тимошенко 20 марта 1941 г. отдал директиву Военному совету Киевского округа об усилении темпов оборонительных работ. Строительство в Струмиловском и Рава-Русском укрепленных районах, указывалось в ней, является для округа важнейшим правительственным заданием на 1941 г., поэтому все мероприятия Военного совета округа должны быть направлены на выполнение этой задачи.

Строительство укрепленных районов вдоль новой государственной границы осуществлялось высокими темпами. В целях обеспечения рабочей силой было сформировано 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автомобильных батальонов. Кроме того, на строительство привлекли 160 инженерных и саперных батальонов приграничных округов и 41 батальон из внутренних округов. Вместе с этими частями с весны 1941 г. в строительстве укреплений участвовало 17 820 вольнонаемных рабочих. Всего на строительстве оборонительных сооружений в укрепленных районах Прибалтийского округа ежедневно работало 57 778 человек, Западного — 34 930 и Киевского — 43 006 человек³⁶.

Однако если рабочих рук и транспортных средств было достаточно, то строительных материалов и оборудования в связи с большим объемом оборонительных работ не хватало. Промышленность, решавшая одновременно и другие более важные оборонные задачи, не в состоянии была в короткие сроки обеспечить строительство всем необходимым.

Накануне войны осуществлялся большой комплекс мероприятий по военно-инженерной подготовке западной приграничной полосы. Большой размах с весны 1941 г. получили работы по созданию широкой сети аэродромов, строительству железных и

³⁶ В. А. Анфилов. Бессмертный подвиг. М., 1971, стр. 165.

автомобильных дорог, складов, узлов и линий связи. К сожалению, выполнить эту сложную задачу до конца не удалось. Но и построенные в 1940 и 1941 гг. оборонительные сооружения оказали большое влияние на повышение устойчивости наших войск в обороне. Это было засвидетельствовано и вражеским командованием.

Еще в феврале 1941 г. Советским правительством был утвержден план мобилизации Вооруженных Сил. Военные советы приграничных округов одновременно с директивами об ускорении оборонительного строительства получили указания о немедленном оборудовании фронтовых командных пунктов. По решению правительства Наркомат обороны начал осуществлять ряд мероприятий по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил. 26 апреля военные советы Забайкальского и Дальневосточного округов получили приказ подготовить к отправке на запад один механизированный, два стрелковых корпуса и две воздушно-десантные бригады. В тот же день Уральскому военному округу было приказано отправить в состав Прибалтийского особого военного округа две дивизии.

13 мая были отданы директивы о выдвижении на рубеж Западной Двины и Днепра 22-й, 20-й, 21-й и 19-й армий. Соединения этих армий должны были сосредоточиться в новых районах в период с 1 июня и по 3 июля и составить Резерв Главного Командования. В это же время в состав Киевского особого военного округа должна была прибыть из Забайкалья 16-я армия. Общий объем перевозок войсковых соединений всех пяти армий составил 939 железнодорожных эшелонов. По состоянию на 22 июня 1941 г. было погружено 538 эшелонов, из которых 455 находились в пути и лишь 83 успели выгрузиться в пунктах назначения.

14 мая нарком обороны отдал приказ о досрочном выпуске курсантов военных училищ и немедленном направлении их в войска. В конце мая—начале июня проводится призыв 793 тыс. военнообязанных из запаса на учебные сборы³⁷. Это позволило примерно половину дивизий западных приграничных округов пополнить до 12 тыс. человек. Они получили дополнительное количество вооружения.

Для повышения боевой готовности войск прикрытия 10 июня начальник Генерального штаба потребовал срочно разработать план вывода и занятия по тревоге специальными частями боевых сооружений укрепленного района, а полевыми войсками — сооружений предполья. 12 июня нарком обороны с разрешения правительства приказал военным советам приграничных округов начать выдвижение войск из глубокого тыла ближе к государственной границе. В целях повышения боевой готовности войск, указывалось в директиве наркома Военному совету Киевского

³⁷ «50 лет Вооруженных Сил СССР», стр. 250.

особого военного округа, к 1 июля 1941 г. все дивизии, дислоцировавшиеся в тыловых районах, с управлениями корпусов, с корпусными частями следует перевести в районы, предназначенные им по плану обороны.

За несколько дней до вражеского вторжения были проведены и некоторые другие мероприятия по повышению боевой готовности войск приграничных округов. Так, 14 июня Военный совет Одесского округа получил распоряжение выделить оперативную группу с целью создания армейского управления и расположить ее в Тирасполе. Военным советам Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов 18 июня приказывалось выделить управления Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов и перевести их к 22—23 июня на основной командный пункт соответственно в Паневежис, Обуз-Лесна и Тернополь. 19 июня 1941 г. Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко отдал войскам специальный приказ о маскировке аэродромов, районов расположения войск и других объектов.

Для нападения на Советский Союз немецко-фашистское командование создало три крупные группировки войск, нацеленные на Ленинград, Москву, Киев. Всего в составе вражеских группировок, изготовившихся к вторжению в СССР, насчитывалось 181 дивизия и 18 бригад, до 4 тыс. танков и штурмовых орудий (из них 2800 тяжелых и средних танков), свыше 47 тыс. орудий и минометов, 4950 самолетов. Общая численность личного состава в них была более 5,5 млн. человек. Противник располагал большим количеством автотранспорта, что обеспечивало ему преимущество в подвижности.

Не в пользу Красной Армии сложилось и общее соотношение сил сторон. В общей сложности войска западных приграничных округов и флотов насчитывали 2,9 млн. человек, 1540 самолетов новых типов и значительное количество самолетов устаревших конструкций с ограниченным летным ресурсом, 34 695 орудий и минометов (без 50-мм), 1800 тяжелых и средних танков. Кроме того, в приграничных округах имелось значительное число легких танков устаревших конструкций с ресурсом 50—80 моточасов. В целом вражеские войска превосходили советские в людях в 1,8 раза, по средним танкам — в 1,5, по самолетам новых типов — в 3,2, по орудиям и минометам — в 1,25 раза³⁸.

* * *

Таким образом, к моменту вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз Коммунистическая партия и Советское правительство провели целый ряд важных мероприятий, которые имели большое значение для укрепления оборонного могущества страны. Деятельность партии по повышению обороно-

³⁸ Там же, стр. 252.

способности государства в предвоенные годы была направлена на создание экономических, политических, идеологических и военных предпосылок будущей победы над агрессором. К сожалению, мирный период был слишком мал, и поэтому некоторые вопросы, связанные с обороной страны, полностью решить не удалось.

Необходимо подчеркнуть, что советский народ под руководством Коммунистической партии, следуя заветам В. И. Ленина, выполнил в предвоенные годы грандиозную работу, чтобы укрепить оборонную мощь социалистического государства. Благодаря этому Советские Вооруженные Силы не только выстояли в тяжелом единоборстве с чрезвычайно сильным, хорошо технически оснащенным и опытным противником, опиравшимся на экономику почти всей Западной Европы, но и, планомерно обеспечиваемые во все возрастающих размерах всем необходимым в годы войны, добились над ним полной победы. Поэтому совершенно несостоятельными являются утверждения буржуазных фальсификаторов истории о том, что будто бы Советский Союз оказался недостаточно подготовленным в экономическом и военном отношении к отпору фашистской агрессии.

Именно мощный фундамент обороноспособности страны, созданный к началу Великой Отечественной войны, закономерно предопределил всемирно-историческую победу советского народа над фашистскими агрессорами.

**РАЗГРОМ ОСНОВНЫХ СИЛ
ГЕРМАНСКОГО ВЕРМАХТА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР
(1941—1944 гг.)**

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз принципиально изменило политическое содержание второй мировой войны. Ее ход, исход и социально-политические последствия стали определяться противоборством двух диаметрально противоположных социальных систем — социализма и империализма. Могучей силой социализма выступал получивший морально-политическую поддержку всего прогрессивного человечества Советский Союз. Самой реакционной силой империализма явилась фашистская Германия. «Враг жесток и неумолим, — предупреждала Коммунистическая партия советских людей в первые дни войны. — Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в рабство»¹.

В обращении к советскому народу 22 июня 1941 г., в директиве Советского правительства и ЦК партии от 29 июня, в выступлении И. В. Сталина от 3 июля подчеркивалась смертельная опасность, нависшая над социалистической Родиной, и в то же время партия уверенно заявила, что враг будет разбит, победа будет за нами. Коммунистическая партия раскрыла перед народом несправедливый, захватнический характер войны со стороны гитлеровской Германии и в то же время провозгласила, что эта война является Великой Отечественной войной советского народа за свободу и независимость своей Родины.

---

¹ *И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза.* М., 1948, стр. 13.

В момент нападения на СССР гитлеровские руководители считали, что в мире нет силы, которая могла бы помешать им осуществить свои агрессивные замыслы. Упоенным первоначальными успехами немецко-фашистским генералам казалось, что события развертываются в полном соответствии с планом «Барбаросса». Летом и осенью 1941 г. немецко-фашистские войска глубоко вторглись на территорию Советского Союза, вышли на подступы к Ленинграду и Москве, захватили Донбасс и Крым. На долю советского народа и его Вооруженных Сил выпали тяжелые испытания².

Первые результаты вооруженной борьбы не могли еще служить доказательством военного превосходства фашизма. Достигнув определенных успехов в вооруженной борьбе, фашистская Германия проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора.

Временные успехи немецко-фашистского оружия объясняются целым рядом факторов. Главный из них заключается в том, что в борьбе против СССР гитлеровская Германия опиралась на ресурсы почти всей Европы. На фашистскую военную машину работала промышленность всех стран, оккупированных Германией, что увеличило ее индустриальную мощь почти вдвое.

Против Советского Союза на стороне фашистской Германии выступили ее сателлиты: Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия. А такие страны, как Испания, Португалия, Швеция, хотя и заявили о своем нейтралитете, на самом деле активно помогали Германии. Португалия снабжала Германию вольфрамом, Швеция поставляла железную руду. Через шведскую территорию шли поезда с подкреплениями для немецко-фашистской армии «Норвегия», сосредоточившейся на территории Финляндии.

В союз с гитлеровцами вступили и реакционные круги Болгарии. Правители Болгарии, опасаясь гнева своего народа, не решились открыто объявить войну Советскому Союзу и послать своих солдат сражаться против Советского Союза, но они также являлись союзниками Германии.

Враждебная позиция правящих кругов Японии и Турции к Советскому государству привела к тому, что, несмотря на явную необходимость сосредоточения всех сил Красной Армии на западных границах СССР для отпора гитлеровской агрессии, на восточных и южных рубежах нашей Родины пришлось оставить более 60 дивизий.

Другим обстоятельством, благоприятным для гитлеровской Германии, явилась полученная возможность сосредоточить основные ударные силы своей армии на одном фронте — только против Советского Союза.

---

² «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 61.

Немецко-фашистские войска завершили сосредоточение и развертывание к 17 июня 1941 г. и находились в плотных, компактных группировках. В первом эшелоне, предназначенном для нанесения первого удара, немецко-фашистское командование сосредоточило 103 дивизии, из них 10 танковых. Главные силы немецко-фашистского вермахта в первые дни на направлении главного удара имели подавляющее превосходство над советскими войсками³.

Это позволило немецко-фашистским войскам на главных направлениях преодолеть ожесточенное сопротивление советских частей. Их танковые и моторизованные дивизии устремились вперед. Отсутствие сплошной линии обороны давало возможность подвижным соединениям гитлеровцев обходить узлы сопротивления и наносить удары по группировкам советских войск с флангов и с тыла. В результате многие части и соединения Красной Армии были вынуждены драться в окружении или, неся большие потери, отходить на восток. При этом советские воины показывали невиданный героизм.

Пытаясь сдержать наступление гитлеровских полчищ в период с 23 по 27 июня, механизированные корпуса трех фронтов напели на разных участках семь крупных контрударов, которые вылились в ожесточенные танковые сражения. И хотя врага остановить не удалось, но он понес значительные потери, темпы его продвижения снизились. Несмотря на стойкость, упорство и легендарный героизм советских воинов, гитлеровские захватчики продолжали рваться вперед.

Тяжелая обстановка сложилась в первые дни войны в районах Бреста, Белостока и Каунаса, где наступали главные силы немецко-фашистских групп армий «Центр» и «Север».

Советское командование подтянуло из глубины резервы и нанесло контрудар на львовском направлении. Целую неделю шло крупное танковое сражение в районе Луцка, Броды, Ровно. Замысел врага окружить советские войска в Львовском выступе был сорван, но и советские части и соединения, понеся большие потери, были вынуждены к середине июля отойти на дальние подступы к Киеву.

Пограничные сражения, развернувшиеся вдоль западной границы СССР, закончились неудачно для Красной Армии. Несмотря на то, что под ударами превосходящих сил врага советские воины вынуждены были оставлять земли Украины, Белоруссии, Прибалтики, они дрались самоотверженно, героически использовали малейшую возможность для нанесения контрударов по врагу. Советский народ понимал, что защищает родную землю, свободу и независимость своей социалистической Родины, свою Советскую власть.

---

³ Там же, стр. 54.

В первые дни войны Коммунистическая партия Советского Союза, руководствуясь ленинским учением о защите социалистического Отечества, разработала необходимые меры по мобилизации всех сил и ресурсов страны для отпора фашистскому агрессору.

Учитывая неблагоприятную обстановку, сложившуюся в начале войны, партия выдвинула конкретную программу действий. Программа борьбы с врагом и выдвинутый партией лозунг «Все для фронта, все для победы!» еще больше вдохновили советских людей и способствовали превращению страны в единый боевой лагерь.

Для руководства военными действиями Красной Армии была создана Ставка Главного Командования (с 10 июля 1941 г. она стала называться Ставкой Верховного Командования, а позже — Ставкой Верховного Главнокомандования). Председателем Ставки стал И. В. Сталин, который по решению Политбюро был также назначен народным комиссаром обороны СССР, а 8 августа он одновременно стал и Верховным Главнокомандующим.

30 июня на основе решения Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина⁴. В руках ГКО сосредоточивалась вся полнота власти в государстве. Решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны были обязаны выполнять все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные органы.

Партия решительно осуществила перераспределение своих сил в интересах фронта. Члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б) возглавили острейшие участки военной работы. По решению ЦК на руководящую военную работу в действующую армию, главным образом в качестве членов военных советов фронтов и армий, были направлены видные партийные работники с большим опытом организационной и массово-политической работы. Всего в начальный период войны в армию и на флот было направлено 500 секретарей ЦК компартий республик, краевых, областных комитетов, горкомов, райкомов, 270 ответственных работников аппарата ЦК, 1265 работников областного и районного звена.

В течение первых шести месяцев войны 8800 руководящих партийных работников были направлены на партийно-политическую работу в Вооруженных Силах, 60 тыс. коммунистов, 40 тыс. комсомольцев — политбойцами в части и подразделения. На пополнение партийных организаций Вооруженных Сил было направлено 1100 тыс. коммунистов — треть состава территориальных организаций. Перераспределение партийных сил в таких масштабах за столь короткий срок было проведено впервые за время существо-

---

⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, М., 1970, стр. 164.

вания партии. Оно явилось решающим средством укрепления партийных организаций действующей армии, в значительной мере способствовало стабилизации фронта⁵.

Уже развернувшиеся в первые недели войны приграничные сражения вскрыли порочность и несостоятельность военных и политических планов Гитлера. К исходу установленного планом «Барбаросса» срока — два месяца — ни одна из намеченных немецко-фашистским командованием целей достигнута не была. На севере Ленинград так и остался недосягаемым для вражеских войск.

На защиту Ленинграда поднялся весь советский народ. На подступах к городу в кратчайший срок были построены оборонительные рубежи. Ленинградцы сформировали и послали на фронт дивизии и полки народного ополчения. На фронт ушли половина коммунистов и три четверти комсомольцев города. Душой обороны Ленинграда стала городская партийная организация. В самые тяжелые дни обороны города командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал Г. К. Жуков.

Большую роль в обороне Прибалтики и Ленинграда сыграли моряки Краснознаменного Балтийского флота. Две недели отбивала яростные атаки гитлеровцев главная база флота — Таллин, а затем корабли Балтийского флота совершили легендарный переход по Финскому заливу. 14 августа советские войска из района Старой Руссы нанесли контрудар во фланг наступавшим на Ленинград гитлеровцам.

18 сентября немецко-фашистские войска были остановлены на рубеже Лигово—Пулково, а к концу сентября фронт на подступах к Ленинграду окончательно стабилизировался. С 26 сентября 1941 г. гитлеровцы перешли здесь к обороне.

В середине октября противник предпринял новую попытку соединиться с финской армией на реке Свирь. Немецко-фашистским войскам удалось 8 ноября захватить Тихвин и перерезать железную дорогу на Ленинград. Это был последний успех фашистских войск.

Но гитлеровцы не оставили своих планов уничтожения Ленинграда. Они возлагали свои надежды на блокаду окруженного города. Она длилась 900 дней и ночей. Неизмеримы жертвы ленинградцев. На Пискаревском кладбище покоится прах более полумиллиона жителей города.

Решительное противодействие встретили немецко-фашистские войска, наступавшие в центре — на западном стратегическом направлении. К началу Смоленского оборонительного сражения, начавшегося 10 июля, превосходство в силах и средствах было на стороне фашистской армии. Гитлеровцы бросили в сражение основную массу своих танковых соединений. Немецко-фашистское командование стремилось окружить войска, прикрывавшие Смо-

⁵ Там же, стр. 169—172.

лёнск, и, овладев городом, открыть дорогу на Москву. Сражение приобрело исключительно напряженный характер.

В ходе Смоленского оборонительного сражения Красная Армия не только оборонялась, но и наносила врагу мощные контрудары. Форсировав Днепр южнее Смоленска, 13 июля советские войска освободили Рогачев и Жлобин. В результате этого контрудара были скованы силы восьми гитлеровских дивизий. В сентябре советские войска провели наступление в районе Ельни и тем самым ликвидировали опасный плацдарм, который гитлеровцы намеревались использовать для наступления на Москву.

В огне Смоленского оборонительного сражения родилась советская гвардия. В сентябре 1941 г. за массовый героизм, мужество и отвагу 100-я, 127-я, 153-я 161-я стрелковые дивизии были преобразованы соответственно в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии. 14 июля впервые было применено новое оружие, ставшее грозой для гитлеровцев. В этот день батарея реактивных установок «БМ-13», «катюш», нанесла удары по скоплению вражеских эшелонов в районе железнодорожной станции Орша и по переправе через Оршицу (восточнее Орши).

16 сентября длившееся свыше двух месяцев Смоленское сражение закончилось. Хотя группе армий «Центр» и удалось продвинуться на восток от Днепра на 170—200 км, попытка фашистского командования с ходу прорваться к Москве провалилась. Немецко-фашистские войска на центральном направлении впервые во второй мировой войне вынуждены были перейти к обороне на два месяца. Тем самым было выиграно время для укрепления обороны Москвы, подготовки новых резервов и облегчения положения войск северо-западного направления. Группа армий «Центр» понесла большие потери. Это был главный итог Смоленского оборонительного сражения, имевший огромное значение для всего дальнейшего хода войны.

В сложившейся обстановке немецко-фашистское командование было вынуждено прекратить фронтальное наступление на Москву и перенести главные усилия с центрального направления на фланги. В помощь гитлеровским войскам, наступление которых захлебнулось еще в середине июля на подступах к Киеву, были брошены дополнительные силы. Фланговый удар войск вновь образованного Брянского фронта по наступавшей немецкой группировке ожидаемых результатов не дал. Красной Армии пришлось оставить Киев и часть Левобережной Украины. В боях на киевском направлении гитлеровцы потеряли более 100 тыс. солдат и офицеров, а главное — советское командование выиграло более месяца для подготовки обороны Москвы.

В ходе операций на южном стратегическом направлении беспримерный героизм проявили защитники Одессы. С 5 августа по 16 октября войска Отдельной Приморской армии и Черноморский флот при поддержке всего населения города отражали яростные атаки превосходящих румынских войск. Оборона города длилась

более двух месяцев. Эвакуация Одессы была осуществлена лишь по приказу командования, скрытно и организованно. Солдаты боярской Румынии смогли вступить в город, лишь когда последний корабль с защитниками города-героя покинул порт и убыл в Крым.

Таковы были итоги первых месяцев боев на советско-германском фронте. Становилось очевидным, что война фашистской Германии против Советского Союза принимает затяжной характер, а этого больше всего опасались гитлеровцы, делавшие ставку на «молниеносную войну». Уже первые месяцы войны со всей очевидностью показали, что гитлеровцы, разрабатывая во всех деталях план «Барбаросса», явно недооценили мощи Советского государства. Фашистские стратеги также недооценили беззаветную преданность советских людей социалистической Родине, их сплоченность вокруг Коммунистической партии. Эти факторы стали неиссякаемыми источниками непоколебимого мужества, стойкости и непревзойденного героизма советских солдат и офицеров в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Превосходству гитлеровцев в количестве танков и самолетов, захвату ими стратегической инициативы были противопоставлены высокие моральные и политические качества воинов Красной Армии, их неистребимое желание любой ценой остановить врага. Десятки и сотни тысяч фашистских солдат и офицеров расплачивались своей жизнью за авантюру Гитлера.

Коммунистическая партия Советского Союза делала все, чтобы усилия всей страны направить на разгром врага. В тылу развернулась огромная работа по формированию новых частей и соединений Красной Армии. Лишь с начала войны по 1 декабря 1941 г. на фронт были направлены 291 дивизия и 94 бригады⁶.

В первые месяцы войны фашистам удалось захватить территорию Советского Союза, где до войны выплавлялось 58% стали, добывалось 63% угля, производилось 43% всей электроэнергии страны. Исходя из этого гитлеровцы полагали, что им удалось сломить экономическую мощь Советского государства и это не замедлит сказаться на степени сопротивления Красной Армии. Но их расчеты рухнули.

Преодолев тяжелые последствия первых месяцев войны, советская оборонная промышленность стала быстро набирать темпы, наглядно демонстрируя преимущества социалистического хозяйства над капиталистическим⁷.

Провалился и расчет гитлеровцев на разжигание национальной вражды между народами СССР. Воспитанные Коммунистической партией в духе интернационализма, братской дружбы, трудя-

⁶ В. С. Рябов. Великий подвиг. М., 1970, стр. 54.

⁷ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X М., 1973, стр. 91 и др.

щиеся Советского Союза, независимо от национальной принадлежности, поднялись на борьбу против фашистских захватчиков. Оккупированная гитлеровцами советская земля буквально горела под их ногами.

Оказались несостоятельными и расчеты гитлеровцев на международно-политическую изоляцию Советского Союза.

22—23 июня 1941 г. о поддержке СССР в войне против гитлеровской Германии объявили премьер-министр Англии Черчилль и президент США Рузвельт. С созданием антигитлеровской коалиции развернулся процесс международной изоляции гитлеровской Германии.

12 июля 1941 г. было подписано соглашение о совместных действиях СССР и Англии в войне против гитлеровской Германии. Соглашение предусматривало взаимную помощь и поддержку, а также обязательство не вести сепаратных переговоров о мире и не заключать сепаратного мира.

В июле 1941 г. соглашения о взаимной помощи и поддержке в борьбе против гитлеровской Германии были заключены Советским Союзом с Чехословакией и Польшей.

2 августа 1941 г. в ходе обмена письмами между СССР и США было решено, что США окажут Советскому Союзу всяческую помощь в снабжении товарами и материалами, необходимыми для обороны от фашистской агрессии.

Таким образом, руководимые Коммунистической партией советский народ и его Вооруженные Силы стойко и мужественно преодолели суровые испытания тяжелейшего периода первых месяцев Великой Отечественной войны.

* * *

Захвату столицы Советского государства руководство фашистской Германии придавало огромное значение. Оно полагало, что с падением Москвы сопротивление Красной Армии будет окончательно сломлено и война завершится победой Германии. Однако летом 1941 г. все попытки немецко-фашистских захватчиков прорваться к Москве потерпели провал.

Лишь в сентябре 1941 г. германское командование сочло обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте, благоприятной и утвердило план операции под кодовым названием «Тайфун», предусматривавшей окружение и захват Москвы. По замыслу немецко-фашистского командования эта операция должна была привести к уничтожению главных сил Красной Армии и к победоносному окончанию войны. Для наступления на советскую столицу фашисты сконцентрировали на одном направлении невиданную до этого группировку, включающую 77 дивизий, в том числе 22 танковые и моторизованные, что составляло две трети всех подвижных соединений гитлеровцев, действовавших на советско-германском фронте.

Всего в наступлении на Москву было брошено более 1 млн. гитлеровских солдат и офицеров, 1700 танков, 950 самолетов, свыше 14 тыс. орудий и минометов. Силы советских войск, действовавших на этом направлении, составляли: 95 дивизий (850 тыс. бойцов), 780 танков, 545 самолетов, 6800 орудий и минометов⁸. Таким образом, немецко-фашистским генералам удалось сконцентрировать для наступления на московском направлении превосходящие по численности и вооружению силы. По замыслу немецко-фашистского командования ударные группировки врага, сосредоточенные в районах Духовщины, Рославля и Глухова (3-я, 4-я и 2-я танковые группы, 9-я, 4-я и 2-я полевые армии), должны были прорвать оборону советских войск и ударами по сходящимся направлениям окружить и разгромить между Вязмой, Гжатском и Брянском основные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов, прикрывавших подступы к Москве, и открыть путь к захвату советской столицы. Общее количество немецких соединений на Восточном фронте за счет переброски войск с запада возросло со 190 до 207 дивизий.

Уверенные в победе, гитлеровские правители занялись детальной разработкой будущей судьбы Москвы. Так, Гитлер объявил свое человеконенавистническое решение, согласно которому Москву намечалось смести с лица земли и затопить всю территорию, занимаемую советской столицей.

Битва за Москву началась 30 сентября 1941 г. Используя превосходство в силах и средствах, танковые дивизии гитлеровцев прорвали оборону войск Брянского фронта и 3 октября, продвинувшись на 200 км, захватили Орел. 2 октября перешли в наступление вражеские ударные группировки севернее и южнее Вязмы и отрезали пути отхода советским войскам, оборонявшимся в этом районе.

Фашистские руководители были уверены в успехе. На второй день наступления Гитлер поспешил объявить о разгроме Красной Армии и потребовал заняться по-настоящему организацией оккупированной территории.

Однако дела обстояли не совсем так, как хотелось бы гитлеровцам. Им удалось захватить Орел, Брянск, Вязму, Калугу и даже выйти на дальние подступы к советской столице, но немецко-фашистские войска дорогой ценой оплачивали каждый свой шаг. Бессмертный подвиг совершили советские войска, попавшие в окружение в районе Вязмы. В этот момент к западу от Москвы еще только начали сосредотачиваться войска, способные сдержать продвижение гитлеровцев к Москве. Окруженные советские соединения своей самоотверженной борьбой более чем на неделю сковали на дальних подступах к Москве 28 вражеских дивизий. «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили

---

⁸ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк. М., 1970, стр. 96.

наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, — писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело Москвы, еще ждет своего описания»⁹.

Гитлеровским войскам потребовалось более недели, чтобы выйти к Можайской линии обороны. Но к этому времени Государственным Комитетом Обороны и Ставкой Верховного Главнокомандования к западу от Москвы из резервных войск и отошедших соединений был создан новый фронт обороны. Командующим Западным фронтом, на которого возлагалась оборона подступов к Москве, был назначен генерал Г. К. Жуков. 17 октября из войск правого крыла Западного фронта был образован Калининский фронт, который возглавил генерал И. С. Конев. Ожесточенные бои, развернувшиеся в районе Калинина, сковали значительные силы немцев, ослабив тем самым группировку, наступавшую непосредственно на Москву.

16 октября постановлением Государственного Комитета Обороны в Москве было введено осадное положение. 500 тыс. москвичей день и ночь трудились над созданием рубежей обороны. Укрепления возводились вокруг города со всех сторон.

Душой обороны города стали московские коммунисты. В ряды Красной Армии влились 91 тыс. коммунистов и 260 тыс. комсомольцев-москвичей. С начала войны из добровольцев — трудящихся города было сформировано 11 дивизий и 56 батальонов численностью более 140 тыс. бойцов.

Совершенно непредвиденно сложилась для гитлеровцев обстановка на юго-западных подступах к столице. Здесь непреодолимой стеной на пути немецких танков стал город русских оружейников — Тула. Вместе с бойцами 50-й армии, оборонявшей город, на его защиту встали жители, в первую очередь тульские рабочие, из которых был сформирован полк.

К концу октября наступление гитлеровцев на Москву было остановлено, а фронт стабилизировался на рубеже Волоколамск—Кубинка—Серпухов—Алексин. За месяц ожесточенных боев фашистам удалось продвинуться на 200—250 км, но цель наступления достигнута не была. К советской столице гитлеровские полчища не прорвались.

Гитлер торопил своих генералов. 16 ноября 1941 г., перегруппировав силы группы армий «Центр», фашисты вновь обрушились на защитников Москвы. Цель нового наступления состояла в том, чтобы двумя мощными ударными группировками обойти Москву с севера и юга, окружить ее и одновременными ударами с фронта овладеть столицей Советского Союза. Для этого к северо-западу

⁹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 356.

от столицы гитлеровцы сконцентрировали мощную группировку в составе 3-й и 4-й танковых групп и 9-й армии, а на тульско-каширском направлении наносила удар 2-я танковая группа. 4-я немецко-фашистская армия должна была наступать на Москву с запада. В сражение за столицу страны социализма была брошена 51 дивизия, в том числе 20 танковых и моторизованных. Враг имел преимущество в людях почти в 2 раза, в танках — в 1,5 и в артиллерии — в 2,5 раза¹⁰. Немецко-фашистское командование было уверено, что на этот раз Москва падет.

Исключительное упорство в оборонительных боях оказывали советские воины на всех направлениях в битве под Москвой. Золотыми буквами в истории Советской Родины отмечен подвиг героев-панфиловцев. 16 ноября в районе Волоколамска у разъезда Дубосеково группа бойцов 316-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал И. В. Панфилов, преградила путь вражеским танкам. Из 20 танков, перешедших в атаку, советские богатыри подбили 14. Тогда разъяренные фашисты бросили на горстку храбрецов 30 танков. Руководивший обороной политрук В. Г. Клочков произнес тогда исторические слова: «Велика Россия, а отступить некуда, позади Москва!» Они стали девизом всех защитников столицы. Четыре часа продолжался легендарный бой. Фашисты потеряли 18 танков, много десятков солдат и офицеров, но к Москве здесь не смогли продвинуться ни на шаг.

23 ноября немецко-фашистским войскам удалось захватить Клин, затем прорваться к Яхроме и Красной Поляне. Гитлеровцы оказались всего лишь в 27 км от окраин Москвы. На юге танковые дивизии Гудериана, обойдя Тулу, прорвались к Кашире.

Фашистским генералам казалось, что еще одно последнее усилие и победа будет в их руках. На деле гитлеровские армии обескровленными доползли до стен Москвы. Немецко-фашистским войскам не удалось полностью прорвать оборону армий Западного фронта, не удалось произвести ни одного выстрела по нашей столице. В то же время советский тыл сумел обеспечить войска, оборонявшиеся на московском направлении, необходимыми резервами. К началу декабря 1941 г. один лишь Западный фронт получил две вновь сформированные армии и ряд свежих соединений.

Не удалось гитлеровцам и посеять панику в тылу среди местных жителей путем организации воздушных налетов на Москву. Один налет на город следовал за другим. Однако фронтовая жизнь столицы шла своим чередом. В Москве находились Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования, члены Политбюро ЦК Коммунистической партии и Советского правительства. О непреклонной воле советского народа отстоять Москву свидетельствовал традиционный парад на Красной площади 7 Ноября 1941 г.

¹⁰ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история», стр. 124.

К началу декабря в наступлении гитлеровских войск на Москву возник кризис. Их танковым группировкам не удалось прорваться к городу ни с северо-запада, ни с юга. В ходе двух наступлений на Москву немецко-фашистские захватчики понесли огромные потери в живой силе и технике. Только в ходе двух недель последнего наступления гитлеровцы потеряли 155 тыс. солдат и офицеров, 777 танков, 1500 самолетов¹¹. Немецко-фашистское командование на советско-германском фронте полностью исчерпало все свои резервы. Силы врага, нацеленные на Москву, полностью израсходовали свои наступательные возможности. Об изменении обстановки на Западном фронте маршал Г. К. Жуков писал: «В первых числах декабря мы ощутили, что враг выдыхается и что для ведения серьезных наступательных действий на московском направлении у него не хватает сил»¹².

Фашистские армии не получили приказа о переходе к обороне, но и продолжать наступление они уже не могли. Таким образом, советские войска выиграли гигантское оборонительное сражение под Москвой.

Захлебнулось наступление немецко-фашистских войск и на других направлениях. На северо-западе советские войска, перейдя в контрнаступление, освободили Тихвин. Войска Южного фронта, также перейдя в контрнаступление, нанесли сильный удар по танковой группировке фашистов и 29 ноября освободили от оккупантов Ростов. Мужественные защитники Севастополя отбили первый штурм города-героя, проведенный войсками 11-й немецкой армии.

Первые крупные победы над немецко-фашистскими захватчиками свидетельствовали о том, что назревает перелом в ходе военных действий на советско-германском фронте.

И поворот наступил 5—6 декабря 1941 г. Советское командование правильно определило момент перехода в контрнаступление. Удары советских войск обрушились на фашистские соединения, когда их наступательные возможности иссякли, резервы были израсходованы, а к обороне они полностью перейти не успели.

В то же время в результате огромных усилий, предпринятых Коммунистической партией, нашим правительством и всем советским народом по созданию резервов, соотношение сил на московском направлении начало изменяться. Общего превосходства в силах и средствах над противником еще не было обеспечено. Немецко-фашистские войска под Москвой еще продолжали сохранять преимущество в личном составе, танках и артиллерии, но в авиации они уже уступали Красной Армии.

Разработанный советским командованием план контрнаступления предусматривал необходимость разгрома фланговых удар-

---

¹¹ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история», стр. 128.

¹² Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 370.

ных группировок противника, чтобы ликвидировать угрозу, нависшую над Москвой.

В конкретной обстановке зимы 1941/42 г. руководство Советскими Вооруженными Силами еще не могло ставить задачи по полному разгрому немецко-фашистских войск и их изгнанию с советской земли. Для этого пока еще не было сил и средств, а также материальных резервов. Тысячи эвакуированных в тыл страны промышленных предприятий еще только начинали разворачивать производство в новых районах. Да и Красной Армии не хватало еще опыта ведения наступательных боев.

Переход Советских Вооруженных Сил от обороны к решительному контрнаступлению, захват ими стратегической инициативы являются выдающимися событиями Великой Отечественной войны.

5—6 декабря в контрнаступление перешли войска Западного фронта под командованием генерала Г. К. Жукова, Калининского (командующий генерал И. С. Конев) и Юго-Западного фронта, которым командовал маршал С. К. Тимошенко. Контрнаступление развернулось на фронте протяженностью свыше 600 км. Оно оказалось для врага полной неожиданностью.

Северо-западнее Москвы на правом крыле Западного фронта войска 30-й, 1-й ударной, 20-й и 16-й армий обрушились на ударную группировку гитлеровцев — 3-ю и 4-ю танковые группы. Были освобождены Клин, Истра и другие города. К 25 декабря советские войска вышли на рубеж рек Лама и Руза, где приступили к подготовке прорыва обороны врага. Войска Калининского фронта 16 декабря освободили от гитлеровцев Калинин.

Южнее Москвы войска 49-й, 50-й, 10-й армий и группы генерала П. А. Белова нанесли серьезное поражение 2-й танковой группе немцев. Под угрозой окружения немецко-фашистские войска на этом направлении далеко откатились на запад в район севернее Брянска. Была снята осада Тулы. Советские воины освободили Калугу.

Серьезное поражение было нанесено немецко-фашистским войскам и к западу от Москвы.

Наступление советских войск под Москвой развертывалось в сложных условиях многоснежной холодной зимы. Советские воины впервые столкнулись с проводимой гитлеровцами при отступлении варварской тактикой «выжженной земли». Отступая, фашисты дотла разрушали и сжигали города и села, взрывали мосты, истребляли мирное население.

Таким образом, советские войска разгромили ударные группировки гитлеровцев под Москвой. Серьезное поражение потерпели 38 немецких дивизий, из них 11 танковых¹³. Разгром крупной группировки немецко-фашистских войск на московском

---

¹³ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 120.

направлении создал условия для перехода Красной Армии в общее наступление. Перед советскими войсками была поставлена задача — не давать противнику передышки, гнать его на запад, перемалывать его живую силу и технику, чтобы лишить его возможности весной снова попытаться перейти в наступление. Немецко-фашистское командование отдало приказ во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи, рассчитывая тем самым выиграть время для подготовки нового большого наступления весной 1942 г.¹⁴

В январе 1942 г. наступление против гитлеровцев осуществляли уже девять советских фронтов. На северо-западе войска Волховского и Ленинградского фронтов вели тяжелые бои с целью прорыва блокады Ленинграда. На Северо-Западном фронте войска 16-й немецко-фашистской армии были окружены под Демянском. От гитлеровских оккупантов была освобождена значительная территория к северу от Витебска и Смоленска. Однако окружить группу армий «Центр» наступающим советским войскам не удалось. Корабли Черноморского флота накануне нового 1942 г. в штормовую погоду осуществили успешную высадку советских воинов в восточной части Крыма. От гитлеровцев были освобождены Керченский полуостров и Феодосия.

Наступление Красной Армии закончилось в апреле 1942 г. Оно имело огромное политическое и стратегическое значение. За четыре месяца враг был отброшен на запад на 150—400 км, снята непосредственная угроза, нависшая над Москвой, полностью очищены от гитлеровцев Московская, Тульская и Рязанская области, многие районы других областей. Советские войска освободили более 60 городов и более 11 тыс. других населенных пунктов. В ходе наступления Красная Армия разгромила около 50 дивизий врага, гитлеровцы потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен свыше 400 тыс. солдат и офицеров¹⁵.

В битве под Москвой был развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии. Это было первое крупное поражение гитлеровской Германии во второй мировой войне.

Провал вражеского наступления на Москву не только окончательно покончил с фашистским планом «молниеносной войны», но и перечеркнул военные и политические планы гитлеровских главарей, направленные на установление мирового господства фашистской Германии.

Победа Красной Армии в битве под Москвой имела огромное международное значение. В полной мере выявилась руководящая роль Советского Союза в борьбе с фашистской агрессией. Это способствовало сплочению антигитлеровской коалиции. Конец мифа о непобедимости немецко-фашистской армии воодушевил

¹⁴ В. И. Дашинев. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, стр. 268.

¹⁵ «Великая Отечественная война», Краткий научно-популярный очерк, стр. 131.

народы оккупированных стран Европы на борьбу с гитлеровскими захватчиками. Война приобрела затяжной, губительный для гитлеровской Германии характер.

В докладе на торжественном собрании, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, Л. И. Брежнев сказал: «Разгром под Москвой развеял легенду о непобедимости фашистской армии. Историческая победа под Москвой вдохновила советских людей на новые подвиги, укрепила их уверенность в том, что враг неминуемо будет разбит»¹⁶.

Победа под Москвой над немецко-фашистскими захватчиками положила начало коренному повороту в Великой Отечественной войне.

Бывший начальник штаба 4-й немецкой полевой армии признает, что поражение немецко-фашистских войск под Москвой было «грандиозным» и далее: «Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильный удар по Германии как в политическом, так и в военном отношениях»¹⁷.

За выдающиеся заслуги перед Родиной Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8 мая 1965 г. Москве присвоено почетное звание «город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В память о суровых, героических днях и одержанной победе была учреждена медаль «За оборону Москвы», которой награждено свыше 1 млн. человек. Самым отважным 110 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁸.

Победа под Москвой явилась результатом героических усилий советского народа и его Вооруженных Сил, организаторской деятельности участвовавших в этой битве войск, и командования, и политработников всех степеней.

* * *

Весной 1942 г. обстановка на советско-германском фронте стабилизировалась. Обе стороны готовились к летней кампании.

Однако довольно тревожной оставалась военная обстановка на Дальнем Востоке. Империалистическая Япония не оставляла своих агрессивных замыслов против СССР. Она продолжала проводить враждебную для Советского Союза политику, укреплять Квантунскую армию в Маньчжурии, нападать на советские транспортные суда. Хотя официально японское правительство и провозгласило нейтралитет, но на деле интенсивно готовилось к нападению с целью захватить советский Дальний Восток и Сибирь.

---

¹⁶ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 1, М., 1970, стр. 125, 126.

¹⁷ Э. Вестфаль, В. Крейне и др. Роковые решения. М., 1958, стр. 65, 108.

¹⁸ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 131.

Враждебную политику по отношению к Советской стране продолжали проводить и правящие круги Турции. Они сосредоточили у советских границ 26 дивизий и ждали лишь удобного момента для нападения на СССР.

Эти два опасных очага по-прежнему приковывали к себе определенную часть сил и средств Советских Вооруженных Сил.

В условиях, когда Советская страна находилась в сложной и трудной обстановке, советский народ ждал, что США и Англия выполнят свой союзнический долг и откроют второй фронт. Однако этого не случилось.

Вместо боевых действий на Европейском континенте, что значительно ускорило бы разгром фашистской Германии, правящие круги США и Англии предпочли развернуть операции в Северной Африке, на второстепенном театре второй мировой войны, где находились лишь незначительные силы немецких и итальянских войск.

Что касается поставок из США и Англии в Советский Союз, то они, конечно, сыграли свою положительную роль и являлись выражением сотрудничества и помощи. Однако следует отметить, что объем поставок и сроки, в которые они проводились, далеко не полностью отвечали обязательствам союзников. Так, «за весь период действия первого соглашения-протокола (октябрь 1941—июнь 1942 г.) США выполнили свои обязательства по поставкам СССР бомбардировщиков на 29,7%, истребителей — на 30,9, средних танков — на 32,3, легких танков — на 37,3, грузовиков — на 19% и т. д.»¹⁹.

Такова краткая характеристика военной и политической обстановки, которая позволила гитлеровскому руководству предпринять в 1942 г. крупное наступление на советско-германском фронте.

Перед Ставкой Верховного Главнокомандования встал закономерный вопрос о плане военных действий на лето 1942 г. Не было сомнений, что противник попытается перехватить утраченную стратегическую инициативу. Отсутствие второго фронта позволяло фашистскому командованию перебросить из оккупированных стран, а также из самой Германии дополнительные силы и средства на советско-германский фронт.

На 1 мая 1942 г. на советско-германском фронте находилось 217 дивизий и 20 бригад (с учетом войск сателлитов Германии). Против Советского Союза действовало три воздушных флота. Укомплектованность соединений составляла 85—90%²⁰.

Таким образом, гитлеровскому руководству удалось не только восполнить потери, понесенные в зимней кампании, но и увеличить состав войск, действовавших на Восточном фронте, на 40 ди-

¹⁹ «Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М., 1970, стр. 480.

²⁰ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 135.

визий. Основные усилия противника по-прежнему сосредоточивались на центральном — московском направлении.

В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования решила перейти к стратегической обороне, одновременно провести ряд частных наступательных операций под Ленинградом, в районе Демянска, на смоленском, львовско-курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму.

Что касается направления сосредоточения основных усилий противника, то предполагалось, что гитлеровские войска летом 1942 г. будут в состоянии вести крупные наступательные операции на двух стратегических направлениях: на московском и на юге страны. При этом главный удар ожидался на московском направлении.

Однако если к началу мая наиболее мощная группировка противника располагалась на центральном участке фронта, то к концу июня около 40 % его пехотных и кавалерийских и более 50 % танковых и моторизованных соединений сосредоточились на южном крыле фронта²¹.

Таким образом, юго-западное направление быстро превратилось в основное направление предстоящих действий фашистских войск в летне-осенней кампании 1942 г. Однако это ни в коей мере не означало, что враг в значительной степени ослабил свою группировку войск, нацеленную на Москву. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования не без основания продолжала считать, что противник попытается нанести удары на Москву с юго-западного и западного направлений. Это и предопределило группировку сил и средств советских войск, основные усилия которых сосредоточивались для обороны Москвы.

Между тем гитлеровское командование планировало на лето 1942 г. широкие наступательные действия на южном участке фронта. 5 апреля Гитлер подписал директиву № 41. В ней ставилась задача вновь захватить стратегическую инициативу и решительным наступлением «уничтожить противника западнее реки Дон и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет». Одновременно планировалось выйти к Волге в районе Сталинграда. Чтобы создать предпосылки для проведения этой «главной операции на южном участке фронта», предполагалось первоначально овладеть Севастополем, Керченским полуостровом, срезать выступ советского фронта в районе Барвенкова и улучшить обстановку на некоторых участках фронта, в том числе на севере овладеть Ленинградом.

После поражения советских войск под Керчью гитлеровцы получили возможность сосредоточить все силы 11-й армии для штурма Севастополя. В общей сложности защитники города оборонялись 250 дней. Только в результате третьего штурма фаши-

---

²¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 418.

стам удалось овладеть Севастополем. С 4 июля весь Крым оказался в руках врага.

В результате неудачно проведенной Красной Армией наступательной операции в мае 1942 г. в районе Харькова и поражения советских войск в Крыму немецко-фашистскому командованию вновь удалось захватить стратегическую инициативу в свои руки. Однако оно уже не могло вести наступление по всему фронту, как это было в 1941 г., и поэтому решило сосредоточить главные силы на юго-западном направлении.

Наступление главных сил врага началось 28 июня. Противник в период с 28 июня до середины июля стремился расчлнить войска сначала Юго-Западного, а затем и Южного фронтов. В результате упорных боев немецко-фашистские армии нанесли поражение соединениям Брянского и Юго-Западного фронтов, вышли к Воронежу, верхнему течению Дона и захватили Донбасс. Оборона советских войск между Северным Донцом и Доном в полосе шириной до 170 км была прорвана. Гитлеровские войска получили возможность главными силами развивать наступление на Кавказ и войсками 6-й армии — прямо на восток, к Волге, с целью обеспечения главной группировки от возможных контрударов советских войск с севера.

В таких чрезвычайных условиях обстановки развернулась великая битва на Волге.

Бои на сталинградском направлении, где выступала группа армий «Б», отличались особенно упорным характером. Главный удар наносила 6-я армия Паулюса, имевшая в своем составе 13 пехотных и 5 танковых дивизий.

Для прикрытия сталинградского направления советское командование сформировало Сталинградский фронт, в состав которого вошли 62-я, 63-я и 64-я армии. Кроме указанных армий, в состав Сталинградского фронта были включены из расформированного Юго-Западного фронта 21-я общевойсковая и 3-я воздушная армии. Командующим фронтом был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Позднее в состав Сталинградского фронта вошли отошедшие с большими потерями 28-я, 38-я, 57-я армии и Волжская военная флотилия. Командующий войсками фронта оставил в своем резерве 57-ю армию, а на базе 38-й и 28-й армий, по указанию Ставки, приступил к формированию 1-й и 4-й танковых армий. Кроме того, на усиление 8-й воздушной армии Ставка направила в район Сталинграда 10 авиационных полков (200 самолетов). Всего в составе Сталинградского фронта было 38 дивизий, из них полностью укомплектованных только 18, 6 насчитывали от 2,5 тыс. до 4 тыс. человек, а 14 — от 300 до 1000 человек²².

Борьба за главную полосу обороны началась 23 июля. Создав сильную группировку, превосходившую советские войска в лю-

²² «Великая победа на Волге». М., 1965, стр. 28.

дах в 1,4 раза, в танках — в 2 и авиации — в 3,5 раза, противник нанес мощный удар по правому флангу 62-й армии. Ценой больших потерь врагу удалось прорвать главную полосу обороны и к исходу 25 июля выйти в район Верхне-Бузиновки. До трех советских дивизий и одна танковая бригада попали в окружение. Контрудар 1-й и 4-й танковых армий, не закончивших своего формирования, совместно с 13-м танковым корпусом приостановил продвижение врага и обеспечил выход окруженных дивизий.

Упорное сопротивление советских войск вынудило противника перебросить на сталинградское направление новые силы. К концу июля в большой излучине Дона уже действовало до 30 вражеских дивизий. Несмотря на значительное превосходство в силах и средствах, гитлеровцы не сумели развить успех в полосе 62-й армии и овладеть переправами на Дону в районе Калача.

Враг перенес свои усилия южнее — в полосу 64-й армии. На этом направлении фашистам удалось выйти к Дону и захватить переправу в районе Нижне-Чирская. Но в результате контрудара, осуществленного 30 июля, противник был остановлен и на этом участке. Гитлеровское командование вынуждено было повернуть 4-ю танковую армию с кавказского направления на Сталинград. В результате противнику удалось прорваться к Котельникову и создать прямую угрозу прорыва к городу с юго-запада.

28 июля Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин подписал приказ № 227, в котором говорилось: «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину». Этот приказ имел огромное значение в укреплении политико-морального состояния войск, в воспитании у них железной дисциплины и упорства в обороне.

5 августа Ставка разделила Сталинградский фронт на два: Сталинградский под командованием генерала В. Н. Гордова и Юго-Восточный, командующим которым был назначен генерал А. И. Еременко. Для помощи командованию этих фронтов в Сталинград был направлен начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский, а позже — и генерал армии Г. К. Жуков.

В течение месяца вражеские войска продвинулись на 60—80 км и с большим трудом вышли к внешнему оборонительному обводу, где и были остановлены.

В результате боевых действий на дальних подступах к Сталинграду советские войска, обороняясь в исключительно трудных условиях и проявляя при этом невиданный героизм и упорство, сорвали намерение противника с ходу прорваться к Волге. Однако обстановка продолжала оставаться крайне напряженной.

В это же время исключительно сложная ситуация сложилась и на кавказском направлении. 25 июля сильная вражеская группировка форсировала Дон у Ростова и устремилась к богатым кубанским станицам, к кавказской нефти. Ослабленные в предыдущих тяжелых боях, советские войска, не выдержав удара пре-

восходящих сил противника, стали отходить на юг и юго-восток. 2 августа гитлеровцам удалось захватить Сальск, а 5 августа — Армавир.

Советские дивизии неоднократно переходили в контратаки и нанесли противнику значительный урон. Но гитлеровские войска продолжали рваться вперед. 11 августа советские дивизии вынуждены были покинуть Краснодар и отойти за Кубань. Отчаянные попытки немецко-фашистских войск прорваться к Туапсе не увенчались успехами. В 40—60 км от побережья Черного моря враг был остановлен.

Тогда фашистское командование решило нанести удар в направлении Грозный — Баку: прорваться к морю в районе Новороссийска, а затем наступать по побережью на Батуми; захватить перевалы на Главном Кавказском хребте и выйти к Сухуми. 18 августа здесь развернулись ожесточенные сражения. Несмотря на упорное сопротивление советских воинов, фашистским оккупантам удалось захватить Моздок, форсировать на некоторых участках Терек.

Одновременно развернулись ожесточенные бои в центральной части Главного Кавказского хребта, где действовали вражеские альпийские стрелки, накопившие большой боевой опыт в горах Норвегии, Югославии и Греции. С 17 августа по 9 сентября немцам удалось потеснить советские войска и захватить на сухумском направлении важнейшие перевалы через Главный Кавказский хребет. Советское командование усилило оборонявшиеся здесь войска, которые, нанеся врагу ряд ударов, остановили его продвижение.

Упорные бои развернулись и на новороссийском направлении. 31 августа гитлеровцы захватили Анапу, а 7 сентября вышли к северным окраинам Новороссийска. Завязались ожесточенные бои за каждую улицу, за каждый дом, не прекращающиеся ни днем, ни ночью. 9 сентября гитлеровцам удалось овладеть большей частью Новороссийска, кроме его восточных окраин. Однако дальнейшие попытки врага развить наступление на Туапсе и Батуми были сорваны упорным сопротивлением войск 47-й армии, которой с 8 сентября стал командовать генерал А. А. Гречко.

К концу сентября наступление немецко-фашистских войск на Кавказе было остановлено. Обстановка для советских войск улучшилась.

Оборонительные операции Красной Армии на Северном Кавказе длились более пяти месяцев. Советские войска последовательно отражали удары противника, изматывали и уничтожали его силы, подготавливая условия для решительного перехода в контр-наступление. И несмотря на то, что гитлеровцам удалось оккупировать значительную часть территории Северного Кавказа и Кубани, они не смогли преодолеть упорное сопротивление советских войск и не овладели богатыми нефтяными источниками. Героиче-

скими усилиями Красной Армии были сорваны планы немецко-фашистского командования и по захвату Кавказа.

К середине августа особое значение в планах гитлеровского командования приобрело сталинградское направление. Взятие Сталинграда, выход к берегам Волги становились главной стратегической целью врага.

19 августа фашистские полчища двумя группировками снова двинулись в наступление в направлении северной и южной окраин Сталинграда. 23 августа танковой группировке 6-й армии генерала Паулюса удалось прорваться к Волге севернее Сталинграда. Советские войска были разделены на две части коридором шириной 8 км. Командование Сталинградского фронта приняло меры по уничтожению прорвавшейся группировки. Однако ликвидировать противника в этом районе не удалось.

23 августа противник подверг Сталинград ожесточенной варварской бомбардировке. Самолеты воздушной эскадры Рихтгофена с утра и до позднего вечера наносили удары по жилым кварталам, совершив более 2 тыс. самолето-вылетов. В воздушных боях советская авиация сбила свыше 90 вражеских самолетов²³.

Чтобы отвлечь силы противника от города, советские войска 20—23 августа провели наступление в районе Котовского. Они захватили плацдарм на Дону и заставили врага повернуть значительную часть сил 6-й армии на север. Это несколько облегчило положение защитников города. Попытка противника выйти к Волге на широком фронте снова была сорвана. Тем не менее обстановка все больше обострялась. Вражеские войска находились так близко, что их снаряды и мины стали все чаще разрываться не только на окраинах, но и в центре Сталинграда.

Оборона основной части города была возложена на войска 62-й армии, которой с 12 сентября стал командовать генерал В. И. Чуйков, а южные его районы обороняла 64-я армия под командованием генерала М. С. Шумилова.

13 сентября утром фашисты начали штурм города. С этого дня началась беспрецедентная по своему упорству и напряженности борьба за город, которая, не прерываясь ни на один день, продолжалась до 2 февраля 1943 г.

Ожесточенные бои в центральной и южной частях города продолжались вплоть до 26 сентября. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, противнику все же удалось овладеть значительной частью города. И хотя полоса боевых действий армий сузилась до 25 км, глубина обороны была по-прежнему небольшой и колебалась от 500 м до 3 км. Противник захватил господствующие высоты, в том числе Мамаев курган.

В этих трудных условиях в период борьбы за город советские войска отразили до 700 вражеских атак и с честью выдержали все испытания. В боях за город проявили себя сотни и тысячи

²³ «Армия Советская». М., 1969, стр. 204.

советских патриотов. Защитники волжской твердыни поклялись: «За Волгой для нас земли нет. Велением Родины и народа дороги за Волгу закрыты!» И войны стояли насмерть. Страшным позором считался отход хоть на один метр. Если же противник все-таки прорывался, то только там, где не оставалось в живых ни одного советского воина. Железным законом тогда было: каждый дом — крепость, а защищающие его подразделения — непобедимый гарнизон.

В своей речи на торжественном открытии памятника-ансамбля в Волгограде Л. И. Брежнев весьма образно охарактеризовал события тех дней: «Представим себе на минуту, что происходило тогда. В дымящихся развалинах огромного города шел бой не на жизнь, а на смерть. Рушились стены, горела разлившаяся на Волге нефть. Визг пикирующих самолетов смешивался со скрежетом танков, тысячи разрывов сливались в сплошной рев, и порой казалось почти невыносимым, что человек может выжить, выстоять в этом море огня»²⁴.

Героический подвиг совершил здесь молодой военный моряк комсомолец М. К. Паникаха. Во время отражения вражеской атаки у поселка Красный Октябрь он, израсходовав все гранаты, схватил бутылку с горючей смесью, размахнулся, чтобы бросить ее в фашистский танк. Но случилось так, что в бутылку попала пуля и воспламенившаяся жидкость облила бойца. Моряк вспыхнул как факел и на глазах у пораженных товарищей бросился навстречу вражеской машине. В руках у него была вторая бутылка, которую он бросил на решетку мотора. И тут же огромная вспышка огня поглотила героя, а с ним и фашистский танк.

В боях за легендарный город вражеские войска несли колоссальные потери. Подступы к городу были усеяны остовами разбитых и сгоревших немецких танков и устланы трупами солдат и офицеров. Сами гитлеровцы называли со страхом путь к городу «дорогой смерти». Почти все пополнения, прибывавшие на фронт, гитлеровское командование вынуждено было направлять в район города. Каждый месяц битвы сюда направлялось около 250 тыс. новых солдат и офицеров. Сюда же шла основная масса военной техники — танков, артиллерии, минометов.

Ожесточенные оборонительные бои продолжались около четырех месяцев. В ходе этих боев советские войска выдержали натиск небывалой ударной силы врага, истощили крупнейшую группировку немецко-фашистских войск, создали благоприятные условия для перехода в контрнаступление.

Немецко-фашистские войска к середине ноября, потеряв более 180 тыс. человек убитыми, 500 тыс. ранеными и большое количество боевой техники, были вынуждены прекратить наступление²⁵.

²⁴ «Правда», 16 октября 1967 г.

²⁵ «Армия Советская», стр. 212.

Советский народ и его Вооруженные Силы не только выдержали мощный удар противника, но, продемонстрировав свою непреклонную стойкость и беззаветный героизм, остановили наступление врага и нанесли ему большой урон. В течение только летнего наступления 1942 г. немецко-фашистские войска потеряли до 1 млн. солдат и офицеров, 20 400 орудий, свыше 1500 танков и более 4 тыс. самолетов²⁶. Красная Армия измотала и обескровила фашистские полчища, создав тем самым благоприятные условия для перехода в мощное контрнаступление, положившее начало новому периоду в Великой Отечественной войне — периоду очищения советской земли от немецко-фашистских оккупантов.

Первый период Великой Отечественной войны был самым трудным периодом для Советского государства и его Вооруженных Сил. Советский Союз потерял значительную территорию с важными экономическими районами. Но советский народ и его армия под руководством Коммунистической партии решили задачу огромной исторической важности. Враг был остановлен, и были созданы благоприятные условия для осуществления коренного перелома в войне, для окончательного захвата стратегической инициативы. В стране было организовано слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Выпуск военной продукции, кроме боеприпасов, в СССР превзошел выпуск военной продукции фашистской Германии по всем показателям.

Советский Союз добился создания мощной антифашистской коалиции и занял в ней ведущую роль. Под влиянием героической борьбы советского народа в оккупированных фашистами странах широко развернулось национально-освободительное движение. В течение первого периода войны были значительно укреплены Советские Вооруженные Силы. Осуществлялась их организационная перестройка.

В итоге первого периода войны советский народ и его Вооруженные Силы создали условия для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны в пользу Советского Союза и всех прогрессивных сил мира.

* * *

Несмотря на то, что в середине ноября советские войска продолжали вести самоотверженную борьбу в самом Сталинграде, а Англия и США по-прежнему продолжали затягивать открытие второго фронта в Европе, обстановка на советско-германском фронте уже начала меняться. Наступление немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта в основном удалось остановить. Гитлеровское командование было вынуждено отдать директиву о переходе войск к обороне на всем советско-германском фронте. Противник приступил к подготовке оборо-

²⁶ «Великая Отечественная война», Краткий научно-популярный очерк, стр. 168.

пительных рубежей. Хотя немецко-фашистские войска и понесли большие потери на советско-германском фронте, они по-прежнему еще представляли грозную силу. К началу ноября 1942 г. они имели здесь 266 дивизий, 6,2 млн. солдат и офицеров, 70 тыс. орудий и минометов, 6600 танков и штурмовых орудий и 3500 боевых самолетов²⁷.

Благодаря напряженной работе советского тыла непрерывно повышалась боевая мощь Советских Вооруженных Сил, росло их превосходство над противником в силах и средствах ведения войны, улучшались их организационные формы. Формировались новые части и соединения всех родов войск. Создавались танковые и механизированные корпуса, танковые и воздушные армии, а также новые общевойсковые армии. Все это привело к значительному усилению Советских Вооруженных Сил.

В действующей армии находилась к концу 1942 г. 391 дивизия и насчитывалось 6,1 млн. человек, 72,5 тыс. орудий и минометов, более 6 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 3 тыс. боевых самолетов²⁸. Следовательно, прежнее превосходство врага в силах и средствах было уже ликвидировано.

Советское Верховное Главнокомандование своевременно определило создавшийся кризис немецко-фашистских войск на юге и приступило к подготовке всеокрушающего ответного удара по врагу. Исходя из сложившейся обстановки, Ставка разработала план действий на зиму 1942/43 г. Цель предстоящих действий заключалась в том, чтобы вырвать у врага стратегическую инициативу и начать его массовое изгнание из пределов Советской Родины. Для осуществления этой цели Ставка решила перейти в решительное наступление на южном крыле советско-германского фронта с задачей разгромить немецко-фашистские войска, действовавшие под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Гитлеровское командование считало, что вследствие понесенных потерь Красная Армия не сможет предпринять в ближайшее время крупных наступательных операций. Исходя из этого, фашистские генералы решили на всем фронте перейти к стратегической обороне, удерживать захваченные рубежи, чтобы создать тем самым предпосылки для продолжения наступления в 1943 г. Однако последующие события наглядно показали, насколько далеки от реальной действительности были оценки гитлеровского командования боеспособности Красной Армии.

Еще во время ожесточенных сражений на юге Ставка Верховного Главнокомандования приступила к разработке плана разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. 12—13 сентября в Кремле у Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина состоялось совещание с участием генералов Г. К. Жукова и А. М. Василевского, на котором впервые в об-

²⁷ «50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1968, стр. 343.

²⁸ Там же, стр. 343, 344.

сих чертах и были определены контуры плана контрнаступления под Сталинградом.

Позже в итоге напряженной творческой работы генералов и офицеров Генерального штаба и военных советов фронтов был разработан план грандиознейшей наступательной операции, который состоял в том, чтобы мощными ударами с плацдармов юго-западнее Серафимович и из района Сарпинских озер южнее Сталинграда разгромить войска, прикрывавшие фланги ударной группировки, и, развивая наступление по сходящимся направлениям на Калач, Советский, окружить и уничтожить главные силы немецко-фашистских войск, действовавшие непосредственно под Сталинградом. Этот план получил условное наименование «Уран».

К началу контрнаступления на сталинградском направлении советским войскам противостояла группа армий «Б», которая в своем составе насчитывала 1011 тыс. солдат и офицеров, 675 танков и штурмовых орудий, 10,3 тыс. орудий и минометов и 1216 боевых самолетов. Крупными резервами немецко-фашистское командование на этом направлении не располагало²⁹.

Против войск немецкой группы армий «Б» действовали три советских фронта: Юго-Западный фронт, которым командовал генерал Н. Ф. Ватутин, Донской фронт под командованием генерала К. К. Рокоссовского и Сталинградский фронт под командованием генерала А. И. Еременко. Всего в составе наступательной группировки советских войск было более 1 млн. человек, 13,5 тыс. орудий и минометов, 979 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1500 боевых самолетов³⁰.

Приведенные цифры наглядно опровергают утверждение гитлеровских генералов и других буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны о значительном превосходстве Красной Армии в силах и средствах при переходе ее в контрнаступление под Сталинградом.

Начало наступления для Юго-Западного и Донского фронтов намечалось на 19 ноября, а для Сталинградского — на сутки позднее и приурочивалось к такому времени, когда немецко-фашистские войска полностью еще не перешли к обороне и не успели создать необходимых резервов. Удачный выбор момента перехода Красной Армии в контрнаступление, смелость замысла и огромный размах спланированной стратегической операции свидетельствовали о зрелости военного искусства командования.

К установленному сроку подготовка контрнаступления была завершена. 19 ноября 1942 г. войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление после мощной артиллерийской подготовки. Преодолевая ожесточенное сопротивление врага и отражая его неоднократные контратаки, стрелковые соединения к 11 час. продвинулись на глубину 4—5 км, где были введены

²⁹ Там же, стр. 344.

³⁰ Там же.

в сражение танковые корпуса, которые с ходу атаковали противника, окончательно сломили его сопротивление и, завершив прорыв, устремились на юг. Вслед за танковыми корпусами в прорыв были введены кавалерийские соединения. К исходу дня подвижные войска фронта продвинулись на 20—35 км.

20 ноября после мощных ударов артиллерии общевойсковые армии Сталинградского фронта перешли в наступление. Вражеская оборона была прорвана, в прорыв вошли механизированные корпуса и кавалерийские соединения. В итоге первого дня операции войска Сталинградского фронта продвинулись на 10—16 км.

После завершения прорыва вражеской обороны войска всех трех фронтов получили возможность развивать наступление в оперативной глубине. Танковые и механизированные корпуса, отражая контратаки гитлеровцев, не ввязываясь в затяжные бои за населенные пункты, занятые врагом, и смело маневрируя, в отдельные сутки продвигались вперед на 50—70 км.

Весьма поучительными в этот период были действия передового отряда 26-го танкового корпуса. Этот отряд под командованием подполковника Г. Н. Филиппова в составе двух мотострелковых рот, пяти танков и бронемшины получил задачу захватить переправу на Дону в районе Калача. Ночью 22 ноября отряд подошел к переправе. Противник принял советские танки за свои. Уничтожив охрану, отряд занял мост, по которому вскоре переправились главные силы 26-го и 4-го танковых корпусов. За этот подвиг подполковнику Г. Н. Филиппову было присвоено звание Героя Советского Союза.

23 ноября 1942 г. произошла историческая встреча Юго-Западного и Сталинградского фронтов. В результате крупная группировка отборных немецко-фашистских войск в составе 22 дивизий и 160 отдельных частей 6-й полевой и 4-й танковой армий врага общей численностью 330 тыс. солдат и офицеров оказалась в кольце окружения³¹.

Гитлеровское командование не могло смириться с тем, что такая крупная группировка попала в окружение. Из действовавших под Сталинградом войск и подошедших резервов оно сформировало группу армий «Дон» в составе около 30 дивизий. Эта группа должна была из района Котельникова и Тормосина нанести удар на Сталинград, прорвать внешний фронт окружения советских войск, соединиться с 6-й армией и восстановить положение на сталинградском направлении.

Советское командование решило временно прекратить уничтожение окруженной группировки врага и главные силы направить для разгрома его ударных группировок на внешнем фронте. С этой целью на середину декабря было запланировано наступление левого крыла Воронежского и правого крыла Юго-Западного фронтов.

³¹ «Армия Советская», стр. 222.

12 декабря группа армий «Дон» начала операцию по деблокаде 6-й немецкой армии. Ударная группировка врага, насчитывавшая до 400 танков, перешла в наступление из района Котельникова. Бои с первого дня приняли ожесточенный характер. Исключительно тяжелые бои развернулись в районе Верхне-Кумского, который несколько раз переходил из рук в руки. Здесь гитлеровцы впервые применили батальон тяжелых танков Т-VI — «тигр». Но советские воины сражались до последнего патрона, до последнего снаряда, выдержали исключительно тяжелые шестидневные бои, но не отступили. Бои в районе Верхне-Кумского — это ярчайший образец доблести советских воинов, насмерть стоявших на своих рубежах.

Немецко-фашистское командование ввело в сражение резервы. К 16 декабря врагу удалось выйти на рубеж Аксяя и приблизиться к окруженной группировке на 60 км.

В этой обстановке Ставка нашла необходимым передать из состава Донского фронта в Сталинградский фронт 2-ю гвардейскую армию под командованием генерала Р. Я. Малиновского. Соединения этой армии, выйдя на рубеж Мышкова, совместно с отошедшими сюда другими войсками Сталинградского фронта в тяжелых оборонительных боях сумели остановить гитлеровцев.

16 декабря 1942 г. после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в решительное наступление на Среднем Дону 6-я армия Воронежского фронта и войска правого крыла Юго-Западного фронта.

В итоге трехдневных ожесточенных боев оборона противника была прорвана. Попытка командования 8-й итальянской армии задержать наступление советских войск успеха не имела. Деморализованные итальянские и немецкие дивизии под ударами советских стрелковых и танковых соединений потеряли всякую способность к организованному сопротивлению и начали беспорядочное бегство в южном и юго-западном направлениях. В результате этой операции советские войска в течение нескольких дней разгромили 8-ю итальянскую армию и остатки 3-й румынской армии.

Успешнее других в этом наступлении действовал 24-й танковый корпус под командованием генерала В. М. Баданова. Его танковые бригады, широко маневрируя, за пять дней боев продвинулись на 240 км, нанесли огромный урон живой силе и технике врага и стремительной атакой 24 декабря овладели станцией Тацинской, захватив при этом свыше 300 вражеских самолетов, находившихся на аэродроме и в железнодорожных эшелонах. Гитлеровцы, перебросив в этот район свежие силы, окружили корпус. Борьба советских танкистов в районе Тацинской продолжалась более пяти суток, к исходу которых корпус, уничтожив захваченные самолеты, прорвал кольцо окружения и по приказу командования отошел в расположение советских войск. За героические дела в тылу врага 24-й танковый корпус был преобразо-

ван во 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус и награжден орденом Ленина, а командир корпуса генерал В. М. Баданов стал первым кавалером ордена Суворова II степени.

Успешно развивающееся наступление Юго-Западного фронта, а также упорная оборона войск Сталинградского фронта на рубеже р. Мышкова вынудили вражеские войска 23 декабря прекратить дальнейшие попытки прорваться к окруженной группировке и перейти к обороне.

В результате мероприятий советского командования была создана благоприятная обстановка для перехода войск Сталинградского фронта в наступление. 24 декабря советские воины сломили сопротивление врага и повели наступление на юг. К утру 29 декабря войска фронта вышли в район Котельникова, разгромили гарнизон и освободили город. 31 декабря 1942 г. войска Сталинградского фронта были переименованы в Южный фронт и получили задачу наступать на Ростов.

Таким образом, попытка немецко-фашистского командования освободить окруженные под Сталинградом войска окончательно провалилась. Теперь линия фронта от них была отодвинута на 120—160 км. В результате успешного завершения боевых действий на котельниковском направлении была окончательно разгромлена 4-я румынская армия, 4-я немецкая танковая армия с большими потерями отброшена к р. Сал.

К началу января 1943 г. численность окруженной под Сталинградом немецко-фашистской группировки сократилась с 330 тыс. до 250 тыс. человек, так как около 80 тыс. погибли в предыдущих боях. Но группировка еще имела в своем составе до 300 танков и 5 тыс. орудий и минометов³².

Немецко-фашистское командование, игнорируя изменившиеся условия, по-прежнему продолжало считать, что окруженные под Сталинградом войска еще способны продолжительное время удерживать занимаемый ими район и сковывать значительные силы советских войск. Но их участь была предопределена.

Ликвидация 6-й армии фельдмаршала Паулюса была возложена на войска фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского.

Во избежание напрасного кровопролития советское командование 8 января 1943 г. предъявило окруженному противнику ультиматум о сдаче. Условия капитуляции полностью соответствовали международным соглашениям. Тем не менее по приказу Гитлера ультиматум был отвергнут.

Утром 10 января 1943 г. советские войска приступили к ликвидации окруженной группировки.

Общее руководство этой операции, носившей условное наименование «Кольцо», было возложено на представителя Ставки Верховного Главнокомандования генерала Н. Н. Воронова.

³² «50 лет Вооруженных Сил СССР», стр. 349.

К концу января вражеская группировка была рассечена советскими войсками на две изолированные группы. Южная группа, в составе которой находился генерал Паулюс, 31 января капитулировала. 2 февраля после мощного удара советской артиллерии прекратила сопротивление и северная группа. В этот день историческая битва под Сталинградом закончилась. Было подобрано и похоронено 147 200 убитых вражеских солдат и офицеров, взято в плен свыше 91 тыс. человек, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала во главе с Паулюсом³³.

Окружение и полный разгром 330-тысячной армии противника явились для фашистской Германии величайшим моральным и материальным поражением.

Красная Армия под Сталинградом разгромила опытного и коварного врага. Только в ходе контрнаступления советские войска уничтожили 32 дивизии и 3 бригады противника, 16 вражеских дивизий понесли потери от 50 до 70% личного состава. Противник за это время потерял: людей — свыше 800 тыс., танков и штурмовых орудий — около 2 тыс., орудий и минометов — более 10 тыс. и самолетов — до 3 тыс.³⁴

Поражение немецко-фашистских войск было столь велико, что Гитлеру на совещании в своей ставке 1 февраля 1943 г. пришлось заявить: «... Я могу сказать одно: возможности окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представить себе»³⁵.

Победоносный исход битвы под Сталинградом имел большое военно-политическое значение. Эта битва явилась важнейшим этапом на пути к нашей победе, крупнейшим событием как в ходе Великой Отечественной войны, так и всей второй мировой войны. Были созданы условия для успешного зимнего наступления Красной Армии на обширном советско-германском фронте. Начался период освобождения нашей Родины от гитлеровских оккупантов. Советские Вооруженные Силы вырвали у врага стратегическую инициативу и уже до самого конца войны не выпускали ее.

Победа под Сталинградом — это победа великого советского народа, руководимого ленинской Коммунистической партией. Это была победа советского военного искусства. Она показала возросшую мощь Красной Армии, высокий уровень советского военного искусства, подняла как военный, так и международный авторитет Советского Союза. Все передовое человечество приветствовало великий подвиг советских людей на берегах Волги как всемирно-историческое событие.

Явно помимо своего желания вынужден называть вещи своими именами и западногерманский историк Герлиц. В своей книге «История второй мировой войны» он пишет: «Катастрофа под

³³ «Великая победа на Волге», стр. 467.

³⁴ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история», стр. 220.

³⁵ «Армия Советская», стр. 229.

Сталинградом была великим поворотом не только во внутривойсковом смысле. Она имела своим следствием тяжелое потрясение всей сферы германского владычества в мире...»³⁶

Сокрушительное поражение гитлеровских полчищ под Сталинградом способствовало мощному подъему национально-освободительной борьбы, движения Сопротивления против фашистских оккупантов и их прислужников. Патриоты Польши, Югославии, Франции, Бельгии, Греции, Албании и других стран Европы усиливали антифашистскую деятельность, наносили врагу все более ощутимые удары.

Все прогрессивное человечество помнит и хранит светлую память о героической битве.

Коммунистическая партия, Советское правительство и советский народ по достоинству оценили героизм и доблесть защитников легендарного города на Волге. Сталинград удостоен почетного звания «город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Около 100 отважных советских воинов получили звание Героя Советского Союза, а десятки тысяч солдат и офицеров были удостоены различных правительственных наград. В конце 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Сталинграда». Более 700 тыс. участников этой битвы были награждены учрежденной медалью³⁷.

Используя успех, достигнутый под Сталинградом, Ставка решила продолжать наступление на широком фронте. Главный удар намечалось нанести на юго-западном стратегическом направлении, в котором должны были принять участие теперь войска уже пяти фронтов: Брянского, Воронежского, Юго-Западного, Южного и Закавказского. Продвижение войск Южного фронта на ростовском направлении вынудило немецко-фашистское командование начать отвод 1-й танковой армии с Северного Кавказа.

Выполняя указания Ставки, войска Южного и Закавказского фронтов перешли в наступление и, ведя тяжелые наступательные бои, в начале февраля 1943 г. вышли на Северный Донец, на подступы к Ростову и побережью Азовского моря. Только часть гитлеровских войск, действовавших на Северном Кавказе, отошла к Ростову. Остальные силы группы армий «А» вынуждены были отступить и закрепились на Кубани и на Таманском полуострове.

Войска Юго-Западного фронта, ведя наступление на донбасском направлении, также в начале февраля вышли на Северный Донец.

В феврале войска Северо-Кавказского фронта получили задачу провести операцию с целью освобождения Кубани и Таманского полуострова. 12 февраля советские войска освободили Краснодар. Одновременно с боями на краснодарском направлении они по-

³⁶ Л. М. Еремеев. Глазами друзей и врагов. М., 1966, стр. 123.

³⁷ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 190, 191.

вели наступление с суши на Новороссийск, который гитлеровцы решили удержать любой ценой.

Неоценимую помощь войскам Северо-Кавказского фронта оказал Черноморский флот. Огнем артиллерии, ударами авиации и высадкой десантов он содействовал проведению наземных операций. Морской десант, высаженный на западном берегу Цемесской бухты, захватил плацдарм в районе Станичка, Мысхако, который удерживал в течение семи месяцев. Гитлеровцы бросали в атаки крупные силы пехоты, танков, артиллерии и авиации, но сломить сопротивление защитников «Малой земли» не могли. Душой обороны «Малой земли» был мужественный отряд коммунистов 18-й армии, возглавляемый начальником политотдела армии полковником Л. И. Брежневым.

Операции войск Красной Армии, проведенные под Сталинградом и на ростовском направлении, были тесно связаны с операциями, осуществленными на Северном Кавказе, и оказали решающее влияние на освобождение многих районов Кавказа, так же как боевые действия на кавказском направлении сыграли большую роль в достижении победы под Сталинградом. К середине февраля 1943 г. гитлеровцы на кавказском направлении были отброшены на 500—600 км и понесли при этом большие потери. Успешный разгром противника на Среднем Дону также создал выгодные условия для разгрома немецко-фашистских войск на Верхнем Дону.

Одновременно с боевыми действиями на Северном Кавказе войска Брянского и Воронежского фронтов развернули наступление на Верхнем Дону.

13 января 1943 г. войска левого крыла Воронежского фронта нанесли встречные удары на Россошь и Острогожск. 19 января они окружили крупную группировку войск 2-й венгерской армии и птальянского корпуса. К 27 января 15 фашистских дивизий были полностью разгромлены, а 6 дивизий понесли большие потери. Свыше 86 тыс. солдат и офицеров попали в плен³⁸. В результате этой операции сложились выгодные условия для разгрома войск противника под Воронежем и Касторной.

С 24 января по 17 февраля войска Воронежского фронта во взаимодействии с войсками левого крыла Брянского фронта осуществили Воронежско-Касторненскую операцию. Нанеся встречные удары на Касторную, войска фронтов 28 января завершили окружение десяти вражеских дивизий, уничтожение которых затянулось до середины февраля.

В дальнейшем, развивая наступление на курском и харьковском направлениях, советские войска продвинулись в западном и юго-западном направлениях от 200 до 300 км, освободив при этом Курск и Харьков.

---

³⁸ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история», стр. 221.

На южном крыле советско-германского фронта наступление развивалось также успешно. Здесь были освобождены Ворошиловград, Краснодар и Ростов. Войска Южного фронта вышли на Миус, где дальнейшее их продвижение было приостановлено.

К этому же времени войска Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов вышли на линию Сумы, Люботин, Лозовая, Павлоград, Краматорск, Льгов.

Чтобы не допустить окончательного разгрома немецко-фашистских войск, действовавших на южном крыле советско-германского фронта, гитлеровское командование решило предпринять контр-наступление, в результате которого нацистам вновь удалось захватить Харьков, а затем, овладев Белгородом, оттеснить советские войска за Северный Донец.

Одновременно с решающим наступлением Красной Армии на юго-западном участке советско-германского фронта Ставка Верховного Главнокомандования решила провести операцию с целью прорыва блокады Ленинграда.

16 месяцев Ленинград находился в осаде. Гитлеровцы рассчитывали жестокой блокадой сломить волю оборонявшихся воинов Красной Армии и жителей города. Голод, холод, артиллерийская и авиационная бомбардировка ежедневно уносили тысячи жизней. Но без воды и света, голодный город-герой мужественно сопротивлялся. Героические защитники города Ленина с исключительным героизмом и стойкостью перенесли огромные трудности.

Утром 12 января войска Ленинградского и Волховского фронтов, перейдя в наступление, прорвали оборону противника и 18 января соединились в районе Рабочего поселка. Блокада, длившаяся с 8 сентября 1941 г. по 18 января 1943 г., была прорвана.

В боях по прорыву блокады с новой силой проявился массовый героизм воинов Советских Вооруженных Сил. Около 22 тыс. солдат и офицеров были награждены орденами и медалями. 25 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза³⁹. Все защитники города-героя были награждены медалью «За оборону Ленинграда», учрежденной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г.

С 12 февраля по 27 марта 1943 г. Красная Армия предприняла наступление на севском и орловско-брянском направлениях. В результате этих действий и оборонительной операции на харьковском направлении в начертании линии фронта образовался так называемый Курский выступ, сыгравший крупную роль в последующих операциях лета 1943 г.

Гитлеровское командование, почувствовав угрозу, нависшую над орловской группировкой, стало отводить свои войска с ржевско-вяземского плацдарма и перебрасывать их в район Орла. Обнаружив отход врага, войска Калининского и Западного фронтов,

---

³⁹ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 210.

преодолевая тяжелые условия весенней распутицы, освободили от немецко-фашистских оккупантов Ржев, Гжатск и Вязьму. К 1 апреля их войска продвинулись на 130—160 км и вышли на рубеж восточнее Духовщины и Спас-Деменска.

За четыре с половиной месяца непрерывных наступательных действий советские войска продвинулись на 600—700 км, разгромили свыше 100 вражеских дивизий. Противник потерял около 1700 тыс. солдат и офицеров, 24 тыс. орудий, свыше 3,5 тыс. самолетов и 7,3 тыс. танков⁴⁰. Военная мощь фашистской Германии была подорвана в значительной степени.

В ходе зимнего наступления Красной Армии были созданы условия для завершения начавшегося перелома в войне. Советские войска приступили к подготовке новых решающих операций, которые им предстояло осуществить летом 1943 г.

* * *

Победы Красной Армии зимой 1942/43 г. резко ухудшили положение фашистской Германии и ее союзников. Угроза катастрофы заставила немецко-фашистское командование принять решение на проведение крупного наступления на советско-германском фронте.

Подготовке наступления способствовало то, что правящие круги западных держав по-прежнему выжидали развития событий на Востоке и не помышляли предпринять решительных действий. В этих условиях гитлеровское командование, проведя тотальную мобилизацию и сосредоточив на центральном участке советско-германского фронта крупные силы, намечало нанести удары с севера и юга на Курск, окружить советские войска на Курском выступе, а затем развернуть крупное наступление, которое должно было бы изменить ход войны в пользу Германии.

«Этому наступлению, — говорилось в оперативном приказе № 6, подписанном Гитлером, — придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом... На направлении главных ударов должны... быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»⁴¹.

Этот план получил кодовое наименование «Цитадель». Для проведения операции гитлеровское командование на флангах Курского выступа создало мощные ударные группировки, включавшие в себя 50 отборных наиболее боеспособных дивизий, в которых насчитывалось 900 тыс. солдат и офицеров, 10 тыс. орудий, 2,7 тыс. танков и свыше 2 тыс. самолетов⁴². Большие надежды

⁴⁰ «50 лет Вооруженных Сил СССР», стр. 360; «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 226.

⁴¹ «Военно-исторический журнал», 1962, № 1, стр. 81—82.

⁴² Г. Колтунов, В. Соловьев. Курская битва. М., 1970, стр. 47.

немецко-фашистское командование возлагало на массовое применение новых танков «тигр», «пантера», штурмовых орудий «фердинанд», а также новых самолетов «Фокке-Вульф-109» и «Хенкель-129».

Советское Верховное Главнокомандование, своевременно разгадав замыслы врага, решило встретить удары гитлеровцев хорошо организованной преднамеренной обороной, измотать и обескровить противника, перейти в контрнаступление, после чего осуществить общее наступление.

Оборону Курского выступа возложили на войска Центрального и Воронежского фронтов, которыми соответственно командовали генералы К. К. Рокоссовский и Н. Ф. Ватутин. В их составе имелось 1337 тыс. бойцов, более 20 тыс. орудий и минометов, свыше 3600 танков и самоходных орудий, 3130 самолетов⁴³. К востоку от Курского выступа Ставкой был создан Степной фронт под командованием генерала И. С. Конева. Он предназначался для решительного контрнаступления, но в случае необходимости мог помочь Центральному и Воронежскому фронтам в обороне. Представителями Ставки были Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

Претворяя в жизнь приказание Ставки, весь личный состав указанных фронтов, политорганы, партийные и комсомольские организации направляли усилия на подготовку к предстоящим боям.

К началу битвы на Курской дуге советскими войсками и силами местного населения была создана глубоко эшелонированная оборона с хорошо развитой системой траншей и ходов сообщения. Всего было оборудовано восемь оборонительных рубежей. В армиях подготавливались главная, вторая и тыловая полосы обороны, во фронтах — три оборонительных рубежа, оборонительный рубеж Степного фронта, по Дону готовился государственный оборонительный рубеж. На направлении вероятных ударов противника четыре первых рубежа было занято войсками. Общая глубина обороны достигала более 300 км.

Готовя битву под Курском на суше, Ставка также поставила перед авиацией задачу по завоеванию стратегического господства в воздухе. В результате воздушного сражения на Кубани, самостоятельных операций по уничтожению авиации противника на аэродромах только с апреля по июнь враг потерял более 3500 самолетов⁴⁴.

В ходе подготовки операции советское командование с помощью всех видов разведки установило, что наступление гитлеровцев начнется утром 5 июля. Советские войска были приведены в полную боевую готовность.

Наступление главных сил на орловском направлении началось в 5 час. 30 мин. 5 июля. Гитлеровскому командованию не

⁴³ В. С. Рябов. Указ. соч., стр. 130.

⁴⁴ «Великая Отечественная война», стр. 234.

удалось достичь внезапности. Еще в 2 час. 20 мин. советские войска провели артиллерийскую контрподготовку, в результате которой противнику были нанесены большие потери и он вынужден был начать наступление с опозданием на 1,5—2 часа.

Главный удар врага был направлен по войскам 13-й армии генерала Н. П. Пухова и частично — по правофланговым частям 70-й армии генерала И. В. Галанина. На земле и в воздухе развернулись ожесточенные бои. Советские воины стояли насмерть.

Массовый героизм проявили воины 15-й стрелковой дивизии полковника В. Н. Джантджгавы, 81-й и 307-й дивизий генералов А. В. Баринова и М. А. Епшина, танкисты 2-й танковой армии генерала А. Г. Родина, саперы 1-й гвардейской инженерной бригады полковника М. Ф. Иоффе, летчики 16-й воздушной армии генерала С. И. Руденко и др.

Одним из примеров стойкости и упорства могут служить действия 676-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии. Враг силами до 200 танков с пехотой обошел полк с обоих флангов и окружил его. Командир полка подполковник Н. Н. Оноприенко организовал круговую оборону. Подразделения полка героически отразили все атаки превосходящих сил врага.

Немцы бросили против окруженных около двух полков пехоты и 100 танков, а с воздуха нанесли массированный удар самолетами. Но советские воины отразили вражеское наступление, продолжая удерживать занимаемые позиции. Лишь под прикрытием темноты по приказу командира дивизии полк вырвался из окружения и занял новые позиции на второй полосе обороны.

С беспримерной стойкостью оборонялись советские воины всех соединений и частей Центрального фронта. Однако ценой больших потерь вражеским войскам к исходу первого дня удалось вклиниться в оборону 13-й армии и продвинуться до 8 км.

Но войска фронта, осуществив ряд сильных контрударов, остановили неприятеля. Тогда немецко-фашистские части попытались прорваться к Курску через Поньры, бросив на это направление до двух пехотных дивизий с 200 танками, но все атаки были отражены героическими воинами 307-й стрелковой дивизии. Пять раз в течение 7 июля гитлеровцы яростно атаковали наши позиции, но безуспешно. Лишь к вечеру фашисты, подтянув свежие силы, ворвались на северную окраину Поньрей, но на следующий день они были выбиты оттуда.

8 июля после артиллерийской и авиационной подготовки противник возобновил наступление на Ольховатку. Ценой огромных потерь он продвинулся на 3—4 км, но это был его последний успех. На пятый день сражения фашисты наступать уже не могли.

Сражение на Центральном фронте продолжалось до 11 июля. В результате упорной обороны и контрударов советских войска враг, потеряв более 42 тыс. человек и до 500 танков, к исходу

седьмого дня наступления вынужден был перейти к обороне⁴⁵. Максимальное его продвижение в глубину не превышало 12 км. Так закончилось немецко-фашистское наступление на орловско-курском направлении.

5 июля развернулись бои и на белгородско-курском направлении. Здесь, так же как и в полосе Центрального фронта, до начала наступления противника войсками Воронежского фронта была проведена мощная артиллерийская контрподготовка. Оправившись от удара, враг бросил в наступление основную массу танков. Главный удар немецко-фашистской группировки пришелся по войскам 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. В отражении этого удара несколько позднее приняли участие также соединения 1-й танковой армии генерала М. Е. Кагукова и 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова.

На всех участках обороны завязались ожесточенные бои. Особенно сильный натиск гитлеровцев пришлось отражать частям 52-й гвардейской дивизии полковника И. М. Некрасова и 67-й гвардейской дивизии полковника А. И. Баксова. На узком участке фронта враг бросил в бой более 700 танков, которые поддерживались непрерывными действиями авиации. И только к исходу первого дня боя немцам удалось вклиниться в главную полосу обороны 67-й гвардейской дивизии и окружить 196-й гвардейский стрелковый полк. Воины этого полка продолжали оказывать упорное сопротивление нападавшим со всех сторон гитлеровцам. В ночь на 6 июля полк, прорвав кольцо окружения, по приказу отошел на новый рубеж.

В последующие дни бои развертывались с еще большим ожесточением. Враг любой ценой стремился прорваться к Курску через Обоянь. На этом направлении наступали отборные танковые и моторизованные дивизии врага «Мертвая голова», «Великая Германия», «Адольф Гитлер» и «Рейх».

Несколько дней продолжались упорные бои на земле и в воздухе. Летчики 2-й воздушной армии генерала С. А. Красовского надежно прикрывали действия наземных войск. Беспримерный подвиг совершил летчик-истребитель 8-й гвардейской истребительной дивизии коммунист А. К. Горовец. В одном воздушном бою он сбил девять фашистских бомбардировщиков. Но, возвращаясь на свой аэродром, он был сбит в неравном бою с вражескими истребителями. Советское правительство посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза. В курском небе открыл свой боевой счет и летчик-истребитель И. Н. Кожедуб.

Несмотря на упорное сопротивление советских войск, враг ценой колоссальных усилий и жертв в районе Яковлева пробился ко второй полосе обороны и форсировал Северный Донец у Белгорода.

---

⁴⁵ Г. Колтунов, В. Соловьев. Указ. соч., стр. 133.

Гитлеровское командование намечало выйти к Курску за два дня, но на исходе был уже седьмой день, а фашистским войскам удалось пройти всего треть пути.

Потеряв всякую надежду прорваться к Курску на обоянском направлении, гитлеровское командование стало сосредоточивать крупные силы танковых дивизий юго-западнее Прохоровки с целью предпринять обходный маневр через станцию Прохоровка для удара на Курск с юго-востока. Советское командование, разгадав замысел врага, своевременно подтянуло в этот район 5-ю гвардейскую армию генерала А. С. Жадова.

Утром 12 июля советские войска в районе Прохоровки нанесли контрудар, который вылился в грандиозное встречное танковое сражение, не имевшее себе равного в годы второй мировой войны. С обеих сторон в нем участвовало 1500 танков⁴⁶. В ходе сражения враг понес большие потери и не только был остановлен, но и отброшен в южном направлении на 7 км. К 23 июля Воронежский и введенный в сражение Степной фронты отбросили противника и полностью восстановили положение, которое занимали советские войска до 5 июля.

Таким образом, попытка Гитлера взять реванш за поражение под Сталинградом, восстановить свой пошатнувшийся престиж и вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования провалилась. Советские войска в ходе оборонительного сражения под Курском обескровили врага и создали благоприятные условия для перехода в решительное контрнаступление.

Ставка Верховного Главнокомандования заранее готовила к нему советские войска. Часть сил Западного фронта, которым командовал генерал В. Д. Соколовский, и Брянский фронт под командованием генерала М. М. Попова при содействии войск Центрального фронта должны были осуществить Орловскую наступательную операцию; войска Воронежского, Степного фронтов и часть сил Юго-Западного фронта — Белгородско-Харьковскую наступательную операцию. Успешное контрнаступление, по замыслу Ставки, должно было перерасти в мощное наступление советских войск на всем советско-германском фронте.

Еще шло оборонительное сражение на северном и южном фасах Курского выступа, а уже 12 июля перешли в наступление ударные группировки Западного и Брянского фронтов. Им предстояло расчлнить на части вражеские войска, оборонявшие Орловский выступ, и уничтожить их.

После сокрушительных ударов артиллерии, несмотря на отчаянное сопротивление, советские войска прорвали оборону гитлеровцев на нескольких направлениях и начали развивать наступление. Отражая сильные контрудары врага, уже через неделю войска Западного фронта, на острие которого действовали соединения 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна,

⁴⁶ Там же, стр. 174.

продвинулись до 70 км и охватили болховскую группировку противника с юго-запада. Войска Брянского фронта подошли к Болхову с востока. После упорных и продолжительных боев болховская группировка потерпела поражение, что предопределило разгром всей орловской группировки в целом и ликвидацию Орловского выступа.

15 июля в контрнаступление перешли войска Центрального фронта. К 18 июля они восстановили положение, которое занимали до начала немецкого наступления, и стали продвигаться вперед, нанося удар в обход Орла с юго-запада.

Немецко-фашистское командование принимало срочные меры для усиления войск, оборонявших орловский плацдарм. С этой целью оно стало спешно перебрасывать на орловское направление дивизии с других участков советско-германского фронта. Но усилия были тщетными. Советские воины успешно громили фашистов как на земле, так и в воздухе. Действуя решительно и широко применяя маневр, советские войска освободили Болхов, Мценск, Кромы и подошли к Орлу, который 5 августа был полностью очищен от немецко-фашистских оккупантов. В тот же день войска Степного фронта овладели Белгородом. Вечером Москва салютовала доблестным советским войскам 12 артиллерийскими залпами. Это был первый салют Победы, и с этого дня он стал славной традицией Советского государства.

В развернувшихся боях советские воины продолжали проявлять истинный героизм. Образец воинской доблести показал летчик-истребитель А. П. Маресев. Без ног, на протезах, он продолжал участвовать в воздушных боях и сбил три вражеских самолета. За этот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Вместе с советскими летчиками в орловском небе сражались и летчики созданной в Советском Союзе французской эскадрильи «Нормандия», на боевом счету которой было уже несколько десятков сбитых фашистских самолетов.

Продвигаясь на запад, советские войска вслед за Орлом освободили Жиздру, Карачев, Дмитровск-Орловский. К 18 августа войска Западного, Брянского и Центрального фронтов вышли к заранее подготовленному оборонительному рубежу фашистов, носившему условное наименование «Хаген», который проходил восточнее Брянска. Перед этим рубежом они временно перешли к обороне с целью подготовки новой наступательной операции на брянском направлении. Были открыты пути для освобождения Советской Белоруссии.

В боях на орловском плацдарме огромную помощь войскам Красной Армии оказали партизаны, особенно во время форсирования водных преград и преодоления лесных районов. Партизаны непрерывно наносили чувствительные удары по тылам и коммуникациям врага. Только в ночь на 21 июля они взорвали на же-

лезных дорогах в тылу орловской группировки более 6 тыс. рельсов.

В то время как советские войска громили гитлеровцев на орловском плацдарме, на южном фесе Курского выступа готовился другой сокрушительный удар — Белгородско-Харьковская наступательная операция.

Замысел Ставки заключался в том, чтобы нанести мощный удар силами Воронежского и Степного фронтов в общем направлении на Богодухов с целью рассечения вражеской группировки на две части, уничтожения их порознь и обхода Харькова с запада. Вспомогательный удар должен был нанести Юго-Западный фронт силами одной армии в обход Харькова с юга.

Подготовка Белгородско-Харьковской операции проходила в крайне ограниченные сроки, что потребовало от командного состава, штабов и войск большого физического и морального напряжения.

В 7 час. 50 мин. 3 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки советские войска перешли в атаку и, преодолев сопротивление отдельных уцелевших вражеских огневых точек, успешно стали продвигаться вперед. В полосе Воронежского фронта войска 5-й и 6-й гвардейских армий прорвали главную полосу неприязельской обороны, после чего командующий фронтом ввел в сражение основные силы 1-й и 5-й танковых армий. К исходу первого дня наступления был завершен прорыв всей тактической зоны обороны врага.

Большую помощь наземным войскам оказали советские летчики, обрушившие свои удары на гитлеровские полчища с воздуха.

Темпы продвижения советских войск день ото дня нарастали.

Особенно успешно действовали 1-я танковая и 5-я гвардейская танковая армии, которые, вырвавшись на оперативный простор, 7—8 августа овладели Богодуховом и Золочевом. В результате войска Воронежского фронта завершили прорыв оперативной обороны врага, белгородско-харьковская группировка была расчленена на две части.

11 августа войска Воронежского фронта, значительно расширив прорыв в западном и юго-западном направлениях, выдвинулись своим правым крылом на рубеж Боромля, Ахтырка, а на левом крыле южнее Богодухова перерезали железную дорогу Харьков—Полтава и охватили Харьков с запада.

Успешно развивалось в эти дни и наступление войск Степного фронта, которые к 11 августа вышли к внешнему оборонительному обводу Харькова с севера, а 57-я армия генерала А. Н. Гатгена к этому времени подошла к Харькову с востока и юго-востока.

Пытаясь остановить наступление советских войск, фашистское командование путем внутренних перегруппировок сосредоточило в районе западнее Ахтырки и южнее Богодухова четыре пехот-

ные, семь танковых и моторизованных дивизий, насчитывавших в своем составе до 600 танков, и нанесло контрудар.

С 11 по 17 августа в районе Богодухова развернулись ожесточенные бои. В этих боях враг понес большие потери и к исходу 17 августа был вынужден перейти к обороне.

18 августа немецко-фашистские войска нанесли сильный контрудар в районе Ахтырки по 27-й армии и потеснили ее соединения. На это направление командующий Воронежским фронтом выдвинул 4-ю гвардейскую армию генерала Г. И. Кулика, переданную из резерва Ставки. Советские воины стойко и с большим мужеством отразили все атаки врага. В результате уже 20 августа немецко-фашистское командование отказалось от попыток прорваться к Богодухову с запада. Контрудар был сорван.

К 23 августа советские войска завершили разгром вражеской группировки в районе Ахтырки. Последняя попытка гитлеровцев нанести поражение войскам Воронежского фронта и остановить их наступление провалилась.

В то время как войска Воронежского фронта отражали бешеный натиск гитлеровцев южнее Богодухова и западнее Ахтырки, войска Степного фронта вместе с переданной в его состав 5-й гвардейской танковой армией вели ожесточенные бои за Харьков. Город был охвачен советскими войсками с трех сторон: с запада, севера и востока. Особенно энергично действовала 53-я армия генерала И. М. Манагарова. Ее соединения наступали днем и ночью, стремясь быстрее завершить прорыв вражеской обороны на подступах к городу.

В ночь на 23 августа начался решительный штурм города. Соединения 53-й, 69-й и 6-й гвардейской армий, тесно взаимодействуя с танкистами генерала П. А. Ротмистрова, к утру полностью очистили от немецко-фашистских захватчиков Харьков.

Таким образом, 23 августа белгородско-харьковская группировка была полностью разгромлена. Войска Воронежского и Степного фронтов «нависли» над всем южным крылом германского фронта и заняли выгодное положение для перехода в общее наступление с целью освобождения Левобережной Украины.

Битва под Курском явилась одним из важнейших и решающих событий Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны. Гитлеровское командование потерпело провал в своей попытке вернуть утраченную стратегическую инициативу, немецко-фашистские войска вынуждены были перейти к обороне.

«Гигантская битва на Орловско-Курской дуге летом 1943 года, — сказал Л. И. Брежнев, — сломала хребет гитлеровской Германии и испепелила ее ударные бронетанковые войска. Всему миру стало ясным превосходство нашей армии в боевом мастерстве, в вооружении, в стратегическом руководстве»⁴⁷.

---

⁴⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 126.

За 50 дней непрерывных боевых действий фашистская армия потеряла до 30 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованных, до 1,5 тыс. танков, до 3 тыс. орудий и свыше 3,5 тыс. самолетов⁴⁸. Гитлеровский генерал Ф. Мелентин вынужден был признать, что «в Курской битве... погибли лучшие части германской армии»⁴⁹.

Победа под Курском имела огромное международное значение. Еще больше возрос авторитет Советского Союза. Расширился фронт национально-освободительной борьбы народов стран, оккупированных гитлеровской Германией.

Битва под Курском как один из важнейших этапов на пути к достижению окончательной победы над врагом вошла золотой страницей в историю Великой Отечественной войны. Подвиг, совершенный Советскими Вооруженными Силами на полях Курской битвы, высоко оценен Советским правительством. Свыше 100 тыс. солдат, офицеров и генералов были награждены орденами и медалями, а 180 из них удостоены звания Героя Советского Союза⁵⁰.

После победы под Курском народы всего мира воочию увидели, что, несмотря на отсутствие второго фронта в Европе, фашистская Германия находится у порога великой катастрофы. Дальнейшее развитие кризиса фашистского блока и начало его распада явились прямым следствием сокрушительного поражения гитлеровской армии под Курском. Политика реакционных англо-американских кругов, направленная на затягивание второй мировой войны, взаимное истощение СССР и Германии, зашла в тупик. Авторитет Советского Союза как решающей силы в борьбе с фашизмом был окончательно утверждён⁵¹.

Контрнаступление войск, начавшееся под Орлом и Белгородом, переросло в общее наступление на широком фронте — от Великих Лук до Азовского моря. В августе—сентябре 1943 г. была успешно проведена операция «Суворов» — враг отброшен на 250 км от Москвы, освобожден Смоленск. Войска Брянского фронта освободили Брянск и вступили на землю Советской Белоруссии.

В сентябре 1943 г. в боях под Ленино на Западном фронте получила боевое крещение 1-я польская дивизия имени Тадеуша Костюшко. Здесь в сражениях против общего врага была кровью скреплена нерушимая дружба советского и польского народов. За выдающееся мужество капитан Владислав Высоцкий и автоматчица Анель Кживонь были удостоены звания Героя Советского Союза.

⁴⁸ В. С. Рябов. Указ. соч., стр. 137.

⁴⁹ Ф. Мелентин. Танковые сражения. М., 1963, стр. 202.

⁵⁰ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 246.

⁵¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 355—356.

13 августа началось наступление войск Южного фронта под командованием генерала Ф. И. Толбухина и Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Р. Я. Малиновский. За 40 дней напряженных боев они освободили важный индустриальный район страны — Донбасс и вышли к Днепру. Войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов, завершив освобождение Левобережной Украины, также вышли к Днепру. Немецко-фашистское командование полагало, что широкий и полноводный Днепр явится непреодолимой преградой для советских войск.

Не давая врагу опомниться, советское командование поставило перед войсками задачу форсировать Днепр с ходу. Неудержимой лавиной устремились советские воины через Днепр. Не ожидая, когда будут подвезены понтоны, на самодельных плотах, бревнах, рыбацких лодках переправлялись они через реку и закреплялись на правом берегу. От верховья Днепра до Запорожья было захвачено и укреплено 23 плацдарма. За героизм при форсировании Днепра 438 советских солдат и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза. «Восточный вал» по Днепру, на который гитлеровцы возлагали огромные надежды, рухнул.

Перейдя в наступление с плацдармов севернее и южнее Киева, 6 ноября 1943 г. войска 1-го Украинского фронта освободили столицу Советской Украины⁵².

Летне-осеннее наступление советских войск в 1943 г. продолжалось пять месяцев. В ходе его были освобождены жизненно важные районы Советского Союза, в которых до войны проживало 25 млн. человек. В ходе наступления советские воины разгромили 118 дивизий противника. Немецко-фашистский вермахт лишился 1,4 млн. солдат и офицеров, 3,2 тыс. танков, 10 тыс. самолетов.

Всего с начала войны против Советского Союза сухопутные силы фашистской Германии потеряли почти 5,2 млн. человек. Велики были потери немецких военно-воздушных и военно-морских сил. Значительную убыль в живой силе и технике понесли армии стран-сателлитов. От такого поражения фашистский разбойничий блок оправиться уже не мог.

В декабре 1943 г. победоносно завершился второй период Великой Отечественной войны, начавшийся в середине ноября 1942 г. За это время, несмотря на отсутствие в Западной Европе второго фронта, Советские Вооруженные Силы завершили коренной перелом в войне. Он начался успешным контрнаступлением советских войск между Волгой и Доном, а закончился победами под Курском и на Днестре. Красная Армия вырвала стратегическую инициативу у гитлеровцев еще под Сталинградом и окончательно закрепила ее в битве под Курском.

⁵² 20 октября 1943 г. Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты были переименованы соответственно в Белорусский, 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты.

Вступая в новый, 1944, год, Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед Советскими Вооруженными Силами задачу: полностью очистить от немецко-фашистских захватчиков всю территорию Советской Родины.

Немецко-фашистское командование на советско-германском фронте имело 4,9 млн. солдат и офицеров, 54 тыс. орудий и минометов, 5400 танков, 3 тыс. самолетов. Это была внушительная сила, однако она уступала военной мощи Советского Союза. К началу 1944 г. только в действующей армии было 6165 тыс. бойцов, почти 89 тыс. орудий и минометов, 4900 танков и самоходных орудий, 8500 самолетов⁵³. Советские воины закалились в боях, овладели наукой побеждать. Проникнутые духом советского патриотизма, они обладали неизмеримым морально-политическим преимуществом над гитлеровскими солдатами и офицерами, были полны стремления полностью освободить Советскую Родину от немецко-фашистских оккупантов.

Ставка Верховного Главнокомандования, твердо удерживая стратегическую инициативу в своих руках, планируя дальнейшую вооруженную борьбу, подготовила наступление от Балтийского до Черного моря, которым предусматривалось нанесение ряда мощных последовательных ударов, удаленных друг от друга на большие расстояния.

Первый удар предполагалось нанести на северо-западном стратегическом направлении, в результате которого планировалось разгромить группу армий «Север», полностью снять блокаду Ленинграда и выйти на подступы к Советской Прибалтике.

Еще более мощный удар намечался на Правобережной Украине с целью разгрома групп армий «Юг» и «А» и освобождения всей Украины и Крыма.

На западном стратегическом направлении советским войскам предстояло разгромить группу армий «Центр» и освободить Советскую Белоруссию.

Намечались операции Советских Вооруженных Сил по изгнанию гитлеровцев из Молдавии, Советской Прибалтики и Крайнего Севера нашей Родины.

Для проведения наступательных операций в 1944 г. в составе действующей армии имелись: 461 дивизия, 80 отдельных бригад, 23 танковых и механизированных корпуса. По живой силе Красная Армия превосходила немецко-фашистские войска в 1,3 раза, по артиллерии — в 1,7, по танкам — в 1,4, по самолетам — в 2,7 раза⁵⁴.

Немецко-фашистское командование понимало, что в 1944 г. союзники по антигитлеровской коалиции откроют второй фронт

⁵³ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история», стр. 318.

⁵⁴ Там же.

в Западной Европе. В связи с этим гитлеровские генералы предусматривали осуществить упорную оборону на советско-германском фронте, а на Западе разгромить десанты союзников и уже после этого попытаться захватить стратегическую инициативу на Востоке. Данный план явно не учитывал реального соотношения сил и носил авантюристический характер.

Начало полному изгнанию немецко-фашистских оккупантов с советской земли было положено мощными ударами Ленинградского и Волховского фронтов, которыми соответственно командовали генералы П. А. Говоров и К. А. Мерецков. Прорыв блокады в январе 1943 г. значительно улучшил положение защитников и жителей города. Но фашистские войска все еще продолжали стоять у стен Ленинграда. Гитлеровская артиллерия вела варварские обстрелы жилых кварталов. Неизмеримы были муки и страдания ленинградцев, огромны их жертвы. Но настало время, когда Красная Армия могла окончательно снять блокаду с города Ленина. В течение семидневных ожесточенных боев вражеские войска в районе Ленинграда и Новгорода были разгромлены. В ходе этих боев были полностью очищены от немецко-фашистских захватчиков Ленинградская и Калининская области, советские войска вступили на территорию Эстонии.

За свой бессмертный подвиг город Ленина был награжден медалью «Золотая Звезда». Во время вручения этой высокой награды Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «... Легенды седой старины и трагические страницы не столь далекого прошлого бледнеют перед той несравненной эпопеей человеческого мужества, стойкости и самоотверженного патриотизма, какой была героическая 900-дневная оборона осажденного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Это был один из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле»⁵⁵.

Весной 1944 г. сокрушительное поражение немецко-фашистским войскам было нанесено на Правобережной Украине. Здесь Красная Армия наносила главный удар. План Ставки состоял в том, чтобы на огромном 1200-километровом фронте рассечь оборону врага, разгромить его по частям и изгнать гитлеровских захватчиков с Правобережной Украины.

Перейдя в наступление, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов под командованием генералов Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева 28 января 1944 г. соединились в районе Корсунь-Шевченковский и окружили около 80 тыс. гитлеровцев. Оказавшись в изоляции, вражеские дивизии не могли получить поддержку извне. В ночь на 18 февраля 1944 г. из района Шендеровки гитлеровцы предприняли попытку вырваться из кольца окружения. Но советские воины отразили ее. Окруженная вражеская группировка была

⁵⁵ «Правда», 11 июля 1965 г.

полностью разгромлена. 55 тыс. гитлеровских солдат и офицеров были убиты и ранены, а 18 тыс. вместе со всей боевой техникой и вооружением пленены советскими войсками⁵⁶.

В это же время были нанесены удары войсками правого крыла 1-го Украинского фронта. В начале февраля 1944 г. они освободили Луцк и Ровно.

Наступление советских войск на Правобережной Украине происходило в исключительно сложных условиях весенней распутицы. Немецко-фашистское командование полагало, что весной наступит передышка в военных действиях. Однако наступление советских войск развертывалось все стремительнее. Советские войска упорно продвигались вперед. «Много я видел на своем веку распутиц, — вспоминает маршал А. М. Василевский. — Но такой грязи, такого бездорожья, как зимой и весной 1944 года, не встречал ни раньше, ни позже. Буксовали даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на себе. Бойцы с помощью местного населения переносили на руках снаряды и патроны от позиции к позиции за десятки километров»⁵⁷.

4 марта войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону врага, устремились на запад к Черновцам, охватывая основные силы группы армий «Юг». На следующий день в направлении Умани перешла в наступление ударная группировка 2-го Украинского фронта. В конце марта войска этих фронтов окружили севернее Каменец-Подольска до 20 дивизий 1-й танковой армии врага. Лишь потеряв большое количество людей и боевой техники, гитлеровцам удалось вырваться из окружения.

26 марта 1944 г. произошло одно из знаменательных событий Великой Отечественной войны, которого с нетерпением ждал весь советский народ. Красная Армия на широком фронте вышла на государственную границу СССР с Румынией. «Вот она... — писала газета «Правда», — долгожданная, трижды желанная государственная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад попранная врагом»⁵⁸.

В итоге сражений весной 1944 г. Советские Вооруженные Силы выполнили поставленную перед ними задачу — нанесли сокрушительное поражение немецко-фашистским дивизиям групп армий «Юг» и «А», освободили большую часть Правобережной Украины и вышли на государственную границу Советского Союза.

В апреле 1944 г. войска 4-го Украинского фронта, которыми командовал генерал Ф. И. Толбухин, нанесли удар по немецко-румынской группировке, действовавшей в Крыму. Придавая огромное значение удержанию Крыма, немецко-фашистское коман-

---

⁵⁶ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 271.

⁵⁷ А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, стр. 372.

⁵⁸ «Правда», 27 марта 1944 г.

дование сосредоточило там до 200 тыс. солдат и офицеров, около 3600 орудий и минометов, более 200 штурмовых орудий и танков, до 150 самолетов⁵⁹. Удержание Крыма позволяло немецко-фашистским войскам угрожать тылу советских войск, действовавших на Украине, активно влиять на внешнюю политику Румынии, Болгарии и Турции. Командующий 17-й немецкой армией, оборонявшейся в Крыму, требовал от своих войск оборонять и удерживать каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп. Но это не помогло.

Советские воины неудержимо рвались вперед. Укрепления на Перекопском перешейке и Сапун-горе, находившейся на подступах к Севастополю, были взяты героическими штурмами. 9 мая 1944 г. войска 4-го Украинского фронта и моряки Черноморского флота ворвались в Севастополь. Через три дня последние остатки немецко-фашистских войск вынуждены были сложить оружие западнее Севастополя в районе мыса Херсонес.

В боях за Крым гитлеровцы потеряли 100 тыс. солдат и офицеров, более 3 тыс. орудий и минометов, свыше 7 тыс. автомашин и другую боевую технику⁶⁰.

Советское правительство высоко оценило подвиг воинов армии и флота, участвовавших в освобождении Крыма. Тысячи воинов 4-го Украинского фронта и Черноморского флота были награждены орденами и медалями, а 126 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Более 39 тыс. были награждены медалью «За оборону Севастополя»⁶¹. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР Севастополь был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

К лету 1944 г. уже были освобождены некоторые районы Советской Белоруссии, но значительная ее часть еще была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками.

Тяжелые испытания выпали на долю белорусского народа. Но белорусский народ отвечал на все злодеяния палачей беспощадной борьбой. Партизанское движение достигло здесь особенно большого размаха. Под руководством Коммунистической партии Белоруссии борьбу с немецкими оккупантами вела 370-тысячная армия белорусских партизан. К концу 1943 г. партизаны контролировали свыше половины всей территории республики. Здесь функционировали органы Советской власти, действовали советские законы и порядки. Весь белорусский народ поддерживал партизан. Он знал, что наша победа неминуемо придет. И победа пришла.

В июне 1944 г. развернулись события на Карельском перешейке. В ходе этой операции укрепления «линии Маннергейма» были прорваны за неделю, и 20 июня 1944 г. над Выборгом взви-

⁵⁹ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 280.

⁶⁰ Там же, стр. 282.

⁶¹ Там же.

лось Красное знамя. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования наступление советских войск было остановлено на советско-финской границе. Всеми миру, особенно финскому народу, было наглядно показано, что Советский Союз не претендует на финскую территорию и не собирается ликвидировать независимость Финляндии. 25 августа 1944 г. финское правительство обратилось с просьбой к Советскому правительству вступить в мирные переговоры. 19 сентября в Москве было подписано соглашение о перемирии. Финляндия вышла из гитлеровской коалиции.

К лету 1944 г. блок фашистских государств находился на грани развала.

Когда стало ясно, что Красная Армия одна в состоянии добить гитлеровский вермахт и освободить от оккупантов не только Советскую Родину, но и народы других стран, состоялось открытие второго фронта. 6 июня 1944 г. на северном побережье Франции, в Нормандии, союзники высадили крупные десанты своих войск. Это было хотя и запоздалой, но реальной помощью Советскому Союзу. Однако главные, решающие события второй мировой войны по-прежнему происходили на советско-германском фронте. Именно здесь развернулись самые крупные сражения в 1944—1945 гг., которые решили исход войны в пользу антигитлеровской коалиции.

Летом 1944 г. Советские Вооруженные Силы намного превосходили немецко-фашистские войска по всем показателям. На фронте от Ледовитого океана до Черного моря они имели 6,5 млн. солдат и офицеров, 83,2 тыс. орудий и минометов, около 8 тыс. танков и самоходных орудий, 11,8 тыс. боевых самолетов⁶².

В этой обстановке Советское Верховное Главнокомандование решило провести на центральном направлении Белорусскую наступательную операцию. Согласно разработанному плану, получившему условное наименование «Багратион», предусматривалось: прорвать вражескую оборону на шести участках, окружить и уничтожить фланговые группировки противника в районе Витебска и Бобруйска и, развивая наступление по сходящимся направлениям на Минск, окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр». Намечалось завершить освобождение Белоруссии, восстановить западную государственную границу СССР и оказать помощь союзной нам Польше.

К проведению операции привлекались войска четырех фронтов: 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала И. Х. Баграмяна, 3-го Белорусского, которым командовал генерал И. Д. Черняховский, 2-го Белорусского под командованием генерала Г. Ф. Захарова, 1-го Белорусского, которым командовал генерал К. К. Рокоссовский. Для координации действий указанных фронтов представителями Ставки были посланы Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский. В составе

⁶² «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X, стр. 498.

этих фронтов к началу операции насчитывалось: 1,4 млн. человек, около 32 тыс. орудий и минометов, 5200 танков и самоходных орудий, около 5 тыс. самолетов. Противник имел здесь 800 тыс. солдат и офицеров, 9500 орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий и 1300 самолетов⁶³.

Наступление, начавшееся 23 июня 1944 г., развернулось на огромной территории от Днепра до Вислы. Советские войска разгромили вражеские группировки на флангах Белорусского выступа, окружили и уничтожили в районе Витебска и в районе Бобруйска 10 вражеских дивизий. В обороне противника образовались огромные бреши, в которые немедленно устремились советские войска.

3 июля 1944 г. 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного и 3-й гвардейский танковый корпус генерала И. А. Вовченко из состава 3-го Белорусского фронта и 1-й гвардейский танковый корпус генерала М. Ф. Панова из 1-го Белорусского фронта ворвались в Минск. К исходу этого дня столица Белоруссии была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Восточнее Минска оказалась отрезанной более чем 100-тысячная группировка немецко-фашистских войск, которая к 11 июля была уничтожена советскими войсками. В плен попали десятки тысяч гитлеровцев.

Неудержимой лавиной наступали советские войска по территории истрадавшей Белоруссии. Ни мощные укрепления, ни отчаянное сопротивление врага — ничто не могло сдержать их боевого порыва. За 12 дней боев гитлеровские войска в Белоруссии потерпели полную катастрофу. Главные силы группы армий «Центр» были разгромлены. Вражеский фронт оказался прорванным в полосе более 400 км, а резервов, чтобы закрыть брешь, у гитлеровского командования не было. Советские воины умело использовали благоприятную для них обстановку и неудержимо двигались вперед. Их наступательный порыв был всеокупающим, а их героизм — подлинно массовым.

В разгар сражений за Белоруссию 17 июля 1944 г. около 60 тыс. пленных немецко-фашистских солдат и офицеров и 19 генералов под конвоем советских солдат прошли по улицам Москвы. Вслед за колоннами пленных шли автомашины, очищающие асфальт, чтобы и следа коричневой нечисти не осталось на улицах Москвы.

К концу июля земли Советской Белоруссии были полностью освобождены от немецко-фашистских оккупантов. Одновременно началось освобождение Литвы, а затем Латвии. 13 июля была освобождена столица Советской Литвы — Вильнюс, над которым взвилось Красное знамя, а 1 августа советские воины освободили Каунас. За три года оккупации нацисты расстреляли, сожгли и

⁶³ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 292.

замучили на литовской земле более четверти населения республики. Но в этих невероятно трудных условиях литовские партизаны ни на один день не прекращали борьбу с гитлеровцами. В ходе операции они оказывали помощь наступающим войскам Красной Армии в освобождении родной земли от врага.

Группа армий «Центр» терпела одно поражение за другим. Развивая наступление, войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов 17 августа южнее Немана вышли к Восточной Пруссии, достигли границ фашистской Германии. К концу августа Литва была возвращена в братскую семью советских народов. Немецко-фашистские полчища на широком фронте были выброшены со священной советской земли за советско-германскую границу.

18 июля на врага обрушился новый сокрушительный удар. Войска левого крыла 1-го Белорусского фронта из района южнее Полесья перешли в наступление на варшавском направлении, форсировав Западный Буг. 23 июля был освобожден Люблин, а 28 июля — Брест. Затем в начале августа соединения фронта захватили плацдармы на западном берегу Вислы в районах Магнушева и Пулавы. Отразив десятки яростных контратак, советские войска удержали эти важные плацдармы. В это же время восточнее и севернее Варшавы вели бои, а затем перешли к обороне вблизи польской столицы три советские армии и соединения Войска Польского.

Грандиозное наступление, начатое в июне 1944 г. на центральном направлении, завершилось в конце августа. Вражеская группа армий «Центр» была разгромлена. Линия фронта отодвинута на запад на глубину до 600 км. Теперь она проходила от Риги по границе с Восточной Пруссией и далее в Польше по Нареву и Висле. С обеих сторон в Белорусской операции участвовало свыше 4 млн. человек, 62 тыс. орудий и минометов, более 8 тыс. танков и САУ, более 9 тыс. самолетов⁶⁴.

Это была грандиозная победа всего советского народа, руководимого Коммунистической партией. Она имела огромное значение для дальнейшего хода войны.

Большую помощь Красной Армии в освобождении Белоруссии и Литвы оказали местное население и партизаны, которые действовали в тесном контакте с регулярными войсками. Перед началом Белорусской операции отряды и соединения белорусских партизан развернули «рельсовую войну». Взорвав более 40 тыс. рельсов и пустив под откос 147 фашистских эшелонов, они буквально парализовали вражеские коммуникации на главных направлениях.

Советский народ высоко оценил подвиг своих воинов. В июле и августе 1944 г. более 400 тыс. солдат и офицеров были награждены правительственными наградами. Многие части и соединения были удостоены почетных наименований: Витебских, Оршан-

⁶⁴ Там же, стр. 302.

ских, Бобруйских, Минских, Полоцких, Могилевских, Брестских, Пинских, Люблинских и др. В честь воинов-победителей в Москве 36 раз раздавались артиллерийские салюты⁶⁵.

Разгром гитлеровцев в Белоруссии создал благоприятные условия для полного завершения освобождения Украины. Для восстановления потерь, понесенных в Белоруссии, гитлеровское командование вынуждено было ослабить свою группировку на Украине. И все же вражеская группировка «Северная Украина», противостоящая советским войскам, представляла большую силу. В ней насчитывалось 900 тыс. солдат и офицеров, 900 танков, 6300 орудий и минометов, 700 самолетов⁶⁶.

Придавая большое значение разгрому врага в Западной Украине, Ставка Верховного Главнокомандования усилила крупными резервами войска 1-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза И. С. Конев. В результате этих мероприятий в войсках фронта насчитывалось 1,2 млн. человек, почти 14 тыс. орудий и минометов, около 2,2 тыс. танков и самоходных орудий, 3 тыс. самолетов. Это было невиданное в истории войн сосредоточение огромного количества войск на одном фронте⁶⁷.

13 июля 1944 г. войска фронта нанесли сокрушительный удар и рассекли оборону врага. В узкий коридор, шириной всего 4 км, были введены две танковые армии. Это и решило успешный исход операции. В районе Броды войска фронта окружили и уничтожили восемь вражеских дивизий, а затем, форсировав р. Западный Буг, они вступили на территорию Польши.

За полмесяца непрерывных боев советские войска нанесли серьезное поражение соединениям группы армий «Северная Украина» и продвинулись на запад более чем на 200 км. 27 июля от гитлеровцев был освобожден древний Львов. Затем войска 1-го Украинского фронта форсировали Вислу и захватили плацдарм в районе Сандомира, который расширили до 75 км по фронту и 50 км в глубину.

Еще в середине июля 1944 г. войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов освободили большую часть Литвы, а 2-й Прибалтийский фронт под командованием генерала А. И. Еременко 16 июля вступил на территорию Латвии. Теперь наступил час полного освобождения Прибалтийских советских республик — Эстонии и Латвии.

Три года трудящиеся Советской Прибалтики томились под гитлеровской оккупацией. От рук фашистских палачей в Латвии погибло 314 тыс., в Эстонии 125 тыс. советских граждан. Удержанию Прибалтики, прикрывавшей пути к жизненным центрам фашистской Германии, гитлеровцы придавали исключительно боль-

⁶⁵ «Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк, стр. 303.

⁶⁶ Там же, стр. 366.

⁶⁷ Там же.

шое значение. Действовавшая здесь немецко-фашистская группа армий «Север» имела в своем составе 56 дивизий, насчитывавших более 700 тыс. солдат и офицеров, свыше 1200 танков, почти 7 тыс. орудий и минометов и до 400 самолетов⁶⁸.

Разгром этой группировки и полное освобождение Прибалтики Советское Верховное Главнокомандование возложило на войска 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских (последним командовал генерал И. И. Масленников) и Ленинградского (командующий — Маршал Советского Союза Л. А. Говоров) фронтов и на Краснознаменный Балтийский флот. Общее руководство всеми операциями осуществлял представитель Ставки Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

14 сентября перешли в наступление войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, нанося удары на Ригу. 17 сентября начал наступление в Эстонии Ленинградский фронт, в составе которого действовал 8-й эстонский стрелковый корпус под командованием генерала М. А. Пэрнэ. 23 сентября войска фронта освободили столицу Эстонской ССР и важную военно-морскую базу на Балтике — Таллин. Через 10 дней вся материковая Эстония была очищена от врага, что создало условия для последовавшего в ноябре освобождения островов Моонзундского архипелага.

Освобождение Литвы заняло три с половиной месяца. Бои за Клайпеду затянулись до января 1945 г., но уже к концу октября почти вся территория Литовской ССР была очищена от врага. 22 октября советские войска и здесь вышли на границу Восточной Пруссии. В их составе действовала 16-я литовская дивизия под командованием полковника А. И. Урбшаса. 15 октября после многодневных ожесточенных боев была освобождена столица Латвийской ССР Рига.

После освобождения Риги территория Прибалтики была очищена от оккупантов. Лишь на Курляндском полуострове крупная группировка фашистских войск удерживала небольшую территорию Латвии. Блокированная группировка капитулировала в мае 1945 г.

Освобождение Прибалтийских республик имело большое политическое значение. В семью братских республик были возвращены Эстония, Латвия и Литва. Выход советских войск к побережью Балтики улучшил условия базирования Краснознаменного Балтийского флота, что было очень важно для последующих операций, проводимых Советскими Вооруженными Силами.

В течение трех лет в Заполярье сухопутные войска совместно с моряками Северного флота защищали от врага районы советского Крайнего Севера. Из Северной Норвегии и из захваченной Печенги гитлеровцы наносили удары по нашим морским путям, угрожали Мурманску, держали в напряжении правое крыло советского фронта.

⁶⁸ Там же, стр. 376.

В октябре 1944 г. войска Карельского фронта под командованием генерала К. А. Мерецкова во взаимодействии с Северным флотом, которым командовал адмирал А. Г. Головкин, нанесли поражение 20-й немецко-фашистской горной армии, действовавшей в Заполярье. Освободив порт Петсамо (Печенгу) и все занятые врагом районы советского Заполярья, наши войска вступили в Северную Норвегию, положив начало ее освобождению от фашистской оккупации. Народ этой страны никогда не забудет подвигов и жертв наших доблестных воинов.

В декабре 1944 г. была учреждена медаль «За оборону советского Заполярья», которой награждено 307 тыс. советских воинов — защитников северных рубежей нашей Родины.

* * *

Таким образом, во время боевых действий на территории СССР уже в первые месяцы войны Советские Вооруженные Силы в ожесточенных оборонительных сражениях сорвали планы немецко-фашистских захватчиков на ведение «молниеносной» войны. Советский Союз, руководимый Коммунистической партией, сумел обеспечить развертывание основных сил Красной Армии, укрепить советский тыл, явился инициатором создания могучей коалиции антигитлеровских государств.

В ходе последующих боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны в 1942—1943 гг. Советские Вооруженные Силы в результате грандиознейшей битвы под Сталинградом нанесли сокрушительное поражение немецко-фашистской армии и положили начало коренному перелому не только в Великой Отечественной войне, но и во второй мировой войне. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования.

Коренной перелом в войне был завершён в ходе битвы на Курской дуге и последующего выхода советских войск на Днепр. В результате этих действий Советские Вооруженные Силы нанесли гитлеровской армии такое поражение, после которого немецко-фашистское командование было вынуждено отдать приказ о переходе своих войск к оборонительному способу действий.

В результате выдающихся побед Советских Вооруженных Сил летом и осенью 1944 г. была освобождена вся территория СССР от немецко-фашистских захватчиков и восстановлена государственная граница нашей Родины на всем ее протяжении от Баренцева до Черного моря. Боевые действия переместились за рубежи социалистической Отчизны. Грандиозные сражения 1944 г. были блестяще выиграны Красной Армией. Фашистский блок оказался в состоянии развала. Были созданы условия для решения важной интернациональной задачи — полного освобождения народов Европы от фашистского рабства и завершения кровопролитной войны.

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

В Великой Отечественной войне советский народ и его воины совершили бессмертный интернациональный подвиг. Как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии «нанесли сокрушительное поражение гитлеровской Германии и ее сателлитам, отстаивали свободу и независимость социалистического Отечества, осуществили великую освободительную миссию, с честью выполнили свой интернациональный долг»¹.

С первых дней войны Коммунистическая партия Советского Союза призывала советских воинов не только изгнать немецко-фашистских захватчиков с родной земли, но и спасти народы Европы от фашистской неволи. В речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. говорилось, что «целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»². В докладе о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции глава Советского правительства снова подчеркнул освободительные цели Советского Союза в войне: «У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработенным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят»³. Освободительные цели Советского Союза в войне неоднократно излагались и в других документах.

В широком плане СССР осуществлял освободительную миссию с самого начала Великой Отечественной войны. В этой миссии можно выделить два основных этапа: первый — с начала войны

¹ «Правда», 9 февраля 1975 г.

² *И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза*, М., 1951, стр. 16.

³ Там же, стр. 34.

до весны 1944 г., т. е. до выхода советских войск на государственную границу; второй — непосредственные действия советских войск по освобождению зарубежных стран от нацистского ига.

Как уже сказано, до нападения на СССР гитлеровцы оккупировали многие страны Европы, ликвидировав их свободу и независимость и установив режим чудовищного террора и насилия. Казалось, ничто не может устоять перед натиском фашистских армий. Весь мир оказался перед угрозой фашистского порабощения. В капиталистическом мире не нашлось силы, которая могла бы преградить путь агрессору.

Разгром фашистских варваров стал самой насущной и трудной исторической задачей народов. Основная тяжесть в этом деле легла на плечи советского народа и его героической армии. Оне остановили фашистские армии, уничтожили их основную военную силу и отстояли первое в мире социалистическое государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Своей героической борьбой, разгромом основных сил фашистской Германии Советский Союз вселил в сознание народов Европы веру в возможность освобождения от нацистского гнета. Именно здесь, на советско-германском фронте, решалась судьба народов, здесь проходили самые крупные и кровопролитные битвы второй мировой войны.

Вскоре после того, как на огромном пространстве от Баренцева до Черного моря развернулись гигантские сражения Советских Вооруженных Сил с фашистскими армиями, американская газета «Вашингтон пост» писала: «Дрожишь при одной мысли о том, что могло бы произойти, если бы Красная Армия рухнула под напором наступающих германских войск, если бы русский народ был менее мужественным и неустрашимым... Ведя эту доблестную борьбу, русские вместе с тем отстаивали дело цивилизации от всех врагов человечества. Они внесли небывалый по своей значимости вклад в общее дело»⁴. К лету 1944 г. Красная Армия разгромила более 370 дивизий противника. Общие потери фашистской Германии и ее сателлитов достигли 5,5 млн. человек⁵.

Стойкость и мужество советских людей на фронте и в тылу врага поднимали моральный дух народов оккупированных стран, вдохновляли их на борьбу против фашистских оккупантов. Это был вынужден признать в своем выступлении в июле 1944 г. бывший министр внутренних дел США Г. Икес, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму: «Своей героической защитой родины русские не только доказали всему миру, что можно разгромить нацизм, но и вдохновили на борьбу, зажгли мужеством те народы Объединенных наций, которые давно находятся на грани отчаяния. Миф о непобедимости фашизма был развеян

⁴ «Воин-освободитель», М., 1970, стр. 3.

⁵ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», изд. 2-е, М., 1974, стр. 48.

на полях Советской России решительной стойкостью народов России.

Такие названия, как Сталинград, Харьков, Смоленск, Киев, стали символом непоколебимого мужества и нестигаемой воли мужчин и женщин Объединенных наций, где бы они ни воевали»⁶.

Перемалывая лучшие фашистские дивизии на советско-германском фронте, Красная Армия вынуждала немецко-фашистское командование снимать дивизии с других фронтов и из оккупированных стран и перебрасывать их на Восток. С 1941 по 1944 г. гитлеровцы перебросили из стран Западной Европы на советско-германский фронт 212 дивизий, а всего за годы войны — 268 дивизий⁷. Все это создавало более благоприятные условия для успешной борьбы мужественных участников национально-освободительной борьбы и антифашистского движения Сопротивления в Югославии, Польше, Чехословакии, Франции и других странах, а также для действий союзных англо-американских войск.

Уже разгром гитлеровцев под Москвой эхом отразился на оживлении антифашистского, национально-освободительного движения в поработанных странах Европы и Азии. «В оккупированных странах, — справедливо отмечал английский историк Дж. Ф. Фуллер, — печаль сменилась радостью. Колосс был оставлен, и хотя, быть может, голова его была из железа, ноги оказались глиняными. Шире развернулась партизанская борьба на Балканах»⁸.

Победа советских войск под Сталинградом, словно могучий набат, поднимала патриотов поработанной Европы на еще более решительную борьбу с фашистскими оккупантами. «День траура фашистской Германии стал днем надежды для всех антифашистов мира, в том числе и для немецких антифашистов, — говорил Л. И. Брежнев. — Удвоились силы тех, кто не склонил голову перед гитлеровскими захватчиками. Слово «Сталинград» передавалось из уст в уста как пароль сопротивления, пароль победы»⁹.

К лету 1944 г. только в народно-освободительной войне, развернутой патриотами Югославии, а также в движении Сопротивления народов Польши, Чехословакии, Болгарии, Франции, Греции, Италии участвовало 2,2 млн. человек¹⁰.

Советский Союз оказывал всестороннюю политическую, материальную и военную помощь народам многих стран Европы в их борьбе против фашистских оккупантов. На территории СССР в годы войны находились многие видные деятели братских ком-

⁶ Цит. по кн.: «Боевое содружество советского и польского народов». М., 1973, стр. 32—33.

⁷ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 568; «Вопросы истории», 1975, № 5, стр. 6.

⁸ Дж. Ф. О. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956, стр. 234.

⁹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 68.

¹⁰ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 9.

мунистических партий, работали заграничные бюро ряда коммунистических и рабочих партий, во главе которых стояли такие выдающиеся деятели международного коммунистического и рабочего движения, как Георгий Димитров, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Вильгельм Пик, Клемент Готвальд, Вальтер Ульбрихт и др. Они направляли борьбу трудящихся своих стран против фашизма.

С целью координации деятельности партизан и оказания помощи в подготовке кадров партизанских руководителей при Украинском штабе партизанского движения (УШПД) находились представители компартий Чехословакии, Венгрии и Румынии. В апреле 1944 г. УШПД оказал помощь польским товарищам в создании самостоятельного польского партизанского штаба, в котором работали и опытные советские организаторы партизанского движения.

По просьбе руководителей братских компартий и антифашистских организаций при УШПД готовились специальные организаторские группы, которые забрасывались в тыл противника. В первой половине 1944 г. 24 такие группы были заброшены в Чехословакию, 12 — в Румынию. Подобные группы направлялись и в другие страны, на их основе создавались партизанские отряды. Так, из заброшенных в июле 1944 г. партизанских групп П. А. Величко и А. С. Егорова к осени возникли смешанные советско-чехословацкие партизанские бригады численностью соответственно 2085 и 2800 человек¹¹.

Патриотическим силам доставлялось советское вооружение, боеприпасы, медикаменты, радиостанции. Только в течение 1944 г. советская авиация дальнего действия совершила 1460 самолетовылетов в Югославию, доставив Народно-освободительной армии Югославии около 3 тыс. тонн военных грузов¹². В ходе Словацкого национального восстания с августа по 15 октября 1944 г. словацким повстанцам было доставлено 2000 винтовок, 2082 автомата, 467 ручных, 900 станковых и 23 зенитных пулеметов, 256 противотанковых ружей, 5 минометов, большое количество боеприпасов и других военных материалов¹³. Весной и летом 1944 г. Польскому партизанскому штабу было передано 58 автомашин, 5 самолетов, 18 радиостанций, 4270 автоматов, 8600 винтовок, 234 пулемета, 137 противотанковых ружей, 52 миномета. Было заброшено в тыл врага 16 польских партизанских отрядов общей численностью 361 человек¹⁴.

Важной формой помощи антифашистским силам явились рейды советских партизанских соединений и их боевые действия на территории Польши, Чехословакии и Венгрии, а также непо-

¹¹ «Военно-исторический журнал», 1961, № 9, стр. 20.

¹² А. Н. Рагников, В. И. Завялов. Вооруженные силы Югославии. М., 1971, стр. 127.

¹³ «На вечные времена». М., 1975, стр. 146.

¹⁴ «Братство по оружию». М., 1975, стр. 130.

средственное участие 40 тыс. советских граждан в европейском движении Сопротивления¹⁵.

Советское правительство оказало значительную помощь иностранным антифашистам в их пропагандистской деятельности среди населения своих стран. С территории СССР вели радиовещание на Болгарию радиостанции «Христо Ботев» и «Народен глас», на Венгрию — «Лайош Кошут», на Польшу — «Тадеуш Костюшко», на Румынию — «Свободная Румыния», на Югославию — «Свободная Югославия» и др. В радиопередачах участвовали деятели коммунистических партий и другие антифашисты этих стран.

Ярким выражением братской помощи Советского Союза патриотическим силам поработанных стран Европы явилось создание иностранных воинских формирований на территории СССР. Формирование иностранных частей проходило на основе межправительственных соглашений или по просьбе патриотических организаций других стран.

По просьбе Союза польских патриотов в СССР в течение весны и лета 1943 г. была сформирована 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко, а к концу 1943 г. создан 1-й польский армейский корпус, который в марте 1944 г. был преобразован в 1-ю польскую армию в СССР. Декретом Крайовой Рады Народовой от 21 июля 1944 г. было создано народное Войско Польское, в состав которого вошли 1-я польская армия в СССР и партизанская Армия Людова¹⁶. С помощью Советского Союза на освобожденной польской территории в августе 1944 г. началось формирование 2-й польской армии, ядром которой стали части и соединения, созданные на территории СССР.

К концу 1944 г. возрожденное народное Войско Польское состояло из двух армий, в составе которых было 18 дивизий, танковый и авиационный корпуса, 16 отдельных бригад, 30 отдельных полков и более 60 батальонов, насчитывавших вместе с воинскими учреждениями и прочими частями около 300 тыс. человек. К концу войны общая его численность достигла 400 тыс. человек¹⁷.

Советский Союз поставил за годы войны польским вооруженным силам около 700 тыс. винтовок и автоматов, 3,5 тыс. орудий, 1 тыс. танков, 1,2 тыс. самолетов, 18 тыс. автомашин, а также большое количество боеприпасов, продовольствия и другого военного имущества. В польских вооруженных силах находилось около 20 тыс. советских военных специалистов¹⁸.

¹⁵ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 55.

¹⁶ Армия Людова — народная армия, созданная по решению Крайовой Рады Народовой 1 января 1944 г. В ее состав вошли Гвардия Людова — вооруженные отряды Польской рабочей партии, крестьянские батальоны и другие антифашистские партизанские формирования.

¹⁷ «Боевое содружество советского и польского народов». М., 1973, стр. 119.

¹⁸ Там же, стр. 119—120.

На основе советско-чехословацких соглашений от 18 июля и 27 сентября 1941 г. в феврале 1942 г. началось формирование на территории СССР 1-го отдельного чехословацкого пехотного батальона под командованием подполковника Людвика Свободы. В апреле—сентябре 1943 г. на основе этого батальона и запасного полка была создана 1-я отдельная чехословацкая бригада. В мае—июле 1944 г. бригада была развернута в 1-й чехословацкий армейский корпус (16 тыс. человек). К концу войны его численность возросла до 60 тыс. человек. Всего на территории СССР были сформированы: чехословацкие пехотные и воздушно-десантные бригады, смешанная авиационная дивизия, танковая бригада, 9 артиллерийских полков, запасной пехотный полк и 5 отдельных батальонов¹⁹.

За период войны СССР передал чехословацким войскам: винтовок и автоматов — около 50 тыс., пулеметов — 3954, орудий и минометов — 1374, противотанковых ружей — 1283, самолетов — 151, танков и САУ — 142, автомашин — 1262 и другое имущество²⁰.

В чехословацких частях работало 623 советских военных специалиста, которые оказывали большую помощь в обучении чехословацких воинов.

Советское правительство большое значение придавало формированию югославских национальных частей. В 1943 г. на территории СССР были сформированы: 1-я югославская пехотная бригада численностью 1946 человек, танковая бригада численностью 872 человека и два авиационных полка. Все эти части были оснащены советским оружием. Большое количество советского вооружения было направлено НОАЮ. За годы войны ей было передано: винтовок и карабинов — 155,3 тыс., автоматов — 38 тыс., пулеметов — более 15 тыс., орудий и минометов — 5,8 тыс., танков — 69, самолетов — 491²¹. На завершающем этапе войны СССР передал руководству югославского национально-освободительного движения новую партию оружия, достаточную для оснащения 12 пехотных дивизий и ряда соединений других родов войск²².

Советское правительство должное внимание уделяло вооружению и оснащению национально-освободительной армии и партизанских отрядов Албании. Албанским патриотам было направлено 350 орудий и минометов, около 1 тыс. пулеметов, более 15 тыс. винтовок и карабинов, много боеприпасов²³.

¹⁹ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне». М., 1972, стр. 241.

²⁰ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 356.

²¹ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне», стр. 283.

²² «Военно-исторический журнал», 1967, № 6, стр. 12.

²³ «Коммунист», 1975, № 5, стр. 11.

В 1943 г. на советской территории был создан французский авиационный полк «Нормандия», которому было передано 100 советских самолетов.

В начале октября 1943 г. на территории СССР началось формирование 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску. Ее командиром был назначен подполковник Н. Камбрия. Формирование дивизии закончилось в марте 1944 г. В апреле 1945 г. была сформирована 2-я румынская добровольческая пехотная дивизия имени Хориа, Клошки и Кришана²⁴. Численность этих двух дивизий составляла около 20 тыс. человек. На их вооружение Советским Союзом было передано (без учета трофейного оружия): винтовок и карабинов — 10 554, автоматов — 4935, пулеметов — 1220, противотанковых ружей — 397, орудий и минометов — 504, значительное количество боеприпасов и другое военное имущество²⁵. В помощь командованию дивизий было направлено более 250 советских офицеров-инструкторов.

СССР оказал помощь в создании 2 венгерских железнодорожных бригад и 2 пехотных дивизий, в перевооружении 5 пехотных дивизий БНА²⁶.

Всего за годы войны с помощью СССР из иностранных граждан были созданы 2 общевойсковые армии, 3 армейских, танковый и авиационный корпус, 30 пехотных, артиллерийских, зенитно-артиллерийских и авиационных дивизий, более 30 бригад, 182 полка различного назначения, 9 военных училищ, 19 офицерских школ, курсов и учебных центров, большое число отдельных подразделений общей численностью 555 тыс. человек²⁷. На их вооружение было передано около 960 тыс. винтовок, карабинов и автоматов, 40 627 пулеметов, 16 502 орудия и миномета, 1124 танка и САУ, 2346 самолетов и много другой военной техники²⁸. Кроме того, иностранным военным формированиям на территории СССР Советское правительство выделяло большие денежные средства на питание, обмундирование, коммунальные и транспортные услуги. Только до конца 1944 г. на эти нужды было отпущено: польским формированиям — свыше 723 млн. руб., чехословацким — более 115 млн., югославским — 52 млн. и румынским — более 31 млн. руб.²⁹

Созданные на территории СССР иностранные национальные части и соединения стали составной частью народных армий ряда стран, которые совместно с Красной Армией сражались

²⁴ Н. Хориа, И. Клошка, Г. Кришан — руководители восстания румынских крестьян в 1784 г. в Трансильвании против румынских и венгерских феодалов.

²⁵ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне», стр. 200.

²⁶ «Военно-исторический журнал», 1967, № 6, стр. 12.

²⁷ «Новая и новейшая история», 1974, № 1, стр. 28—29.

²⁸ И. И. Якубовский. Боевое содружество. М., 1971, стр. 26.

²⁹ «Коммунист», 1975, № 7, стр. 46—48.

против фашизма. Чехословацкие и польские части и соединения и французский авиаполк «Нормандия» принимали участие в боях еще на советской территории.

Таковы были основные направления великой интернациональной миссии советского народа и его Вооруженных Сил до вступления Советской Армии на территорию зарубежных стран.

* * *

В конце марта 1944 г. советские войска достигли государственной границы СССР с Румынией, а в середине июля подошли к советско-польской границе и начали непосредственное освобождение ряда стран Европы от фашистских захватчиков. Начался качественно новый этап освободительной миссии Советского Союза. Если в общеполитическом плане задача освобождения других народов, как уже отмечалось, стояла с самого начала войны, то в оперативно-стратегическом отношении она была поставлена при планировании летне-осенней кампании Красной Армии 1944 г.

Политические и военно-стратегические цели наступления Советских Вооруженных Сил были сформулированы в первом приказе 1944 г. Верховного Главнокомандующего. Они состояли в том, чтобы «очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря... Вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии»³⁰. Ставилась также задача вывести из войны сателлитов Германии и помочь народам Европы в освобождении от фашистского ига.

Поставленные задачи имели огромное историческое значение. Они являлись воплощением в жизнь указаний В. И. Ленина об интернациональном долге социалистического государства. Постановка этих задач стала возможной благодаря беспримерному героизму советских людей на фронте и в тылу. Под руководством Коммунистической партии они сумели изменить ход войны и доказали, что Красная Армия способна разгромить немецко-фашистские войска, обеспечить победу над гитлеровской Германией и освободить народы от нацистских оккупантов.

Для осуществления поставленных партией и Советским правительством задач советское командование сосредоточило на фронте от Баренцева до Черного моря огромные силы. В июне 1944 г. действующая Красная Армия насчитывала около 6,5 млн. человек, 83,2 тыс. орудий и минометов, около 8 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, 11,8 тыс. самолетов³¹.

³⁰ *И. В. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 145—146.

³¹ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 77.

Кроме того, на территории СССР находились польские, югославские, чехословацкие, французские, румынские части и соединения общей численностью 104 тыс. человек.

Задача освобождения народов Европы была сложной и требовала огромных усилий и жертв. Фашистская Германия еще располагала большими силами. К июню 1944 г. на советско-германском фронте находилось 228 дивизий и 23 бригады. Они насчитывали 4 млн. солдат и офицеров и имели на вооружении около 49 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и штурмовых орудий и около 2800 боевых самолетов³². В распоряжении Германии имелся еще мощный военно-экономический потенциал.

Хотя положение гитлеровской Германии становилось все более тяжелым, гитлеровское командование все же не теряло надежды избежать поражения. План гитлеровского командования на лето 1944 г. предусматривал ведение оборонительных боевых действий с тем, чтобы, по утверждению фельдмаршала Кейтеля, «вести войну за выигрыш времени в ожидании событий». Нацистские главари рассчитывали на разногласия и раскол внутри антифашистской коалиции, на возможность сговора с реакционными силами Англии и США против Советского Союза. С этой целью усилились их контакты с реакционными кругами США и Англии, которые плели сеть интриг против Советского Союза и демократического движения в странах Западной Европы.

Успехи советских войск на фронте и рост движения Сопротивления в оккупированных странах вызвали переполох в лагере международной реакции. Она встала на путь подготовки широкого международного заговора против СССР и антифашистского движения, чтобы спасти от полного разгрома гитлеровскую Германию и преградить Красной Армии путь на запад³³.

Однако ничто не могло уже помешать осуществлению Советским Союзом освободительной миссии в Европе. СССР опирался при этом на поддержку народов оккупированных гитлеровцами стран Европы, которые видели в Красной Армии своего освободителя и оказывали ей всемерную поддержку. Освободительная миссия СССР в корне отличалась от политических целей США и Англии при изгнании немецко-фашистских войск из стран Западной Европы. Принципиальное отличие освободительной миссии Советского Союза состояло в том, что он не только вел борьбу за восстановление национальной независимости поработанных гитлеровцами стран, но и оказывал помощь их народам в борьбе за демократию и социальный прогресс, в то время как англо-американские войска всячески препятствовали демократическому движению и социальным сдвигам в освобожденных странах.

---

³² Там же, стр. 76.

³³ *Allen Welsh Dalles. Germany's Underground. New York, 1947, p. 174.*

Выдающимся событием освободительной миссии Советских Вооруженных Сил было начало военных операций по освобождению Польши.

Летом 1944 г. в результате успешного проведения Белорусской и Львовско-Сандомирской операций наши войска завершили освобождение Белоруссии и Украины и вступили на территорию Польши. Военные действия по освобождению Польши начались 17 июля 1944 г. К осени 1944 г. войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов освободили восточную часть Польши с населением 5,6 млн. человек³⁴. В составе войск 1-го Белорусского фронта действовала 1-я польская армия.

В связи с переходом нашими войсками советско-польской границы 26 июля 1944 г. было опубликовано заявление Советского правительства «Об отношении Советского Союза к Польше». В нем говорилось: «Советские войска вступили в пределы Польши преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши»³⁵.

На освобожденной польской территории в г. Хелме 21 июля польскими демократическими силами был создан Польский комитет национального освобождения — демократический орган власти новой, народной Польши. Народная власть сразу же взяла курс в своей внешней политике на союз с СССР.

Около девяти месяцев Красная Армия вела упорные бои за освобождение Польши. На ее территории были проведены такие крупные операции, как Львовско-Сандомирская, Люблинско-Брестская, Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Восточно-Померанская, Западно-Карпатская, Нижне-Силезская и Верхне-Силезская, частично Берлинская и Пражская. В этих боях участвовали войска пяти фронтов; 29 общевойсковых, 5 танковых и 6 воздушных армий и 6 артиллерийских корпусов из Резерва Верховного Главнокомандования общей численностью более 2,2 млн. человек³⁶. На территории Польши действовало более трети личного состава действующей Красной Армии, половина ее танков и САУ и треть орудий и самолетов. Вместе с Красной Армией сражались 1-я и 2-я армии народного Войска Польского. Подверглись сокрушительному разгрому крупные группировки противника: группы армий «А», «Центр», «Северная Украина», «Север» и «Висла». Было уничтожено свыше 170 дивизий противника³⁷.

---

³⁴ «Братство по оружию», стр. 209.

³⁵ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 2. М., 1946, стр. 155.

³⁶ «Великий освободительный поход». М., 1970, стр. 7; «50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1959, стр. 426.

³⁷ «Боевое содружество советского и польского народов», стр. 35.

С помощью Советского Союза Польше были возвращены ее исконные западные земли, восстановлены ее исторически справедливые границы по Одеру—Нейсе и на Балтике.

За освобождение Польши отдали свою жизнь 600 тыс. советских воинов. Народное Войско Польское потеряло свыше 26 тыс. убитыми и пропавшими без вести³⁸.

Отмечая героизм и высокое мужество, проявленные советскими воинами в боях на польской территории, Президиум Верховного Совета СССР присвоил высокое звание Героя Советского Союза 1460 воинам. Сотни тысяч бойцов и офицеров были награждены орденами и медалями. Почти 800 частей и соединений были удостоены почетных наименований в честь освобожденных ими городов.

Высоко оценило подвиг советских воинов народное правительство Польши, наградив 36 тыс. военнослужащих польскими орденами и медалями.

Признательность советским воинам выражена в многочисленных письмах и посланиях трудящихся Польши. Так, в послании Крайовой Рады Народовой Советскому правительству от 20 января 1945 г. говорилось: «Польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимой государственной жизни благодаря блестящим победам советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских бойцов.

Переживаемые сейчас нашим народом радостные дни освобождения от германского ига еще сильнее укрепят нерушимую дружбу между нашими народами»³⁹.

Многие советские военачальники и воины стали почетными гражданами освобожденных городов. Их именами названы улицы, школы. Польские граждане бережно относятся к памяти своих освободителей.

Родившаяся в годы войны с фашизмом советско-польская дружба была закреплена в Договоре о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, заключенном 21 апреля 1945 г. между Польшей и Советским Союзом.

Огромное военно-политическое и интернациональное значение имело вступление освободительной армии Страны Советов на территорию фашистской Румынии — союзника гитлеровской Германии.

В ночь на 27 марта 1944 г. войска 27-й, 40-й и 52-й армий 2-го Украинского фронта форсировали пограничную реку Прут и вступили на румынскую территорию. В связи с вступлением советских войск на территорию Румынии Советское правительство 2 апреля 1944 г. опубликовало заявление, в котором говори-

³⁸ «Братство по оружию», стр. 18.

³⁹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны» Документы и материалы, т. 3. М., 1947, стр. 494.

лось: «Советское правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции».

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории. . . Вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»⁴⁰.

Это заявление еще раз продемонстрировало миролюбивый характер советской внешней политики, уважение к национальной независимости других народов, развеяло клеветнические измышления о захватнических целях СССР в отношении Румынии.

Вступление советских войск в Румынию и заявление Советского правительства послужили мощным толчком к развитию национально-освободительной борьбы румынского народа. Газета «Румыния либерэ», комментируя советское заявление, писала: «Наступил решающий момент. . . , нельзя больше ждать. Румынский народ должен взять свою судьбу в собственные руки и бороться за выход из войны»⁴¹. Под руководством Коммунистической партии Румынии в ряде городов страны прошли антивоенные выступления.

Советский Союз предложил румынскому правительству заключить перемирие. Однако военно-фашистское правительство Румынии отказалось прекратить преступную войну против СССР. В этих условиях вывод Румынии из войны стал возможен только после разгрома немецко-фашистских, а также румынских войск, являвшихся главной опорой военно-фашистского режима в стране.

Выход Красной Армии на подступы к Балканам серьезно встревожил правящие круги Германии. Ведь Балканы являлись крупнейшим источником сырья для гитлеровской военной машины и важнейшим стратегическим плацдармом, по своим природным условиям удобным для организации обороны. Поэтому немецко-фашистское командование сосредоточило здесь значительные силы: группы армий «Южная Украина», «Ф» и «Е» — всего более 80 дивизий — и стремилось во что бы то ни стало удержать этот район в своих руках. Противник сумел создать здесь мощную глубоко эшелонированную оборону и занял выгодные для обороны позиции. Было построено несколько оборонительных рубежей.

---

⁴⁰ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 2, стр. 105.

⁴¹ «Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 82.

У правящих кругов Англии и США были свои планы в отношении Балканских стран. Американский представитель А. Даллес во время секретных сепаратных переговоров в Швейцарии заявил представителю Германии князю М. Гогенлоэ: «... Путем расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии следует поддержать создание сапитарного кордона против большевизма и панславизма»⁴². Они придавали особое значение вступлению своих войск в Румынию до выхода в этот район Красной Армии с тем, чтобы переградить ей путь в Центральную и Юго-Восточную Европу. У. Черчилль в своих мемуарах признается: «После того как летом 1943 г. мы ворвались в Сицилию и Италию, мысль о Балканах, особенно о Югославии, ни на минуту не покидала меня»⁴³. Для осуществления своего «балканского варианта» Черчилль планировал привлечь фашистский режим Антонеску, лидеров реакционных буржуазных партий Румынии и других Балканских стран, реакционные круги Турции. Но планам этим не суждено было осуществиться.

20 августа 1944 г. началась Яско-Кишиневская операция — одна из крупнейших наступательных операций второй мировой войны. Для ее осуществления привлекались войска 2-го и 3-го Украинских фронтов при поддержке Черноморского флота и Дунайской военной флотилии. В 92 дивизиях обоих фронтов насчитывалось 930 тыс. человек боевого состава, а с учетом тыловых частей и учреждений — 1250 тыс. Они имели на вооружении около 16 тыс. орудий и минометов, свыше 1870 танков и самоходно-артиллерийских установок и 1760 самолетов (а с учетом авиации флота — 2200).

Советским войскам противостояла группа армий «Южная Украина», имевшая 47 дивизий (25 немецких и 22 румынские) и 5 пехотных бригад общей численностью 900 тыс. человек, из них немецких солдат и офицеров более 565 тыс. Они имели на вооружении 7618 орудий и минометов, 404 танка и штурмовых орудия и 810 самолетов⁴⁴.

В течение четырех дней Красная Армия разгромила основные силы противника. 18 немецко-фашистских дивизий были окружены, а затем уничтожены, а разбитые румынские дивизии прекратили сопротивление⁴⁵.

Победа Красной Армии в Яско-Кишиневской операции нанесла решающий удар по всему южному стратегическому фронту гитлеровцев, открыла путь для стремительного наступления советских войск в Румынии и освобождения от немецко-фашистских захватчиков других стран Юго-Восточной Европы.

⁴² «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». М., 1947, стр. 73.

⁴³ W. Churchill. The Second World War, vol. 5. London, 1955, p. 187.

⁴⁴ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 144—145, 148.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: А. В. Антосяк. В боях за свободу Румынии. М., 1974, стр. 73—104.

Красная Армия, разгромив почти миллионную группировку противника, лишила гитлеровцев и фашистский режим Антонеску их вооруженной опоры в стране. Это создало благоприятные условия для удара по военно-фашистскому режиму в Румынии изнутри и ее вывода из войны.

23 августа, в день, когда советские войска замкнули кольцо окружения вокруг вражеской группировки, под руководством КПР в Румынии произошло антифашистское восстание, которое привело к свержению фашистского режима. Румыния вышла из гитлеровского блока, а ее армия повернула оружие против фашистской Германии. Совместными усилиями советских и румынских войск к 25 октября 1944 г. было завершено освобождение румынской территории от немецко-фашистских войск.

В боях за освобождение Румынии 69 тыс. советских воинов пали смертью храбрых, 217 тыс. получили ранения⁴⁶.

12 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии с Румынией, определявшее условия прекращения войны с ней⁴⁷. Соглашение о перемирии наносило удар по остаткам фашизма и являлось важной вехой на пути к демократическому развитию страны.

Яско-Кишиневская операция создала благоприятные условия для освобождения Болгарии, Югославии, Венгрии, а также Албании и Греции.

Выход советских войск к границе Болгарии оказал сильное влияние на внутриполитическую обстановку в стране. Всеобщим было возмущение болгарского народа политикой монархо-фашистского режима, продолжавшего сотрудничество с гитлеровцами. Болгарские антифашисты использовали создавшуюся благоприятную обстановку для усиления борьбы против монархо-фашистского режима. ЦК Болгарской коммунистической партии призвал трудящихся 1 сентября 1944 г. организовать повсеместные митинги и стачки. Был поставлен вопрос о непосредственной подготовке восстания. Партизанским движением были охвачены буквально все районы. К 9 сентября в составе Народно-освободительной повстанческой армии действовали: партизанская дивизия, 13 бригад, 40 отрядов, 6 солдатских батальонов и сотни боевых групп. Они насчитывали около 30 тыс. бойцов⁴⁸.

Командование 3-го Украинского фронта установило связь с Главным штабом Народно-освободительной повстанческой армии Болгарии и с местными партийными организациями пограничных с Румынией районов.

Главный штаб НОПА обратился 5 сентября к Красной Армии с приветствием, в котором говорилось: «Добро пожаловать!.. Мы

⁴⁶ «История Румынии. 1918—1970». М., 1971, стр. 431; «Красная звезда», 14 марта 1975.

⁴⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 2, стр. 205—212.

⁴⁸ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 179.

вас ждем, братья красноармейцы! В сердцах наших звучат все салюты ваших побед. И ждем вас не со сложенными руками... Ваша близость и наша воля к борьбе при поддержке народа являются гарантией, что Болгария будет свободной, независимой и демократической»⁴⁹.

8 сентября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта начали освободительный поход в Болгарию. В состав фронта входило 28 стрелковых дивизий и 2 механизированных корпуса. Их поддерживала авиация 17-й воздушной армии, а также Черноморский флот и Дунайская военная флотилия⁵⁰. К этому времени на территории Болгарии находилось до 30 тыс. гитлеровцев. Армия царской Болгарии насчитывала свыше 500 тыс. солдат и офицеров⁵¹.

Перед вступлением советских войск в Болгарию с самолетов над важнейшими центрами Болгарии было разбросано более миллиона листовок с текстом ноты Советского правительства от 5 сентября, в которой разоблачалась прогитлеровская политика монархо-фашистского режима, а также более 1,3 млн. листовок с обращением к болгарскому народу.

Командование фронтом обратилось к советским солдатам и офицерам с призывом:

«Советские войны!

Имя Советского Союза, имя России для болгар... — великое, священное имя. Звание воина Красной Армии — высокое, почетное звание...

Береги любовь и уважение народа, которому ты принес освобождение, уважай его обычаи, законы и семью. Всегда помни, что мы пришли в Болгарию не для того, чтобы навязывать ей свои законы и порядки, а для того, чтобы выгнать из Болгарии немцев и их агентов...

Воин Красной Армии! Высоко носи знамя нашей Родины за ее пределами!»⁵²

Этот наказ советские войны выполнили с честью. В сердцах болгарских трудящихся и трудящихся других стран сохранилась глубокая признательность Красной Армии.

Вступление советских войск в Болгарию послужило сигналом для народного антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. Народные массы под руководством коммунистов свергли монархо-фашистский режим. Власть перешла в руки народа. Было создано правительство Отечественного фронта. Болгария объявила войну гитлеровской Германии, а ее армия вместе с Советской Армией встала на защиту национальной независимости страны.

⁴⁹ «Работническо дело», 17 августа 1969 г.

⁵⁰ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 182.

⁵¹ Там же, стр. 185.

⁵² Р. Т. Аблова. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма. 1941—1945, стр. 396—397.

Наступление советских войск на болгарской земле превратилось в триумфальное шествие. Оно слилось с антифашистской борьбой болгарских патриотов. Трудящиеся с радостью встречали своих освободителей.

28 октября 1944 г. в Москве было подписано Соглашение о перемирии с Болгарией, предусматривавшее разоружение и интернирование всех немецких военнослужащих, роспуск всех фашистских и профашистских организаций и развитие страны по демократическому пути⁵³. Советский Союз оказал братскую помощь в реорганизации и перевооружении болгарской армии (получившей название Болгарской Народной армии), которая в составе 3-го Украинского фронта приняла участие в войне против фашистской Германии.

Свыше 350 советских воинов были награждены болгарскими орденами и свыше 50 тыс. — медалями⁵⁴. Болгарский народ высоко ценит роль Советского Союза в освобождении страны. «...Освобождение нашей страны от оков империализма и создание народно-демократического государства, — говорил Георгий Димитров, — стали возможными благодаря помощи и освободительной миссии Советского Союза в борьбе против фашистской Германии и ее союзников»⁵⁵.

С освобождением Румынии и Болгарии Красная Армия 6 сентября вышла на границу Югославии, в которой еще в 1941 г. началась широкая партизанская война против захватчиков, руководимая ЦК Компартии Югославии во главе с И. Броз Тито. Эта война сковывала немало фашистских войск. Мужественная борьба народов Югославии поднялась на еще более высокий уровень с образованием Народно-освободительной армии. Осенью 1944 г. НОАЮ насчитывала свыше 400 тыс. человек. К моменту выхода Красной Армии на югославскую границу значительная часть территории Югославии уже была освобождена от фашистских захватчиков силами НОАЮ и партизанских отрядов. Однако более половины территории страны еще находилось в руках оккупантов. По достижении Красной Армией югославской границы создались условия для непосредственного участия Советских Вооруженных Сил в освобождении братских народов Югославии из-под гнета фашистских оккупантов. Вступление Красной Армии на югославскую территорию было знаменательным днем для народов СССР и Югославии. В приказе Верховного командования НОАЮ от 7 сентября 1944 г. отмечалось, что наступил великий день, которого югославские воины ожидали на протяжении трех с половиной лет тяжелой борьбы. «На границу Югославии вышла великая союзница — славная Красная Армия, чтобы помочь юго-

⁵³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 2, стр. 286—292.

⁵⁴ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 200.

⁵⁵ Г. Димитров. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, стр. 244.

славскому народу очистить его родину от ненавистных фашистских орд»⁵⁶.

На югославской территории находилось 270 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, а также воинские части местных квислинговцев — Недича, Павелича, Рупника и Михайловича общей численностью около 270 тыс. человек. Немецко-фашистское командование с помощью этих сил надеялось удержать свои позиции.

В сентябре—октябре 1944 г. при тесном сотрудничестве советских и югославских войск была проведена Белградская операция. Основу группировки советских войск в операции составляли главные силы 3-го Украинского фронта: 57-я армия, 4-й гвардейский механизированный корпус, 236-я стрелковая дивизия фронтового подчинения, 5-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, 17-я воздушная армия, Дунайская военная флотилия и другие части⁵⁷. Они имели на вооружении 2200 орудий и минометов, около 360 танков и самоходно-артиллерийских установок, около 1300 самолетов⁵⁸. К операции были привлечены также 10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии 2-го Украинского фронта и часть сил его 5-й воздушной армии. Плечом к плечу с советскими войсками в Белградской операции принимали участие четыре армейских корпуса НОАЮ, имевших 17 дивизий⁵⁹.

В ходе Белградской операции была освобождена большая часть Восточной Сербии и 20 октября совместными усилиями советских и югославских войск был освобожден Белград. Операция сыграла важную роль в изгнании захватчиков с остальной территории страны. В освобождении восточных районов Югославии участвовало 13 дивизий и бригад Болгарской Народной армии, оперативно подчиненных 3-му Украинскому фронту⁶⁰.

За мужество, проявленное в этой операции советскими воинами, 20 частям и соединениям было присвоено почетное наименование «Белградских», 30 частей были удостоены советских правительственных наград. Более 2 тыс. советских воинов были награждены югославскими орденами и медалями, а 13 воинам было присвоено звание Народного Героя Югославии.

В телеграмме главе Советского правительства маршал И. Броз Тито писал: «В связи с освобождением столицы Югославии Белграда позвольте мне от имени Народно-Освободительной Армии и народов Югославии выразить благодарность Вам, как Верховному Главнокомандующему Великой Освободительной Армии, которая совместно с Народно-Освободительной Армией с изумительным героизмом освободила Белград. Освобождение Белграда для наших народов имеет историческое значение, особенно потому, что

⁵⁶ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 203.

⁵⁷ Там же, стр. 210.

⁵⁸ А. Н. Рагников. В борьбе с фашизмом. М., 1974, стр. 56.

⁵⁹ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил...», стр. 210.

⁶⁰ Там же.

страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны Великого Советского Союза с достойными сынами Югославии. Этим еще раз крепко запечатлено кровное братство народов Югославии с народами Советского Союза»⁶¹.

Советский Союз продолжал оказывать всестороннюю помощь югославскому народу. По просьбе маршала Тито в его распоряжение была передана авиационная группа А. Н. Витрука в составе двух авиадивизий (350 самолетов). Было поставлено значительное количество вооружения и боевой техники, продовольствия и медикаментов. В советских военных учебных заведениях готовились кадры военных специалистов. Советский Союз оказал югославскому народу решительную внешнеполитическую поддержку, чем способствовал срыву планов империалистических держав и югославской реакции в отношении Югославии. После освобождения Белграда войска 57-й армии в ноябре 1944 г. приняли участие в освобождении значительной территории Югославии в междуречье Дуная и Дравы. Трудящиеся этого района соорудили после войны памятник в честь советских воинов. В ходе освобождения Югославии отдали свою жизнь около 8 тыс. советских воинов.

Югославский народ высоко оценил освободительную миссию Красной Армии в Югославии. Без Советского Союза, говорил И. Броз Тито на V съезде КПЮ, «была бы невозможна победа над фашистскими захватчиками, было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии»⁶². Важное значение для укрепления международных позиций Югославии и ее развития по демократическому пути имело заключение 11 апреля 1945 г. Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. «Наш народ, — говорил А. Н. Косыгин, — всегда будет помнить о том, что Народно-освободительная армия Югославии внесла немеркнущий вклад в дело разгрома фашизма, что с первого и до последнего дня Великой Отечественной войны югославские патриоты были нашими соратниками и союзниками»⁶³.

15 мая 1945 г. Югославия полностью была освобождена от фашистских оккупантов. В ходе борьбы за освобождение своей родины югославские партизаны и НОАЮ потеряли 305 тыс. убитыми и 425 тыс. ранеными⁶⁴. Общие потери Югославии за период войны составили 1706 тыс. человек⁶⁵.

⁶¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 2, стр. 259.

⁶² Цит. по кн.: «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов (1944—1945 гг.)». М., 1970, стр. 262.

⁶³ «Правда», 10 апреля 1975 г.

⁶⁴ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 231.

⁶⁵ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне», стр. 290.

Вступление советских войск в Румынию, Болгарию и Югославию коренным образом изменило военно-политическую и стратегическую обстановку на балканском театре военных действий. Немецко-фашистское командование, опасаясь, что германские войска, находившиеся в Албании и Греции, могут оказаться отрезанными от Германии, срочно начало в сентябре 1944 г. их отвод. Этим воспользовались антифашистские силы этих стран и к концу ноября освободили Грецию и Албанию от остатков гитлеровских войск. В одном из своих постановлений Национально-освободительный совет Албании справедливо отмечал: «Красную Армию мы считаем главной силой, которая разгромила заклятого врага человечества, и, более того, для нас она является символом антифашистской борьбы за свободу, величайшей гарантией наших прав. За это мы признательны Советскому Союзу, и наш народ никогда не забудет большую помощь и героическую борьбу Красной Армии, которая спасла нас от катастрофы»⁶⁶.

В течение шести месяцев Красная Армия вела упорные бои за освобождение Венгрии. В этих операциях участвовали войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, в состав которых входили: 9 общевойсковых, танковая и 2 воздушные армии, 2 конно-механизированные группы, Дунайская военная флотилия и большое количество других частей и соединений.

В конце сентября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта начали освобождение венгерской территории. Первыми вступили в Венгрию воины 18-го танкового корпуса, которые 23 сентября перешли румыно-венгерскую границу и освободили венгерское с. Батонья, а два дня спустя — г. Мако.

В связи с вступлением советских войск на территорию Венгрии ГКО СССР 27 октября 1944 г. принял постановление, в котором обязал Военный совет 2-го Украинского фронта обратиться к венгерскому населению с воззванием, разъясняющим цели вступления Красной Армии на венгерскую территорию и указывающим, что она вступила в Венгрию «не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского ига»⁶⁷.

Гитлеровское командование придавало исключительное значение удержанию в своих руках Венгрии, которая прикрывала подступы к Австрии и южным районам Германии, так называемой альпийской крепости рейха. Поэтому оно держало здесь крупные силы и оказывало упорное сопротивление советским войскам.

На территории Венгрии были проведены такие крупные операции, как Дебреценская, Будапештская, Балатонская и др. Советские войска разгромили в них 56 вражеских дивизий. В ходе Дебреценской операции (6—28 октября 1944 г.) войска

⁶⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 4. М., 1962, стр. 438.

⁶⁷ Архив МО СССР, ф. 2839, д. 12, лл. 1—2.

2-го Украинского фронта нанесли серьезное поражение противнику и освободили восточные районы Венгрии. В Будапештской операции войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов была окружена и разгромлена будапештская группировка противника, а 13 февраля 1945 г. было завершено освобождение столицы Венгрии Будапешта. В боях за Будапешт вместе с советскими воинами сражались венгерские солдаты и офицеры Будапештского добровольческого полка, перешедшие на сторону Красной Армии. Продолжая громить немецко-фашистских захватчиков, 4 апреля 1945 г. Красная Армия закончила освобождение всей территории Венгрии. «4 апреля 1945 г., — отмечал первый секретарь Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар, — когда победоносно наступавшая Советская Армия изгнала с территории нашей страны последние остатки гитлеровских орд, открылась новая глава в нашей национальной истории»⁶⁸.

В боях за свободу Венгрии отдали свои жизни свыше 140 тыс. советских воинов⁶⁹. Вместе с Красной Армией в освобождении Венгрии участвовали румынские и болгарские войска.

Венгерский народ, освобожденный Красной Армией, высоко чтит память павших советских воинов. «Где ни побываешь в Венгрии, — говорил Янош Кадар, — повсюду можно встретить могилы советских воинов. В них покоятся герои — советские солдаты, отдавшие свою жизнь за свободу нашего народа. Мы глубоко чтим их память и обещаем свято беречь эти могилы»⁷⁰.

4 апреля 1945 г. — день завершения освобождения Венгрии от фашизма — национальный праздник венгерского народа.

Закончив освобождение Венгрии, советские войска в конце марта — начале апреля 1945 г. перенесли боевые действия на австрийскую территорию. Военные операции велись силами 3-го и 2-го Украинских фронтов. Наступление советских войск в Австрии проходило в сложных условиях. Враг оказывал яростное сопротивление. Немецко-фашистское командование принимало все меры к тому, чтобы создать в горных проходах, на берегах рек как можно больше очагов сопротивления. Но уже никакие меры гитлеровцев не могли остановить стремительного наступления советских войск. Бои непосредственно за австрийскую столицу проходили с 5 апреля и носили ожесточенный характер, так как удержанию Вены и ее экономического района немецкое командование придавало большое значение. 13 апреля сопротивление немецко-фашистских частей было сломлено. Советские войска полностью овладели Веной — стратегически важным узлом обороны врага, прикрывавшим пути к южным районам Германии. С падением этого стратегически важного опорного пункта рушились надежды Гитлера отсидеться в так называемой альпийской кре-

⁶⁸ Янош Кадар. Избранные статьи и речи. М., 1960, стр. 380.

⁶⁹ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне», стр. 70.

⁷⁰ Янош Кадар. Указ. соч., стр. 590.

пости. На территории Австрии советские войска разгромили 30 дивизий врага и взяли в плен 300 тыс. гитлеровцев. Около 26 тыс. советских воинов погибли в этих сражениях⁷¹.

Итак, в апреле 1945 г. советские воины, выполняя свою гуманитарную миссию, освободили шестую по счету европейскую столицу— Вену, освободили австрийский народ от фашистского рабства.

Исключительно упорные бои вела Красная Армия за освобождение от фашистских оккупантов Чехословакии.

Когда в августе 1944 г. вспыхнуло Словацкое национальное восстание, Красная Армия протянула руку братской помощи восставшим. Помощь оказывалась в виде поставок вооружения, доставки по воздуху советских партизанских отрядов в Словакию, осуществления Восточно-Карпатской операции, составной частью которой была и Карпатско-Дуклинская операция. В этих операциях участвовали войска 1-го и 4-го Украинских фронтов. В оперативном подчинении советского командования действовал 1-й чехословацкий армейский корпус под командованием Людвика Свободы. 20 сентября соединения 1-й гвардейской армии в районе Каленова пересекли польско-чехословацкую границу, а 6 октября войска 38-й армии совместно с 1-м чехословацким армейским корпусом овладели Дуклинским перевалом и вступили на территорию Чехословакии. В боях на Дукле родился лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!»

Бои за освобождение Чехословакии длились почти восемь месяцев, в них участвовали войска 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов, насчитывавшие свыше 2 млн. воинов. На территории Чехословакии было проведено пять крупных наступательных операций: Карпатско-Дуклинская, Моравско-Оставская, Братиславско-Брновская, Пражская и частично Венская. Всего на территории Чехословакии Красная Армия разгромила и пленила 122 вражеские дивизии. Только одних пленных насчитывалось свыше 1200 тыс. гитлеровских солдат и офицеров⁷². В боях на чехословацкой территории участвовали также польские и румынские войска.

Яркой страницей освободительной миссии Советских Вооруженных Сил в Чехословакии явилась их помощь восставшей 5 мая 1945 г. против фашистских оккупантов Праге. Гитлеровцы стремились подавить восстание и уничтожить город. По просьбе восставших советское командование бросило на помощь Праге крупные силы. Блестящий бросок в Прагу из-под Берлина совершили войска 1-го Украинского фронта. 9 мая Прага была освобождена.

Чехословацкий народ восторженно встретил своих освободителей. Как символ вечной памяти советским воинам-освободите-

⁷¹ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 316.

⁷² Там же, стр. 355.

лям в центре Праги на постаменте стоит танк гвардии младшего лейтенанта И. Г. Гочаренко Т-34 (10-й гвардейский танковый корпус 4-й танковой армии), первым ворвавшийся в осажденный город. В числе первых был и танковый экипаж В. Крюкова из этого же корпуса. В. Крюков вспоминает, что в предсмертной агонии гитлеровцы, цепляясь за каждую улицу, каждый дом, вели ожесточенный огонь. Однако жители Праги, пренебрегая опасностью, спешили на помощь советским воинам, по-братски встречали их. «По броне моего танка дробно застучали пули, впереди на площади разорвался снаряд, — вспоминает В. Крюков. — Я лихорадочно искал через смотровой прибор вражескую пушку, укрывшуюся где-то в зелени парка. Вдруг вижу — по площади с огромным букетом сирени к нашему танку бежит маленькая девочка. Ей и невдомек о смертельном поединке экипажа с вражеским артиллерийским расчетом. Она бежала изо всех сил, чтобы передать свой букет людям в грозной машине с красной звездой на броне.

Длинная пулеметная очередь огненной трассой перерезала ей путь. Девочка не понимала опасности и бежала. В ее лице мы видели всю благодарную Прагу, всю Чехословакию.

Наш танк ринулся из укрытия, опрокинул какой-то киоск, выскочил на площадь и своим бронированным телом закрыл девочку. По металлу забарабанили пули, рядом разорвался снаряд. Считанные секунды — и немецкий расчет должен произвести новый выстрел. Возможно, роковой для девочки и нашего экипажа. Солнце всходило над Прагой. Я видел в перекрестке прицепа вражескую пушку и темно-зеленые фигурки, суетившиеся около нее... Мы опередили врага. На том месте, где стояла немецкая пушка, зияла воронка.

Я выскочил из танка и втащил девочку в машину. Из-под наших шлемов струился холодный пот, а пятый член экипажа — маленькая пражанка как ни в чем не бывало нежно обнимала нас и кричала над оглохшими ушами: «Наздар!»

Нас окружили плотной толпой жители Праги. Девочка сидела у меня на плече, с букетом сирени в руках. Она была героем этого последнего утра войны.

И сейчас, когда я смотрю на свою медаль «За освобождение Праги», мне вспоминается белокурая Илонка, под немецким огнем бегущая с букетом сирени к краснойзвездной машине»⁷³.

В боях за освобождение Чехословакии погибло более 140 тыс. советских воинов⁷⁴. Родина высоко оценила подвиги советских воинов. Более 950 частей и соединений, участвовавших в боях за освобождение Чехословакии, были награждены орденами, сотни тысяч воинов были удостоены правительственных наград.

⁷³ «Воин-освободитель», стр. 76—77.

⁷⁴ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 358.

Выражая чувства благодарности народов Чехословакии Советскому Союзу, бывший президент ЧССР генерал армии Людвик Свобода писал: «Страшно подумать, что бы случилось с нами, если бы Советская Армия не разгромила гитлеровские войска и не принесла нам свободу!»⁷⁵

Великий интернациональный долг выполнили и на немецкой земле войны Страны Советов.

Советские Вооруженные Силы, разгромив основные силы германских войск, сыграли решающую роль в освобождении от фашизма немецкого народа. «Освободительный подвиг Советской Армии в мае 1945 г., — отмечал первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, — явился решающей предпосылкой для того, чтобы трудовой народ под руководством объединенного рабочего класса, провозгласив... Германскую Демократическую Республику, смог построить первое социалистическое рабоче-крестьянское государство на немецкой земле»⁷⁶.

Великий освободительный поход Советских Вооруженных Сил не имеет себе равных в истории по своим масштабам, военным и социально-политическим последствиям. Более года свыше 7 млн. советских воинов вели упорные бои с гитлеровцами за пределами своей Родины. Было проведено свыше 20 крупных фронтовых и межфронтовых наступательных операций, в том числе такие грандиозные по замыслу и результатам, как Висло-Одерская и Берлинская. Было освобождено полностью или частично 10 государств Европы.

Дорогой ценой заплатили советские воины за принесенную народам зарубежных стран свободу от немецко-фашистских и японских оккупантов. Более 1 млн. советских солдат и офицеров пали смертью храбрых, а общие потери составили свыше 3 млн. человек⁷⁷.

Советские Вооруженные Силы, вступая в пределы зарубежных стран, строго руководствовались интернационалистической политикой Коммунистической партии, несли на своих знаменах высокие идеалы свободы и демократии. Они не вмешивались во внутренние дела освобожденных стран, с уважением относились к национальным обычаям и народным традициям. Красная Армия никогда не смешивала фашистских правителей вражеских государств с народами этих стран и проявляла гуманизм, великодушие и дружелюбие не только в отношении народов поработенных гитлеровцами государств, но и в отношении населения фашистской Германии и ее союзников, участвовавших в агрессии против нашей страны. Жертвуя своей жизнью, советские воины спасали мирных жителей, материальные ценности и сокровища

⁷⁵ Людвик Свобода. От Бузулука до Праги. М., 1969, стр. 431 (перевод с чешского).

⁷⁶ «Правда», 7 октября 1974 г.

⁷⁷ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 455.

национальной и мировой культуры, оказывали помощь старикам, женщинам и детям освобожденных государств. Сражаясь за освобождение Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран, советские воины проявляли массовый героизм, как и в боях за освобождение своей Родины. Об этом говорит то, что в период боев за пределы нашей страны им было вручено более 9 млн. советских орденов и медалей, из 11 600 Героев Советского Союза более 8 тыс. были удостоены этого звания в 1944 и 1945 гг.

Народы оккупированных гитлеровцами стран связывали свои надежды на освобождение с победами Красной Армии, поэтому они встречали ее как армию-освободительницу. Навстречу ей выходили трудящиеся городов и сел Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Болгарии и других стран.

Народы многих стран помнят, что свободу от фашистских оккупантов и подлинную независимость они получили при решающей помощи Советского Союза. Об этом неоднократно говорилось в партийных документах братских стран. Так, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак говорил: «Кто пережил вторую мировую войну и принимал участие в антифашистской борьбе, тот никогда не забудет об исторической роли Советского Союза в битве за свободу народов, о его жертвах, о героизме его народа и армии. Тот не забудет, что эта борьба и жертвы Советского Союза дали возможность многим народам вновь обрести свою национальную и государственную независимость, а также начать борьбу за победу рабочего класса, за путь к социализму»⁷⁸.

Буржуазным фальсификаторам истории, пытающимся умалить роль Советского Союза в освобождении многих народов Европы от гитлеровского господства, следует напомнить, что в свое время даже буржуазная пресса признавала значение освободительной миссии Советских Вооруженных Сил. Так, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 25 июня 1945 г. писала: «Красная Армия фактически оказалась армией — освободительницей Европы и половины мира в том смысле, что без этой армии и без тех безграничных жертв, благодаря которым русский народ поддержал ее, освобождение от жестокого ярма нацизма было бы просто невозможно»⁷⁹.

Величие подвига советского народа и его армии состоит также в том, что поражение, нанесенное ими гитлеровцам и фашистским правящим кликам стран, выступавшим в союзе с нацистским рейхом, создало благоприятные условия, позволившие народам ряда государств взять решение своей судьбы в собственные руки. «Разгром ударных сил мирового империализма — германского фа-

⁷⁸ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». М., 1969, стр. 180—181.

⁷⁹ Цит. по кн.: М. А. Аракелян. Великий интернациональный подвиг. М., 1963, стр. 151.

шизма и японского милитаризма, осуществление Советской Армией своей освободительной миссии, — отмечается в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, — в решающей степени способствовали успеху народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии»⁸⁰. Предпосылки революций в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы были подготовлены всем ходом их социально-политического и экономического развития. Красная Армия не совершала «экспорта революции», о чем так упорно клеветают буржуазные идеологи. Революцию совершили народные массы под руководством своих коммунистических и рабочих партий. «Революции, — указывал В. И. Ленин, — не делаются по заказу... а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»⁸¹.

Разгром войсками Красной Армии гитлеровцев и их прислужников в ряде стран значительно ослабил реакционные силы. Идеи социализма, свободы, дружбы народов, пролетарского интернационализма, носителями которых были советские люди, были близки и понятны народным массам, находившимся под капиталистическим гнетом. Народы ряда стран отвергли капитализм и сделали выбор в пользу социализма.

Важной составной частью освободительной миссии Советского Союза было то, что он, сам испытывая трудности, вызванные войной и разрушениями, оказал освобожденным странам большую экономическую помощь, спасая их население в годы войны и в первый послевоенный период от хозяйственной разрухи и голода.

Историческое значение освободительной миссии Советского Союза не ограничивается лишь государственными границами освобожденных ею стран. Победы Советских Вооруженных Сил изменили всю международную обстановку в пользу мира и социализма. Они обеспечили условия для освобождения от фашистских оккупантов всех стран Европы и вдохновили угнетенные народы Азии, Африки и Ближнего Востока на усиление освободительной борьбы против империалистических колонизаторов. Разгром империалистической Японии создал благоприятные предпосылки не только для победы народных революций в Китае, Корее и во Вьетнаме, но и для усиления антиколониальной борьбы в других азиатских странах.

Бессмертный подвиг Советского Союза принес ему немеркнущую славу, вызвал у народов мира благодарность и признательность.

---

⁸⁰ «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы ЦК КПСС». М., 1969, стр. 23.

⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 531.

А. М. БЕЛИКОВ, Г. А. КУМАНЕВ,
А. В. МИТРОФАНОВА

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР НА СЛУЖБЕ ФРОНТУ

Всемирно-историческая победа СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. опиралась на силу и неизбежность социализма, построенного советским народом в условиях капиталистического окружения и постоянной угрозы агрессии. Мощная социалистическая экономика явилась прочным фундаментом этой победы.

Военное могущество государства и успех в вооруженной борьбе в значительной мере обусловлены экономическим фактором. «Вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя... — писал Ф. Энгельс, — оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий...»¹ Эта зависимость и взаимосвязь особенно усилились в эпоху империализма, когда войны приняли затяжной характер, их участниками стали многомиллионные армии, а развитие боевой техники достигло невиданных размеров. Никогда раньше, указывал В. И. Ленин, не было столь тесной связи между военной организацией страны и всем ее экономическим строем². «... Экономическая организация имеет решающее значение»³, — подчеркивал он. Советский народ в процессе социалистической индустриализации, коллективизации и культурной революции неизменно проявлял заботу об укреплении обороноспособности страны. В экономической политике Коммунистической партии интересы строительства социализма полностью совпадали с интересами обеспечения безопасности Советского Союза.

К концу второй пятилетки социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства безраздельно господствовали в экономике страны. Социалистическая собственность к 1937 г. составляла 98,7% всех производственных фондов страны, в том числе: 90% всенародная (государственная) собственность, 8,7% — колхозно-кооперативная и только 0,2% — мелкая частная собственность единоличных крестьян и кустарей. Удельный вес социалистических форм хо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 175.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 154—156.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 194.

зяйства равнялся почти 100% (от 98,5% в продукции сельского хозяйства и до 100% в товарообороте)⁴. Основу промышленности и земледелия составила новая современная техника.

За период с 1918 по 1940 г. в народное хозяйство СССР было вложено 45,3 млрд. руб. За эти годы введено в действие 11 200 крупных предприятий, из них 9 тыс. в период довоенных пятилеток. В 1940 г. уровень 1913 г. был превышен по валовой продукции промышленности в 7,7 раза, валовой продукции сельского хозяйства — в 1,4, по грузообороту всех видов транспорта — в 3,9 раза⁵.

В 1940 г. в народном хозяйстве СССР было занято 33,9 млн. рабочих и служащих, из них 23,7 млн. рабочих (33,5% населения страны). В промышленности трудилось около 10 млн. рабочих и более 1 млн. инженерно-технических работников, в строительстве — около 2 млн. рабочих и 198 тыс. ИТР, в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях — более 1,5 млн. рабочих и 66 тыс. специалистов⁶.

К началу 40-х годов социалистическая промышленность обладала мощным экономическим потенциалом. Сложилась прогрессивная структура промышленности в целом, ее групп и отраслей. Решающее место заняло производство средств производства (61,2% вместо 35,1% в 1913 г.). Объем продукции машиностроения и металлообработки увеличился в 29,6 раза⁷.

Высокоразвитой социалистической промышленностью располагали союзные республики и экономические районы. На востоке страны были созданы крупные промышленные комплексы. Социалистическая промышленность производила все виды машин и оборудования, обеспечивая технико-экономическую независимость и обороноспособность страны. Важным итогом явилось расширение мощной оборонной промышленности, ее техническое перевооружение и создание новых отраслей. Оборонная промышленность развивалась более высокими темпами, чем вся промышленность СССР. В 1939 г. продукция всей промышленности СССР возросла на 14,7%, а предприятия наркоматов оборонной промышленности увеличили производство на 46,5%. В 1940 г. объем продукции по наркоматам оборонной промышленности увеличился в среднем более чем на треть. При этом непрерывно совершенствовалось качество боевой техники и вооружения.

Советская индустрия, вооруженная новым современным техническим оборудованием, была подготовлена к тому, чтобы выдер-

⁴ «20 лет Советской власти». Статистический сборник. М., 1937, стр. 9; «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967, стр. 4; «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 31, 41.

⁵ «Страна Советов за 50 лет», стр. 119, 169, 188, 202—203.

⁶ «Народное хозяйство СССР в 1922—1972 гг.». Статистический сборник. М., 1972, стр. 35, 147, 289, 338, 345.

⁷ «Промышленность СССР». М., 1964, стр. 37, 245.

жать напряженный производственный ритм в условиях войны.

Претворение в жизнь ленинского кооперативного плана изменило социальное лицо советской деревни. Раздробленное, мелкое единоличное крестьянское хозяйство ушло в прошлое.

Накануне войны в стране насчитывалось 236,9 тыс. колхозов и 4,2 тыс. совхозов. Они имели 684 тыс. тракторов, 182 тыс. зерновых комбайнов, 228 тыс. автомобилей⁸. В сельском хозяйстве трудилось 31,3 млн. человек, в том числе 29 млн. в колхозах⁹. Среднегодовой сбор зерна стал выше, чем в доколхозной деревне. Государственные заготовки увеличились в 2,5 раза¹⁰.

Коллективизация хозяйств еще больше укрепила союз рабочего класса и крестьянства, явилась одним из важнейших факторов силы и непобедимости Советского государства¹¹.

За годы пятилеток произошли коренные изменения во всех видах транспорта. Строились железные дороги, морские и речные порты, вводились в эксплуатацию новые локомотивы, большегрузные вагоны, пароходы, морские суда. Эксплуатационная длина железных дорог в 1940 г. составляла более 106 тыс. км вместо 58,5 тыс. км в 1913 г.¹²

В решениях XVIII съезда Коммунистической партии подчеркивалось, что «СССР превратился в независимую экономически страну, обеспечивающую свое хозяйство и нужды обороны всем необходимым техническим вооружением»¹³.

По уровню производства важнейших видов материалов, сырья и электроэнергии Советский Союз находился в первых рядах наиболее развитых стран мира. Так, по производству электроэнергии он занимал 3-е место в мире и 2-е в Европе, по добыче угля — 4-е место в мире и 3-е в Европе, по добыче железной руды — 2-е место в мире и 1-е в Европе, по производству чугуна и стали — 3-е место в мире и 2-е в Европе. По выпуску цемента СССР стоял соответственно на 5-м и 3-м местах.

Уровень производства основных видов промышленной продукции в СССР и Германии накануне Великой Отечественной войны сложился следующим образом (см. табл.).

Оценивая приведенные данные, нельзя также забывать, что Германия использовала для военных целей огромные материальные и трудовые ресурсы оккупированных или зависимых от нее стран Европы. Эти страны ежегодно выпускали в общей сложности свыше 22 млн. т стали, 19,3 млн. т чугуна, добывали 149 млн. т каменного угля, вырабатывали 18,3 млрд. квт.-ч элект-

⁸ «Страна Советов за 50 лет», стр. 116, 156.

⁹ «Народное хозяйство СССР в 1922—1972 гг.», стр. 283.

¹⁰ «Страна Советов за 50 лет», стр. 119; «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1969)». М., 1970, стр. 276, 292.

¹¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 15.

¹² «Народное хозяйство СССР в 1922—1972 гг.», стр. 293—296.

¹³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 5. М., 1971, стр. 339.

**Производство основных видов промышленной продукции
в СССР и Германии (1940 г.) ***

Продукция	СССР	Германия в границах 1937 г.	СССР (% к производству Германии в 1940 г.)
Электроэнергия, млрд. квт-ч	48,3	63,0	77
Железная руда, млн. т	29,9	14,7	203
Чугун » »	14,9	14,0	107
Сталь » »	18,3	19,1	96
Уголь (в пересчете на каменный), млн. т	153,7	251,9	61
Нефть (без газа), млн. т	31,1	Добыча нефти незна- чительна	
Станки металлорежущие, тыс. шт.	58,4	125,0	47
Цемент, млн. т	5,7	10,9	52

* А. М. Беликов. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны.

троэнергии. Германия имела фактически в своем распоряжении экономические ресурсы почти всей Европы. Таким образом, к моменту нападения на СССР она располагала мощностями по производству металла, электроэнергии и добыче угля примерно в 2—2,5 раза большими, чем Советский Союз. С этим, разумеется, нельзя было не считаться. Но, уступая Германии по ряду количественных показателей в области промышленного производства, советская экономика в отличие от немецкой не зависела от импорта основных видов стратегического сырья, без которого не может развиваться военное производство. Германия же, занимая, например, первое место в мире по выплавке алюминия, полностью зависела от импорта необходимого для его производства сырья, не говоря уже о нефти. Тем не менее непреложным фактом является то, что к моменту вооруженной агрессии против СССР Германия имела не только полностью отмобилизованную, обладавшую опытом современной войны армию, но и отмобилизованную, насквозь милитаризованную экономику.

Однако исход экономического единоборства Советского Союза с фашистской Германией не решался простым арифметическим сложением материальных и людских ресурсов.

Исторический опыт показал, что только совокупность политических, экономических, социальных и моральных факторов, их единство, сцементированное руководством Коммунистической партии, делает силу народов, поднявшихся на войну, неодолимой, способной выдержать любые испытания. Органичная слитность моральных и материальных сил страны достигается лишь в социалистическом обществе.

Свободный характер труда в СССР, основанный на общественной собственности на средства производства, ярко проявился уже в первые дни Великой Отечественной войны в небывалом трудовом патриотическом подъеме. Массовый трудовой героизм был неиссякаемым источником внутренних сил советской социалистической экономики. Такой трудовой героизм невозможен в условиях капиталистической экономики, основанной на эксплуатации трудящихся, в условиях классового антагонизма участников общественного производства.

Централизованное управление народным хозяйством СССР давало возможность Коммунистической партии и Советскому правительству максимально и быстро мобилизовать материально-технические, финансовые и трудовые ресурсы для военной перестройки экономики, наиболее рационально организовать специализацию и кооперацию производства в соответствии с требованиями войны. В то же время централизованное управление в условиях социалистической системы хозяйства оставляло широкие возможности для проявления местной инициативы.

Плановый характер социалистической экономики обеспечивал во время войны наиболее эффективное на научной основе регулирование работы всех отраслей народного хозяйства в интересах победы над врагом, изменение народнохозяйственных пропорций в пользу военного производства.

Экономика фашистской Германии при всем ее высоком уровне развития оставалась экономикой капиталистической и несла в себе все пороки, присущие капиталистической системе хозяйства. Разъедающие капиталистический строй классовые противоречия в военных условиях еще больше обостряются. Частные интересы капиталистов тормозят развитие тех отраслей, которые почему-либо малоприбыльны, хотя они и необходимы для ведения войны. Даже в фашистской Германии, где гитлеровское руководство прибегало к жестким средствам экономического регулирования, конкурентная борьба монополий за жирные куски военных заказов не прекращалась до конца войны. Все это препятствовало полной мобилизации экономики и созданию устойчивого в морально-политическом отношении тыла.

Социалистическая система хозяйства, таким образом, обладала огромными преимуществами перед капиталистической системой. Однако эти преимущества необходимо было уметь и в полной мере использовать. «Мало еще иметь гигантский индустриальный базис, — говорил на XVII съезде партии один из выдающихся советских военных деятелей Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, — надо суметь его взять, надо суметь перевести его с мирной продукции на дело снабжения фронта»¹⁴.

Опираясь на объективные экономические законы, используя огромные преимущества советского общественного и государ-

¹⁴ «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М., 1934, стр. 465.

ственного строя, Коммунистическая партия с самого начала Великой Отечественной войны развернула борьбу за превращение страны в единый боевой лагерь.

* * *

Первому в мире социалистическому государству не нужна была война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом. Она прервала мирный созидательный труд советских людей, вторглась во все сферы жизни общества, принесла невиданные лишения, тяжелейшие испытания.

«Война не игрушка, война — неслыханная вещь, война стоит миллионах жертв, и не так легко ее окончить»¹⁵, — указывал В. И. Ленин.

Центральный Комитет партии и Совнарком СССР призвали советский народ подчинить всю общественную и хозяйственную жизнь страны непосредственным интересам и задачам справедливой войны, провозгласив лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Напряженная и упорная борьба развернулась не только на полях сражений, но и в тылу. Здесь не в меньшей мере, чем на фронте, решались ход и исход вооруженной борьбы с фашистской Германией. Наступила новая, сложная полоса развития социалистической экономики — период создания слаженной военной экономики.

Коммунистическая партия и Советское правительство разработали конкретную программу мобилизации всех экономических сил страны на обеспечение целей и задач войны по разгрому фашистских агрессоров. В директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей, изложенной затем в выступлении председателя ГКО И. В. Сталина по радио, была сформулирована общая программа перестройки экономики и создания в короткий срок слаженного быстро растущего военного хозяйства.

Организация военного производства явилась тем главным звеном, взявшись за которое Коммунистическая партия приступила к решению всей цепи вопросов по перестройке народного хозяйства на военный лад. На всех заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) ежедневно до образования ГКО рассматривались наиболее важные вопросы развертывания работы оборонной промышленности. Созданные в конце 1939 г. промышленные отделы в Центральных Комитетах компартий союзных республик, крайкомах, обкомах и горкомах крупных промышленных центров были тесно связаны с предприятиями, хорошо знали их производственные возможности, нужды, степень готовности к выполнению военных заказов. Благодаря этому директивные указания ЦК ВКП(б) партийным органам на местах осуществлялись опе-

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 102.

ративно. В необходимых случаях, когда наркоматы по тем или иным причинам не имели возможности непосредственно руководить своими предприятиями, как это было, например, в осажденном Ленинграде, или в период массовой эвакуации, они брали на себя решение неотложных хозяйственных вопросов. По мере развертывания в тылу новых отраслей оборонной промышленности в партийных органах создавались соответствующие отделы по танковой, авиационной, минометной промышленности, по боеприпасам, вооружению и т. п., их возглавляли секретари обкомов и крайкомов.

В ЦК компартий республик отраслевые отделы возглавляли заместители секретарей ЦК.

Разрабатывая основные направления хозяйственной политики на период войны, пути и методы создания военной экономики, слаженного военного хозяйства, определяя его задачи в различные периоды войны, Коммунистическая партия и Советское правительство исходили из коренных марксистско-ленинских положений о современных войнах, о роли экономического фактора в войне и задачах экономического обеспечения войны, об особенностях развития экономики в военное время и о том, что военная экономика не является особым социальным типом хозяйства.

Военная экономика СССР имела в своей основе социалистическую собственность на средства производства. Военная экономика — это не отдельная часть народного хозяйства, а все народное хозяйство, подчиненное обслуживанию нужд войны и достижению победы.

«Все наше хозяйство, как в целом, так и в отдельных частях, было насквозь проникнуто условиями военного времени»¹⁶, — говорил В. И. Ленин на X съезде партии.

Перевод народного хозяйства СССР на военные рельсы, создание слаженного военного хозяйства было сопряжено с решением коренных вопросов управления и организации экономики, направлялось на изменение сложившихся пропорций экономики и создание новых пропорций. Изменения в структуре материального производства призваны были наиболее полно обеспечить потребности войны, полностью подчинить всю советскую экономику задачам борьбы против фашистской агрессии.

Это требовало перераспределения в пользу военного производства финансовых средств, материальных ресурсов, резервов рабочей силы: установления на весь период войны первоочередного и устойчивого обеспечения всех нужд военного производства страны. Чисто военная промышленность тесно переплеталась с другими отраслями народного хозяйства. В действие были введены мобилизационные планы и государственные военно-хозяйственные планы, строгая централизация распределения и нормирования. Государственный бюджет должен был обеспечить в первую оче-

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 28.

редь нужды оборонной промышленности, строительство новых военных предприятий и предприятий тяжелой индустрии, улучшение транспортных средств. В распределении национального дохода уменьшалась доля накопления и потребления, соответственно вырастали расходы на военные нужды.

В общем объеме промышленного производства стала резко увеличиваться часть продукции группы «А» за счет непрерывного возрастания доли военной продукции (военная техника, оружие, боеприпасы, снаряжение); соответственно уменьшался объем производства предметов потребления (группы «Б»). Эти вынужденные войной структурные изменения были необходимы в целях создания мощной, слаженной и высокоэффективной военной экономики страны.

Поворот работы всех учреждений, всего государственного аппарата к требованиям войны не на словах, а на деле В. И. Ленин, как известно, считал одним из важнейших средств превращения Советской республики в единый военный лагерь¹⁷. Он подчеркивал: «Дело обороны Советской республики настоятельно требует наибольшей экономии сил и наиболее производительного применения пародного труда»¹⁸.

Вершиной централизованного руководства всей хозяйственной системой страны явился созданный 30 июня 1941 г. совместным постановлением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР Государственный Комитет Обороны как высший чрезвычайный орган государственной власти, действовавший в чрезвычайных условиях разразившейся войны. Его важнейшей функцией являлась координация усилий фронта и тыла. Особое внимание ГКО уделял вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны, вопросам развития военного производства, топливно-энергетических отраслей, работе транспорта, строительству в восточных районах, обеспечению народного хозяйства рабочей силой и т. д. Многие проблемы ГКО и Политбюро ЦК ВКП(б) решали совместно. Соответственно с этим велась работа Совпаркома СССР как органа общегосударственного руководства развитием экономики. Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР¹⁹.

Члены ГКО, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б) возглавляли общее руководство отдельными отраслями военного хозяйства. В ведении Н. А. Вознесенского находились вопросы производства вооружения и боеприпасов, Г. М. Маленкова — самолетов и авиационных моторов, В. М. Молотова — танков, А. И. Микояна — продовольствия, горючего и вещевого

¹⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 45.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 367.

¹⁹ «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». Сборник документов, т. 3. М., 1968, стр. 40—41.

имущества, Л. М. Кагановича и А. А. Андреева — железнодорожные перевозки. Члены и кандидаты в члены ЦК ВКП(б) возглавляли важнейшие промышленные наркоматы. Почти три четверти всех членов ЦК и половина кандидатов в члены ЦК приняли непосредственное участие в организации военной экономики²⁰.

О гигантских масштабах деятельности ГКО в области экономики свидетельствует тот факт, что из принятых им за четыре с лишним года войны почти 10 тыс. постановлений, решений и директив примерно две трети документов относились к вопросам военной экономики и организации военного производства²¹.

Госплан СССР превратился в штаб военной экономики, оперативно выполнявший задания Государственного Комитета Обороны. С этой целью в его составе были образованы специализированные отделы боеприпасов, вооружения, судостроения, авиационной и танковой промышленности. Расширился институт уполномоченных Госплана в восточных районах. В ходе войны создавались новые отделы и управления.

В целях оперативного и гибкого руководства пародным хозяйством в первые месяцы войны были созданы новые органы управления: Совет по эвакуации (24 июня), Комитет по учету и распределению рабочей силы (30 июня), Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии (1 июля) и ряд других комитетов. Образовались также два новых наркомата — танковой промышленности (11 сентября) и минометного вооружения (26 ноября). Для научной разработки важных технических проблем ГКО, СНК СССР, Госплан и наркоматы привлекли крупных ученых и специалистов. В республиках, областях, крупных промышленных центрах были созданы комиссии и комитеты ученых. В восточных районах работали комиссии Академии наук СССР: Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, возглавляемая президентом Академии наук СССР академиком В. Л. Комаровым, ее деятельность распространялась на Западную Сибирь и Казахстан; Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья во главе с вице-президентом АН СССР академиком Е. А. Чудаковым²².

Опираясь на постоянную поддержку Коммунистической партии и всего народа, советские ученые широким фронтом развернули фундаментальные и прикладные исследования в интересах укрепления военной мощи страны, во имя разгрома врага.

Успешное осуществление программы создания слаженной военной экономики обеспечивалось максимальной оперативностью и гибкостью в решении хозяйственных вопросов промышленности,

²⁰ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 276.

²¹ «Советский тыл в Великой Отечественной войне», кн. 1. М., 1974, стр. 76.

²² Г. Д. Комков, В. В. Левшин, Л. К. Семенов. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, стр. 348, 352.

сельского хозяйства и транспорта партийных органов ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, а также горкомов и райкомов партии крупных индустриальных центров. Первые секретари обкомов и краевых комитетов партии, как правило, являлись уполномоченными ГКО на местах. По мере развертывания новых отраслей производства, прежде всего военного, создавались новые отраслевые промышленные отделы.

Усилению организационного централизма в партийном руководстве военным хозяйством содействовало расширение института партторгов. Партторги ЦК ВКП(б) имелись на 1170 крупных предприятиях страны. На многих заводах были назначены партторги ЦК компартий, крайкомов, обкомов.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. были образованы политотделы МТС и совхозов²³. При краевых и областных земельных органах действовали политсекторы. Всего было организовано 14 политуправлений, более 200 политсекторов и 7200 политотделов. В постановлении ЦК партии по поводу образования политотделов подчеркивалось, что их основной задачей является политическая работа не только среди рабочих и служащих МТС и совхозов, но и среди колхозников; улучшение хозяйственной деятельности не только МТС и совхозов, но и колхозов с тем, чтобы обеспечить своевременное выполнение государственных заданий и планов сельскохозяйственных работ.

Вопросы партийной и государственной работы для обороны страны не сходили с повестки дня местных партийных органов в течение всей войны.

Директивы и указания Государственного Комитета Обороны по вопросам хозяйственного строительства благодаря партийным организациям приобретали высокую степень действенности.

* * *

За годы войны советская экономика прошла два сложных этапа своего развития: первый — перестройка народного хозяйства на военный лад, второй — рост слаженного военного хозяйства.

Первый этап падает на труднейший период войны и охватывает год, с июня 1941 г. до середины 1942 г., когда решалась одна из коренных и первоочередных задач программы разгрома врага — перевод народного хозяйства на военные рельсы.

Главная цель перестройки народного хозяйства сводилась к тому, чтобы путем мобилизации всех внутренних ресурсов обеспечить в самые сжатые сроки максимальное увеличение военного производства, выпускать во все возрастающем количестве современное вооружение и военное снаряжение, добиться решающего материально-технического превосходства Красной Армии

---

²³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 672.

над войсками фашистской Германии, заложив тем самым прочный фундамент победы над врагом.

Перестройка проходила в крайне неблагоприятной военной обстановке. При вторжении врага в глубь территории страна несла большие потери. В районах к ноябрю 1941 г. временно захваченных оккупантами, до войны проживало около 40% всего населения Советского Союза. Здесь добывалось 63% угля, 35% марганцевой руды, выплавлялось 68% чугуна, 58% стали, производилось 60% алюминия. На этой территории производилось 38% всей довоенной валовой продукции зерна, 84% сахара, находилось свыше 80% площади под сахарной свеклой, 38% всей численности крупного рогатого скота и 60% всего поголовья свиней. Из 106 тыс. с лишним километров железнодорожных путей СССР 41% оказался на захваченной врагом земле²⁴. Экономические ресурсы резко сократились, а потребности войны нарастали быстрыми темпами. В этих условиях необходимо было умело и в полной мере использовать преимущества социалистической системы хозяйства.

В годы защиты молодой Советской республики от иностранной интервенции В. И. Ленин говорил: «...наша священная обязанность трезво оценить наше положение, учесть силы, проверить хозяйственный механизм. Все это должно делаться со скоростью военного времени, ибо всякое промедление в нашем теперешнем положении поистине «смерти подобно»²⁵.

Перестройка осуществлялась по единому плану, охватывая все сферы народного хозяйства. Она проводилась за счет собственных средств.

Коммунистическая партия и Советское правительство, решая проблему перестройки в короткие сроки, определили важнейшие ее составные части, главные магистральные направления: перевод всех отраслей народного хозяйства на обслуживание нужд фронта, прежде всего переключение индустрии на выпуск военной продукции; перебазирование производительных сил из прифронтовых в тыловые районы (эвакуация и размещение). Это была исключительно сложная и трудная задача, потребовавшая от Коммунистической партии, всего советского народа огромных усилий.

Важную роль на начальном этапе перестройки сыграли мобилизационные планы, принятые еще до войны. По решению Политбюро от 23 июня 1941 г. был введен в действие мобилизационный план по боеприпасам, а 30 июня утвержден правительством мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г. В этих планах зримо выступали черты военной экономики. Они повернули в известной мере народное хозяйство на службу

²⁴ Н. А. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, стр. 42.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 408.

войне. «Однако опыт показал, что этот поворот оказался недостаточным. Война проникала в хозяйство все более решительно и повсеместно»²⁶. В реальной обстановке, которая сложилась в результате временных военных неудач Красной Армии летом 1941 г., нужен был военно-хозяйственный план, на основе которого можно было создать военную экономику, способную не только устоять, но и победить в смертельной схватке с капиталистической экономикой фашистской Германии. В решении Государственного Комитета Обороны от 4 июля 1941 г. ставилась задача «выработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации»²⁷.

16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) утвердили новый военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии²⁸. Этот план был направлен на то, чтобы в течение намеченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) подчеркивалось: «Для скорейшего развертывания производственной базы в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, для обеспечения выполнения утвержденного плана признано необходимым перевести в указанные районы промышленные предприятия Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомавиапрома и других наркоматов»²⁹.

Военно-хозяйственный план предусматривал широкую программу развития производства вооружения, боеприпасов, самолетов и авиамоторов, танков и военного судостроения. В плане было уделено огромное внимание развитию производства других видов промышленной продукции в восточных районах. Прежде всего предусматривалось увеличение производства электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты, производства станков, оборудования и т. д.

В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевной площади под зерновыми и техническими культурами в восточных районах РСФСР, Казахстана и Средней Азии. В 1942 г. намечалось расширить посевные площади путем использования в первую очередь земель, пригодных для самостоятельного орошения.

---

²⁶ Н. А. Вознесенский. Указ. соч., стр. 37—38.

²⁷ «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 3, стр. 42.

²⁸ Там же, стр. 44—48.

²⁹ Там же, стр. 44—45.

Большое внимание уделялось реконструкции и расширению важнейших узлов и станций на дорогах урало-сибирского направления. Было намечено строительство вторых путей, связывающих Сибирь с Уралом и Урал и Поволжьем.

В области строительства утверждались ударные стройки, на которых сосредоточивались рабочая сила, оборудование, строительные материалы. В 1942 г. 50% капиталовложений направлялось на Урал, в Западную Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан и 13,9% — в Восточную Сибирь и на Дальний Восток³⁰.

Этот план выражал генеральную линию экономической политики партии и правительства в период военного времени. «Военно-хозяйственный план имел большое организующее значение в перемещении производительных сил на восток, в восстановление и развитии строительства, особенно военной техники, в восточных тыловых районах СССР»³¹, — отмечал Н. А. Вознесенский.

Промышленность — основная техническая и материальная база социализма — являлась ведущим звеном всего комплекса военного хозяйства. На этом решающем участке социалистической экономики во всех его звеньях объемнее и многообразнее происходили изменения в пропорциях между выпуском военной и гражданской продукции, оказывая решающее влияние на темпы перестройки, формирование военного хозяйства, на его слаженность и организованность.

Перестройка промышленности была сопряжена с изменением во всех отраслях производства, усилением интенсификации производственных процессов, техническими усовершенствованиями. Важно было также обеспечить строжайший режим экономии во всех отраслях народного хозяйства, особенно в расходовании металла, топлива, электроэнергии, сырья и полуфабрикатов, что создавало дополнительные возможности для увеличения выпуска военной продукции при тех же материальных фондах, на тех же производственных площадях.

Главное внимание, естественно, уделялось разворачиванию оборонной промышленности. Ей предназначалась большая часть чугуна и стали, выплавленной на металлургических заводах; нефти и угля, добытых на шахтах и промыслах. Электроэнергия, вырабатываемая электростанциями страны, направлялась прежде всего на предприятия, занятые производством для фронта.

Мобилизационные запасы черного и цветных металлов разрешалось расходовать только на изготовление вооружения, боевой техники и боеприпасов; две трети металлорежущих станков, которые предполагалось выпустить в течение квартала, предназначались предприятиям наркоматов боеприпасов, вооружения и авиационной промышленности. Средства и материалы концентрировались на строительстве военной, металлургической, угольной.

³⁰ «Строительство в СССР. 1917—1967 гг.». М., 1967, стр. 35

³¹ П. А. Вознесенский. Указ. соч., стр. 40—41.

нефтяной и других ведущих отраслей тяжелой промышленности, на строительство важнейших железнодорожных магистралей.

Перестройка военной и гражданской промышленности представляла собой единый взаимосвязанный и взаимозависимый процесс, протекавший высокими темпами в соответствии с целями и задачами борьбы против фашистских агрессоров. Вместе с тем в различных отраслях индустрии имелись свои особенности.

Если военная промышленность максимально расширяла военное производство, получив дополнительные мощности и ресурсы, то в гражданском машиностроении происходила коренная ломка: резко сокращался выпуск гражданской продукции, осваивалось производство танков, пушек, минометов, снарядов и т. п. Глубокая перестройка шла в металлургии, особенно в восточных районах.

Легкая промышленность почти целиком перешла на выпуск тканей для пошивки обмундирования, палаток, белья, обуви, парашютов и других предметов воинского снабжения и снаряжения, а пищевая — на выпуск концентратов и консервов для армии.

Местная промышленность и промкооперация были полностью загружены производством вооружения, боеприпасов (патроны, капсюли, гранаты, пистолеты-пулеметы и др.).

Работа транспорта направлялась на обеспечение мощных потоков по перевозке войск и военных грузов к фронту, эвакуируемых предприятий и населения на восток и перевозок народнохозяйственных грузов, в первую очередь для военной и тяжелой промышленности.

На нужды войны направлялись материальные и людские ресурсы сельского хозяйства. Колхозная деревня направила на фронт значительную часть техники и работоспособных мужчин. Весь труд деревни лег на плечи женщин, подростков и колхозников старших возрастов.

Важной составной частью перестройки народного хозяйства явилась начатая в первые дни войны эвакуация населения, перебазирование основных кадров и оборудования отдельных промышленных предприятий, техники, совхозов и колхозов, хлеба, сырья, промышленных товаров, культурных ценностей из угрожаемых районов на восток. Перемещением производительных сил в восточные районы страны непосредственно руководили ЦК ВКП(б), ГКО, Совнарком СССР и Совет по эвакуации.

В конкретных условиях военной обстановки 1941—1942 гг. возникла необходимость проводить перебазирование производительных сил СССР дважды: летом и осенью 1941 г., а затем летом и осенью 1942 г. Эвакуация 1941 г. была самой массовой³².

В прифронтальной зоне вывоз населения и грузов осуществлялся буквально под огнем врага, подвергавшего массивирован-

³² «Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР. 1941—1942 гг.». Сборник статей и воспоминаний. М., 1966, стр. 7.

ным ударам с воздуха и артобстрелу железнодорожные узлы, дороги, порты, мосты и переправы, эвакуируемые предприятия.

Демонтаж и эвакуация заводского оборудования иногда проводились и из районов, отстоявших за многие сотни километров от фронта.

За первые шесть месяцев войны Советом по эвакуации, его уполномоченными, местными партийными и советскими органами, военными советами фронтов вместе с рабочими и служащими предприятий и учреждений, колхозниками и военнослужащими была проделана поистине гигантская по масштабам и объемам работа. С июля по 9 декабря 1941 г. из Прибалтики, Карело-Финской республики, из Белоруссии, с Украины, из Молдавии, северо-западных областей РСФСР, некоторых районов промышленного Центра, из Москвы и Ленинграда было перебазировано 1523 крупных промышленных предприятия, в том числе в районы Поволжья — 226, на Урал — 667, в Западную Сибирь — 224, в Казахстан и Среднюю Азию — 308. Часть оборудования была вывезена на Кавказ, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток³³.

Одновременно в тыл только по железным дорогам удалось переправить более 10 млн. человек³⁴. Всего для перевозок эвакуированных в течение второго полугодия 1941 г. было использовано 1,5 млн. вагонов.

В общей сложности в течение второй половины 1941, а также лета и осени 1942 г., по неполным данным, удалось эвакуировать свыше 2500 промышленных предприятий³⁵, перевести и перегнать значительную часть тракторов, автомашин, сотни тысяч голов скота, вывезти большие запасы хлеба, продовольствия, сырья, материалов, промышленных товаров, многие культурные ценности.

Потеря важных в промышленном отношении районов отрицательно сказалась прежде всего на промышленном производстве, которое сократилось во втором полугодии 1941 г. в 2 раза по сравнению с первым полугодием.

Поэтому быстрое продвижение эвакуированных предприятий и их восстановление на новых местах приобрели решающее значение в деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по организации военного производства и мобилизации экономики на нужды фронта.

³³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 148.

³⁴ К весне 1942 г. по тыловым районам РСФСР было размещено 5914 тыс. человек, в республиках Средней Азии, Казахстана и Закавказья — 1289 тыс. человек. Часть из числа эвакуированных была призвана на военную службу, в школы трудовых резервов либо после разгрома гитлеровцев под Москвой вернулась к месту жительства («История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 2, стр. 548). «Советский тыл в Великой Отечественной войне», кн. 2. М., 1974, стр. 181—191).

³⁵ «Правда», 12 марта 1975 г.

Борьба за реализацию государственных графиков, за их претворение в жизнь была в то же время борьбой за быстрее восстановление и пуск эвакуированных предприятий, за своевременный, предусмотренный графиком выпуск каждого самолета, каждого танка, каждой пушки, каждого боекомплекта снарядов и патронов.

Уже во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым среднемесячный выпуск боевых самолетов возрос в 2,2 раза, ручных и станковых пулеметов — в 2,5, полевых орудий — в 3, пистолетов-пулеметов — в 8, минометов всех калибров — более чем в 1,5 раза и т. д. За шесть военных месяцев 1941 г. артиллерийские заводы дали столько 45-мм противотанковых пушек, сколько было произведено за весь 1940 г.³⁶ Рост производства военной продукции продолжался ускоренными темпами.

К середине 1942 г. в восточных районах СССР уже вступило в действие свыше 1200 эвакуированных крупных предприятий. Уже в марте 1942 г. здесь было произведено столько военной продукции, сколько выпускалось во всей стране накануне войны³⁷. В течение второй половины 1941 г. и в начале 1942 г. было размещено в колхозах тыловых районов 2393,3 тыс. голов скота. Здесь вновь включилось в производственный процесс около 5 тыс. эвакуированных специалистов сельского хозяйства³⁸.

Осуществленное в столь короткий срок в чрезвычайно трудных условиях войны массовое перемещение за многие тысячи километров миллионов людей, сотен предприятий и других материальных ценностей явилось величайшим военно-хозяйственным стратегическим выигрышем Советского государства. Героическими усилиями народа в результате этого беспрецедентного в истории стран и народов перебазирования были сохранены значительные производительные силы, которые сыграли огромную роль в создании слаженного военного хозяйства страны. Потерпели крах планы гитлеровцев, рассчитывавших захватом важнейших промышленных центров в западных районах подорвать экономическую мощь социалистического государства и лишить его материально-технической базы, необходимой для ведения войны.

Напряженность сражений, длительность войны остро поставили проблему распределения трудовых ресурсов между фронтом и тылом. Умелое и эффективное решение этой проблемы приобрело первостепенное значение как в перестройке хозяйства, так и в дальнейшем его развитии в условиях войны. Трудовые ресурсы резко уменьшились. Сложность ее решения усугублялась тем, что, помимо мобилизации в армию большого числа рабочих

³⁶ «Краткая история СССР», ч. 2. М., 1972, стр. 327—328.

³⁷ Н. А. Вознесенский. Указ. соч., стр. 43; «Вторая мировая война», кн. 1. М., 1966, стр. 74.

³⁸ Ю. В. Арутюнян. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970, стр. 52, 57.

и служащих, часть населения страны осталась на оккупированной территории; десятки тысяч рабочих были временно выключены из сферы производства во время перебазирования промышленности.

В начале 1941 г. в народном хозяйстве СССР было занято 31,5 млн. рабочих и служащих, а к концу 1941 г. их численность сократилась до 18,5 млн. человек³⁹.

Коммунистическая партия и Советское правительство оперативно произвели перераспределение рабочей силы между отраслями народного хозяйства, увеличили рабочее время и привлекли в народное хозяйство новые кадры путем трудовой мобилизации городского неработающего населения, а также сельского населения. Вводились обязательные сверхурочные работы, отменялись очередные и дополнительные отпуска. Это позволило примерно на треть повысить загрузку оборудования⁴⁰.

В 1942 г. было вовлечено в народное хозяйство более 3 млн. человек, из них на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт — 788,5 тыс. и в систему трудовых резервов — 826 тыс. Из общей численности промышленных рабочих в 1942 г. 40% были заняты в машиностроении и металлургии⁴¹.

Все это вместе взятое, а также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов, перевод части работников из государственного аппарата, торговли, социально-культурных отраслей на производство существенно ослабили трудности с кадрами и в значительной степени определили успех перевода промышленности на военные рельсы и создание необходимых предпосылок для ее подъема.

Титаническая деятельность Коммунистической партии и Советского правительства, рабочих, колхозников, интеллигенции по выявлению и мобилизации колоссальных резервов, тающихся в недрах социалистического строя, обеспечивала быстрый перевод народного хозяйства на военные рельсы, эффективность работы всех его звеньев в сложных условиях. Выполнение заданий фронта стало главным содержанием повседневного труда. В стране развернулось движение за скоростные методы выплавки новых марок стали, добычи руды, за быстрое освоение новых видов военной продукции и выполнение двух и трех норм. Никогда раньше социалистический труд не выдвигал столько ценных и массовых творческих начинаний рабочего класса, направленных на резкое повышение производительности труда, мобилизацию неиспользованных резервов и возможностей,

³⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1973, стр. 484.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Вопросы истории», 1958, № 11, стр. 36; А. В. Мигрофанова. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). М., 1960, стр. 340—342.

сколько их появилось уже в первые военные месяцы. Некоторые из этих починов возникли еще в предвоенное время. Однако с самого начала Великой Отечественной войны в ходе социалистического соревнования они получили второе рождение, в качестве новой обстановке наполнились новым содержанием, поднялись на более высокую ступень развития и стали особенно массовыми и высокоэффективными.

Летом 1941 г. получило всенародную поддержку предложение слесаря-комсомольца Горьковского машиностроительного завода Ф. Букина, который обратился к рабочим предприятия с призывом трудиться не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт. Так развернулось движение «двухсотников», а вскоре появились «трехсотники», «четырёхсотники», «пятисотники» и даже «тысячники». Во много раз перевыполняли нормы за смену фрезеровщик Д. Ф. Босый, бурильщики И. П. Янкин, А. И. Семиволос, сталевары-скоростники М. В. Буркацкий, Д. Д. Сидоровский, Н. Базетов, И. Валеев, доменщики А. Л. Шатилин, Л. Т. Герасимов и сотни других новаторов производства. Сталевар Кузнецкого металлургического завода А. Я. Чалков освоил способ варки специальной стали в обычных мартеновских печах, совершив этим переворот в технологии сталеварения. За первые два года войны он выпустил сверх плана столько стали, сколько требовалось для изготовления 36 пушек, 24 тяжелых танков, 15 тыс. минометов, 100 тыс. гранат и 18 тыс. автоматов⁴². Так же самоотверженно трудились с начала войны тысячи советских рабочих.

Осенью 1941 г. молодые рабочие М. Попов с Уралмашзавода (Свердловск), В. Шубин и В. Тихомиров на Горьковском автозаводе выступили инициаторами соревнования комсомольско-молодежных бригад за звание фронтовых. Эти бригады выполняли самые ответственные заказы фронта. Патриотический почин горьковчан и уральцев был широко подхвачен на предприятиях страны. Производительность труда молодежи во фронтовых бригадах, как правило, на 30—40% превышала среднюю производительность по предприятию.

В первый, самый тяжелый период войны, когда в результате потерь территориальные границы народного хозяйства СССР резко сузились, уменьшилась его материально-техническая и сырьевая база, сократилась численность рабочих и служащих⁴³,

---

⁴² «Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967». М., 1968, стр. 296.

⁴³ В 1942 г. по сравнению с 1940 г. национальный доход составлял 66%, основные производственные фонды в целом в стране — 68, в промышленности — 75, общий выпуск валовой продукции промышленности — 77, сельского хозяйства — 38, грузооборот транспорта — 53, численность рабочих и служащих в народном хозяйстве — 59%. По ряду отраслей производство снизилось до уровня 30-х годов («История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 45).

день за днем шла напряженная борьба за перевод хозяйства на военные рельсы и создание слаженного военного хозяйства.

Государственный бюджет как в зеркале отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд. руб. по сравнению с первым полугодием, а в 1942 г. они составили 108,4 млрд. руб., т. е. были выше, чем в 1941 г., на 25,4 млрд. руб. Ассигнования на народное хозяйство и социально-культурные мероприятия составили 61,9 млрд. руб., т. е. уменьшились на 21,2 млрд. руб.⁴⁴

Сложность развития экономики в 1941—1942 гг., трудности процесса перестройки, конечно, сказывались на выпуске промышленной продукции. В течение первых двух с лишним месяцев войны валовая продукция всей промышленности СССР (июнь—август 1941 г.) благодаря, в частности, скачку в производстве военной продукции возросла по сравнению с соответствующими месяцами 1940 г. более чем на 2 млрд. руб. (в ценах 1926—1927 гг.). В последнем квартале 1941 г., в самом разгаре перестройки, когда резко возросли потери, ее объем сократился на 18 с лишним млрд. руб. по сравнению с соответствующим периодом 1940 г.⁴⁵

В первом квартале 1942 г. выпуск продукции был еще ниже предыдущего квартала более чем на 1,2 млрд. руб. Однако уже во втором благодаря героическим усилиям тружеников тыла он стал выше на 5,1 млрд. Прирост в третьем квартале составил около 5 млрд. руб. В четвертом квартале 1942 г. производилось промышленной продукции на 8,5 млрд. больше, чем в четвертом квартале 1941 г.⁴⁶

В экономике сложились новые народнохозяйственные пропорции, характерные для военного времени. В промышленности доля военной продукции в 1942 г. составила 63,9%, а гражданской — 36,1%. Валовая продукция военной промышленности была выше довоенного уровня на 86%⁴⁷. К концу 1942 г. советская промышленность производила важнейших видов боевой техники и вооружения больше, чем германская⁴⁸. Всеобъемлющий характер военной перестройки во всех отраслях народного хозяйства ярко отражался в таких данных. В 1942 г. доля национального дохода, отвлекаемого на военные нужды, составила 55% вместо 15% в 1940 г. В промышленности доля продукции, идущей на оборонные нужды, составила соответственно 68% вместо 26%, в сельском хозяйстве — 24% вместо 9%, в работе транс-

⁴⁴ «Советская социалистическая экономика. 1917—1957». М., 1957, стр. 581.

⁴⁵ Институт военной истории. Документы и материалы, инв. № 32, стр. 70.

⁴⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 6, стр. 45.

⁴⁷ Там же, стр. 45, 52.

⁴⁸ В 1942 г. в СССР было произведено 24,7 тыс. танков и 25,4 тыс. самолетов, в Германии — 9,3 тыс. танков и 14,7 тыс. самолетов.

порта — 61% вместо 16%. Военная перестройка народного хозяйства потребовала максимальной концентрации средств, строительных материалов и оборудования на быстрейшем сооружении важнейших военно-промышленных объектов. По данным Промбанка, в 1942 г. в стране, несмотря на огромные военные трудности, строилось 10 315 предприятий⁴⁹.

В результате процесса перестройки народного хозяйства, эвакуации, нового строительства увеличился удельный вес восточных районов страны, игравших ведущую роль в военной экономике. Они стали главной базой фронта, имели мощный производственный аппарат и квалифицированные кадры.

Резко возрос удельный вес восточных районов во всесоюзном производстве. Валовая продукция в этих районах выросла с 39,4 млрд. руб. в 1940 г. до 48,1 млрд. руб. в 1941 г. и до 74,9 млрд. руб. в 1942 г. В восточных районах производилась основная часть военной продукции. Валовая продукция всей промышленности 1942 г. выросла по сравнению с 1940 г. на Урале в 2,8 раза, а военная продукция — более чем в 5 раз, в районах Западной Сибири — соответственно в 2,4 и 27 раз, в районах Поволжья — в 2,5 раза и в 9 раз⁵⁰. В 1942 г. доля этих районов в валовом сборе зерна составила 89,1% против 42,3% в 1940 г., в поголовье крупного рогатого скота — соответственно 93,3% и 51% и т. д.⁵¹

«Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов»⁵², — был вынужден отметить бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх, освещая события 1942 г.

Между тем в фашистской Германии, где военное хозяйство создавалось еще в годы, предшествующие второй мировой войне, на это ушло около семи лет, а в США и Англии уже в военное время — четыре-пять лет. А труженикам советского тыла потребовалось всего лишь около года, чтобы к середине 1942 г. перевести всю экономику СССР на военные рельсы, а к концу года создать в стране слаженное, быстро растущее военное хозяйство. Это явилось выдающейся трудовой победой советского народа, который, пройдя сложный, суровый военный экзамен первого года войны, успешно решил важнейшую задачу на экономическом фронте.

На завершающей стадии перестройки, опираясь на опыт довоенных лет, рабочий класс выступил с инициативой развернуть

⁴⁹ «Шаги пятилеток». М., 1973, стр. 121; Б. Соколов. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны. М., 1946, стр. 16.

⁵⁰ Н. А. Вознесенский. Указ. соч., стр. 77—78.

⁵¹ «Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.». М., 1970, стр. 25.

⁵² К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 256.

Всесоюзное социалистическое соревнование в государственном масштабе, направленное на усиление помощи Красной Армии. Оно охватило все отрасли народного хозяйства.

В нем проявилось единое стремление труженников тыла сделать как можно больше для фронта. Они боролись за неуклонный рост производительности труда, снижение себестоимости военной продукции на основе внедрения передовой технологии, распространения опыта новаторов, рационального использования всех ресурсов.

Советская экономика, целиком подчиненная интересам фронта, задаче скорейшего разгрома врага, постепенно создавала предпосылки для обеспечения материально-технического превосходства над гитлеровскими захватчиками — важнейшего условия победы.

Перестроенное на военный лад, народное хозяйство набирало темпы. Это оказывало прямое влияние на вооруженность и техническую оснащенность Красной Армии⁵³.

Убедительным показателем успехов военной экономики, достигнутых в течение первого года войны, является увеличение выпуска всех видов военной продукции, в том числе боевых самолетов и танков. Фактическое производство боевой техники уже в мае 1942 г. находилось почти на уровне плановых заданий⁵⁴. За первую половину 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. выпуск танков возрос в 2,3 раза, полевой артиллерии — в 2, минометов — в 3, пистолетов-пулеметов и противотанковых ружей — в 6 раз. Рост военного производства важнейших видов боевой техники продолжался в течение всего первого полугодия 1942 г.

Так, выпуск танков Т-34 в марте 1942 г. был в 2,8 раза выше, чем в ноябре 1941 г. Если в первом квартале 1942 г. в среднем ежемесячно выпускалось около 1600 танков всех типов, то во втором квартале — свыше 2 тыс. Среднемесячное производство боевых самолетов всех типов в первом квартале 1942 г. составляло 1,1 тыс., а во втором приблизилось к 1,7 тыс., что почти соответствовало плановому заданию⁵⁵.

Экономика страны вступала во второй этап — непосредственно создания и развития растущего, слаженного военного хозяйства.

Второй этап был более длительным, чем первый, охватил свыше двух с половиной лет — с конца 1942 г. и до середины 1945 г. В это время тоже решалась одна из коренных задач экономической программы разгрома врага — неуклонное нара-

---

⁵³ К ноябрю 1942 г. действующая армия имела свыше 6 тыс. танков, 3088 боевых самолетов, более 72,5 тыс. орудий и минометов, а в декабре 1941 г. — 1731 танк, 2495 боевых самолетов, около 22 тыс. орудий и минометов («50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1968, стр. 343—344, 459).

⁵⁴ Архив МО СССР, ф. 35, оп. 73965, д. 4, л. 4.

⁵⁵ «История второй мировой войны. 1939—1945», т. 4. М., 1975, стр. 158.

чивание экономических сил страны, обеспечение слаженности и быстрого роста всего военного хозяйства СССР, с тем чтобы полностью завершить перевооружение Красной Армии, окончательно ликвидировать превосходство врага в некоторых видах боевой техники и вооружения, в полной мере обеспечить крупные наступательные операции и разгромить врага. Эта задача была сложная и масштабная. Она могла быть решена путем неуклонного роста военного производства и совершенствования военной техники; ускорения подъема и укрепления всего народного хозяйства, и прежде всего военнопромышленной базы. Для этого требовалось мобилизовать резервы, направить их на ускорение темпов развития как военной промышленности, так и особенно на убыстрение темпов развития тяжелой промышленности и всех отраслей военного хозяйства.

Коммунистическая партия и Советское правительство, разрабатывая и осуществляя хозяйственную политику, руководствовались принципом одновременного развития военного производства и тяжелой промышленности.

Развитие военной экономики на втором этапе происходило в иных, более благоприятных военных и экономических условиях, хотя еще довольно сложных и напряженных, но отличных от труднейшего первого этапа.

Несмотря на то, что неблагоприятное для СССР развитие событий на фронте летом и осенью 1942 г. и связанная с ними новая волна эвакуации предприятий и людей из ряда южных районов страны отрицательно сказались на общем промышленном производстве, они не поколебали его устойчивости. Советская экономика успешно преодолевала возникавшие трудности. Уже в декабре 1942 г. по сравнению с декабрем 1941 г. производство самолетов выросло в 3,3 раза (в том числе авиамоторов в 5,4 раза), танков — почти в 2 (в том числе танковых дизель-моторов в 4,6 раза), артиллерийских систем — в 1,8, пулеметов — в 1,9, 120-мм минометов — почти в 5, авиабомб — в 2,1, реактивных снарядов — в 1,9 раза и т. д.⁵⁶

Великая победа под Сталинградом ознаменовала начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции. После победы на Волге Красная Армия развернула наступление и на других участках советско-германского фронта — от Ленинграда до Кавказа. В результате разгрома немецко-фашистских армий на Курской дуге и летне-осеннего наступления 1943 г. Красной Армии коренной перелом в войне завершился. Военная обстановка резко изменилась, стратегическая инициатива прочно удерживалась советскими войсками до полного разгрома врага. Развернулась героическая эпопея возрождения хозяйства на земле, опаленной огнем военных пожаров. В сферу народнохо-

⁵⁶ Н. А. Вознесенский. Указ. соч., стр. 83—84.

зяйственного комплекса вновь включались важнейшие экономические районы.

К концу войны в очищенных от врага районах было восстановлено и выстроено вновь 7500 крупных промышленных предприятий, 116 тыс. км железных дорог. Здесь вновь вступила в действие примерно треть довоенного промышленного производства⁵⁷. Нарастали и ритм, целенаправленность и эффективность перестроенного на военный лад социалистического производства в целом и каждого из его звеньев.

Наряду с неуклонным ростом потребностей фронта в материально-техническом обеспечении страна стала располагать уже большими экономическими возможностями не только для их полного удовлетворения, но и для расширения фондов накопления.

Реальная обстановка требовала, как и на первом этапе, умелого, рационального и наиболее полного использования преимуществ плановой социалистической системы хозяйства.

Коммунистическая партия и Советское правительство, осуществляя намеченную экономическую программу, и на данном этапе исходили из всестороннего анализа военной обстановки, состояния и возможностей социалистической экономики, определив основные направления развития слаженного военного хозяйства: обеспечить коренной перелом в работе важнейших отраслей военного хозяйства, достигнуть наивысшего его подъема, развернуть широким фронтом восстановление народного хозяйства, подготовить условия к переходу на мирную экономику.

Государственные военно-хозяйственные планы 1943 г. (годовой, квартальный, месячный), государственные планы восстановления и развития народного хозяйства на 1944 и 1945 гг. определяли общехозяйственные задачи, конкретные задания по каждой отрасли народного хозяйства. Они предусматривали ликвидацию определенных диспропорций в темпах и уровне развития военной промышленности и тяжелой индустрии, возникших в связи с потерями и быстрым развертыванием военного производства; более пропорциональное перераспределение капиталовложений между отраслями и районами; неуклонное наращивание мощностей; восстановление основных фондов народного хозяйства; программу восстановления хозяйства освобожденных районов и т. д.

Материальной основой роста слаженного военного хозяйства являлся подъем в ходе войны тяжелой промышленности, которая обеспечивала как выпуск военной продукции, так и развитие других отраслей хозяйства. Коммунистическая партия концентрировала усилия народа прежде всего на всемерном укреплении военного производства, тяжелой промышленности и транспорта.

---

⁵⁷ «Страна Советов за 50 лет», стр. 188, 191; Г. А. Куманев. Советский тыл — фронту. 1941—1945 гг. М., 1970, стр. 39.

Острым оставался вопрос об источниках дальнейшего развития хозяйства. Необходимо было изыскать дополнительные внутренние резервы и умело использовать ресурсы самого военного хозяйства. Важнейшее значение приобрели такие факторы, как борьба за совершенствование технологии производства, снижение себестоимости продукции, уменьшение расходов и экономия сырья и материалов, топлива, трудовых затрат, повышение производительности труда.

На новый этап поднялось Всесоюзное социалистическое соревнование, позволившее вскрыть многие новые неиспользованные резервы. Только с апреля 1942 г. по апрель 1944 г. производительность труда в промышленности СССР повысилась на 40%, что существенно сказалось на увеличении производства военной продукции⁵⁸.

Экономическое развитие страны за два с половиной года протекало довольно сложно. В промышленности в конце 1942 г. и в первом квартале 1943 г. по большинству видов произошло некоторое снижение выпуска продукции по сравнению с четвертым кварталом 1942 г. Сказывались огромный ущерб, причиненный гитлеровцами народному хозяйству, недостаток резервов и запасов сырья и топлива, транспортные затруднения.

В первом квартале 1943 г. общий выпуск продукции промышленности снизился на 12% по сравнению с четвертым кварталом 1942 г.⁵⁹ Однако со второго квартала 1943 г. наблюдается неуклонное увеличение выпуска продукции промышленности в целом и по многим отраслям тяжелой индустрии (металлургия, угольная промышленность, энергетика и др.).

С самого начала года по инициативе трудящихся Куйбышева в стране развернулось движение за создание из сверхплановой продукции фонда Главного командования Красной Армии. Совершенствовались и обогащались индивидуальные и коллективные формы социалистического соревнования: движение многостаночников, «двухсотников», «трехсотников», «тысячников», соревнование по профессиям, личные счета сверхплановой продукции, движение комсомольско-молодежных и фронтовых бригад и т. д. В ходе соревнования страна узнала о славных начинаниях новых передовиков производства.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады 1-го Московского шарикоподшипникового завода Е. Г. Барышников и Челябинский рабочий Е. П. Агарков предложили уменьшить состав бригады при одновременном увеличении выработки. Это позволило высвободить и перевести на другие работы около 100 тыс. труженников тыла.

В 1943 г. были введены значительные новые мощности в тяжелой индустрии. В течение 1943 г. в стране сооружалось

⁵⁸ «Краткая история СССР», ч. 2, стр. 372.

⁵⁹ И. А. Вознесенский, Указ. соч., стр. 155.

10 418 предприятий⁶⁰. Ускорились темпы развития как военной промышленности, так и важнейших отраслей тяжелой индустрии, что имело особо важное народнохозяйственное значение.

В военной промышленности происходил бурный технический прогресс. С марта 1943 г. наметилось устойчивое нарастание валовой продукции промышленности в целом. Ее выпуск уже был больше, чем в декабре 1942 г. и январе и феврале 1943 г. В январе 1943 г. валовая продукция всей промышленности составила 8602 млн. руб. (в неизменных ценах 1926—1927 гг.), а в апреле — 10 085 млн., в июне — 10 531 млн., в декабре — 11 681 млн. руб. К июню 1943 г. промышленной продукции в стране выпускалось больше, чем в июне 1942 г. Ведущие отрасли тяжелой индустрии преодолели отставание, резко возросли темпы их развития, сближаясь с темпами роста военной промышленности. Устойчивый рост выпуска продукции наблюдался по выработке электроэнергии, выплавке чугуна, стали, проката, нефти, выпуску металлорежущих станков, автомобилей и другим видам. Итоги первой половины 1943 г. свидетельствовали о том, что в работе промышленности был налицо перелом, начавшийся во второй половине 1942 г.

К лету 1943 г. в действующих войсках Красной Армии по сравнению с противником находилось танков и самоходно-артиллерийских установок в 1,6 раза, орудий и минометов почти в 2 раза, боевых самолетов почти в 3 раза больше⁶¹.

Важным резервом увеличения выпуска оборонной продукции явился переход к более совершенным формам организации производственного процесса, прежде всего к поточному методу. Только на авиамоторостроительных заводах введение потока увеличило в 1943 г. производительность труда на 20—25 %.

Произошел перелом и в работе транспорта. Впервые с начала войны был перевыполнен план железнодорожных перевозок по всем 32 действовавшим магистральям на 3,2 %.

В сложных условиях развивалось сельское хозяйство. Сказывались сокращение материально-технической базы⁶² и людских ресурсов, большой ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками, и неурожай, охвативший важные зерновые районы. В 1943 г. посевная площадь в восточных районах сократилась. Урожайность зерновых составила всего лишь 3,9 ц с га вместо 8,5 ц в 1940 г.

В этих условиях, испытывая громадные трудности и лишения, советское крестьянство трудилось с большой самоотверженностью, мобилизуя все резервы сельскохозяйственного производства. «Наше сельское хозяйство, — говорил М. И. Калинин, —

⁶⁰ Б. Соколов. Указ. соч., стр. 16.

⁶¹ «Советский тыл в Великой Отечественной войне», кн. 1, стр. 115.

⁶² За три военных года (1942—1944 гг.) для МТС и колхозов было поставлено тракторов в 7 раз, а комбайнов в 90 раз меньше, чем в 1940 г. (Ю. В. Арутюнян. Указ. соч., стр. 273).

... больше давало государству, чем могло получить от него, и это естественно, так как государство вело войну»⁶³.

И тем не менее общие итоги экономического развития свидетельствовали о том, что материально-технические возможности Советского Союза значительно выросли по сравнению с 1942 г. Национальный доход страны увеличился за год на 13%. Военно-промышленная база расширилась и укрепилась. Валовая продукция всей промышленности возросла на 17% (при 13% в третьей пятилетке), а военной промышленности — на 20%⁶⁴.

Расширялось и совершенствовалось военное производство. Всего в 1943 г. советские авиационные заводы дали фронту около 35 тыс. самолетов — на 37,4% больше, чем в 1942 г., и на 9700 самолетов больше, чем промышленность Германии.

Не меньших успехов добились и танкостроители. В течение 1943 г. в СССР было выпущено 24 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, тогда как немецкая промышленность за 1942 и 1943 гг. дала только 18 200 боевых машин, уступавших к тому же советским по своим боевым качествам.

В 1943 г. Красная Армия получила 130 тыс. орудий всех видов. При этом рабочие, инженеры, конструкторы оборонных предприятий, ученые нашей страны постоянно трудились над совершенствованием боевой техники и созданием новых образцов вооружения. В 1943 г. выпуск боевых машин реактивной артиллерии увеличился в 3,4 раза по сравнению с 1941 г.

Значительных успехов достигло и производство боеприпасов, которое по сравнению с 1941 г. почти утроилось⁶⁵.

В 1943 г. продолжался рост военного производства в восточных районах. По сравнению с 1940 г. оно поднялось на Урале в 6 раз, в Западной Сибири — в 34, в Поволжье — в 11 раз⁶⁶.

В течение 1943 г. возросла и мобильность транспорта. Все это привело к коренным сдвигам в росте экономических возможностей Советского Союза: прекратилось сокращение, стали увеличиваться основные фонды народного хозяйства, вырос бюджет, произошли изменения в его распределении по отраслям хозяйства, началось восстановление численности рабочих и служащих в народном хозяйстве, наметились первые перспективы развития отдельных отраслей экономики в ближайшие годы. В 1943 г. доходы госбюджета превысили довоенный уровень. Ассигнования на народное хозяйство и социально-культурные нужды возросли, составив 70,8 млрд. руб., тогда как военные расходы увеличились на 16,6 млрд. составив 125 млрд. руб.⁶⁷

⁶³ М. И. Калинин. Беседы с народом. М., 1960, стр. 347.

⁶⁴ «Шаги пятилеток», стр. 123.

⁶⁵ «Краткая история СССР», ч. 2, стр. 361—362.

⁶⁶ Н. А. Вознесенский. Указ. соч., стр. 77—78.

⁶⁷ Там же, стр. 132—133; Г. С. Кравченко. Экономка СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1970, стр. 230.

В 1943 г. основные фонды увеличились на 12% по сравнению с 1942 г., численность рабочих и служащих выросла на 5,4% (составив 63,2% к довоенному уровню). Валовая продукция в целом составила 90% к 1940 г. вместо 77% в 1942 г., а по оборонной промышленности — 224% вместо 186%, общий выпуск продукции машиностроения и металлообработки составил 142%. В 1943 г. выплавка чугуна увеличилась по сравнению с 1942 г. на 17%, стали — на 5, угля — на 23, электроэнергии — на 12%; производство алюминия — на 20%, никеля — на 52, автомобилей — на 41% и т. д. Себестоимость промышленной продукции снизилась на 2,5%, производительность труда рабочих в промышленности повысилась на 7%, в том числе по военной промышленности на 13%. «Создавались серьезные источники расширенного социалистического производства»⁶⁸, — отмечал в своей книге о советской военной экономике 1941—1945 гг. председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский.

Успехи в развитии военной промышленности, всей экономики СССР позволили завершить перевооружение Красной Армии новейшей боевой техникой: войска получили первоклассные танки, самолеты новейшей конструкции, большое количество артиллерии, минометов, автоматов, перестали испытывать нужду в боеприпасах.

В нескончаемом потоке прибывавшей на фронт боевой техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия войны Красной Армии видели возрастающую мощь советского тыла, результаты самоотверженного труда его труженников.

В 1944 г. и первой половине 1945 г. экономическая победа над врагом была закреплена. Экономика Советской страны развивалась высокими темпами, имея при этом свои особенности и сложности.

Наивысший подъем в работе всего советского тыла был обеспечен усилиями его труженников в 1944 г.

Коммунистическая партия активизировала деятельность хозяйственных, профсоюзных, комсомольских организаций по руководству Всесоюзным социалистическим соревнованием. Движение за всемерную помощь фронту стало поистине всенародным, охватив к концу 1944 г. свыше 85% работников промышленности⁶⁹. В 1942 г. переходящие Красные знамена ВЦСПС и наркоматов были вручены 326 предприятиям — победителям соревнования, в 1943 г. — 605, а в 1944 г. — уже 828⁷⁰. Под девизом «В труде как в бою» к ноябрю 1943 г. в промышленности и на транспорте трудилось около 36 тыс., а к концу 1944 г. —

⁶⁸ Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 142—143.

⁶⁹ «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., 1970. стр. 439.

⁷⁰ «Профсоюзы СССР». Документы и материалы. т. III. М., 1963. стр. 373

более 145 тыс. комсомольско-молодежных бригад, из них около 52 тыс. бригад завоевали звание фронтовых ⁷¹.

Для этого периода характерно восстановление в довоенных территориальных границах военного хозяйства, отдельных отраслей. Вместе с тем налицо было резкое различие в состоянии, уровне, темпах развития народного хозяйства тыловых и районов, освобожденных от оккупации; в широком масштабе велось восстановление в территориальном и отраслевом разрезах. Развертывание массовой реэвакуации производительных сил — важная особенность экономического развития страны в это время. Народное хозяйство в целом развивалось более согласованно. Значительно расширились источники и возможности социалистических накоплений.

Неуклонный рост ведущих отраслей тяжелой промышленности обеспечил в 1944 г. наивысший за все время войны подъем военного производства. Однако фронту требовалось не просто количественное пополнение боевой техникой — эта проблема была уже решена, а подавляющее качественное превосходство советской военной техники. Партия ставила перед учеными, коллективами военных предприятий задачу шире использовать последние достижения науки, ускорить технический прогресс, скоростными методами осваивать новейшие виды оружия.

В 1944 г. по сравнению с предыдущим годом продукция военной промышленности увеличилась на 15%, производство танков и самоходно-артиллерийских установок поднялось с 24 тыс. до 29 тыс., а самолетов — с 34 900 до 40 300 ⁷². Возросли ритмичность и согласованность в работе отраслей индустрии и транспорта.

Своеобразие и особенность развития экономики в 1944 г. заключались и в том, что обозначился подъем и в сельском хозяйстве.

Уровень и темпы экономического развития СССР позволяли Коммунистической партии и Советскому правительству шире и всесторонне определять перспективы экономического развития страны в мирных условиях и подготавливать условия для создания мирных народнохозяйственных пропорций. В августе 1943 г. был принят план развития промышленности и транспорта Урала в 1943—1947 гг. и развития отдельных отраслей промышленности на ближайшие три-четыре года (энергетика, угольная промышленность (Карагандинский бассейн), отрасли тяжелого машиностроения и т. д.). Тогда же началась подготовка планов народного хозяйства по освобожденным и тыловым районам. К августу 1944 г. Госплан СССР подготовил проект плана восстановления и развития народного хозяйства на 1943—1947 гг.

---

⁷¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 444.

⁷² «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945», стр. 441.

Особенности процесса развития экономики на новом отрезке (1944 г.) второго этапа ее развития отражаются во всех показателях народного хозяйства СССР. В 1944 г. в государственном бюджете доходы превысили довоенный уровень. Доходная часть госбюджета превзошла расходную. Ассигнования на оборону были самыми высокими за всю войну — 137,8 млрд. руб., но приближались к довоенным ассигнованиям на народное хозяйство (по промышленности и социально-культурным мероприятиям были даже выше довоенных)⁷³. За 1944 г. национальный доход увеличился на 19%.

Основные фонды народного хозяйства в целом составили 86% к уровню 1940 г., в промышленности — 92% довоенного уровня, а в 1945 г. — 98%, на транспорте — 90, в строительстве — 125%⁷⁴.

Выпуск валовой продукции в целом составил 104% к уровню 1940 г. (144,2 млрд. руб.), а военной продукции — 312%. Производительность труда повысилась на 142%. Промышленная продукция увеличилась по сравнению с 1943 г. на 15%, а продукция черной металлургии — на 25%, электроэнергии и топливной промышленности — на 21, цветной металлургии — на 45% и т. д.

Чрезвычайно важным фактором явился рост продукции сельского хозяйства на 48%. Сырьевая и продовольственная база страны стала прочнее. Несмотря на серьезные сдвиги, происходившие в промышленном производстве, в ходе войны основные силы концентрировала военная промышленность. Ее удельный вес в общем выпуске продукции оставался на высоком уровне до второй половины 1945 г.⁷⁵

Развитие народного хозяйства Советского Союза имело свои резко выраженные черты. Если в первом полугодии еще преобладали черты военной экономики, то второе знаменует собой начало переходного процесса к мирной экономике.

В первом и втором кварталах 1945 г. пока еще сохранялся высокий уровень выпуска военной продукции; снижение ее выпуска составило во втором квартале 8%, а в третьем — 49% по отношению к первому кварталу. Накопленные резервы вооружения и военного снаряжения позволили резко сократить выпуск военной продукции во второй половине 1945 г.⁷⁶

Приведенные ниже данные характеризуют соотношение

---

⁷³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». М., 1962, т. 4, стр. 586; *Г. С. Кравченко*. Указ. соч., стр. 221—223; «Страна Советов за 50 лет», стр. 35.

⁷⁴ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 4, стр. 586; *Г. С. Кравченко*. Указ. соч., стр. 221.

⁷⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 5, стр. 423.

⁷⁶ Там же.

между военной и гражданской продукцией в 1942—1945 гг. (в %) ⁷⁷:

	Военная продукция	Гражданская продукция		Военная продукция	Гражданская продукция
1942 г.	63,9	36,1	Второй квартал 1945 г.	54,3	45,7
1943 »	58,3	41,7			
1944 »	51,3	48,7	Третий квартал 1945 г.	40,2	59,8
1945 »	40,1	59,9			

Май 1945 г. стал водоразделом, подвел главную черту в истории военной экономики и определил новую полосу в развитии социалистической экономики — перестройку ее на мирные рельсы. Этот новый этап охватил вторую половину 1945 г. и весь 1946 г.

На втором этапе развития военной экономики слаженное военное хозяйство развивалось быстрыми темпами, обеспечивая в полной мере не только возрастающие военно-стратегические задачи Вооруженных Сил Советского Союза по разгрому фашистских агрессоров, но и важнейшие задачи хозяйственного строительства, создавая материальные предпосылки успешного перехода к работе в мирных условиях и быстрой ликвидации последствий войны.

* * *

В Великой Отечественной войне Советский Союз одержал не только военную, но и экономическую победу над врагом. Преимущества социалистической системы хозяйства, массовый трудовой героизм советских людей позволили Советскому государству успешно решить сложнейшие организационно-хозяйственные вопросы, поставленные войной.

В течение последних трех лет войны в СССР в среднем ежегодно выпускалось 120 тыс. артиллерийских орудий, 40 тыс. самолетов, 30 тыс. танков и 193,9 млн. артиллерийских снарядов. В то же время в Германии в 1942—1944 гг. производилось ежегодно в среднем по 26 тыс. самолетов и по 19 тыс. танков.

Советский Союз, производя по сравнению с Германией в начале войны втрое меньше металла и почти впятеро меньше угля, добился среднегодового производства большего, чем в Германии: самолетов — в 2 раза, танков — почти в 2, орудий — в 4, снарядов, бомб и мин — почти в 1,5 раза ⁷⁸. К концу войны Советские Вооруженные Силы превосходили врага: в личном составе — более чем в 2 раза, в танках и самоходно-артиллерийских

⁷⁷ Там же, стр. 419; Г. С. Кравченко. Указ. соч., стр. 351.

⁷⁸ «Краткая история СССР», ч. 2, стр. 388.

установках, а также в орудиях и минометах — в 3 с лишним раза, в боевых самолетах — почти в 8 раз⁷⁹.

Всего за 1941—1945 гг. в СССР было произведено 488 тыс. орудий, 104 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, 137 тыс. самолетов⁸⁰. За это же время из США и Англии было получено по ленд-лизу только 9600 орудий, 11 576 танков и самоходных орудий, 18 753 самолета.

Советская экономика, таким образом, сама обеспечила свою армию всеми современными средствами ведения войны и в количествах, достаточных для победы над врагом.

Советский народ по праву гордится тем, что фашистские полчища были остановлены и разгромлены отечественным оружием, созданным героическим советским народом, и что советская военная техника превзошла вооружение гитлеровской армии, считавшееся по тому времени лучшим в капиталистическом мире.

Социалистическое сельское хозяйство и советский транспорт также с честью выдержали суровый военный экзамен, обеспечив первоочередные нужды фронта и тыла. За 1941—1944 гг. колхозы и совхозы дали стране 4312 млн. пудов зерна⁸¹. За время войны только железнодорожники обеспечили перевозку более 19,7 млн. вагонов воинских перевозок, из них 9,3 млн. вагонов с войсками и 9,9 млн. с военными грузами. Народному хозяйству было доставлено примерно 67 млн. вагонов необходимых грузов⁸².

Весомый вклад в разгром врага внесли работники советской науки и культуры. Как отмечалось в приветствии партии и правительства в связи с 250-летием Академии наук СССР, советские ученые «много сделали для исторической победы над фашизмом, для укрепления экономического и оборонного могущества нашей Отчизны»⁸³.

Подготавливая войну против СССР, фашистские главари тешили себя иллюзиями о слабости социалистического строя, об отсутствии прочной дружбы между народами СССР. На деле Советское государство, основанное на союзе рабочего класса и крестьянства, на нерушимой дружбе народов, оказалось монолитным и непобедимым. Ни одна другая страна не была бы в силах в такие короткие сроки и в столь тяжелой обстановке создать единый боевой лагерь, перестроить народное хозяйство на военный лад и одержать над фашистским агрессором историческую победу.

⁷⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 648.

⁸⁰ Там же, стр. 644.

⁸¹ Там же.

⁸² «Военные сообщения за 50 лет». М., 1967, стр. 63; «Советский тыл в Великой Отечественной войне», кн. 2, М., 1974, стр. 220.

⁸³ «Правда», 8 октября 1975 г.

В. Т. ЛОГИН

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОБЕДЕ НАД ФАШИЗМОМ

В постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» подчеркивается, что эта победа явилась торжеством «идеологии марксизма-ленинизма, морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР»¹.

В развернувшихся сражениях противостояли друг другу не только вооруженные силы противоположных общественно-политических систем, но и два в корне противоположных мировоззрения, две идеологии — социалистическая и буржуазно-фашистская. История вновь подтвердила правильность положения марксизма-ленинизма о том, что идеология классов и политических партий способна выполнить функции специфического, особого средства подготовки и ведения войны, с одной стороны, борьбы против ее развязывания и мобилизации масс на отпор агрессору в случае, если не удастся ее предотвратить, — с другой. Исторический опыт показал, что коммунистическая идеология направлена на борьбу за предотвращение войн, против агрессивных устремлений империализма. Буржуазная идеология, напротив, используется реакционными кругами монополистического капитала для подготовки и развязывания несправедливых, захватнических войн и обработки населения и армии империалистических государств в этих целях.

Германский фашизм широко использовал идеологические средства для обмана народа и втягивания его в военную авантюру. Как подчеркивалось на XIII пленуме ИККИ, «фашистская диктатура есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»². Это определение классовой сущности фашизма, подтвержденное в документах VII Всемирного конгресса Коминтерна, имело важное значение для правильного понимания политики и идеологии фашистских государств.

¹ «Правда», 9 февраля 1975 г.

² Цит. по кн.: *Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, стр. 163.

Идеология фашизма — это мировоззрение наиболее реакционных и агрессивных кругов монополистического капитала. В ней, как в фокусе, сконцентрировалось все самое реакционное, свойственное империализму.

Именно такой была идеология гитлеровского фашизма. Воплотив в себе идеи антикоммунизма и антисоветизма, милитаризма и реваншизма, национал-шовинизма и расизма, тоталитарного государства и фюрерства, гегемонизм и агрессивность, придав им крайнее выражение, идеология гитлеровского фашизма была открыто нацелена на подавление всего прогрессивного и подготовку к войне в целях завоевания мирового господства, порабощения человечества и уничтожения целых народов и их культуры.

На Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками фашистская идеология справедливо была названа идейной базой агрессии. На нем констатировалось, что анализ книги Гитлера «Майн кампф» показывает, что «использование агрессивных войн для достижения цели во внешней политике было частью идеологии нацистской партии»³.

Взяв на вооружение культ насилия, фашизм стремился разбудить в населении нацистской Германии самые низменные инстинкты, вытравить все истинно человеческое, превратить солдат вермахта в головорезов, способных убивать, насиловать, грабить народы других стран. Фашисты создали в Германии изощренную систему агитации и пропаганды — от многочисленного аппарата нацистской партии и до фашистских профсоюзов, молодежных, женских и детских организаций включительно, охватившую своими щупальцами все население страны.

К началу войны нацистская партия, используя весь свой разветвленный пропагандистский аппарат, сумела обработать значительную часть населения Германии, отравить его сознание, добиться поддержки им своей агрессивной политики. «Нашим несчастьем, — говорилось в воззвании Коммунистической партии Германии к народу 11 июня 1945 г., — было то, что десятки миллионов немцев попали под влияние нацистской демагогии, что яд звериной расовой «теории», «борьбы за жизненное пространство» отравил сознание народа»⁴.

Стремясь к завоеванию мирового господства, гитлеровский фашизм планировал использование и идеологического оружия. Об этом свидетельствуют официальные нацистские документы. Так, в приложении к меморандуму верховного командования вермахта «Ведение войны как организационная проблема» от апреля 1938 г. говорится: «Война ведется всеми средствами, не только оружием, но также и такими средствами, как пропаганда и экономика. Она направлена против вооруженных сил противника,

³ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов. В семи томах, т. 2. М., 1958, стр. 18.

⁴ В. Ульбрихт. К истории новейшего времени. М., 1957, стр. 343.

против его материальных источников силы и морального потенциала его народа. Лейтмотивом ее ведения должно быть: при необходимости можно пойти на все»⁵.

Те выводы, которые Гитлер делал из фашистской идеологии в войне против Советского Союза, видны из его заявления на совещании руководителей германского вермахта 30 марта 1941 г. Он заявил, касаясь предстоящего нападения на СССР, что речь идет о борьбе между двумя мировоззрениями, поэтому война здесь «будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего»⁶. «Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника... Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции»⁷. В июне 1941 г. Йодль разослал в германо-фашистские войска «Указания о применении пропаганды по варианту «Барбаросса», в которых предусматривалось «применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной Армии...»⁸.

На оккупированных советских территориях фашистские агресоры планировали строить свою идеологическую работу на возбуждении у советских людей частнособственнической психологии, национализма, межнациональной вражды, на использовании людей политически и морально неустойчивых. Однако их расчеты на непрочность советского строя и морального духа советских людей оказались построенными на песке. Война показала, что социалистическая идеология советского народа явилась надежным и безотказным идейным оружием в Великой Отечественной войне с фашизмом.

Социалистическая идеология показала свою жизненность, свою способность увлечь широкие массы на борьбу во имя защиты социалистического Отечества, сплотить народ в минуты самых тяжелых для нашей Родины испытаний, повести его на разгром наиболее жестоких, коварных сил реакции, на оказание братской бескорыстной помощи другим народам, находившимся под игом фашистских оккупантов.

Фашистский блок потерпел полное поражение не только в военном, но и в идеологическом отношении. Битый гитлеровский генерал Гудериан даже заявил, что «главное преимущество Советов в минувшей войне — это сила их идей»⁹. Французский историк М. Ларан в своей книге «Россия — СССР» пишет, что

⁵ Цит. по кн.: *Н. Мюллер*. Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974, стр. 47.

⁶ *Ф. Гальдер*. Военный дневник, т. 2. М., 1969, стр. 431.

⁷ Там же, стр. 430.

⁸ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», т. 2, стр. 575.

⁹ *Г. Гудериан*. Можно ли защитить Западную Европу? М., 1954, стр. 83.

«самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо сильнее своего врага»¹⁰.

Решить задачу разгрома фашизма оказалось по плечу советским людям, которые в своей борьбе с ним руководствовались идеями Маркса, Энгельса, Ленина, идеями защиты социалистического Отечества, идеями пролетарского интернационализма. Задача победить сопротивление врага не только в военном, политическом, но и в идейном плане¹¹, о которой говорил в свое время В. И. Ленин, в отношении фашистской Германии и ее сателлитов была успешно решена Союзом Советских Социалистических Республик. Передовые прогрессивные идеи социализма вселяли в сознание нашего народа и воинов его Вооруженных Сил веру в победу, обеспечивали их стойкость, мужество и массовый героизм в борьбе с ненавистным захватчиком. Проявившееся со всей силой нравственное величие советских воинов и тружеников тыла поразило весь мир. Советские люди ярко продемонстрировали свое моральное превосходство над врагом. Великая вдохновляющая сила социалистической идеологии, сила советского патриотизма и пролетарского интернационализма, сила идей социалистического гуманизма и демократии оказали огромное влияние на возникновение и развитие движения Сопротивления во многих странах Европы.

Победа социалистической идеологии была неотделима от военной, политической и экономической победы советского народа над фашизмом. Победе советского народа содействовал передовой, прогрессивный характер его идеологии, отражающей коренные интересы трудящихся масс, прежде всего пролетариата, интересы, полностью совпадающие с прогрессивно-поступательным ходом всего исторического процесса. Советская социалистическая идеология уже в довоенный период овладела умами и сердцами абсолютного большинства советского народа, стала безраздельно господствующей в сознании широчайших масс трудящихся. Решающее значение в этом процессе имела активная и целеустремленная деятельность Коммунистической партии по идейно-политическому воспитанию советского народа в мирные и военные годы. В этой деятельности партия руководствовалась ленинским учением о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести»¹².

Высокий морально-политический дух советского народа Коммунистическая партия ковала на прочном фундаменте идей марк-

¹⁰ М. Laran. Russia—URSS. 1870—1970. Paris, 1974, p. 200.

¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406.

¹² Там же, стр. 121.

сизма-ленинизма. Он формировался под благотворным влиянием побед социалистического строительства, в которых идеи марксизма-ленинизма нашли практическое воплощение в делах и мыслях советского народа.

За два с лишним десятилетия социалистического строительства в довоенный период советские люди на практике убедились в величии идей марксизма-ленинизма. Они воочию видели, как усилиями Коммунистической партии эти идеи успешно претворяются в жизнь.

Созданное в результате Великой Октябрьской социалистической революции первое в истории общество, где были уничтожены эксплуатация и национальное неравенство, где узаконен свободный и равноправный труд всех граждан, где каждый получил право и возможность на труд, образование, отдых и культурное развитие, право участвовать в управлении общественными и государственными делами, оказало решающее влияние на сознание людей. Одновременно с созданием нового общества, строительством социализма в СССР советский народ все больше проникался идеями марксизма-ленинизма, все более прочно и бесповоротно утверждались в сознании большинства советских людей коммунистическое мировоззрение и мораль, идеи советского патриотизма, дружбы народов Советского Союза и пролетарского интернационализма.

Объективной основой и условием укрепления социалистической идеологии в сознании и поведении советских людей явился советский общественный и государственный строй, весь ход социалистического строительства. Однако процесс восприятия идей социализма проходил не стихийно. На всем протяжении социалистического строительства в нашей стране непосредственное воздействие на формирование высокого духовного потенциала советского народа и воинов Советских Вооруженных Сил оказывала Коммунистическая партия, ее организующая и направляющая деятельность во всех областях общественной жизни.

Марксистско-ленинская идеология, раскрывая закономерности общественного развития и являясь научным выражением коренных интересов трудящихся масс, составляет основу политики КПСС во всех областях социалистического строительства в нашей стране. В межвоенный период это находило свое конкретное воплощение в мероприятиях партии в области социально-экономического, общественно-политического и духовного развития всех наций и народностей СССР. Главным достижением Коммунистической партии, трудящихся нашей страны явилась победа социализма. В результате этой победы единой экономической основой советского общества стала социалистическая, общественная собственность на средства производства. Тем самым была уничтожена почва, порождающая эксплуатацию человека человеком, антагонистические общественные отношения, и установились отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, отношения

дружбы и братства рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции всех наций и народностей Союза ССР.

Партия настойчиво и целеустремленно выковывала идейное и политическое единство советского народа, опираясь на такие факторы, как союз рабочего класса и крестьянства, социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, ликвидация эксплуататорских классов, ленинское решение национального вопроса и сложившиеся на этой основе дружба и братство всех наций и народностей нашей страны. Огромное значение в упрочении идейного и морально-политического единства советского общества имел сам факт победы социализма в СССР. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии отмечалось, что «в области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны...»¹³

В ходе социалистического переустройства города и деревни советские люди непосредственно включались в сферу социалистических производственных отношений, сыгравших определяющую роль в формировании у них социалистической морали. Громадное значение в этом деле имело включение широчайших масс в коллективный труд на благо всего общества, в различные формы социалистического соревнования, в частности коммунистические субботники, ударничество, новаторство, стахановское движение и др. Все это благотворно влияло на формирование у советских людей политической сознательности, творческой инициативы и энтузиазма, коллективизма и трудовой доблести.

Социализм ликвидировал характерный для буржуазного общества антагонизм между общественными и личными интересами граждан. Участие в социалистическом строительстве развивало у людей такие совершенно новые черты, как чувство ответственности за общее дело, забота каждого отдельного гражданина об интересах всего трудового коллектива, завода, колхоза, государства. Это существенным образом меняло психологию и мораль трудящихся.

Совпадение общественных и личных интересов советских граждан — строителей социализма укрепляло в их сознании чувство советского патриотизма, идею необходимости защиты социалистического Отечества.

Для воспитания широких масс на идеях марксизма-ленинизма громадное значение имела культурная революция. В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя построить социализм без развития науки, без глубоких преобразований в области культуры и про-

¹³ «XVIII съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. М., 1939, стр. 16.

свещения. Преодоление усилиями партии таких тяжелых наследий прошлого, как неграмотность и невежество, способствовало приобщению широких масс, особенно населения бывших окраин царской России, к активной политической жизни. Партия добилась того, что еще до войны Советский Союз стал страной всеобщей грамотности, страной высокоразвитой науки и культуры, страной, где осуществлено раскрепощение женщин и полное уравнивание их в правах с мужчинами, страной, где церковь отделена от государства, а вековое вредное влияние на людей религиозных предрассудков в корне подорвано. Таким образом, были созданы необходимые условия для восприятия миллионами трудящихся нашей страны коммунистической идеологии и превращения их в сознательных строителей нового, социалистического общества, в активных участников управления всеми его делами. Интересы социалистического государства стали их кровными интересами.

Победа социализма означала также и коренные преобразования в духовной жизни советского народа. О достигнутых успехах красноречиво говорят следующие цифры и факты: по данным Всесоюзной переписи 1939 г., высшее образование имело 1080 тыс. человек; число научных работников в начале 1937 г. составило 80 тыс. человек, в то время как в дореволюционной России их было 11,6 тыс. Все это активизировало деятельность широких масс трудящихся по овладению всеми богатствами науки и техники, культуры и искусства, их участие в общественно-политической жизни страны¹⁴. На прочном фундаменте марксизма-ленинизма сформировалась единая для всех народов СССР социалистическая по содержанию и национальная по форме культура.

В ходе социалистического строительства под благотворным влиянием идеологии марксизма-ленинизма изменился социальный облик города и деревни, сложились прочные основы дружбы народов. Сложившаяся в результате осуществления ленинской национальной политики дружба народов СССР стала могучей движущей силой советского общества, одной из его политических основ.

Общность коренных интересов и целей всего советского народа, проявившаяся в процессе социалистического строительства, идеология марксизма-ленинизма сплачивали широкие массы трудящихся, формировали и цементировали социально-политическое и идейное единство советского общества. Основу этого единства составлял и составляет нерушимый союз рабочего класса и крестьянства.

Коммунистическая идеология и мораль стали господствующими в духовной жизни советских людей не только вследствие объективных условий, созданных всем ходом социалистического строительства и победы социализма в СССР, но и благодаря ог-

---

¹⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2. М., 1971, стр. 493.

ромной идейно-воспитательной деятельности Коммунистической партии.

Борясь с пережитками и предрассудками прошлого, остатками морали старого мира, Коммунистическая партия огромное внимание уделяла формированию у широких масс народа марксистско-ленинского мировоззрения, воспитанию его в духе любви к социалистической Родине, коллективизма и пролетарского интернационализма. О размахе идейно-воспитательной работы партии свидетельствует развертывание широкой сети культурно-просветительных учреждений, бурное развитие средств массовой информации — радиовещания и периодической печати. По числу библиотек и издаваемых книг на душу населения Советский Союз в 1940 г. обогнал самые развитые капиталистические страны. В городе и на селе имелось почти 7 млн. трансляционных радиоточек и радиоприемников. Число клубов возросло за три года почти на четверть, театров — почти на треть (в начале 1941 г. работало 908 профессиональных театров). К 1941 г. в стране имелось 28 тыс. киноустановок¹⁵.

По числу названий издаваемых книг наша страна вышла на первое место в мире. Тираж книг только в 1940 г. превысил 462 млн., а тираж газет достиг 7,5 млрд. экземпляров¹⁶. Это были средства активного и эффективного воздействия партии на сознание широчайших слоев трудящихся масс и воспитания их на идеалах социализма и коммунизма.

Большую роль в широком развертывании идейно-воспитательной работы среди трудящихся сыграли решения XVIII съезда партии и постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Несмотря на известные недостатки этой книги, она сыграла большую роль в изучении героической революционной истории нашей партии, в активизации идеологической работы в стране, подъеме ее качества и идейного уровня.

ЦК партии особое внимание обращал на то, чтобы вся идеологическая работа была тесно связана с задачами социалистического строительства и была направлена на обеспечение успешного их решения, на воспитание у советских людей глубокой убежденности в правоте идей марксизма-ленинизма, беспредельной преданности идеалам социализма.

В идейном воспитании советского народа исключительно важное значение имела организация широкой сети политшкол и курсов, на которых трудящиеся изучали произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В стране большим тиражом публиковались труды классиков марксизма-ленинизма, исследования их идейно-теоретического наследия. В конце 30-х годов началась

¹⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 56.

¹⁶ Там же, стр. 57.

подготовка 4-го издания сочинений В. И. Ленина, публиковались Ленинские сборники.

В идеологической работе партии важное место занимали вопросы борьбы с реакционной, человеконенавистнической идеологией фашизма. Ее антикоммунистическая сущность перед лицом мировой общественности воочию раскрылась в ходе Лейпцигского процесса 1933 г. Г. Димитров в своих выступлениях разоблачил сущность гитлеровского фашизма, а сам процесс превратил в арену борьбы против гитлеризма. Перед лицом мировой общественности фашизму был нанесен серьезный морально-политический удар. Высоко было поднято знамя пролетарского интернационализма.

Как уже отмечалось, классовая природа и социальная база гитлеровского фашизма, его агрессивность и связь с подготовкой войны были глубоко вскрыты VII конгрессом Коминтерна. Конгресс определил тактику борьбы против фашизма и войны — тактику единого рабочего и народного фронта. В докладе Пальмиро Тольятти говорилось: «Сосредоточить огонь нашей борьбы против германского фашизма как главного поджигателя войны, смертельного врага Советского Союза и пролетарской революции — долг каждого революционера»¹⁷. Конгресс со всей силой подчеркнул, что в случае фашистской агрессии против СССР коммунисты призывают рабочих, всех трудящихся «всеми средствами и любой ценой содействовать победе Красной Армии над армиями империалистов»¹⁸. На конгрессе отмечалось, что СССР является оплотом мира и свободы народов, что победа социализма в СССР вселяет убеждение в трудящихся всех стран в необходимости и практической возможности свержения власти капиталистов и построения социализма.

Широкая пропаганда материалов VII конгресса способствовала консолидации сил трудящихся мира, их сплочению вокруг СССР и Коммунистического Интернационала в борьбе против фашизма. Это особенно наглядно проявилось в период защиты республиканской Испании от фашистской агрессии. В Испании уже в октябре—ноябре 1936 г. были сформированы первые интернациональные бригады, явившиеся воплощением антифашистской солидарности народов 54 стран мира. Общее число иностранных добровольцев, прибывших в республиканскую Испанию (включая советских добровольцев), составляло около 35 тыс. человек.

В условиях все нарастающей опасности мировой войны коммунисты всех стран, наша партия все шире развертывали борьбу против германского фашизма, разоблачали его империалистическую природу, реакционный, антикоммунистический, человеконенавистнический и расистский характер и сущность, захватнические цели. Все это явилось моральной подготовкой советского

¹⁷ *Пальмиро Тольятти*. Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965, стр. 132—133.

¹⁸ «Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 34.

народа, трудящихся других стран к предстоящей схватке с фашизмом на полях сражений, идеологической подготовкой к борьбе с ним и к достижению победы в ходе войны.

Значительное место в идеологической работе партии занимали вопросы, раскрывающие природу империализма, его хищнический характер. В условиях начавшейся второй мировой войны уже в 1939 г. значительно активизируется работа по разоблачению агрессивного характера империализма, широко публикуются работы, вскрывающие причины, сущность и социально-классовый характер войны между империалистическими группировками. В эти предгрозовые для нашей страны дни основные усилия партии были направлены на укрепление обороноспособности страны, повышение боевой мощи Советских Вооруженных Сил, на воспитание народа в духе любви к социалистической Родине и ненависти к империалистическим хищникам. В стране делалось все для отпора возможной агрессии империалистов и прежде всего их ударной силы — фашистской Германии.

Укрепляя обороноспособность социалистического государства, партия большое внимание уделяла идейно-политическому воспитанию советских воинов. «Весной 1940 г. Центральный Комитет партии провел специальное совещание по вопросам идеологической работы в Вооруженных Силах. Совещание подвергло критике тезис о возможности легкой победы над врагом и указало на необходимость воспитания воинов в духе беззаветной преданности идеям социализма, готовности к упорным боям в защиту социалистической Родины»¹⁹.

Таким образом, уже в довоенный период в нашей стране сложился и окреп тот высокий духовный потенциал советского народа, который в тяжелые годы Великой Отечественной войны явился важнейшим источником победы социалистической идеологии над идеологией фашизма, победы Советского Союза над фашистской Германией и ее союзниками.

В период подготовки советского народа к отпору возможной агрессии и в годы Великой Отечественной войны огромную мобилизующую и вдохновляющую роль сыграли ленинские идеи защиты социалистического Отечества. С именем В. И. Ленина, отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», связаны рождение и героическая история Советской Армии, «ему принадлежит историческая заслуга в обосновании военной программы пролетарской революции, учения о защите социалистического Отечества»²⁰. Это учение в годы войны явилось великой мобилизующей силой в деятельности партии и государства по наращиванию материальных и моральных сил страны, объединению усилий всех советских народов на отпор фашистским агрессорам и их разгром. На основе

¹⁹ «История второй мировой войны», т. 3. М., 1974, стр. 401.

²⁰ «Коммунист», 1968, № 12, стр. 8.

этого учения партия убеждала советский народ в справедливости целей Великой Отечественной войны, в необходимости мобилизации всех сил для защиты свободы и независимости Страны Советов, завоеваний первого в мире государства рабочих и крестьян. Вместе с тем партия разоблачала человеконенавистническую сущность идеологии фашизма, несправедливость и реакционность целей гитлеровской Германии по захвату чужих территорий, завоеванию «жизненного пространства» и мирового господства.

Ленинские учение о защите социалистического Отечества, разработанные В. И. Лениным принципы военного строительства социалистического государства и укрепления его обороноспособности Коммунистическая партия положила в основу своей военной политики и патриотического воспитания советского народа.

Патриотическое воспитание народа было важнейшей составной частью идеологической работы партии. При этом партия руководствовалась ленинским положением об огромной роли социалистического патриотизма в достижении победы над врагом в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. В. И. Ленин отмечал: «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это — настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы. Без этого патриотизма мы не добились бы защиты Советской республики»²¹.

В условиях начавшейся войны Коммунистическая партия всю силу идейно-политической работы с массами направляла на то, чтобы вселить им уверенность в победе над врагом, указать конкретные пути ее достижения, довести до глубокого сознания каждого советского человека существо ленинской политики и разработанной партией программы всенародной защиты социалистического Отечества. Все это питало уверенность советских людей в своих силах, вселяло веру в победу, несмотря на трудности и временные неудачи. Мысль о том, что мы можем и должны победить, настойчиво проводилась партией в массах через печать, по радио, в выступлениях партийных и государственных деятелей. Народ безгранично верил в правоту и мудрость политики партии, основанной на марксистско-ленинской теории, на знании законов общественного развития, в частности закономерностей войны, на трезвом, объективном анализе и учете военных, экономических и моральных возможностей нашей страны и противника. Эта вера народа, помноженная на организаторские усилия партии и правительства, увеличивала его силы, звала и вела на ратные и трудовые подвиги во имя родного социалистического Отечества.

Советский патриотизм — глубокое чувство любви к социалистической Родине и ненависти к врагам, чувство личной ответственности каждого отдельного советского гражданина за судьбы своей Отчизны. В нем, как в фокусе, выражается идейная убеж-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 124.

денность строителей и защитников социализма, вера народа в правоту дела Великого Октября. Вместе с тем советский патриотизм тесно связан и с героическими традициями народных масс прошлых исторических эпох, особенно с боевыми традициями русского народа, его славной борьбы с иностранными завоевателями. В своей воспитательной работе с массами партия учитывала это обстоятельство. В устной и печатной пропаганде партия раскрывала величие революционных и боевых подвигов советских людей в борьбе с иностранными интервентами в годы гражданской войны в нашей стране, показывала героическое прошлое нашего народа. В годы войны продолжала издаваться «История гражданской войны», была выпущена серия книг, брошюр и статей в периодической печати, посвященных подвигам великих русских полководцев и флотоводцев: Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова; работ, раскрывающих свободолюбивый характер борьбы народов нашей страны. Главное внимание партия уделяла показу героических подвигов советских людей на фронте и в тылу, звала массы следовать примеру героев Советской Отчизны.

Воспитанный партией советский патриотизм стал в годы войны величайшей моральной силой, поднимавшей людей на преодоление всех лишений и трудностей на пути достижения победы над ненавистным врагом, проявлялся в массовом героизме советских людей на фронте и в тылу, в их готовности к самопожертвованию во имя защиты Родины Великого Октября.

Общие экономические, политические и идейные основы, морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР и советский патриотизм объединили наш многомиллионный народ в сознательный сплоченный коллектив, в единую могучую и непобедимую общественную силу.

Готовя агрессивное нападение на Советский Союз, гитлеровцы рассчитывали на непрочность советского строя, надеялись путем различного рода политических диверсий вбить клин между рабочим классом и колхозным крестьянством, между русским и другими народами нашей страны. Но они жестоко просчитались. Война еще более сплотила рабочих и крестьян. В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками укрепилась дружба народов Советского Союза.

Враг рассчитывал на скоротечную войну и легкую победу по типу тех побед, которых ему удавалось достичь в военном столкновении с буржуазными государствами. В войне с Советским Союзом гитлеровцы впервые встретились с монолитным единством общества, с всеобщим сопротивлением народа.

Великая Отечественная война явилась суровой проверкой прочности СССР. «Схватка с опаснейшим врагом человечества — гитлеровским фашизмом, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Союза Советских Социалистических Республик», — наглядно продемонстрировала, что советские на-

роды только в союзе, общими силами могут отстоять свою свободу и независимость, свои революционные завоевания. Война опрокинула надежды мирового империализма на возрождение национальных междоусобиц, на развал многонационального социалистического государства»²².

Неукротимая ненависть к врагу, посягнувшему на свободу и независимость нашей Родины, стремление отстоять завоевания социализма поднимали народы всех наций и национальностей Страны Советов на священную войну против фашистских захватчиков. В первые же дни войны отправились на фронт сотни тысяч добровольцев. Из числа добровольцев были сформированы дивизии народного ополчения, которых только в 1941 г. было создано 24²³.

Освобожденные Великой Октябрьской социалистической революцией, прошедшие школу созидания социализма и воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, народы всех республик послали своих сыновей на защиту Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Только за полгода — с 22 июня по 1 декабря 1941 г. — в действующую армию были направлены дополнительно 291 дивизия и 94 бригады²⁴. Многие из них были сформированы и укомплектованы жителями республик Кавказа, Средней Азии, Прибалтики и являлись национальными формированиями, покрыли себя неувядаемой славой при обороне Москвы, в Сталинградской битве и других сражениях Великой Отечественной войны и заслужили звание гвардейских. В их числе 201-я Латышская стрелковая дивизия, 76-я Армянская горнострелковая дивизия, сформированные в Узбекистане 258-я стрелковая и 21-я кавалерийская дивизии²⁵ и многие другие.

Невиданное мужество и отвагу проявили бойцы и командиры Красной Армии — члены единой многонациональной семьи народов СССР. На весь мир прославили себя 28 героев-панфиловцев во главе с политруком Василием Клочковым. Среди них были: русские И. Шадрин и Н. Трофимов, казахи Н. Есебулатов и А. Косаев, украинец Г. Петренко, киргиз Д. Шопоков и др. 316-я стрелковая дивизия за стойкость и мужество, проявленные в боях под Москвой, была награждена орденом Красного Знамени и переименована в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Она, по праву носившая имя Героя Советского Союза И. В. Панфилова, в своем составе имела (октябрь 1942 г.) 48% русских, 16,3% киргизов, 14,7% казахов, 8% узбеков, 7,2% украинцев, всего представителей более 40 национальностей²⁶. Многонациональным был состав всех соединений Красной Армии и Флота.

²² «Коммунист Вооруженных Сил», 1972, № 6, стр. 7.

²³ «50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1968, стр. 269.

²⁴ «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 98.

²⁵ «Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве». М., 1971, стр. 74—75.

²⁶ Там же, стр. 73, 83.

Выкованные в предвоенный период Коммунистической партией морально-политическое единство и дружба народов СССР, советский патриотизм в годы войны породили невиданный в истории массовый героизм советских людей на фронте и в тылу. Советские воины на фронтах Великой Отечественной войны проявили беспримерное мужество, презрение к смерти, чудеса храбрости и отваги; они делали все возможное, а нередко и невозможное для достижения победы над врагом. Бессмертные подвиги Александра Матросова, Николая Гастелло, Юрия Смирнова, Александра Покрышкина, Ивана Кожедуба, Алексея Маресьева и многих других героев известны всему миру. Более 7 млн. советских воинов награждены орденами и медалями Советского Союза; за проявленные в боях с фашистами мужество и отвагу 11 603 человека удостоены звания Героя Советского Союза. Примечательно, что Героями Советского Союза стали сыны и дочери 100 наций и народностей, в том числе: 8160 русских, 2069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 18 туркмен, 15 литовцев, 14 таджиков, 13 латышей, 12 киргизов, 9 эстонцев и др.²⁷

Ярким проявлением советского патриотизма и дружбы советских народов было массовое партизанское движение, охватившее всю оккупированную врагом территорию. В рядах партизанских отрядов и подпольных организаций героическую борьбу с фашистскими захватчиками вело свыше 1 млн.²⁸ советских патриотов: русских, украинцев, белорусов, молдаван, латышей, литовцев, эстонцев, представителей многих других наций и народностей нашей страны. Свыше 184 тыс. партизан были награждены орденами и медалями СССР, 190 партизан получили звание Героя Советского Союза²⁹. В грозные годы войны многие советские патриоты повторили подвиг Ивана Сусанина. Среди них колхозник из Подмосковья Иван Петрович Иванов, колхозник деревни Куракино Псковской области Матвей Кузьмин, житель села Носовки Черниговской области Сергей Покинборода, белорусские патриоты братья Иван и Михаил Цуба и многие другие³⁰.

Борьба на фронте и в тылу фашистских войск ярко продемонстрировала массовый героизм, мужество и стойкость народов СССР, вставших на защиту завоеваний Великого Октября.

Но не только на фронтах, в подполье и партизанском движении проявились советский патриотизм и дружба народов СССР. Советские люди с удвоенной энергией работали на фабриках и заводах, в МТС, колхозах и совхозах. Ушедших на фронт мужчин

²⁷ «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», стр. 580—581.

²⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 132.

²⁹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 282.

³⁰ Н. В. Борисов. Они повторили подвиг Сусанина. М., 1969.

заменяли женщины, старики и дети. Лозунгом тружеников тыла было: «Все для фронта, все для победы!» Это был лозунг всех наций и народностей СССР, самоотверженно воплощавших его в жизнь с первого до последнего дня войны.

Огромный вклад в достижение победы над врагом внесли деятели науки и культуры. «Это, — отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — был гражданский, патриотический подвиг народа. Это был подвиг людей, которые видели в труде во имя победы смысл своей жизни. И они сделали все, чтобы Родина победила!»³¹. За проявленный трудовой героизм в годы войны 198 человек получили звание Героя Социалистического Труда, свыше 16 млн. трудящихся награждены орденами и медалями³².

С каждым днем все больше укреплялась связь между фронтом и тылом, усиливалась забота трудящихся о Красной Армии. Фронт постоянно чувствовал огромную материальную и моральную поддержку тыла. В стране развернулось широкое народное движение за сбор средств на вооружение Красной Армии. Рабочие, колхозники и интеллигенция строили на свои средства танковые колонны, авиаэскадрильи, артиллерийские батареи, бронепоезда. Добровольные взносы населения на нужды армии за четыре года войны составили 94,5 млрд. руб.³³ Трудящиеся посылали на фронт своих представителей с эшелонами подарков для воинов.

Красная Армия была окружена любовью всего советского народа. Фронтвики ежедневно получали тысячи писем от родных и близких, много коллективных писем от трудящихся советских республик, призывавших воинов бесстрашно сражаться с врагом, добиваться полной победы.

Нельзя без волнения читать «Письмо бойцам узбекам от узбекского народа», опубликованное в газете «Правда» 31 октября 1942 г. Оно начинается словами: «Любимые дети народа! Этим письмом приветствует вас весь народ родного Узбекистана. Весь узбекский народ устремил полные надежды взоры на вас, защищающих славную волжскую твердыню, ограждающих железной броней Сталинград, на вас, отбивающих яростные атаки фашистского зверя в предгорьях Кавказа, истребляющих гитлеровцев на всех фронтах, на вас, в чьих руках судьба нашей Родины. Наши мысли и сердца нераздельно с вами!»³⁴

Письма-наказы трудящихся Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Казахстана, Туркмени, Бурятии и других советских союзных и автономных республик своим бойцам на фронт сыгнали

³¹ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 33.

³² «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», стр. 572.

³³ Н. А. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, стр. 137.

³⁴ «Наказ народа (Письма народов СССР к бойцам-фронтвикам)». М., 1943, стр. 5—12.

огромную роль в повышении морального духа и боеспособности воинов Красной Армии, умножали их силы и укрепляли волю к победе.

«Народы СССР, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», — в едином строю героически сражались и самоотверженно трудились во имя защиты своей социалистической Отчизны, общей победы над врагом, явили миру чудеса стойкости и мужества. Историческая победа в Отечественной войне ярко показала преимущество социалистического общественного и государственного строя, великую жизненную силу и нерушимость Союза Советских Социалистических Республик»³⁵.

История не знала другого такого примера, где война столь тесно сплотила бы весь народ на достижение победы над врагом. Это под силу лишь стране социализма. Коммунистическая партия выковала морально-политическое единство и дружбу народов СССР, советский патриотизм и превратила их в мощный фактор победы над фашистской Германией и империалистической Японией.

В ходе второй мировой войны наша партия проделала огромную работу по воспитанию советского народа на идеях пролетарского интернационализма и братской помощи всем народам, борющимся против гитлеровской и японской тирании, по практическому претворению в жизнь этих идей. Страна Советов оказала братскую бескорыстную помощь в вооружении и обучении подразделений и частей польских, чехословацких, румынских и югославских войск; громя фашистские полчища, наши войска принесли свободу многим народам Центральной и Юго-Восточной Европы, а затем Восточной Азии.

Человеконенавистнической фашистской идеологии с ее культом насилия и войн, средневекового мракобесия и варварства наша Коммунистическая партия противопоставила идеологию социального прогресса и социалистического гуманизма. Воспитание партий советского народа, воинов Красной Армии на этих благородных идеях дало свои замечательные плоды: народы мира воочию убедились в гуманной, освободительной, интернациональной миссии советских воинов, миссии, в корне противоположной античеловеческим, реакционным и антигуманным деяниям немецко-фашистских войск.

Придавая исключительно важное значение идеологии в достижении победы над врагом, наша партия и в годы войны продолжала работу по дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории, учения о защите социалистического Отечества.

Неоценимую роль в идейно-воспитательной работе среди войск и населения в годы войны сыграли общественные науки, особенно марксистско-ленинская философия, история и политическая экономия. Перед учеными-обществоведами партия поставила за-

³⁵ «Коммунист Вооруженных Сил», 1972, № 6, стр. 7.

дачу вести исследование проблем, имеющих непосредственное значение для военно-патриотического воспитания народа, разоблачения подлинного существа гитлеровского фашизма, раскрытия причин и характера начавшейся войны, освещения освободительных патриотических традиций народов Советского Союза, для развития ленинского учения о защите социалистического Отечества. Перед общественными науками партия поставила задачу всемерно способствовать укреплению морально-политического единства и дружбы народов СССР, пролетарского интернационализма, воспитанию советского патриотизма, готовности каждого гражданина к самопожертвованию во имя достижения победы над врагом.

Советские общественные науки блестяще справились с возложенными на них задачами. Они внесли достойный вклад в идейно-политическое воспитание советского народа, укрепление у него непоколебимой уверенности в победе над немецко-фашистскими захватчиками, убедительно показали преимущества социализма и неизбежность крушения военной и идеологической машины гитлеровского фашизма.

В годы войны в борьбе за победу особенно ярко проявилась роль советской литературы и искусства, раскрылась их органическая связь с судьбами социалистической Родины. Советские писатели и поэты, художники и композиторы, деятели кино, театра и радио проявили себя подлинными патриотами Советского Союза. Их вклад в победу высоко оценен партией, Родиной, всем нашим народом. Вдохновенные патриотические статьи Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Александра Фадеева, Николая Тихонова, Ильи Эренбурга, произведения Александра Корнейчука, Ванды Василевской, Леонида Леонова, Бориса Горбатова, Леонида Соболева, Аркадия Гайдара, стихи Константина Симонова, Джамбула Джабаева, Максима Рыльского, Василия Лебедева-Кумача, Петруся Бровки и других писателей и поэтов народов Советского Союза, симфонии Шостаковича, песни Александрова, Дунаевского, Соловьева-Седого, творчество работников культуры советских народов будили в людях пламя ненависти к захватчикам, воспитывали мужество, закаляли волю к борьбе.

В литературе и искусстве военных лет достойное отражение нашли моральный облик советского человека, все богатство его духовного мира. Идея защиты социалистического Отечества, подлинный советский патриотизм, массовый героизм, жизнь воюющего народа, его высокий духовный мир, единство партии и народа, дружба народов СССР явились стержнем содержания всех видов и жанров советской литературы и искусства того героического времени. Коммунистическая идейность и партийность, наступательный дух, социалистический реализм — таковы их характерные черты.

Значительную роль в духовной жизни трудящихся играли дома культуры, клубы, избы-читальни и другие культурно-просве-

тельные учреждения. Несмотря на значительное сокращение их числа (количество клубов, например, уменьшилось с 118 тыс. до 59 тыс., массовых библиотек — с 95 тыс. до 48 тыс.) и резкое уменьшение в связи с уходом на фронт и в народное хозяйство числа их работников, деятельность культурно-просветительных учреждений была исключительно интенсивной³⁶. Под руководством партийных организаций содержание, формы и методы их работы были перестроены соответственно задачам военного времени. Они также внесли достойный вклад в победу над врагом.

Таким образом, война показала не только передовой характер коммунистической идеологии, но и ее громадную мобилизующую роль. Как подчеркнул в своей речи на торжественном заседании, посвященном 30-летию Победы, Л. И. Брежнев, «огромная идейно-политическая работа партии была нашим мощным оружием во время войны»³⁷. Война со всей беспощадностью вскрыла несостоятельность и реакционность буржуазно-фашистской идеологии, потерпевшей сокрушительное поражение.

Опыт минувшей войны учит, что в решении задач защиты завоеваний социализма огромное значение имеет глубокое изучение всех аспектов победы социалистической идеологии над идеологией фашизма, богатейшего опыта идеологической работы Коммунистической партии среди широких масс советского народа в годы Великой Отечественной войны. Этот опыт важен и для разоблачения реакционной сущности идеологии современного империализма, антикоммунизма и антисоветизма во всех их формах и проявлениях.

Итоги Великой Отечественной войны и послевоенное развитие человеческого общества убедительно подтверждают величие, жизненность и неодолимость великих идей марксизма-ленинизма, их мобилизующую и вдохновляющую силу, зовущую широкие народные массы на подвиги во имя победы социализма, дела мира и социального прогресса. Эти итоги «убедительнейшим образом показали, что в мире нет таких сил, которые смогли бы сокрушить социализм, поставить на колени народ, верный идеям марксизма-ленинизма, преданный социалистической Родине, сплоченный вокруг ленинской партии. Эти итоги — грозное предостережение империалистическим агрессорам, суровый и незабываемый урок истории»³⁸.

---

³⁶ «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М., 1973, стр. 464.

³⁷ «Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне». Документы и материалы. М., 1975, стр. 21.

³⁸ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 23.

**ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
И ЕЕ РЕШЕНИЯ —
ПОБЕДА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ
ПОСЛЕВОЕННОГО МИРНОГО УСТРОЙСТВА
В ЕВРОПЕ**

Поражение гитлеровской Германии означало не только разгром военной машины и слом государственного аппарата фашистского рейха, но и крах того разбойничьего «нового порядка» в Европе, который стремились установить агрессоры. Перед державами-победительницами стояла ответственная задача: выработать такие принципы послевоенного мирного устройства, которые исключали бы на будущее возможность появления угрозы безопасности народов со стороны германского империализма и милитаризма.

Вопросы будущего мирного устройства еще в годы войны начали обсуждаться на конференциях трех великих держав — членов антигитлеровской коалиции.

Ряд важнейших проблем послевоенного мирного урегулирования, в частности такая важная проблема, как обеспечение всеобщей безопасности в послевоенный период, был рассмотрен на конференции министров иностранных дел СССР, Англии и США в Москве в октябре 1943 г. Конференция признала необходимым продолжать сотрудничество трех держав после окончания войны в интересах всех свободлюбивых наций и в целях «поддержания мира и полного развития политического, экономического и социального блага их народов»¹. Эти проблемы находились также в центре внимания конференции глав правительств трех держав в Тегеране.

По мере приближения конца войны проблемы послевоенного мирного устройства становились все более актуальными. Они были подвергнуты подробному рассмотрению на конференции в Ялте в феврале 1945 г. Было принято решение об учреждении всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности. Три союзные державы заявили, что их непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Вместе с тем подчеркивалось, что после искоренения нацизма и милитаризма германский народ сможет занять достойное место в сообществе наций.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1944, стр. 360—361.

В принятой на конференции «Декларации об освобожденной Европе» три державы заявили о своем стремлении согласовывать свои действия при решении политических и экономических проблем послевоенной Европы. В ней говорилось, что «установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»².

Подробно был рассмотрен польский вопрос. Конференция высказалась за создание сильной, свободной, независимой и демократической Польши. Были согласованы меры по созданию польского правительства на самой широкой основе. Было также признано, что «Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе»³.

Рассмотрение правительствами СССР, США и Англии вопросов послевоенного мирного устройства было продолжено на состоявшейся вскоре после окончания войны в Европе Потсдамской конференции трех держав (17 июля—2 августа 1945 г.). Согласованная на ней программа послевоенного устройства нашла свое отражение в Потсдамском соглашении, подписанном 2 августа 1945 г. главами правительств СССР, США и Великобритании.

Принятые в Потсдаме решения прошли проверку временем. Здесь были заложены основы, обеспечившие мирное развитие Европы.

По вопросу о значении потсдамских решений идет, однако, острая идеологическая борьба. Многие западные историки стремятся исказить и принизить значение согласованных в Потсдаме исторических решений трех держав антигитлеровской коалиции по вопросам послевоенного мирного урегулирования.

Некоторые буржуазные авторы утверждают, что хотя в Потсдаме обсуждались и были согласованы принципы мирного устройства, но они были рассчитаны, мол, лишь на сравнительно короткий срок и подлежали последующей ревизии⁴. Встречаются заявления о том, что Советский Союз будто бы не добился своих «основных целей» в Потсдаме, и отсюда постулируют некие советские «нарушения» его постановлений⁵. Другие, напротив, рассматривают Потсдам как поражение и «позор» для Запада, оправ-

---

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 105.

³ Там же, стр. 106—107.

⁴ J. L. Snell. War-Time Origins of the East-West Dilemma over Germany. New Orleans, 1959, p. 221; D. C. Watt. Britain looks to Germany. British Opinion and Policy towards Germany since 1945. London, 1965, p. 42.

⁵ B. Meissner. Russland, die Westmächte und Deutschland. Die sowjetische Deutschlandpolitik 1943—1954. Hamburg, 1954, S. 76; J. Hacker. Sowjetunion und DDR zum Potsdamer Abkommen. Köln, 1968, S. 29.

дывая таким образом срыв его положений империалистическими державами⁶.

Подобные инсинуации базируются на сознательном искажении исторических фактов, относящихся как к предыстории и ходу конференции, так и к ее результатам.

Подход участников конференции к предстоявшей в Потсдаме встрече определялся их классовыми соображениями. Советская сторона руководствовалась интересами защиты дела мира и прогресса и была полна решимости обеспечить народам мира и Европы возможность воспользоваться в полной мере плодами всемирно-исторической победы над силами реакции. СССР опирался при этом на уже ранее достигнутые союзнические решения. Подход правящих кругов Англии и США к решению проблем мира во многом предопределялся их ненавистью к Советскому Союзу как государству социалистическому, стремлением укрепить устои капитализма, не допустить каких бы то ни было прогрессивных классовых сдвигов, по возможности скорее отойти от буквы и духа ряда совместных с СССР документов антигитлеровской коалиции.

Особенно воинствующей реакционной антисоветской позиции придерживался в то время английский премьер У. Черчилль. Министр иностранных дел Англии А. Иден также считал, что разрыв с СССР «представляется неизбежным»⁷. В Лондоне обсуждались даже возможности открытия Англией и США военных действий против СССР⁸.

В этом отношении характерны телеграммы, отправленные У. Черчиллем президенту США Г. Трумэну 11 и 12 мая 1945 г. Он выражал явное недовольство тем, что русские армии окажутся в центре Европы⁹. Черчилль был крайне удручен тем, что, в соответствии с имеющимися соглашениями, американским войскам придется в центре Германии отойти назад на 120 миль на местности протяженностью 300—400 миль (в ходе военных действий они вступили на территорию, которая должна была войти в советскую зону оккупации Германии). Английский премьер считал, что отвод этих войск следует по возможности затянуть, используя это как средство давления на СССР в предстоящих переговорах. Кроме того, он полагал, что сами переговоры, а именно: новую встречу глав правительств «большой тройки» надо провести как можно быстрее, до тех пор пока американские войска не отошли и пока они не ослаблены в связи с намечавшейся переброской их

⁶ *F. Utley. The High Cost of Vengeance. Chicago, 1949; B. Collier. Barren Victories: Versailles to Suez. New York, 1964; H. Sündermann. Potsdam 1945. Leoni am Starnberger See, 1963; R. Cecil. Potsdam and its Legends. — «International Affairs» (London), vol. 46, № 3, July 1970, p. 455.*

⁷ *В. Г. Трухановский. Антони Иден. М., 1974, стр. 259.*

⁸ *В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965, стр. 571—576.*

⁹ *W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI. London, 1954, p. 499.*

на Дальний Восток для участия в военных действиях против Японии¹⁰. Как Иден отмечал в своих воспоминаниях, козырей у Англии было не так-то много¹¹, и он опасался, что в случае отсрочки конференции они в значительной степени утратят свою силу.

Определенную роль в стремлении Черчилля ускорить созыв конференции не могло не играть и то обстоятельство, что в начале июля в Англии должны были состояться парламентские выборы и Черчилль хотел провести конференцию до выборов.

Американское правительство было осведомлено относительно мотивов и существа политической программы своего английского партнера и Дж. Дэвисом, командированным в Лондон в качестве специального представителя президента США по вопросам подготовки предстоявшей встречи «большой тройки». Дэвис, бывший американский посол в СССР, доносил в Вашингтон о позиции Черчилля: он придерживается «крайне враждебной Советам позиции» и резко «поносит коммунистов». «Он теперь выражает ту доктрину, — писал Дэвис, — которую Гитлер и Геббельс провозглашали и повторяли в течение последних четырех лет с целью нарушить единство союзников». Излагая свои собственные взгляды, Дэвис заявил Черчиллю, что «можно положиться на добрую волю советских лидеров в том, что они 1) добиваются создания рационального устройства мира и 2) стремятся сотрудничать с Западной Европой на основе добрососедства...»¹²

Люди, придерживавшиеся, подобно Дэвису, объективной и беспристрастной позиции в отношении СССР, были, однако, исключением в правящих кругах США. Большинство среди них становились к этому времени по существу на такие же антисоветские, антикоммунистические позиции, которых придерживался Черчилль. Это относилось и к новому президенту США Трумэну. Как отмечал американский либеральный историк А. Теохарис, «вторая мировая война революционизировала политическую и военную ситуацию в Восточной Европе и Азии. Предвоенный мир не мог быть просто восстановлен — радикальные экономические и политические изменения были неизбежны. Рузвельт понимал эту ситуацию и в Ялте пытался реалистически подойти к ней. Трумэн, к несчастью, — нет»¹³.

И если американское правительство не приняло предложения Черчилля о форсировании созыва конференции, то произошло это вовсе не потому, что оно не желало вести переговоры «с позиции силы». Напротив. Просто оно осознавало слабость тех «ко-

¹⁰ «Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin, 1945», vol. I. Washington, 1960, p. 6—7, 9.

¹¹ «The Eden Memoirs. The Reckoning». London, 1965, p. 546.

¹² «Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin, 1945», vol. I, p. 73—75.

¹³ A. G. Theoharis. The Yalta Myths: an Issue in the U. S. Politics. 1945—1955. Columbia, 1970, p. 219.

зырей», о которых вели речь английские руководители, и делало ставку на то, что если немного выждать, то на руках у них будет «козырь» посильнее. Речь шла об атомной бомбе. Первый ее опытный образец должен был быть готов к середине июля 1945 г., тогда же — не раньше — должна была состояться конференция. Государственный секретарь США Дж. Бирнс рассчитывал, что американская атомная бомба «может сделать Россию более сговорчивой»¹⁴.

16 июля американская делегация, только что прибыв в Берлин, получила сообщение об успешно произведенном в США атомном взрыве, о чем сразу же были информированы английские представители¹⁵. Черчилль считал необходимым максимально использовать этот факт в качестве «большой дубинки» в переговорах с СССР¹⁶. 24 июля Г. Трумэн с важным видом заявил И. В. Сталину, что США изобрели бомбу «исключительной разрушительной силы». Однако он вынужден был констатировать, что оказать этим какое-то воздействие на Сталина ему все же не удалось¹⁷.

«Атомное зарево не возымело на СССР того действия, на которое рассчитывали вашингтонские руководители»¹⁸. Советской делегации в Потсдаме в упорной борьбе удалось отстоять и в международноправовом порядке закрепить те принципы мирного устроения в Европе, основы которых закладывались в ходе предшествовавших союзнических конференций.

* * *

Главной проблемой, рассматривавшейся на Потсдамской конференции, был германский вопрос, прежде всего мероприятия по демилитаризации, денацификации и демократизации Германии.

Было выработано соглашение о политических и экономических принципах координированной политики союзников в отношении побежденной Германии в период союзного контроля¹⁹. В нем предусматривалось искоренение в Германии милитаризма и нацизма с тем, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Вместе с тем три державы заявляли, что они не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ, намерены предоставить немецкому народу возможность осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе с тем, чтобы с те-

¹⁴ «Foreign Affairs», January 1967, p. 347.

¹⁵ «Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin 1945». vol. II. Washington, 1960, p. 1360—1361; *W. S. Churchill. The Second World War*, vol. VI, p. 551—552.

¹⁶ «Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin 1945», vol. II, p. 225.

¹⁷ Там же, стр. 378—379.

¹⁸ «История дипломатии», т. IV. М., 1975, стр. 667; см. также: *В. Н. Высоцкий. Мероприятие «Терминал»*. Потсдам, 1945. М., 1975, стр. 155—159.

¹⁹ «Правда», 3 августа 1945 г.

чением времени занять место среди свободных и миролюбивых народов мира.

Решения конференции предусматривали демилитаризацию Германии, уничтожение национал-социалистской партии и прекращение всякой нацистской деятельности. В то же время разрешалась деятельность демократических политических партий, создание свободных профсоюзов, населению Германии предоставлялась свобода слова и печати.

Предусматривалась децентрализация германской экономики с целью уничтожения существовавшей «чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических объединений». При восстановлении экономики Германии главное внимание должно было уделяться развитию мирных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Эта программа последовательно проводилась и была полностью осуществлена в восточной части Германии, но на остальной территории страны совместными усилиями западных оккупационных властей и западногерманских реакционеров она была сорвана. В сборнике, изданном в ФРГ к 25-летию ее существования, один из видных деятелей западногерманских профсоюзов, О. Бреннер, весьма четко охарактеризовал мотивы и характер антипотсдамского курса империализма: «Фронт был повернут против СССР и восточного блока, отсюда — стремление включить западные зоны Германии в западный блок под руководством США, отсюда — однотипные лозунги: перевооружение вместо разоружения, восстановление хозяйства на частнокапиталистических принципах вместо декартелизации и аграризации, антикоммунизм вместо денацификации и, наконец, создание интегрированного в западный союз германского государства-фрагмента»²⁰.

В трудах буржуазных историков можно встретить немало признаний относительно тех явных нарушений духа и буквы Потсдамского соглашения, которые осуществлялись западными державами. Правда, в отличие от цитированного выше О. Бреннера они связывают эти нарушения не с общим антидемократическим и экспансионистским курсом империалистических держав в послевоенный период, а пытаются, напротив, выдать отход от Потсдама за возвращение-де к «демократическим» принципам, якобы «нарушенным» Потсдамским соглашением. Такая версия о Потсдамском соглашении особенно широко распространялась западногерманской реакционной историографией (работы Э. Крауткремера, В. Греве, М. Фройнда и др.)²¹.

²⁰ «Nach 25 Jahren. Eine deutsche Bilanz». Hrsg. von K.-D. Bracher. München. 1970. S. 109—110.

²¹ E. Krautkrämer. Deutsche Geschichte nach dem zweiten Weltkrieg. Hildesheim, 1962, S. 243; W. Grewe. Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960, S. 206; M. Freund. Deutsche Geschichte. Gütersloh. 1961. S. 763.

Вслед за реакционерами из западногерманских буржуазных партий и аппарата американских оккупационных органов в Западной Германии, заявлявшими, будто осуществление принципов Потсдамского соглашения, в частности денацификации, декартелизации и демократизации, означает «большевизм», «социальную революцию» или во всяком случае «подрыв частной собственности»²², буржуазные авторы пускаются в самые тенденциозные спекуляции и домыслы.

Сотрудник Мюнхенского института современной истории Т. Фогельзанг пытается, наконец, перевести всю проблему в аспект столь модных ныне в кругах буржуазных идеологов рассуждений о «гуманизме» и «человечности» с помощью морализирования по поводу того, что на Западе денацификация была, мол, столь же «фундаментальной», как и на Востоке, но якобы «более справедливой». Автор при этом стремится создать впечатление, будто в советской зоне денацификация сводилась к «социальному перевороту», а отсутствовал-де «индивидуальный подход»²³.

Потсдамское соглашение не предусматривало каких-либо социально-экономических преобразований в Германии, как-то: отмены частной собственности или национализации. В нем подчеркивалась, однако, необходимость удаления нацистов с ответственных постов в важных частных предприятиях. Разумеется, фашистские военные преступники не могли оставаться и собственниками этих предприятий. Органы советской военной администрации осуществляли в соответствии с этими постановлениями изъятия (секвестр) собственности фашистских военных преступников. Однако окончательное решение вопроса о собственности монополистов, констатирует историк ГДР С. Дериберг, «СВАГ оставила за самим немецким народом»²⁴. Законоположения о переходе предприятий военных и нацистских преступников в собственность народа были приняты в землях и провинциях советской зоны на основе демократической процедуры²⁵, безупречность которой в ряде случаев признают и буржуазные авторы²⁶. Речь, таким образом, шла вовсе не о «революции извне», «искусственной революции», будто бы насаждавшейся советскими оккупационными властями без участия и против воли немецкого населения, а о подлинно демократическом движении, для которого положения Потсдамского соглашения и их осуществление создавали благоприятную атмосферу.

²² П. А. Николаев. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе 1945—1954. М., 1964, стр. 122; Р. Сэюли. И. Г. Фарбениндустр. М., 1948, стр. 230.

²³ Т. Vogelsang. Das geteilte Deutschland. Stuttgart, 1973, S. 49.

²⁴ С. Дериберг. Краткая история ГДР. М., 1971, стр. 67, 70.

²⁵ «За антифашистскую демократическую Германию». Сборник документов. М., 1969, док. 70, 96, 103, 105, 106, 107, 109, 110.

²⁶ Е. Краукрämеr. Deutsche Geschichte nach dem zweiten Weltkrieg. Hildesheim, 1962, S. 71.

Совсем по-иному обстояло дело в западных зонах, и факты, свидетельствующие о срыве там осуществления потсдамских решений, не может игнорировать и буржуазная историография. Конечно, не все проявляют такую похвальную откровенность, как английский историк Спенсер, заявивший: «Обвинение, которое выдвинул Молотов в речи в Париже 10 июля 1946 г., т. е. что англо-американцы оказались неспособными покончить с крупными поместьями и картелями, было, конечно, правильным»²⁷. Американский историк Ю. Дэвидсон предпочитает говорить об «умеренности» американцев в вопросе о судьбе монополий, оправдывая ее ссылкой на «оппозицию немцев»²⁸. Точнее, надо было говорить: немецких монополистов, — так как позиция широких масс трудящихся была совсем иной. Она отразилась в решениях референдумов и законах, принимавшихся ландтагами отдельных западногерманских земель, в резолюциях производственных советов крупнейших концернов, которые предусматривали национализацию отдельных монополистических объединений либо целых отраслей промышленности. Однако осуществление этих мер было сорвано в результате вмешательства западных оккупационных властей²⁹.

Таким образом, нежелание западных держав претворять в жизнь в Германии положения Потсдамского соглашения — вовсе не свидетельство их озабоченности делом демократии, а как раз наоборот: именно Потсдамское соглашение было той основой, на которой наиболее демократическим путем могли быть решены проблемы послевоенной Германии. Именно таков был курс советской политики. И весьма характерно, что эта политика находит признание со стороны авторов, в целом весьма далеких от правильного, научного понимания ее основ. Так, в книге, написанной американскими учеными «ревизионистского» направления Дж. и Г. Колко, отмечается, что «советская стратегия в Восточной Германии была гораздо ближе к тому, чего желал немецкий народ и что было согласовано между союзниками, чем любая программа в западных зонах»³⁰.

Потсдамское соглашение, будучи соглашением между государствами с противоположными общественными системами, не могло решать и не решало вопроса об общественной системе будущей Германии. Не предвещая вопроса о направлении общественного развития послевоенного германского государства, Потсдамское соглашение создавало реальные возможности реконструкции германской политической и экономической жизни на демократической основе.

²⁷ «International Affairs», January 1968, p. 58—59.

²⁸ E. Davidson. The Death and Life of Germany. An Account of the American Occupation. New York, 1959, p. 179.

²⁹ П. А. Николаев. Указ. соч., стр. 97—98.

³⁰ J. and G. Kolko. The Limits of Power. The World and the United States Policy, 1945—1954. New York, 1972, p. 136.

Острую дискуссию вызвал на Потсдамской конференции вопрос о репарациях, которые признавались средством экономического разоружения Германии и одновременно средством возмещения ущерба, причиненного государствам — жертвам германской агрессии. На Крымской конференции руководителей СССР, США и Англии в феврале 1945 г. было решено, что Германия обязана возместить ущерб, причиненный ею другим странам. Делегации СССР и США тогда согласились, что общая сумма военных репараций с Германии составит 20 млрд. долларов³¹. Однако в Потсдаме США изменили свою позицию и высказались против установления определенной суммы репараций с Германии³². Они предложили, чтобы каждая из оккупационных держав взымала репарации в своей зоне оккупации³³. Согласно этому предложению, Советский Союз, особенно сильно пострадавший от немецко-фашистской агрессии, получал гораздо менее благоприятные условия для взимания репараций, чем США и Англия. Основные промышленные центры Германии, предприятия которых должны были служить главной основой для репараций, были расположены в западных зонах оккупации Германии. Кроме того, экономика советской зоны больше всего была разрушена в ходе военных действий. Черчилль поддерживал позицию правительства США.

Этот вопрос вызвал в Потсдаме острую дискуссию, и он был решен только в самом конце конференции. Поскольку США в конце концов выразили готовность пойти на некоторые уступки по принципиально важным для Польши и других стран Восточной Европы вопросам, Советское правительство решило согласиться на определенные ответные уступки по вопросу о репарациях Советскому Союзу.

Решения конференции предусматривали, что репарационные претензии США, Англии и некоторых других стран будут удовлетворены из западных зон и из германских вложений за границей, а репарационные претензии СССР — из советской зоны оккупации Германии. Советский Союз должен был получить также 25 % промышленного оборудования, которое будет изъято в репарационных целях из трех западных зон оккупации Германии (10 % безвозмездно и 15 % в обмен на продовольствие, уголь. ле-

³¹ «Тегеран. Ялта. Потсдам». М., 1970, стр. 197—198.

³² В ряде работ буржуазно-либеральных историков (Дж. П. Неттл, Д. Клеменс) обоснованной критике подвергаются как факт отступничества американской стороны от своего обязательства, так и фальшивые доводы, которыми это отступничество прикрывалось (*J. P. Nettl. The Eastern Zone and Soviet Policy in Germany. London, 1950, p. 52; D. S. Clemens. Yalta, New York, 1970, p. 276*). Порой и более реакционные авторы отступают здесь от апологетики (*F. Spenser. The United States and Germany in the Aftermath of War. — «International Affairs» (London), January 1968, p. 55—56*).

³³ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 325—326, 336—338.

соматериалы, нефтепродукты и другие товары). СССР согласился удовлетворить из своей доли репараций и репарационные претензии Польши³⁴.

Принятое в Потсдаме соглашение о репарациях порой в буржуазной реакционной историографии также трактуется с точки зрения концепции «экспорта революции». «Экономические принципы, согласованные в Потсдаме, означали, что германская индустрия должна быть уничтожена или сведена до минимума и что Германия должна стать аграрной страной. Это означало смертный приговор для многих миллионов немцев. Если бы эти решения были действительно проведены в жизнь, то последовали бы беспорядки и мятежи. В конечном итоге... вся Германия стала бы коммунистической»³⁵ — этот фрагмент из мемуаров К. Аденауэра представляет собой, пожалуй, самое яркое воплощение соответствующей антиисторической версии о Потсдамском соглашении. В унисон экс-канцлеру ФРГ два западноберлинских автора, написавших работу о послевоенном развитии Западной Германии с ультралевых позиций, заявляют, будто «деиндустриализация» была одним из ведущих принципов Потсдамского соглашения³⁶.

В менее категорической форме идея о советской «заинтересованности» в ухудшении положения немецкого населения ради его «революционизирования» проводится и представителями умеренного крыла буржуазной историографии типа Г. Фейса, Л. Грухмана³⁷.

Подобные утверждения противоречат историческим фактам. Американский публицист Р. Мартин справедливо отмечал, что «Потсдамское соглашение отнюдь не требовало радикальной «деиндустриализации» Германии. Оно предусматривало неотложные мероприятия по организации производства. Выплата репараций была рассчитана таким образом, чтобы у Германии оставались достаточные средства для обеспечения существования ее населения без помощи извне»³⁸.

Разумеется, планы экономического «удушения» Германии имелись. Но планы эти выдвигались и муссировались вовсе не советской стороной, а в кругах англо-американских империалистов («план Моргентау»). На Потсдамской конференции эти планы были окончательно похоронены.

Так, 14 мая 1945 г. была издана директива JSC 1067, определявшая задачи американской военной администрации в Германии. В отношении экономической политики в ней говорилось, что необходимо обеспечить производство, в частности для того, чтобы

³⁴ «Правда», 3 августа 1945 г.

³⁵ K. Adenauer. Erinnerungen 1945—1953. Stuttgart, 1965, S. 89.

³⁶ U. Schmidt, T. Fichter. Der erzwungene Kapitalismus. Klassenkämpfe in den Westzonen 1945—1949. (West)-Berlin, 1972, S. 144.

³⁷ H. Feis. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1960, p. 323; «Deutsche Geschichte nach dem ersten Weltkrieg», Bd. II. Stuttgart, 1973, S. 358.

³⁸ P. Martin. Братство бизнеса. М., 1951, стр. 201.

предотвратить голод и беспорядки, а также широкое распространение болезней. Предусматривалось также, что «не следует принимать мер, которые способствовали бы поддержанию уровня жизни в Германии, превышающего уровень любой соседней Объединенной нации»³⁹.

В Потсдамском соглашении мы уже не найдем никаких зловещих упоминаний ни о голоде, ни о болезнях. Жизненный уровень в Германии определялся с учетом не уровня «любой соседней Объединенной нации» (практически это означало бы уровень полностью разоренной гитлеровцами Польши), а средневропейского уровня жизни⁴⁰. Ни один историк, сравнивающий эти две формулировки в отношении жизненного уровня немецкого населения, от американского ученого Г. Фейса до представителя ультраправой историографии ФРГ К. Кепплера, не может не отметить, что «потсдамская формула мягче»⁴¹. Тем не менее никто из буржуазных авторов не задается вопросом, что побудило и кто побудил американскую сторону пойти на ревизию своей «жесткой линии». Американский историк Г. Фейс вопрос этот попросту обходит, констатируя, что дискуссия в Экономическом подкомитете, где обсуждалась редакция пункта о жизненном уровне, как и вообще об экономических принципах в отношении Германии, плохо документирована⁴². В воспоминаниях американского дипломата Р. Мэрфи, который представлял в этом органе американскую делегацию, по поводу его работы говорится только, что «это был сложный и скучный бизнес, в котором русские набирали больше очков»⁴³. Последнее замечание, впрочем, и объясняет лаконичность мемуариста: видимо, сюжет, не слишком подходящий для антисоветской пропаганды.

Между прочим неплохим источником по проблеме «авторства» каждой из формул служат материалы Крымской конференции, где впервые столкнулись два подхода к будущему германской экономики. Подход американской стороны был выражен словами: «В Германии нужно будет оставить столько промышленности, сколько нужно, чтобы немцы не умпрали с голоду»⁴⁴. Подход делегации СССР был совсем иной: «Советское правительство отнюдь не задается целью превратить Германию в голодную, раздетую и разутую страну. Наоборот, при выработке своего репарационного плана Советское правительство все время имело в виду создать условия, при которых германский народ в послевоенные годы мог бы существовать на базе средневропейского уровня жизни, и советский репарационный план обеспечивает такую

³⁹ *H. Feis*. Указ. соч., стр. 336.

⁴⁰ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 391.

⁴¹ *H. Feis*. Указ. соч., стр. 248; *K. Keppler*. Tod über Deutschland. Der Morgenthau — Plan. Tübingen, 1971, S. 224.

⁴² *H. Feis*. Указ. соч., стр. 248.

⁴³ *K. Murphy*. Diplomat among Warriors. New York, 1964, p. 253.

⁴⁴ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 126.

возможность»⁴⁵. Именно эта позиция советской стороны, благородная и интернационалистская, чуждая какому-либо духу мести, нашла свое отражение в Потсдамском соглашении.

* * *

В центре внимания конференции в Потсдаме был также вопрос о германо-польской границе. Решение по этому вопросу было достигнуто лишь в результате длительных и острых дискуссий.

В соответствии с решениями Крымской конференции советская делегация предложила в Потсдаме установить западную границу Польши по Одеру и Западной Нейсе⁴⁶.

Представители США и Англии сразу же выступили с возражениями. Они утверждали, в частности, будто не имелось конкретного мнения польского правительства по этому вопросу. Однако еще 10 июля 1945 г., за неделю до конференции в Потсдаме, американскому послу в Москве А. Гарриману было передано заявление польского правительства о западной границе Польши, причем было специально указано, что оно связано с обсуждением польского вопроса на предстоявшей конференции глав трех правительств. В этом заявлении на основе исторических, моральных, демографических и экономических факторов была показана необходимость установления западной границы Польши по Одеру и Западной Нейсе⁴⁷. Вопреки этому факту Трумэн 21 июля заявил, что о польской западной границе правительством Польши «никогда не было заявлено официально»⁴⁸.

Что касается позиции Англии, то она также была резко антипольской. В беседе с помощником государственного секретаря США Данном заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган говорил, что Великобритания «выступает против линии по Одеру—Нейсе». Она согласна на передачу Польше лишь части Восточной Пруссии, Данцига, части Померании (но не до Одера) и Верхней Силезии⁴⁹. Советской делегации удалось добиться принятия решения о приглашении в Потсдам представителей Польши. Польская делегация, возглавляемая Б. Берутом, решительно настаивала в Потсдаме на установлении западной границы Польши по Одеру и Западной Нейсе⁵⁰. Однако представители США и Англии упорно продолжали чинить препятствия решению этого вопроса. И все же в конце конференции советской делегации, сделав уступки по другому вопросу, а именно о репа-

⁴⁵ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 128.

⁴⁶ «История дипломатии», т. IV, стр. 677.

⁴⁷ «Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin. 1945», vol. I, p. 757—777.

⁴⁸ «Тегеран. Ялта. Потсдам», М., 1970, стр. 267.

⁴⁹ «Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin, 1945», vol. I, p. 781.

⁵⁰ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 305.

рациях Советскому Союзу, удалось добиться принятия ее предложений относительно германо-польской границы.

В решениях Потсдамской конференции предусматривалось: «Бывшие германские территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе и по Западной Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данциг, должны находиться под управлением польского государства, и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии»⁵¹. Был решен также вопрос о перемещении немецкого населения из отходивших к Польше районов⁵².

Все это означало, что решения о западной польской границе были окончательными, необратимыми. В последующие годы они были закреплены в договорах, заключенных Польской Народной Республикой 6 июля 1950 года с ГДР и 7 декабря 1970 г. с ФРГ.

Поначалу никто из политиков и пропагандистов Запада не подвергал какому-либо сомнению окончательный характер решений, принятых в Потсдаме по вопросу о германо-польской границе. Однако 6 сентября 1946 г. в речи Дж. Бирнса была выдвинута иная версия — о неокончателности принятого в Потсдаме решения о границе по Одере—Нейсе⁵³. Это был явный отход от Потсдамского соглашения, но в западной пропаганде, а затем и историографии дело стало представляться так, будто потсдамские решения пытались ревизовать не западные державы, а Советский Союз, выступая за незыблемость границы по Одере—Нейсе.

Тезис о неокончателном характере границы по Одере—Нейсе быстро занял прочное положение в системе западной пропаганды. Он фигурировал первым пунктом в пресловутом списке неких «советских нарушений договорных обязательств», составленном госдепартаментом США⁵⁴ в разгар «холодной войны», и был «гвоздем» первого правительственного заявления К. Аденауэра (20 октября 1949 г.)⁵⁵. Такую же роль он играл и в исторических тру-

⁵¹ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 397.

⁵² Там же, стр. 400.

⁵³ Изменение позиции Запада в этом вопросе, как признают буржуазные историографы, было связано с результатами выборов в сейм Польской Народной Республики, которые ознаменовали собой крах расчетов империализма на реставрацию в Польше довоенных реакционных порядков, на превращение ее снова в антисоветский форпост лагеря империализма. «Польская карта» была бита, и тогда на Западе было решено разыграть «немецкую» (*B. Meissner. Russland, die Westmächte und Deutschland, S. 85; см. также: В. И. Миллюкова. Дипломатия реванша. Внешняя политика ФРГ в Европе. М., 1966, стр. 199—200.*)

⁵⁴ «Department of State Bulletin», 4.IV 1948.

⁵⁵ «Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland». Bonn, 1972, S. 151—152.

дах Б. Мейсснера (ФРГ)⁵⁶, У. Ф. Дэвисона (США)⁵⁷, Й. Хакера⁵⁸ и др.

Известный в прошлом социал-демократический политик ФРГ К. Шмидт (ныне обанкротившийся) в цикле своих лекций по западноберлинскому радио, позднее изданных в виде «исторической монографии», заявлял, будто Потсдамское соглашение ничего не меняло в «правовой ситуации 1937 г.» и что «немецкие области восточнее Одера и Нейсе» (в другом месте он говорит об «областях Восточной Германии») были переданы Польше якобы лишь под «временное управление»⁵⁹.

Однако ныне такие тирады уже не котируются⁶⁰. Характерна в этом смысле та отповедь, которую дал К. Шмидту лондонский публицист Й. Брюгель (кстати, автор отнюдь не левого направления): «Потсдамское соглашение ничего не говорит о «временном управлении» и не знает никакой «Восточной Германии» или «германских областей восточнее Одера и Нейсе». Можно это одобрять или не одобрять, но речь там идет о «бывших германских территориях», и уже одно это опровергает утверждение, будто Англия и США (в Потсдаме) хотели сохранения границ 1937 г. Изображать вещи по-иному, чем они были на самом деле, притом в книге, предназначенной для просвещения, — какую это имеет цель?»⁶¹ Цель-то как раз ясна: воспрепятствовать повороту к реализму в западногерманской политике, который ознаменовался признанием международноправовых реальностей правительством Брандта—Шееля⁶².

Следует, однако, сказать, что некоторые буржуазные авторы, вынужденные в новых условиях признавать нерушимость границы по Одера—Нейсе, по-прежнему пытаются утверждать, что эта граница может получить узаконение только после истечения значительного периода времени. Подобные рассуждения буржуазных авторов имеют целью поставить знак равенства между агрессором и его жертвой, обойти вопрос о виновности фашистского

⁵⁶ *B. Meissner*. Russland, die Westmächte und Deutschland, S. 67—68.

⁵⁷ *W. Davison*. The Berlin Blocade. A Study in Cold War Policy. Princeton. 1958, p. 4.

⁵⁸ *J. Hacker*. Sowjetunion und DDR zum Potsdamer Abkommen. Köln, 1968, S. 98.

⁵⁹ *C. Schmidt*. Der Weg des deutschen Volkes seit 1945. (West)-Berlin, 1967.

⁶⁰ Нельзя не отметить большой работы, проделанной по разоблачению антипотсдамских извращений по данному вопросу историками социалистических стран, прежде всего Польши и ГДР (*Р. Гогюль, Г. Польш-Одер—Нейсе — граница мира. М., 1960; Б. Вевора. Польско-германская граница и международное право. М., 1959*).

⁶¹ «*Neue politische Literatur*», 1968, Hf. 1, S. 144.

⁶² Своеобразное сочетание несовместимых утверждений демонстрирует в недавнем издании мюнхенского института современной истории Л. Грухман. Он утверждает, что вопрос о германской восточной границе остался в Потсдаме якобы «перезрешенным», хотя он признает, что имело место признание де-факто советских акций в вопросе о польской границе. «которые и так носили уже необратимый характер» («*Deutsche Geschichte nach dem ersten Weltkrieg*», Bd. 2. Stuttgart, 1973, S. 359, 366).

германского государства за развязывание второй мировой войны. И. Брюгель приводит весьма яркий аргумент: «Если государству-агрессору при неудаче его агрессии гарантировалась бы неприкосновенность его прежней территории, то агрессивная война стала бы делом без риска»⁶³.

Потсдамское соглашение, в частности по территориальным вопросам, нарушило практику безнаказанности агрессии и тем самым создало важный прецедент, являющийся грозным предупреждением для любого империалистического агрессора.

Еще в 1956 г. появилась одна из первых в буржуазной историографии работ, в которой вопрос о границе по Одеру—Нейсе излагался в духе реализма. Автором ее была американский историк Э. Вискеманн⁶⁴. В вышедшей в 1960 г. работе американского историка Г. Фейса «Между войной и миром. Потсдамская конференция», поныне остающейся наиболее солидной в буржуазной историографии по данному вопросу, недвусмысленно говорилось, что решение о польской западной границе, принятое в Потсдаме, носило «постоянный характер»⁶⁵.

* * *

Наряду с вопросами о политике трех держав в отношении Германии на Потсдамской конференции рассматривались и некоторые проблемы, затрагивающие интересы народов ряда стран Центральной и Восточной Европы.

В своих мемуарах Г. К. Жуков справедливо отмечал, что «И. В. Сталин был крайне щепетилен в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии...»⁶⁶ Этот интернационализм советской внешней политики ярко проявился в ходе обсуждения всех соответствующих вопросов.

Стремясь обосновать попытки своего вмешательства во внутренние дела стран Центральной и Юго-Восточной Европы, руководители США и Великобритании выдвигали необоснованные претензии о якобы неблагоприятных условиях, созданных-де в этих странах для журналистов из западных держав, об «ущемленном» положении представителей США и Англии в союзных контрольных комиссиях в некоторых странах — бывших союзницах фашистской Германии и т. д. Действительность была совсем иной. В частности, в вопросе о союзных контрольных комиссиях США и Англии заботились вовсе не о достижении «равноправия».

⁶³ «Neue politische Literatur», 1972, Hf. 2, S. 278.

⁶⁴ E. Wiskemann. Germany's Eastern Neighbors. Problems relating to the Oder-Neisse Line and the Czech Frontier Regions. London—New York—Toronto, 1956.

⁶⁵ H. Feis. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, p. 278.

⁶⁶ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 685.

а о завоевании позиций, которые позволяли бы им осуществлять там свой диктат. Это признает даже такой весьма враждебно настроенный к СССР историк-международник, как П. Кальвоко-ресси: «Соединенные Штаты стремились оказать на Москву давление с тем, чтобы американский и английский представители в контрольных комиссиях для освобожденных стран получили преимущественное положение по отношению к своему русскому коллеге. А давление основывалось на расчете, что атомная бомба должна заставить русских дважды задуматься, прежде чем занять противоположную позицию»⁶⁷. Советский Союз не поддался этому «давлению», а по существу шантажу, не оставил на произвол судьбы эти страны, оказал им братскую помощь в борьбе с происками империализма и внутренней реакции. В этой связи можно отметить и провал, который потерпели попытки западных держав организовать «давление извне» на ход дискуссий в Потсдаме путем явно инспирированной и специально приуроченной к конференции активизации действий антинародных, реакционных сил в Югославии, Болгарии и Румынии⁶⁸.

Советской делегации в Потсдаме удалось предотвратить попытки вмешательства империалистических держав в дела стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в которых установились народно-демократические порядки. Более того, советская делегация добилась определенных уступок со стороны США и Англии по вопросу о политике трех держав в отношении этих государств. Еще 24 июля Трумэн в категорической форме заявлял, что США не могут восстановить отношения с правительствами этих стран, пока они «не будут организованы так, как мы считаем нужным»⁶⁹. Однако от этой позиции ему пришлось отказаться.

На конференции было признано желательным заключение мирных договоров с признанными демократическими правительствами Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии, что «сделает возможным поддержать их просьбу о принятии в члены ООН. «Три правительства, каждое в отдельности, — говорилось в решении конференции, — согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами»⁷⁰. Это решение содействовало нормализации обстановки в Европе после окончания войны.

⁶⁷ P. Calvo-coressi. World Politics since 1945. London, 1968, p. 11.

⁶⁸ Подробнее об этом см.: Л. Я. Гибианский. Потсдам и Югославия. — «Новая и новейшая история», 1970, № 4; он же. Потсдам и Юго-Восточная Европа. — «Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии». Сборник. М., 1974; он же. Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции. — «Международные отношения на Балканах». Сборник. М., 1974.

⁶⁹ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 308.

⁷⁰ «Правда», 3 августа 1945 г.

Советская делегация в Потсдаме сумела разгадать и сорвать и еще один коварный план империалистов, направленный на обеспечение условий для их экспансии в страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Ссылаясь на свой излюбленный принцип «равных возможностей», Соединенные Штаты Америки выступили в Потсдаме за неограниченную свободу навигации по внутренним водным путям, которые проходят по территории нескольких стран, в частности по Дунаю, и создание в целях регулирования этой навигации международного органа⁷¹. В мемуарах американских политиков и работах их апологетов превозносятся «миротворческий» характер планов «интернационализации» внутренних водных путей⁷². Однако даже буржуазный западногерманский историк Д. Гайер признает эту экспансионистскую сущность американского плана и справедливо замечает, что Советский Союз «мог воспринять его не иначе, как чистое издевательство»⁷³. Понятно, что советская делегация, отстаивая суверенитет и интересы придунайских стран, заняла отрицательную позицию в отношении этого предложения США. Указав, что этот вопрос не стоял в списке намеченных к обсуждению проблем и что поэтому советская делегация не подготовилась к его обсуждению, она выступила против обсуждения его на конференции⁷⁴.

В результате усилий советской делегации все решения, принятые в Потсдаме по вопросам, затрагивавшим интересы народов стран Центральной и Восточной Европы, носили справедливый, демократический характер.

* * *

В буржуазной историографии широко рассматривается вопрос об общей оценке итогов Потсдамской конференции. В разгар «холодной войны» на Западе широкое распространение получил тезис о том, что СССР одержал в Потсдаме победу, а Запад потерпел поражение, капитулировал. Случилось это, дескать, потому, что Запад тогда спасовал, проявил «слабость» перед лицом советского «диктата».

Приводилось множество соображений: некая «ослепленность антинемецким психозом» на Западе, «груз рузвельтовских идей», которые якобы полностью закрывали западным лидерам глаза на реальность, «неопытность» последних в отношениях с СССР (особенно Трумэна и Эттли), их «неподготовленность», личная «слабость», «усталость» или болезненность, отсутствие единства среди западных держав и постоянства в составе их делегаций. Особенно подчеркивается факт ухода в отставку в середине:

⁷¹ «Тегеран, Ялта, Потсдам», стр. 234.

⁷² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I. New York, 1955, p. 377; J. F. Byrnes. Speaking Frankly. New York, 1947, p. 278.

⁷³ «Osteuropa-Handbuch. Sowjetunion. Aussenpolitik 1917—1955». Köln—Wien, 1972, S. 361.

⁷⁴ «Тегеран, Ялта, Потсдам», стр. 371.

конференции У. Черчилля и его замена лидером лейбористов К. Эттли.

И совсем иное описание советской делегации: опытность, хорошая подготовленность к конференции, энергия, воля, настойчивость, умелая тактика, но прежде всего некая абсолютная «бескомпромиссность», «упрямая несговорчивость»⁷⁵.

Советская делегация в Потсдаме действительно проявляла настойчивость и последовательно отстаивала свои справедливые предложения, но обвинение ее в несговорчивости по крайней мере не соответствует действительности. В целях достижения взаимоприемлемых согласованных решений она всегда проявляла необходимую гибкость, неоднократно шла на разумные компромиссы.

В частности, хотя предложенный американской стороной план получения репараций по зонам оккупации Германии не учитывал законных интересов СССР, Советское правительство тем не менее, добиваясь согласованного решения, приняло соответствующий план Трумэна. Оно исходило из того, что американская делегация в случае принятия этого плана изъявляла готовность принять, в частности, советские предложения о западных границах Польши⁷⁶.

Интересно, что западные историки и мемуаристы порой и сами прямо или косвенно разрушают указанные легенды о характере ведения переговоров советской стороной. Вот как сопоставляет поведение каждого из трех глав делегаций непосредственный участник Потсдамской конференции американец Р. Мэрфи: «Черчилль разочаровал своих поклонников, показав плохую форму в некоторых из своих словесных дуэлей со Сталиным. Порой он приводил неверные факты и цифры, порой представлял нелогичные и неубедительные аргументы изматывающей длинноты. Президента (Трумэна) заметно нервировали речи премьера с бесконечными повторениями. Сталин, беспощадный в своей полемике с Черчиллем, был, однако, на удивление терпелив, слушая его»⁷⁷. В последние годы некоторые более объективно настроенные буржуазные авторы вступают в прямую полемику с мифами о советском «диктате». Приводя на основе анализа Ялтинской и частично Потсдамской конференций факты о готовности Советского Союза на компромиссы ради того, чтобы «не идти на разрыв с Западом» (в том числе и его согласие на схему взимания репараций по зонам), американский исследователь Д. Ш. Клеменс прописчески замечает: «О советском «упрямстве» или «обструкционизме» можно говорить только в том случае, если придерживаться гипотезы, что

⁷⁵ H. Sündermann. Potsdam 1945. Ein kritischer Bericht. Leoni am Starnberger See, 1963, S. 157; J. E. Smith. The Defence of Berlin. Baltimore, 1963, p. 60, 62, 65; W. Treue. Deutsche Geschichte. Stuttgart, 1965, S. 771; J. Wheeler-Bennet, A. Nicholls. The Semblance of Peace. The Political Settlement after the Second World War. London, 1972, p. 325, 340, 341.

⁷⁶ П. А. Николаев. Указ. соч., стр. 69—70.

⁷⁷ R. Murphy. Diplomat among Warriors. New York, 1964, p. 273.

Советский Союз обязан принимать как справедливое и лучшеелюбое предложение, отличное от советской позиции»⁷⁸. Этим хорошо схвачена суть версии о мнимом советском «диктате». При всем пиетете, с которым обычно буржуазные историки относятся к государственным деятелям своих стран, они порой вынуждены смотреть правде в глаза. «Сэр Уинстон Черчилль... пытался убедить нас, что, не будь он столь грубо отвергнут избирателями, он мог бы достичь чего-то лучшего», — пишет архиконсервативный английский историк Р. Сесил о Потсдаме. Он приводит одну из «идей» экс-премьера: «Устроить скандал под конец конференции и, если необходимо, скорее пойти на открытый разрыв, чем согласиться уступить Польше хотя бы пядь земли к западу от Одера и Восточной Нейсе»⁷⁹, — и саркастически замечает: «Это красиво звучит, но это не история».

В этой связи можно коснуться и немало обсуждавшегося на Западе вопроса о том, кто стремился «тянуть время» в Потсдаме⁸⁰. Так, английские историки Дж. Уилер-Беннет и А. Николс констатируют, что «Черчилль отнюдь не сожалел по поводу медленного развития переговоров»⁸¹.

Почему же западным державам не только не удалось продиктовать Советскому Союзу свою линию, а пришлось пойти на поиски взаимоприемлемых решений и действительно отойти от первоначальной линии? Конечно, дело не в субъективных качествах западных участников переговоров. Первостепенными и определяющими факторами были решающий вклад, который внес СССР в разгром гитлеровской Германии, рост силы и авторитета Советского Союза, того воздействия, которое он оказывал на мировое развитие. Реакционные правящие круги западных держав надеялись, что СССР выйдет из войны настолько ослабленным, что они смогут решать вопросы послевоенного мирного устройства по своему усмотрению. Однако их надежды не оправдались. Советский Союз был силен как никогда. Решение важнейших международных проблем, в том числе вопроса о послевоенном мирном устройстве в Европе, без него и против его интересов было невозможно.

Определенные ограничения на антисоветскую линию западных правительств накладывал и еще один фактор. Дело в том, что западные державы в то время остро нуждались в советской помощи в войне против Японии⁸². Роль этого фактора в разной степени, но неизменно отмечается и буржуазной историографией, хотя и не всегда с достаточной четкостью. Так, западногерман-

⁷⁸ D. S. Clemens. Yalta. New York, 1970, p. 271, 288.

⁷⁹ «International Affairs» (London), July 1970, p. 456. Как известно, конференция зафиксировала границу по Одера и Западной Нейсе, как и предлагалось советской стороной.

⁸⁰ R. Murphy, Diplomat among Warriors. New York, 1964, p. 275—276.

⁸¹ J. Wheeler-Bennet, A. Nicholls. Указ. соч., стр. 337.

⁸² «История дипломатии», т. IV, стр. 688.

ский историк А. Хилльгрубер, не давая глубокого анализа ситуации, сложившейся на тихоокеанском театре военных действий, тем не менее отмечает, что в руководстве США преобладало мнение о том, что «лишь вмешательство Советской России гарантирует быстрое окончание войны на Дальнем Востоке»⁸³.

В буржуазной историографии длительное время шел спор между теми, кто считал, что война с Японией была выиграна атомной бомбой, и теми, кто отмечал решающий характер действий Советского Союза в поражении Японии⁸⁴. Факты свидетельствуют о том, что лишь вступление СССР в войну против Японии решило вопрос о ее безоговорочной капитуляции⁸⁵.

Таким образом, Потсдамская конференция проходила в условиях, когда западные державы не в состоянии были диктовать Советскому Союзу свою волю. Совершенно несостоятельны и утверждения о советском «диктате» в Потсдаме. На конференции тремя державами были выработаны взаимоприемлемые справедливые и обоснованные решения, соответствовавшие чаяниям свободлюбивых народов.

* * *

Потсдамская конференция явилась ареной острого столкновения двух курсов в решении проблем послевоенного устройства: курса на справедливое и демократическое урегулирование, открывающее народам перспективы прогрессивного развития, курса, который воплощался в политике Советского Союза, и курса западных держав на консервацию и укрепление позиций реакционных сил. Вместе с тем конференция показала, что противоборство этих двух курсов, острая дипломатическая борьба отнюдь не исключают возможности достижения взаимоприемлемых решений. Потсдамская конференция не была началом «холодной войны», как это утверждают некоторые представители буржуазной историографии. Главы трех держав сумели в конце концов выработать общеприемлемые решения и поставили свою подпись под общим документом, вошедшим в историю как Потсдамское соглашение. Советская дипломатия строго придерживалась в Потсдаме указаний В. И. Ленина о необходимости соединить «строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы...»⁸⁶

Потсдамское соглашение создавало важные предпосылки для того, чтобы предотвратить превращение Европы в будущем в новый очаг войны, чтобы обеспечить народам европейского континента прочный и длительный мир.

⁸³ «Osteuropa-Handbuch. Sowjetunion. Aussenpolitik 1917—1955», S. 337.

⁸⁴ Б. И. Марушкин. История и политика. М., 1969, стр. 295—309.

⁸⁵ В. Л. Исраэлян, Л. П. Куцаков. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967, стр. 416—421.

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 80.

В послании в связи с 25-летием Потсдамского соглашения А. Н. Косыгин отмечал: «Основные принципы Потсдама и поныне являются фундаментом послевоенного мирного устройства в Европе. Их воплощение в жизнь в наши дни означает признание незыблемости нынешних европейских границ, политических реальностей, возникших в результате второй мировой войны и послевоенного развития, обеспечение надежной безопасности на европейском континенте»⁸⁷.

Демократический, освободительный характер войны свободлюбивых народов против фашистских агрессоров, в разгроме которых советский народ сыграл решающую роль, нашел в принятых в Потсдаме исторических решениях достойное воплощение. Эти решения прошли проверку временем и являются важным фактором мира в Европе.

---

⁸⁷ «Правда», 2 августа 1970 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая мировая война, развязанная фашистскими агрессорами, явилась величайшей трагедией для человечества. По своему размаху и напряженности, разрушительной силе и кровопролитности она не имеет себе равных в мировой истории. Продолжавшаяся в течение шести лет, эта война охватила почти все континенты земного шара, втянула в свою орбиту 61 государство с населением 1700 млн. человек, что составило около 80% всех жителей нашей планеты. Более 110 млн. человек были одеты в военную форму и поставлены под ружье. Ареной непосредственных вооруженных действий стала территория 40 государств.

В огне войны были опустошены целые страны, разрушены десятки тысяч городов, сел и деревень, безвозвратно погибли громадные материальные ценности и самое дорогое на земле — миллионы людей. Начатая фашистским рейхом тотальная война стерла разницу между фронтом и тылом. Гитлеровцы осуществляли зверские бомбежки и обстрелы мирных городов и сел, жертвами которых становились старики, женщины и дети; планомерно уничтожали гражданское население на захваченных ими территориях, осуществляя политику геноцида. Общее число погибших во второй мировой войне составило 50 млн. человек, причем больше всего — 20 млн. человек — потерял Советский Союз.

Невиданная в истории по своим масштабам военная машина, созданная усилиями германского империализма, милитаризма и фашизма, одно за другим сметала на своем пути государства Европы. В капиталистическом мире не оказалось такой страны, которая могла бы ее остановить. Покорив за кратчайший срок чуть ли не все капиталистические государства Европы и подчинив своим военным нуждам их ресурсы, сосредоточив в единый кулак чудовищную силу, фашистская Германия обрушилась на первое в мире социалистическое государство.

Началась Великая Отечественная война советского народа, ставшая решающей составной частью второй мировой войны.

В этих исключительно трудных условиях, опираясь на ленинские идеи социалистического интернационализма и патриотизма, Коммунистическая партия мобилизовала все материальные и духовные силы Советского государства на отпор фашистским за-

хватчиком, превратив его в единый боевой лагерь. В 1941—1945 гг., как и в период гражданской войны, она вновь стала сражающейся, воюющей партией, мужественно пройдя во главе советского народа через все тяжелейшие испытания военных лет. Несмотря на временные неудачи в начальный период вооруженной борьбы с фашизмом, партия сумела в ходе войны добиться коренного перелома и обеспечить полный разгром агрессоров. «Выдающийся подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны неотделим от многогранной, целеустремленной деятельности партии коммунистов, — подчеркнул в своей речи на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы советского народа над фашизмом, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Ее Центральный Комитет был тем штабом, откуда осуществлялось высшее политическое и стратегическое руководство военными действиями. Именно партия организовывала и сплачивала десятки миллионов людей, направляла их энергию, их волю и действия к одной цели — к победе»¹. Советский Союз явился той силой, которая преградила путь германскому фашизму к мировому господству, вынес основную тяжесть войны и сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии.

Советские Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии за 1941—1945 гг. уничтожили, взяли в плен и разгромили 607 вражеских дивизий, в то время как западные союзники СССР разбили в Северной Африке и Западной Европе только 176 дивизий противника. Общие потери немецких военно-воздушных сил на советско-германском фронте составили 77 тыс. самолетов — почти вдвое больше, чем на всех других фронтах второй мировой войны. Кроме того, здесь была уничтожена большая часть артиллерийских орудий фашистской Германии (167 тыс.) и танков (48 тыс.).

Победа СССР в войне наглядно продемонстрировала жизнеспособность и несокрушимость первого в мире социалистического государства. Это было торжество рожденного Октябрем нового общественного строя, социалистической экономики, идеологии марксизма-ленинизма, морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР.

В освободительной войне против фашистских агрессоров важную роль сыграли движение Сопротивления в оккупированных странах, партизанские действия, вооруженные восстания, действия народно-освободительных сил, активными руководителями и участниками которых были коммунисты, последовательные борцы за свободу и независимость народов.

Большой вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии государств антигитлеровской коалиции.

В результате разгрома фашизма на мировой арене произошли коренные изменения в соотношении сил в пользу социализма.

¹ «Тридцатилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне». Документы и материалы. М., 1975, стр. 20.

Были созданы благоприятные условия для подъема революционной борьбы рабочего класса, невиданного размаха национально-освободительного движения. Очистительная буря освобождения смела с лица земли многие реакционные режимы, привела в ряде стран к победе социализма. Образовалась мировая социалистическая система. Революции в странах Европы и Азии нанесли новый мощный удар по позициям империализма и явились крупнейшим событием в мировой истории после Октября 1917 г.

«Проводя последовательную миролюбивую политику, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют постоянную заботу об укреплении оборонного могущества социалистической Родины, воспитании советских людей в духе высокой бдительности, делают все для того, чтобы мирный труд и безопасность страны были надежно защищены. Необходимость и правильность такого курса подтверждают уроки минувшей войны»².

Залечив раны войны, советский народ самоотверженным трудом достиг «новых рубежей в создании материально-технической базы коммунизма. Могущество Родины возросло... Еще крепче стали морально-политическое единство советского общества, братская дружба всех народов нашей страны»³.

В борьбе за претворение в жизнь выдвинутых XXV съездом КПСС величественных планов труженики городов и сел проявляют неиссякаемую энергию. Беззаветная преданность коммунистическим идеалам роднит их с героями Великой Отечественной войны.

Претворяя в жизнь Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, Советский Союз добился поворота от «холодной войны» к разрядке в международных отношениях, к утверждению принципа мирного сосуществования в отношениях между государствами различных общественных систем.

В развитие Программы мира на XXV съезде КПСС была выработана программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов.

---

² «Правда», 9 февраля 1975 г.

³ *Л. И. Брежнев*. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. М., 1976, стр. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
В. Я. Сиполс СССР И ПРОБЛЕМА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (1933—1938 ГГ.)	8
А. А. Шевяков СОВЕТСКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1939 Г. И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	73
И. К. Кобляков ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРО- ВОЙ ВОЙНЫ (СЕНТЯБРЬ 1939 Г.—ИЮНЬ 1941 Г.)	135
В. А. Анфилов УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СССР В КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕ- ЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	157
Ю. В. Плотников РАЗГРОМ ОСНОВНЫХ СИЛ ГЕРМАНСКОГО ВЕРМАХТА НА ТЕРРИТОРИИ СССР (1941—1944 ГГ.)	177
А. В. Антосяк ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	229
А. М. Беликов, Г. А. Куманев, А. В. Митрофанова ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР НА СЛУЖБЕ ФРОНТУ	254
В. Т. Логин РОЛЬ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОБЕДЕ НАД ФАШИЗМОМ	285
В. Я. Сиполс, А. М. Филитов ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ЕЕ РЕШЕНИЯ — ПОБЕДА ДЕМОКРА- ТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРНОГО УСТРОЙСТВА В ЕВРОПЕ	303
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	324

**СССР в борьбе против фашистской агрессии
1933—1945**

*Утверждено к печати
Институтом истории-СССР
Академии наук СССР*

Редакторы издательства *О. И. Рахманин, Г. И. Роклова*
Художник *В. П. Покусев*
Художественный редактор *В. А. Чернецов*
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*
Корректоры *В. А. Гейшин, В. Г. Петрова*

Сдано в набор 18/XII 1975 г.
Подписано к печати 13/V 1976 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22,9.
Тираж 24600. Т-03550. Тип. зак. 849.
Цена 1 р. 64 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

